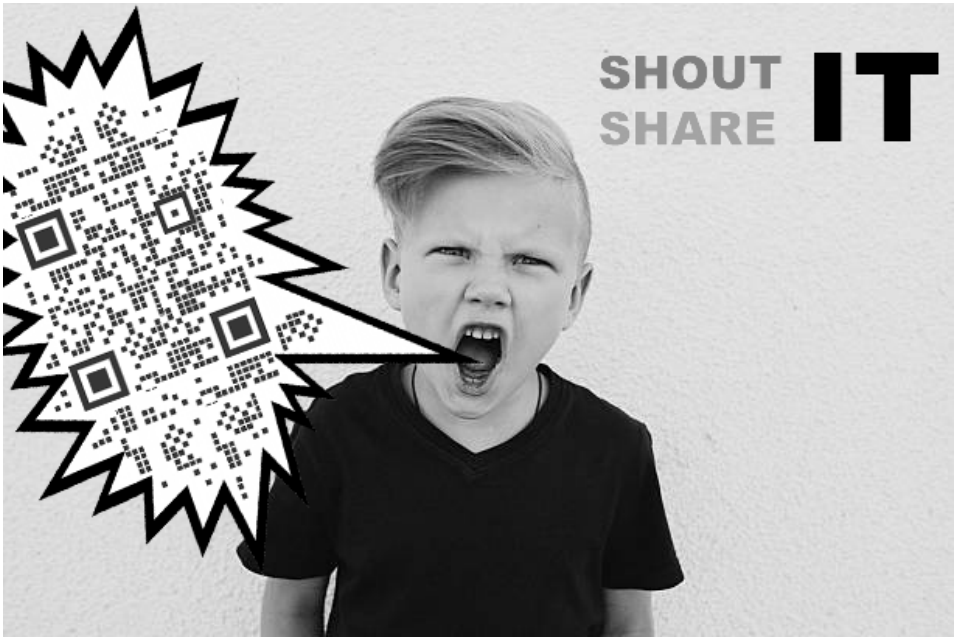
Ф. М. Бейли

Миссия в Ташкент


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга британского подполковника Фредерика Маршмана Бейли, кавалера ордена Индийской империи (C.I.E.), написанная им о его дипломатической и разведывательной миссии в советском Туркестане в Ташкенте, а также в Бухарском эмирате в период с лета 1918 года по январь 1920 год. А также его секретный отчет своему руководству об этой миссии, написанный им после возвращения из советского Туркестана.

- Фредерик Маршман Бейли
  - Предисловие переводчика
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Г лава V
  - Г лава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII
  - Г лава XIX
  - Глава XX
  - Г лава XXI
  - Глава XXII
  - Глава XXIII
  - Глава XXIV
  - Глава XXV
  - Приложение 1
  - Приложение 2
  - Приложение 3
  - Приложение 4
  - Приложение 5
  - Приложение 6

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87

- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126

Фредерик Маршман Бейли
Миссия в Ташкент

Предисловие переводчика

Нет ничего хуже, чем жить в эпоху великих перемен.

Конфуций

Предлагаемая вашему вниманию книга «Миссия в Ташкент» была написана английским военным, дипломатом и разведчиком Фредериком Маршманом Бейли. В книге он описывает свое пребывание в Ташкенте в течение приблизительно одного года — с лета 1918 по осень 1919 года. Для мировой истории, истории России, истории народов Средней Азии и истории города это

было время грандиозных, великих перемен. В этот период времени успела закончиться Первая мировая война, на просторах бывшей Российской империи разгоралась кровопролитная Гражданская война, британские войска вторглись на территорию бывшей Российской империи в районе Ашхабада, оказав вооруженную поддержку антисоветским силам в регионе и вступив в прямое столкновение с войсками Туркестанской Советской Социалистической республики — с Красной армией. Таким образом, по-видимому, впервые со времени Крымской войны, русские и английские солдаты стреляли друг в друга, в это же время в Ташкенте произошел антисоветский мятеж, целью которого являлось отстранение от власти большевиков.

Английский разведчик, находясь в Ташкенте, мог лично наблюдать все великие перемены, происходящие в столице обширнейшего региона, называвшегося тогда Туркестан. Стоит добавить, что он был не просто сторонним наблюдателем происходящего, но и активным игроком в этой многоходовой игре, шедшей на просторах южных окраин бывшей Российской империи. Советские историки, впрочем, в своих работах придавали фигуре Бейли даже гораздо большее значение, чем, по-видимому, было на самом деле, приписывая ему чуть ли не все «заслуги» в деле организации широкого антисоветского и антибольшевистского сопротивления на просторах Русского Туркестана. Однако только сейчас у русского читателя появилась возможность узнать не только ангажированное мнение советской стороны по этому вопросу, но и стороны противоположной, в данном случае мнение английского офицера, разведчика, по сути классического участника грандиозного противостояния двух великих империй своего времени — Британской и Российской, получившего в литературе название «Большая игра».

Интересно, что свою книгу Ф. М. Бейли начал писать в 1924 году, но разрешение на ее публикацию, он смог получить от Форин офис только в 1945 году. Это было связано с тем, что многие факты, приводимые в ней, были слишком болезненно ранимы для британско-советских отношений. И даже почти через тридцать лет после событий, описанных в книге, автор не приводил подлинных имен многих героев своего повествования, чтобы обезопасить их от гнева советских властей.

Впрочем, в совершенно секретном докладе,[1] написанном им для своего руководства вскоре после своего возвращения из Советской России, Бейли раскрывает подробности своего общения с руководством антибольшевистской организации русского Туркестана, и о своих попытках получить финансирование для них. Сегодня этот доклад рассекречен, и с 1970 года его может

посмотреть в Библиотеке Индийского офиса в Лондоне любой желающий. Этот доклад переведен на русский язык и включен в качестве приложения в данное издание книги Бейли «Миссия в Ташкент». Информация из этого доклада позволяет снять завесу тайны с некоторых фактов и имен, оставшихся скрытыми под псевдонимами в книге Бейли.

Впрочем, не только это делает книгу английского разведчика столь интересной. Хотя она и является одной из самых интересных книг, написанных о работе разведчика, великолепной приключенческой историей, но все-таки даже и не это, или не только это является самой привлекательной ее чертой. В этой книге, что не так уж и часто встречается в произведениях такого рода, бесспорно очень привлекательна по-человечески доброжелательная манера изложения ее автора. О каких бы людях или событиях ни писал Бейли, он не скрывает своего хорошего отношения и людям и к краю, который он описывает. И описывает это он с замечательным чисто английским юмором, делающим эту книгу вдвойне привлекательной для читателя. И возможно, именно это и будет для кого-то самым интересным в этой остросюжетной приключенческой истории.

Некоторые специфические термины в своей книге автор приводит на русском языке в транскрипции на латинице, например юрта, лепешка, шашлык, арба и т. п. Такие слова в оригинале у автора выделены курсивом, при переводе на русском языке в тексте книги они также даются курсивом.

В своей книге «Миссия в Ташкент» Ф. М. Бейли, описывает лишь короткий период своей жизни, этой весьма интересной и насыщенной приключениями биографии. Поэтому представляется, что многим читателям книги интересно узнать о личности автора немного больше.

Фредерик Маршман Бейли родился 3 февраля 1882 года в Лахоре в Британской Индии (в настоящее время это город в Пакистане) в семье британского офицера, которого тоже звали Фредерик. Свое образование Эрик, которого так звали родственники и друзья, чтобы не путать его с отцом, получил в элитных учебных заведениях Великобритании — в школе Веллингтон и военном училище Сент-Хёрст. Затем он начал свою службу в индийской армии в качестве младшего офицера. Имея прекрасные лингвистические способности, он овладел рядом азиатских языков, что позволило ему быть неоценимым членом многих исследовательских британских экспедиций в Азии. Так, например, в 1904 году он в качестве офицера, владеющего тибетским языком, побывал в запретном тибетском городе Лхаса в качестве члена экспедиции полковника Френсиса Янгхазбенда,

посланной лордом Керзоном. Позже он совершал исследовательские поездки в неизвестные европейцам районы Тибета и Китая, где он собрал уникальные коллекции птиц, бабочек и растений, в том числе из одной такой экспедиции он привез образец неизвестного ранее гималайского голубого мака, который впоследствии был назван его именем. За эти исследования накануне Первой мировой войны Бейли был награжден наивысшей наградой Британского Королевского географического общества — Золотой медалью.

Умный, образованный, настойчивый и находчивый молодой офицер был по достоинству оценен политическим руководством в правительстве британской Индии и переведен на службу в Индийский политический департамент, занимавшийся в том числе и вопросами политической разведки, являвшейся в те годы составной частью англороссийского соперничества — «Большой игры», которое получило такое образное название с легкой руки одного из ее участников — офицера британской секретной службы Артура Конноли, упоминаемого Бейли в своей книге, и введенное в широкий оборот другим известным британским писателем Редьярдом Киплингом.

В период между 1905 и 1909 годами Ф. М. Бейли занимал должность британского торгового агента в Гаянце, являвшейся прикрытием для политической разведки в южном Тибете. В 1911 году он входил в качестве офицера разведки в состав Британской военной экспедиции в северном Ассаме. В 1914 году капитан Бейли был удостоен престижнейшей медали МакГрегора, названной в честь бывшего главы разведки Индийской армии, за исследовательский вклад в дело обороны Индии.

Летом 1914 года Бейли находился в отпуске в Шотландии. За свои выдающиеся заслуги он был посвящен английским королем Георгом V в кавалеры ордена Индийской империи и прочитал лекцию в Королевском географическом обществе о своих путешествиях по Тибету и Центральной Азии. В августе 1914 года, после начала Первой мировой войны, он вернулся на военную службу и отправился во Францию с Индийским Экспедиционным корпусом, где командовал индийскими стрелками, будучи офицером, говорящим на языке урду. После осложнения, вызванного ранением в руку немецким снайпером, он был эвакуирован в госпиталь в Англию. После выздоровления Бейли был послан с частями Индийской армии — с 1-м и 5-м отрядом непальских Гуркхов в Галиополи, где он был дважды ранен в обе ноги. После чего он опять побывал в госпитале в Лондоне. После выздоровления в этот раз он был послан на службу на Северо-Западную границу Индии, где в его задачу

входило отслеживать и противодействовать попыткам турецких и немецких агентов вести антибританскую пропаганду среди местных афганских пуштунских племен. Некоторое время спустя он в качестве офицера разведки был переведен на службу в Шуштар — маленький провинциальный город как будто бы нейтральной Персии.

Здесь тоже шла война, но совершенно другого типа. Это была тайная война между британскими и германскими офицерами разведки за сердца и умы правительства Персии и ее населения. Если тогда англичане изо всех сил старались удержать Персию от вступления в войну, то немцы и их союзники турки изо всех сил пытались втянуть ее в войну против Великобритании. Они пытались убедить правительство Персии послать своих солдат в Индию под командованием немецких офицеров, чтобы освободить там мусульман от британского господства. Немецкие агенты попытались также втянуть и эмира Афганистана в подобные авантюры, рассчитывая с помощью воинственных афганских племен проложить себе дорогу, ведущую в Индию. Но если эмир Афганистана ясно давал понять, что он не собирается участвовать в подобного рода предприятиях, то в Персии проводимая немецкими агентами работа оказалась более действенной, и англичанам пришлось ввести на территорию Персии войска для охраны интересов Британского содружества, и некоторое число британских офицеров в результате такого рода действий даже было убито, ранено или похищено пронемецки настроенными племенами.

После произошедшей в феврале 1917 года революции в России, начавшегося вслед за этим разложения русской армии и особенно после захвата осенью 1917 года власти в стране большевиками, весьма эффективно прекратившими борьбу русской армии с Турцией и Германией, обстановка на восточном театре военных действий Первой мировой войны резко изменилась в пользу Германии и ее союзников.

Брешь, открывшаяся по всему восточному фронту Первой мировой войны в результате прекращения русской армией борьбы с центральными державами, теоретически позволяла германо-турецкой армии выйти на границы с Индией, тем самым угрожая интересам Великобритании с совершенно неожиданной стороны. Турки угрожали захватить жизненно важный нефтяной город Баку на Западном побережье Каспийского моря. Оттуда они могли легко переместить свои войска по Каспийскому морю в порт Красноводск на Восточном побережье Каспия, где начинала свой путь Закаспийская железная дорога (в тексте книги Бейли именуемая, как это было принято у англичан — Транскаспийская

железная дорога), идущая через пустыню к Ашхабаду, Бухаре, Самарканду и Ташкенту. Таким образом, в случае овладения противниками Великобритании этой железной дорогой, они легко могли перебросить на Восток достаточное количество войск для захвата Афганистана, а затем и Британской Индии.

Но даже в случае предотвращения взятия турецко-немецкими войсками Баку и захвата ими Красноводска и Закаспийской железной дороги, в Средней Азии существовала и другая опасность, угрожающая интересам Великобритании в Индии. Во время войны в Средней Азии в лагерях для военнопленных, расположенных вокруг Ташкента, находилось тысячи военнопленных — австрийцев и немцев. Выйдя из войны, большевики освободили их, хотя не имели возможности вернуть их домой и предоставили их самих себе. Стали циркулировать слухи, дошедшие и до политического руководства Индии, что бывшие военнопленные немецкие офицеры, находящиеся в Средней Азии, предпринимали попытки сколотить из бывших военнопленных вооруженные отряды для использования их против Британской Индии.

Среди задач, поставленных руководством перед Бейли, когда оно посылало его с миссией в Ташкент, стояли задачи выяснить намерения как немцев, так и большевиков относительно их планов в отношении Афганистана и Индии и во что бы то ни стало прекратить их экспансию в этом направлении.

Позже, когда война союзников по Антанте с Турцией и Германией на Западном фронте практически завершилась, опасность вражеского продвижения на восток вдоль Закаспийской железной дороги или через Персию в Афганистан и Индию устранилась. Однако опасность для Индии со стороны немецких и австрийских военнопленных в Туркестане сохранялась, а кроме того, появилась и усиливалась враждебность большевиков в Ташкенте по отношению к Великобритании и ее интересам в Индии.

Таким образом, к моменту, когда Бейли с двумя своими товарищами, британскими офицерами, майором Стюартом Блейкером и майором Перси Эйтертоном, готовился к путешествию в русскую Среднюю Азию, сложилась весьма непростая обстановка.

В конце концов Бейли оказался в Ташкенте один и в течение более шести месяцев он, подвергаясь смертельной опасности, хладнокровно играл в кошки-мышки с секретной полицией большевиков, носившей название ЧК.

Вполне понятно, что вести подобную игру со столь опасным противником даже такому талантливому игроку, как Бейли было

не под силу одному, без какой-либо поддержки со стороны. И такую поддержку ему оказывали, порой совершенно бескорыстно, с огромным смертельным риском для себя многие жители Ташкента. Об этом Бейли достаточно много и подробно пишет в своей книге. Большинство имен этих людей скрыто автором под псевдонимами, так как многие из них оставались в Ташкенте, и раскрытие их подлинных имен могло навлечь на них репрессии со стороны советских властей.

Для русского читателя эта сторона книги Бейли интересна и ценна особенно, так как в советских книгах тот период русской и советской истории описывался достаточно тенденциозно и однобоко, и о каком-то подпольном сопротивлении установившемуся большевистскому режиму в советский период было известно очень мало. Особенно мало известно было о таком сопротивлении в Ташкенте, где репрессии советских властей по отношению к своим противникам были очень жестокими, особенно после январских событий 1919 года, и людей, способных рассказать о периоде того времени не с точки зрения советской власти, практически просто не осталось.

Весьма интересен рассказ Бейли о своем путешествии из Ташкента в Бухару, описание нравов, царящих в бухарском обществе накануне его падения под ударами советских революционных сил под командованием М. В. Фрунзе. Очень занимательна и та часть книги Бейли, в которой он описывает свое путешествие по пустыне, которое само по себе достаточно интересно с точки зрения поведения людей в экстремальных условиях пустыни.

После своего успешного возвращения из большевистской России Бейли уехал в отпуск домой в Великобританию, где он женился на Ирме Козенс-Харди, принадлежавшей к аристократической семье. Затем он вместе с женой вернулся в Индию, где продолжил свою работу в Индийской политической службе, сначала служащим в Сиккиме, отвечавшим за Тибет и Бутан, затем в качестве резидента в Кашмире и, наконец, в качестве британского министра в Непале.

У супругов Бейли не было детей. В 1938 году он с женой вернулся в Великобританию, в Норфолк. Здесь он много занимался своей коллекцией бабочек, ставшей знаменитой, которая сейчас находится в музее в Нью-Йорке. Так же, будучи любителем собак, Бейли после своего возвращения в Европу, завез на Британские острова новую породу собак, выведенную в Тибете. Эта порода называется Лхаса Апсо, что в переводе с тибетского дословно значит «бородатая собака из Тибета». Бейли в этот период не только был активным собаководом, но и

принимал участие в выставках собак, где являлся неизменным судьей в жюри.

К началу Второй мировой войны Бейли был уже достаточно пожилым, чтобы участвовать в боевых действиях на фронте, но он помогал своими советами и рекомендациями организаторам одного из партизанских формирований Черчилля, которое планировалось использовать для войны против нацистов в случае оккупации ими Великобритании. Затем Бейли служил в качестве личного посланника короля Великобритании и, находясь в Соединенных Штатах, перевозил секретные депеши между посольствами Великобритании в Центральной Америке и Вашингтоном.

Помимо этой книги Бейли также были написаны еще две книги, в которых он описывал свои путешествия по Тибету.

Фредерик Маршман Бейли умер в апреле 1967 года в возрасте 85 лет в деревне Стиффки в графстве Норфолк. Посвященный ему некролог в газете «Таймс» предварялся заголовком ПОЛКОВНИК Ф. М. БЕЙЛИ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ.

В глазах своих соотечественников Бейли всегда выглядел, безусловно, героем, в глазах советских историков — злостным врагом советской власти.

В течение почти семидесяти лет в советских источниках он изображался неким британским супершпионом, посланным в Ташкент, чтобы свергнуть там большевистское правительство, шпионом, который снабжал контрреволюционеров деньгами, оружием, советами и поддержкой.

Следует отметить, что внимательное прочтение воспоминаний Бейли и в особенности его секретного доклада своему правительству к такому выводу не приводит. Скорее возникает впечатление о высоконравственном человеке, во всех случаях дающем оценку тем зверствам, свидетелем которых ему пришлось быть, однако дистанцированном от местной политической жизни и лишь точно исполнявшем профессиональный долг в отношении своей страны. Более того, описание общения автора как с большевиками, так и с представителями других политических течений того времени, позволяет сделать вывод об объективности его оценок их чисто человеческих качеств.

Сейчас из исторического далека многое видится иначе, и русскому читателю, в том числе воспитанному на советских учебниках истории, будет, безусловно, интересна эта совершенно необычная книга. Это рассказ очевидца трагических страниц русской истории, находившегося в лагере противников

большевиков, но при этом остающегося отстраненным от участия в политической борьбе и сохранившего холодный ум и способность к непредвзятому анализу увиденного.

По вполне понятным причинам других подобных очевидцев литература на русском языке знает немного. Так же понятно, почему эта книга была практически неизвестна читателям, жившим в Советском Союзе. Возможно, по этим причинам для русскоязычного читателя эта книга сейчас даже более интересна, чем для современного англоязычного читателя.

Анатолий Михайлов

Глава I
Из персии в Кашгар

Моей жене.

Однажды, в марте 1918 года, находясь в Шуштаре, в провинции Араби стан в Южной Персии, я получил удивительную телеграмму нахожусь ли я в добром здравии, чтобы предпринять долгое и опасное путешествие? Я ответил утвердительно. Затем меня спросили готов ли я отправиться в Кашгар, в Китайский Туркестан, предварительно побывав в Индии, чтобы получить точные распоряжения относительно того, что я должен буду делать?

Я был чрезвычайно рад покинуть Шуштар. Я принял должность от своего предшественника, ставшего объектом кровной мести, и три убийцы за несколько дней до того прибыли в город, чтобы подготовить покушение на меня. Узкие улицы города делали совершение такого убийства чрезвычайно удобным делом. Я был единственным европейцем в этом месте. Здесь было только три других человека, говорящих по-английски первый — мистер Мустафи — персидский вице-губернатор, второй — мой персидский клерк, третий — армянин телеграфист. К последнему я испытывал некоторую симпатию. Он и его семья подвергались турецким гонениям, и его единственным желанием было убивать турок. Когда он спасся и присоединился к нам, он рассказал, что будет помогать в убиении как можно большего числа турок, совершенствуясь в своей профессии телеграфиста. В конце концов, он оказался в Арабистане, где за много миль от этого места не было вообще ни одного турка. Персидский губернатор Викар-ул-Мулка был замечательный человек. Он немного говорил по-французски, и мы стали вскоре большими друзьями.

Я добрался на машине по реке до Басры, где передал свои обязанности капитану Фрэйзеру. Вместе с другими своими делами я передал ему и мою кровную месть. В конце концов убийцы, уставшие от своей охоты, отказались от своей затеи в обмен на гарантии их жизней и отбытие срока тюремного заключения. Я подобрал пароход до Карачи, откуда я добрался до Дели и Симла и, получив детальные инструкции, подготовился к своему долгому путешествию. Я, конечно, не предполагал, что оно займет у меня двадцать один месяц и пройдет из Кашмира через Китай и Русский Туркестан в Персию и закончится на Белуджистанской границе, прежде чем я вернусь в Дели. Я

прибыл в Китайский Туркестан в дежурную миссию. Она состояла из двух офицеров, майора П. Т. Этертона, совершившего несколькими годами ранее замечательное путешествие через Памир до Сибирской железной дороги, и майора Блекера, который в 1914 году путешествовал из Индии в Кашгар и оттуда до российской железной дороги и далее в Англию. У нас была также небольшая группа проводников, состоящая из джамадара[2] и младшего гражданского министерского служащего во главе с Абдул Рахимом Шахзода[3] последнего бека[4] Коканда. Он являлся родственником правителя одного из Среднеазиатских ханств, свергнутого русскими и поселившегося недалеко от Пешавара. У меня были некоторые сомнения в том, надо ли брать с собой Шахзода, так как боялся могущих возникнуть осложнений из-за его династических связей в Ферганской области — названном так русскими в бывшем Кокандском ханстве; однако трудности поиска подходящей кандидатуры со знанием тюркского языка на замену были непреодолимыми. Я произвел впечатление на него важностью поддержания в тайне его происхождения, но без успеха для дела, так как вскоре после нашего прибытия в Кашгар он часто представлялся как «шахзода сахиб», то есть «господин принц». В конце концов, поэтому я не взял его с собой в Россию, а заменил его Хан Сахиб Ифтекар Ахмадом — старшим клерком Генерального консула Кашгара, которым сэр Джордж Макартни произвел замену в моей диспозиции. Хан Сахиб был квалифицированный, надежный и полезный человек, хорошо разбирающийся в местных делах и говорящий свободно по-тюркски. Его языковые способности в конечном счете и дали ему возможность выбраться, замаскировавшись, из Русского Туркестана без больших трудностей.

После получения мною инструкций в Симле мы проследовали в Кашмир. На нашем пути через Равалпинди мы остановились вместе с 39 батальоном Королевских Гархвалских стрелков, и я был рад найти здесь старого друга — тибетца по имени Гонгкар, служащего лейтенантом. Когда во время службы я путешествовал по Тибету, то однажды встретился с отцом Гонгкара в юго-восточной части страны, а его самого видел еще мальчишкой в Англии. Он получил образование в Рэгби. К сожалению, он умер вскоре после своего возвращения в свою собственную страну.

Апрель 1918 года застал нашу партию в Сринагаре за подготовкой к путешествию через снега в Гилгит и Памир. Нам было рекомендовано сохранять секретность относительно цели нашего путешествия, однако в Сринагаре выполнять эту рекомендацию было невозможно, так как оснащалась большая

группа для перехода в то время года, когда даже обычная маленькая группа охотников вызывала бы к себе повышенное внимание. Возможно, я тогда не понимал, как уклоняться от наивных вопросов. Один местный житель спросил меня как-то, сколько кули[5] мы берем с собой, и когда я ответил «около ста шестидесяти», он промолчал бесстрастно, а несколькими годами позже он сказал мне, что сразу понял, что это должно быть совершенно секретное дело.

Мы покинули Сринагар 22 апреля 1918 года на повозках, оборудованных крытыми каютами, и обычным путем проследовали в Гилгит. Чтобы избежать трудностей размещения в дороге, мы путешествовали тремя группами, каждая под командованием офицера. Я надел свои лыжи и немного попрактиковался в лыжной ходьбе на снежных склонах перевала Трегбол, и на следующий день преодолевал по пять миль за переход. Бурзил был занесен глубоким снегом, и мы задержались здесь вследствие снежной бури. Днем, 2 мая, я преодолел перевал, мы вышли ночью в час пятнадцать, чтобы воспользоваться тем, что снег хорошо промерз. После восхода солнца, когда поверхность снега стала мягче, я надел свои лыжи и отправился в восхитительный лыжный поход в Бурзил Човки, прибыв туда на пять часов раньше остальных.

Необходимо немного рассказать о нашем путешествии в течение пяти последующих дней. Мы выступали обычно в пять или шесть часов. В девять или десять часов мы останавливались на завтрак и отдых, обычно в каком-нибудь красивом орошаемом оазисе под тутовым деревом или каким-нибудь другим фруктовым деревом на полянах, покрытых дикими ирисами. Дневной переход мы обычно заканчивали днем в час или два пополудню. Жара в узких каменистых индусских равнинах, дающих маленькую тень, была изнуряющей. И эти равнины сильно контрастировали с необыкновенно приятными, покрытыми зеленью равнинами, к которым мы спустились. Мы прибыли в Гилгит 8 мая 1918 года. Здесь мы простояли день или два с подполковником С. А. Смитом, чиновником Индийского политического агентства.[6] Мы играли в местную Гильгитскую разновидность поло, я думаю, с тех пор я ни разу не играл в нее, пока пятьдесят лет спустя, будучи резидентом в Кашмире, не прилетел самолетом за час и три четверти в Гилгит из Рисалпура вместо 17-дневного путешествия в 1918 году.

Одной из причин нашего беспокойства и трудностей был вопрос связи. Телеграфная линия заканчивалась в Гил гите. Далее до Хунзы тянулась телефонная линия длиной от шестидесяти до семидесяти миль. Но передача шифротелеграмм по этой линии

было не самым легким и результативным делом. Между Хунзой и Кашгаром существовала только связь нарочными и передача сообщения занимала десять или двенадцать дней. Была телеграфная линия из Кашгара в Китай. Телеграммы из Симлы по этому пути шли одиннадцать дней и с трудом поддавались расшифровке. Поэтому мы взяли с собой почтовых голубей и мотоцикл. Наша идея состояла в том, чтобы использовать для связи мотоцикл на отдельных плоских участках в Туркестане или на Памире там, где это было бы возможно, а почтовых голубей на остальных участках. Эксперимент не удался. Голуби в основном пошли на прокорм прекрасных соколов долины Хунзы, а мотоцикл также оказался непрактичным, хотя Блейкер преодолел бензиновый дефицит, заменив бензин спиртом, который в Кашгаре перегоняли индусы, чтобы делать водку для русских. По-настоящему полезным усовершенствованием было продление телеграфной линии до Мисгара — самого высокогорного поселка в долине Хунзы. Это сократило время передачи сообщений до приемлемых величин, особенно когда требовался ответ из Индии.

В Минапине нас встретил Его высочество Сикандер Хан, эмир Нагара, который пообедал с нами, и на следующий день мы вступили на территорию эмира Хунзы. Его высочество встретил нас вместе со своим сыном — нынешним эмиром по имени Газан Хан. Наша дорога в течение нескольких следующих дней пролегала по крутым землям Хунзы. В целом дорога от Гилгита до китайской границы была мало приятной, и ее вполне можно рассматривать как своего рода рубеж обороны этого участка индийской границы. Эта дорога часто многими описывалась, и, думаю, фотографии лучше смогут передать впечатление о ней, чем долгие описания. Однажды мы должны были пересечь ледник, который оказался у нас прямо на дороге, а совсем недалеко от этого места была такая теплая погода, что мы даже не стали ставить палатки, а остались ночевать на открытом воздухе. Ледники очень изменчивы, и я уверен, что ледник Пазу, который мы смогли пересечь не без трудностей и опасностей, отступил сейчас, и дорога проходит ниже его языка. Так как мы поднимались по долине, то воздух становился холоднее. Это влияло на флору и фауну я увидел нескольких горных козлов и даже подстрелил великолепного размера трофей. Я также подстрелил несколько уларов — горных индеек (Tetraogalluse himalayanus). Когда мы достигли перевала Минтака, мы получили известия, что какой-то немец в сопровождении индуса находится в четырех днях пути от нас по направлению к западу в Афганистане.

Мы взяли с собой еду на всю нашу группу, но не на местных

носильщиков из Гилгита. Они занимались подготовкой к походу сами, и им на это были выданы деньги, чтобы они могли купить себе еды на дорогу по своему усмотрению. Когда оставалось два или три дня пути до китайской границы, то носильщики-кули стали проявлять беспокойство. Оказалось, что у них заканчивалась еда. Это, конечно, была их собственная ошибка, и я стал склоняться к пересмотру установленного раздельного рациона для сипаев и других членов экспедиции.

Однако ситуация стала становиться серьезной, и в Бойхиле некто Захери — стихийный вожак забастовщиков — обнажился догола, улегся и отказался двигаться дальше в знак протеста. Невозможно было силой заставить голодных людей двигаться по этой крутой и холодной местности, и, в конце концов, я выделил им часть продуктов из нашей провизии, переживая за дело. Но после перехода границы на перевале на китайской стороне нас ожидал подарок от китайцев в виде запаса еды, который облегчил ситуацию. 22 мая мы пересекли перевал Минтака в наивысшей точке долины, по которой мы путешествовали с тех пор, как покинули Гилгит. Наивысшая точка на перевале была 15450 футов (5100 метров). На перевале я подстрелил каменку[7] (Oenanthe deserti oreophila).

После перехода через перевал мы распрощались с нашими носильщиками из Хунзы и стали использовать в качестве транспорта яков, но я задержал с нами на несколько дней Захерию в качестве наказания. Он стал вполне мирным, и исполнительным, и полезным членом нашей экспедиции, и я расстался с ним с сожалением позже в Кашгаре.

При нашем спуске к Памиру мы были встречены почетной гвардией китайских солдат и гилгитскими разведчиками. Невозможно было избавиться от сравнения полученных впечатлений от небрежного вида появившихся китайцев и вслед за ними щегольски одетых гильгитцев — самых иррегулярных из всех иррегулярных наших частей, проходящих сборы только два месяца в году.

Что делали эти гильгитские разведчики на китайской территории? Когда вспыхнула война, то в Шанхае и других частях Восточного Китая было много немцев, австрийцев и турок. Они были лишены возможности вернуться в Европу по суше через Россию и морем через Японию. Оставался только один путь — трудное путешествие прямо через всю Азию в Кашгар и затем через перевал Вахжир в Афганистан. Это был единственный путь, ведущий из Китая в Афганистан, не проходящий через территорию России или Индии. В Афганистане, который сохранял нейтралитет, они надеялись на дружелюбный прием.

Достаточно было бегло взглянуть на карту, чтобы понять, что это было за предприятие и оценить затраты энергии и чувство долга тех, кто его предпринимал.

В начале 1916 года маленькие группы, состоящие из двух или трех человек каждая, начали прибывать из Китая в Хотан. Они все имели паспорта, выданные норвежским консулом, но не имели визовых отметок каких-либо китайских властей. Об их прибытии в Хотан в Кашгар сообщили британские аксакалы (так называемые «белобородые» — лидеры небольших общин индийско-британских торговцев в Туркестане). Сэр Джордж Макартни настойчиво требовал от китайских властей возвращения назад этих путешественников из-за отсутствия у них правильной визы. Власти выполнили это требование в одном или двух случаях, но затем местные китайские офицеры, как оказалось, склонились к тому, чтобы разрешать этим путешественникам проходить далее беспрепятственно.

Однажды пришло сообщение о прибытии двух норвежцев Андерсена и Фредериксена. Они, по их словам, возвращались в Норвегию и ждали встречи с британским консулом в Кашгаре. Впоследствии выяснилось, что они не следовали прямой дорогой в Кашгар, а уклонились в юго-западном направлении. Сэр Джордж телеграфировал в Пекин, чтобы проверить их норвежские паспорта, и когда никаких следов происхождения их документов не было найдено, отдал приказ задержать их небольшим отрядом гилгитских разведчиков.

Сержант наших гвардейцев был человеком, который на самом деле был достойным руководителем отряда. Он не мог их, конечно, арестовать на нейтральной китайской территории. Замаскировавшись под местного жителя, он встретил предполагаемых норвежцев в Китайском Туркестане за много дней пути до границы. Он подружился с ними, и когда они сказали ему, что направляются в Афганистан, он им сказал, что он также направляется туда и знает дорогу. Так он присоединился к ним, и был с радостью принят как полезный попутчик и проводник. Через несколько дней они спросили его, почему они не продвинулись дальше в юго-западном направлении; он развеял их подозрения, но вместо того, чтобы вести их прямо в Афганистан, привел их на перевал Минтака, где их встретили заранее подготовленные гилгитские разведчики. В момент, когда немцы оказались на английской стороне по другую сторону от пограничного столба, сержант сказал им, кем он на самом деле является, и, пригрозив им своим револьвером, арестовал их. В результате они были интернированы в Индию до конца войны. Один из этих людей по имени Данкельман в

действительности был секретарем немецкой дипломатической миссии в Пекине. Он хорошо говорил по-китайски и имел с собой одну тысячу фунтов стерлингов золотых соверенов.

Было все труднее и труднее контролировать эти маленькие группы наших врагов. Мы имели право держать небольшие группы солдат на китайском Памире, хотя мы не использовали это право в полную меру. Русские также имели такие права и также использовали их, разместив на китайском Памире подразделения казаков, которых мы потом встретили в Ташкургане. Сэр Джордж постоянно настаивал на присутствии этой небольшой гвардии гильгитских разведчиков на китайской стороне границы для противодействия таким вражеским поползновениям.

За перевалом мы увидели первые юрты, каркасные (без применения шестов и растяжек) центральноазиатские палатки. Мы спали в них во время нашего путешествия по Памиру. Они более крепкие, вместительные и теплые, чем наши обычные палатки. Персоязычные жители этих мест называли их «Кирга», а киргизы называли «ак-ой». Русское слово кибитка, как я потом понял, применяется для обозначения не только этих палаток, но и для обозначения любых маленьких туземных домиков. Однажды я путешествовал по Тибету с Таши Ламой, у которого была такая юрта, снаружи целиком покрытая леопардовыми шкурами вместо войлока. Внутри она была облицована шелком и обвешана священными картинами, великолепными круглыми коврами, специально соответствующими юрте и покрытыми цветами; самая роскошная юрта, какую только можно было бы себе представить.

Мы очень хотели увидеть и, если получится, подстрелить Ovis Poli, гигантских памирских овец Марко Поло. Мы видели много самок, но ни одного барана подходящего размера. Было много голубей (Columba rupestris türkestanica), которые разнообразили наше меню, и я подстрелил тибетскую песчаную куропатку (Syrrhapte stibetanuse) — новый ареал для этой птицы. Два или три дня спустя я подстрелил кеклика — азиатскую каменную куропатку (Alec tor is graeca) — разновидность французской серой куропатки. Я собрал небольшую коллекцию гигантских размеров бабочек, названия которых привожу в приложении.

27 мая мы прибыли в Ташкурган. Здесь был китайский офицер, носящий титул амбан,[8] человек, как мне показалось, слишком молодой, чтобы занимать пост с таким титулом. Ранее мне приходилось сталкиваться с чиновником в ранге амбана в Лхасе в 1904 году, человеком неизмеримо более высокого ранга и важности, чем командир этого маленького пограничного поста. Было здесь также подразделение казаков под командованием

капитана Вилгорского. Подразделение было антибольшевистским, но капитан не был уверен в том, что оно долго будет оставаться таким. Впоследствии для бедного Вилгорского наступили очень плохие времена, и пятнадцать лет спустя он прибыл в качестве беженца в Сринагар в Кашмире, где я его встретил.

Наши люди устроили для казаков обед, в ответ были приглашены на увеселительный ужин, таким образом, наше времяпрепровождение в Ташкургане, включая обед с китайскими офицерами, прошло сравнительно живо. В Ташкургане я взял фотографию маленькой девочки — дочери дружественного нам бека. Несколько месяцев спустя я вынужден был послать секретного курьера с сообщением из Ташкента и для подтверждения подлинности курьера я дал ему копию фотографии, которую он показал отцу девочки с информацией, что послан человеком, который взял эту фотографию. Это убедило бека, что сообщение пришло от меня, и оно надлежащим образом было передано дальше.

Китайский амбан попросил меня подождать в Ташкургане несколько дней, пока он сообщит о моем прибытии своему руководству! Я сказал ему, что это невозможно, и мы выехали дружно в срок 29 мая, сопровождаемые эскортом из четырех китайских солдат. У меня были китайские эскорты такого рода и раньше, и я знал, как они бывают полезны, не по причине охраны, а по причине аккуратности и исполнительности и возможности использования их рук для выполнения полезной работы. Капитан Вилгурский с дюжиной казаков сопровождал нас пару миль. Я купил пони и казацкое седло с ним. Я нашел это седло удобным после того, как использовал его для разного типа поездок.

30 мая мы перешли перевал Чичиклик (около 13 тыс. футов[9]). У нас возникли значительные трудности с нашими транспортными животными, обусловленные скудными условиями. На следующий день, как мы смогли понять, мы оказались уже значительно ниже, о чем свидетельствовали появившиеся птицы — золотые иволги, оляпки, сороки и т. д. и растительность, включая папоротники адиантум. Результат вычислений, произведенный на основании измеренной температуры кипения воды, показал, что наш лагерь в Тойл Булунге 31 мая находился на высоте 9520 футов[10] над уровнем моря. Население Памира — Сарыколи, говорили по персидски; с этой стороны перевала мы были среди киргизов, говорящих только по тюркски. 1 июня мы перешли еще один перевал Торт Даван (12800 футов[11]), на котором я собрал коллекцию горных зябликов (.Montifriingilla brandti brandti); этой же ночью выпал

небольшой снег. На следующий день мы преодолели крутой перевал Кашка-Су (12650 футов[12]). По дороге нам попадались бараньи кеклики, кеклики (Alectoris graeca pallida), рогатые жаворонки, зяблики, и я заполучил в свою коллекцию еще образец другого горного зяблика (M Nemoricola altaica); розового зяблика (Carpodacus rubicilla severtzovi), птицы, распространенной в Тибете, где я часто находил ее гнезда; овсянки (Emberiza icterica); рогатого жаворонка (Otocorys alpestris diluta) и сороки {Pica pica hemileucoptera), гнездо которой с пятью яйцами я нашел 4 июня. По дороге нам также встречались сурки. Среди бабочек был замечательный образец бабочки — ласточкин хвост, похожий на наш аналогичный английский, но значительно больший по размеру. По мере того как мы опускались ниже, становилось все жарче, что создавало определенный дискомфорт, и большие стада овец перегонялись на высокогорные пастбища.

5 июня мы должны были достигнуть города Янги Гиссар, где китайцы приготовили нам официальную встречу. Это требовало пунктуальности, а наши часы не сверялись с эталоном с момента их корректировки по телефону из Хунзы за три недели до того. У меня появилась идея мы знали из карты долготу Янги Гиссара, и поэтому не трудно было вычислить, пользуясь Навигационным альманахом, время, когда одна из навигационных звезд пересечет меридиан. Поэтому мы с помощью грузиков натянули две струны, одна из которых была направлена на север. Я решил, что когда выбранная нами навигационная звезда пересечет линию, образованную струнами, мы будем знать, что она пересекает меридиан, и тогда простейшие вычисления позволят нам скорректировать наши наручные часы. Но как раз, когда мы выступали следующим утром, прибыл посланец от сэра Джорджа Макартни с часами! Это позволило нам не только узнать, как точны были наши вычисления, но также и оценить большой опыт сэра Джорджа в подобного рода делах, подведший его к мысли о наших возможных проблемах со временем и определением своего местоположения, с которыми мы все-таки смогли справиться, благодаря предусмотрительности одного из нас.

В Янги Гиссаре нас ждал великолепный прием, где нас приветствовали китайские солдаты с флагами и трубачами, которые играли для нас вдоль разукрашенных флагами улиц. Вся процессия подняла чудовищную завесу пыли, в которой мы чуть было не задохнулись. Позднее нас встретили китайские офицеры, и послеобеденное время прошло в приемах и ответных визитах. С этого момента и в течение последующих двух дней наш путь в Кашгар состоял из непрерывной последовательности таких церемоний, включая множество чаянс, то есть чаепитий и

небольших закусок во время короткого отдыха. Это стало становиться утомительным, когда мы однажды обнаружили приглашения от гражданского служащего, от офицера, от британских представительств, от русских представительств и др. По этой причине наш настоящий приезд в Кашгар растянулся до 7 июня, куда мы прибыли через шесть недель после нашего выхода из Сринагара. Нас встретил сэр Джордж Макартни, и мы проехали по раскаленным улочкам города, который был разукрашен флагами в нашу честь. Мы прибыли в консульство после обеда, и наше долгое путешествие завершилось. Следующий день или два мы провели, обмениваясь визитами с китайскими и русскими офицерами.

Хотя русская революция была в полном разгаре уже несколько месяцев, русские в Кашгаре оставались еще приверженцами старого режима. В наших контактах с русскими трудность состояла в языке. Только действующий генеральный консул мистер Стефанович говорил по-английски, а его очаровательная супруга по-французски. На больших обедах я обычно находил кого-нибудь говорящего по-персидски. После обеда мы включали граммофон и танцевали русские танцы или играли понемногу в азартную карточную игру, так называемую Девятку, на обесценивающуюся русскую валюту. В этих случаях дамы играли в Девятый вал, по общему мнению, более спокойную и менее азартную игру.

Однажды мы давали большой обед для иностранных землячеств. Было свыше тридцати приглашенных. В это время в Кашгаре из крепких напитков можно было найти только спирт из кукурузы, перегнанный индусскими торговцами. Он был очень крепкий и неразбавленный. Небольшое количество других вин, привезенных нами из Индии, на этой вечеринке нигде не обнаружилось. Мой сосед задал мне вопрос по-русски, который я не понял, но его мне перевели. «Я слышал, что у вас в стране есть особый напиток, называемый «виски»! Мечта всей моей жизни состоит в том, чтобы попробовать его!» В какой-то момент я послал за бутылкой и сказал моему собеседнику, что мы смешиваем его с водой. Мне показалось, что это шокировало его. Мой собеседник сказал, что он никогда не разводит водой свои напитки. Он налил хорошенький полный стакан чистого напитка и выпил его, и после чего обратился ко мне с каким-то своим замечанием. «Что он сказал?» — спросил я. «Он сказал, что это самая восхитительная вещь, которую он когда-либо пробовал». Затем наша беседа перешла на более жизненные и личные темы. Женаты ли британские офицеры? Нет, не женаты? «Тогда, как вы думаете, не женится ли кто-нибудь из них на моей дочери? Вон

она на другом конце стола. Ей восемнадцать».

У нас также была встреча с китайскими руководителями страны. Однажды мы все днем поехали на обед к генералу Ма, бывшим Ти Таем (военным правителем) Кашгара. Он был дунганином — китайским мусульманином, ужасным тираном непонятного происхождения и достаточно невежественным.

Когда в 1911 году разразилась китайская революция, амбаны и другие китайские официальные лица в Туркестане были убиты. Губернатор в Урумчи оказался в смертельной опасности, но был спасен этим человеком, который был потом главой дунган в Урумчи, организовавшим отряды самообороны из дунганских солдат для охраны губернатора. В качестве награды губернатор сделал его Ти Таем Кашгара. Здесь он позволял себе вымогательства и принудительные займы у торговцев в паре с нанесением увечий и зверствами, которые слишком ужасны, чтобы их описывать. Гражданские чиновники были затерроризированы им и ничего не могли делать без его разрешения. Генерал Ма чествовал нас за обедом, будучи одетым по всей форме, а на левой и правой груди у него были надеты большие звезды. Во время обеда он открутил переднюю часть одной из них и показал мне фотографию Ян Ши Кай — президента Китайской республики. Во время нашей беседы я спросил его, открывается ли аналогичным образом и другая звезда? «Да», — ответил он «Я вставил туда мою собственную фотографию».

В 1924 году губернатор Синканга (Китайский Туркестан) послал солдат, чтобы покончить с этим тираном. С помощью искусного маневрирования двумя колоннами, движения одной из которых держалось в тайне, Новый город, в котором обитал Ма, был неожиданно захвачен на рассвете. Генерал был ранен, схвачен на следующий день и публично расстрелян; а его тело было привязано к некому подобию креста, и довольная толпа вымещала затем свою месть на трупе генерала.

Зимой в Кашгаре можно было довольно успешно заниматься спортом, но в июле такой отдых был невозможен. В качестве физических упражнений и для удовольствия мы начали заниматься мягким вариантом поло, а я также собрал небольшую коллекцию бабочек и птиц. Однажды где-то в конце июня во время верховой прогулки за городом я наткнулся на высокий тополь, на котором я обнаружил несколько чеглочьих гнезд. Я подумал, что я мог бы выдрессировать этих прекрасных маленьких ястребов — их длинные крылья почти как у ласточки, хотя я знал, что их не рассматривают в качестве птиц, подходящих для соколиной охоты. Я взял четырех птенцов — по

одному из каждого гнезда, и держал их в течение недели, пока я находился в Кашгаре. Когда они оперились, они стали совсем ручными. Они жили на высоких деревьях в саду консульства и слетали ко мне на руки, чтобы покормиться. Позднее они стали более осторожными и менее склонными к кормлению с рук, а я обнаружил катышки помета под деревьями, где они гнездились, вперемешку с крылышками жуков, и увидел поздним вечером этих птиц, охотящихся на лету за насекомыми.

Другие птицы, собранные в коллекцию в Кашгаре, включали двух голубей, Steptopelia decacto stoliczkae, и S. Turtur arenicola — внешне напоминающих наших черепашьих голубей; скалистого голубя (Colomba livia neglecta), экземпляр которого я получил в Хунзе; трясогузку (Motacilla albapersonata); большого жаворонка (Galerida cristata magna); галстучника (Charadrius dubia curonicus); крачку (Sterna hirundo tibetand), ловившую рыбу в речке в Кашгаре. Как можно было ожидать — это морская птица, но она везде распространена в Центральной Азии и водится в Тибете и Кашмире. Черная ворона (Corvus corone intermedius) и скворец (Sturnus vulgaris porphynotus) также распространены везде.

В Кашгаре и окрестностях выпадает около одного дюйма осадков (25 мм) в год. В таких засушливых краях, как этот, не очень приятно, когда идет дождь. Открывается множество всякого рода нежелательных для глаза вещей и запахов. Вода, как правило, стоит, и дороги в Кашгаре становятся такими скользкими, что становятся почти непроходимыми. Однажды ночью после ужина в гостях мы были застигнуты таким дождем; двигаться верхом в темноте по такой жиже не было никакой возможности, и наши хозяева оставили нас у себя на ночь.

Однажды сэр Джордж был удивлен получением обычным образом по почте письма от мистера Тредуэла — недавно назначенного генерального консула США в Ташкенте, который желал установить контакт с близлежащими представительствами. Позднее Тредуэл и я работали в теснейшем контакте.

Глава II
Из Кашгара в Ташкент

Положение в Русском Туркестане было непонятным. Мы знали, что большевики всё контролируют, но никто точно не знал, что собой представляют большевики, и какие у них намерения и цели. Казалось, будет полезным прийти и посмотреть на них, чтобы понять, что это за сорт людей, и попытаться убедить их продолжать войну против Германии или, по крайне мере, не помогать Центральным державам в войне против нас.

Представлялось, что лучше всего это было бы сделать, проконсультировавшись с самими русскими. Поэтому 24 июля Блейкер и я покинули Кашгар, направляясь в Ташкент — столицу русского Туркестана. Нам составили компанию мистер Стефанович с женой, которая весьма разумно взяла на себя заботы о питании во время путешествия. Мистер Стефанович собирался совершить закупки в Ташкенте, а также посетить дантиста.

Из Кашгара в Индию ведут две дороги, длинная через Лех, занимает тридцать восемь дней пути, а короткая через Гилгит, по которой мы сами и прошли, двадцать шесть дней. Письмо, отправленное нарочным, добиралось около восемнадцати дней до железной дороги в Равалпинди в Пенджабе. Россия была много ближе, однако двенадцатидневное путешествие по высоким горам, а затем двухдневное путешествие по железной дороге, для достижения торговых центров, внушало мысль об удаленности Кашгара. Мы надеялись, что Стефанович сможет помочь нам при нашем прибытии в Ташкент. Но этот план не сработал по причинам некоторых появившихся обстоятельств. Дело было в том, что в Кашгаре очень мало знали об истинном положении дел в Ташкенте, и все анализы политической ситуации основывались на исключительно предвзятых мнениях одних или других.

Этертон не ехал с нами, так как он был назначен генеральным консулом вместо сэра Джорджа Макартни, который возвращался домой.

У нас состоялись большие проводы в форме обычного чаянса, который в этом случае превышал стандартный, и который по этой причине мог бы быть назван банкетом. Он был устроен в двух милях от Кашгара русским сообществом и продолжался до пяти вечера, и по этой причине мы не добрались до конца нашего маршрута до десяти тридцати. Однако нам светила полная луна,

и часть пути мы путешествовали на рессорах «Мапа» сэра Джорджа. Это была обычная китайская рессорная повозка, к которой были добавлены рессоры для большой комфортабельности.

Блэкер первый день путешествовал на мотоцикле, проехав двадцать семь миль до Мингиола за три с половиной часа. Мотоцикл и повозка «Мапа» были в нашем распоряжении только первые два с половиной дня нашего путешествия. Затем дорога стала более ухабистой, и мы отослали их назад в Кашгар еще до перехода через первый перевал Кызыл Дэван, имеющий высоту 8350 футов[13] над уровнем моря.

После того как мы покинули Кашгар, мы пересекли участок пустыни, на котором паслись очень осторожные газели; потом мы попали в очень красивые зеленые Алайские горы, населенные гостеприимными киргизами, чьи юрты можно было видеть в долинах. Они приносили нам шарики курда[14] и кумыс. Последний представляет собой слегка пьянящий напиток, приготовленный из сброженного кобыльего молока, мне кажется, по вкусу напоминающий чанг — тибетское ячменное пиво. Кумыс упоминался еще Марко Поло.

В некоторых местах киргизы огородили участки и устроили на этих полях орошение. На них они выращивали люцерну вперемешку с травой — первые начинания оседлой почвообработки кочевниками скотоводами. Они не выращивали пищевые культуры, а только огородили пастбища для своих животных. Эти поля привлекали внимание огромного количества бабочек, многие из которых были родственны нашим британским видам.

Однажды около Шорбулака мы проходили через мраморное ущелье, такое узкое, что груженые верблюды с усилием проходили через него, и так получалось, что их тюки с хлопком полировали стенки ущелья. За прошедшие столетия транспортные потоки великолепно отполировали мрамор.

Через пару дней после выхода из Кашгара у Блейкера развилось необычное заболевание. Это было довольно опасно, так как у нас не было врача, и у нас были только простейшие лекарства. Местные жители сделали очень удобную подстилку, закрепленную гуськом на двух пони. Мы несли его так два дня, потом остановились на день отдохнуть и послали гонца в Иркештам, в ближайший телеграфный пункт, чтобы телеграфировать в Кашгар врачу.

В Улугчате мы миновали форт с китайским гарнизоном силой около двухсот солдат. Офицер, командовавший там, был освобожден от должности и получил приказ вернуться в Кашгар,

но так как он был родственником ужасного Ти Тая, он отказался уезжать, и его неудачливый правопреемник жил в соседней деревне и ничего не мог с этим поделать.

Иркештам, находящийся на высоте до 10000 футов[15] над уровнем моря, являлся пограничным пунктом на границе России и Китая. Мы прибыли в него 31 июля и были приняты русским таможенным офицером.

У нас состоялась вишневая вечеринка с танцами под кларнет военного кадета и игрой в карты, в обычную Девятку. Русские устроились там с большим комфортом. Около пограничного поста были посажены розы, ивы и сосны. Русские таможенники, конечно, не испытывали никакой симпатии к большевикам и жили в состоянии большой неуверенности, занимаясь оценкой приготовленных к отправке тюков хлопка. Они показали мне шкуру недавно убитого ими медведя и сказали, что охотятся также на баранов и горных козлов, обитающих на соседних холмах. Русским не надо было даже уходить далеко, чтобы поохотиться. Я подумал, что многие британские младшие офицеры были бы в восхищении от этого изолированного, но такого охотничьего места.

Самым высоким перевалом на нашем пути был Терек Даван высотой около 13000 футов.[16] Мы перешли через него 3 августа, и хотя это было самое жаркое время года, перед перевалом на земле были заморозки, а после него во впадинах лежали пятна снега. Среди них валялись бесчисленные кости животных и даже людей, которые расстались со своими жизнями на этих опасных скалах. Там я собрал коллекцию множества бабочек, включая нескольких редких Parnassiuse и Coleas и других.

В Сафи-Кургане мы миновали расположение русских войск — это были части 2-го Сибирского полка, откомандированного из Хорогского поста — одного из гарнизонов Памира. Пост был затронут процессом, происходящим во всей Красной армии, и новые подразделения состояли в основном из чешских и австрийских военнопленных. Только два отряда были русскими.

Около Лангара мы проехали мимо фермы, на которой, как можно было видеть в тот момент, должно быть, продолжались процессы русской колонизации этой области. Вслед за этими признаками европейской цивилизации появилась дорога для гужевого транспорта и телеграфная линия, а на следующий день около Гульчи нам встретились еще русские фермы и несколько пустых бараков. Здесь к нам еще присоединился Дукович — глава русского банка в Кашгаре, который собирался в Ташкент по делам. Однако его помощник армянин написал в Ташкент, что он не поддерживает советский режим, и бедняга был арестован по

прибытию в Ташкент. Таким образом, он из первых рук получил сведения о тонкостях работы советской тюрьмы, прежде чем он снова смог увидеть Кашгар.

7 августа мы прибыли в Ош после очень напряженного перехода и сделали привал, чтобы привести себя в порядок после нашего путешествия. Нас обгоняли совершенно фантастические слухи относительно целей поездки нашей группы. Мы были авангардом сил в двенадцать тысяч солдат, посланных из Индии для захвата Ферганы и Туркестана; все наши слуги были замаскировавшимися сипаями.[17] К нашему счастью мистер Стефанович объяснил суть дела местным властям, и после составления списка (большевики, должен я сказать, были настоящими бюрократами, любящими всякого рода списки) наших людей, лошадей и багажа нам разрешили двигаться дальше. Девятого числа мы проехали на тарантасах сорок шесть верст (тридцать с половиной миль) до Андижана, заплатив по 150 рублей за каждый тарантас. В Андижане мы остановились в гостинице, не имеющей душа. Место было очень жаркое, и не было никакой возможности освежиться. Город был полон освободившихся австрийских военнопленных. Оркестры из военнопленных играли в чайханах и ресторанах, и весь обслуживающий персонал нашей гостиницы был австрийским. Австро-венгерская военная форма, которую я потом и сам носил так долго, мелькала повсюду. Мы провели здесь три дня, прежде чем получили разрешение двигаться дальше. У нас состоялся первый наш разговор с комиссарами — колоритными личностями в гимнастерках и сапогах, с револьвером, нарочито надетым на поясном ремне или лежащим на рабочем столе. Они степенно ходили по улицам с важным видом с портфелями, зажатыми под рукой. Очевидно, они пытались произвести впечатление на нас, однако у них это плохо получалось. Мы посмотрели пьесу Мазепа в театре на открытом воздухе и сходили в кино. Первые европейские магазины, увиденные нами впервые после нашего отъезда из Индии, были привлекательными, но не думаю, что где-нибудь еще были такие.

В Андижане было какое-то количество индусов из Шрикарпура. Казалось удивительным, что индусы из этого городка в Синде оказались в Туркестане. Я не думаю, что были какие-то их фирмы в Ташкенте, но индусы бывали иногда в Ташкенте и имели хорошие связи в Бухаре. Делегация их представителей пришла ко мне в Андижане. Они объяснили, что они сильно опасаются потерять все свои деньги и собственность, так как большевики считают их спекулянтами самого злостного типа. Они спросили меня, не смогу ли я им помочь забрать свои

деньги из страны; между тем речь шла о двух миллионах рублей. Из-за падения обменного курса (в этот момент где-то от одного с половиной рупии за рубль до приблизительно до десяти рублей за одну рупию) они теряли чрезвычайно много, но если бы они смогли сейчас забрать свои деньги, они спаслись бы от абсолютного краха. Я сказал им, что не могу сразу иметь дело с такой громадной суммой денег, но я обязуюсь взять у них пятьдесят тысяч рублей и выписать чек на получение соответствующей суммы в Индии по существующему на этот день обменному курсу. В дальнейшем я обещал при общении с властями в Ташкенте сделать все возможное, чтобы помочь им. Они заявляли, что были бы рады спасти хотя бы часть своих средств, но позже, как раз когда мы уезжали, мне передали их слова, что, поскольку я только путешественник, и у них нет гарантии того, что я являюсь тем, за кого себя выдаю, а также, что у меня нет рекомендательных писем от их друзей в Кашгаре, то они не будут иметь со мной дел. Конечно, очевидно, что они должны были потерять все.

Русский консульский чиновник в Кашгаре, как и все люди в таких местах, был человеком старого режима и был, как мы понимали, подчиненным русского посольства в Пекине из общества Боксерского возмещения убытков, через которое китайское правительство платило России до тех пор, пока большевистское правительство не отказалось от этого.

Стефановича предупредили в Андижане, что ему очень опасно появляться в Ташкенте, так как он, конечно, будет там арестован, как только там появится. Эта опасность не была столь велика для его жены. Поэтому, когда мы наконец покинули Андижан, Стефанович собрался в обратное двухнедельное путешествие в Кашгар. Путь до пограничного Иркиштама составлял тысячу четыреста миль и должен был занять у него пять или шесть дней, и мы постарались избежать любых вопросов о нем в Ташкенте до того момента, как он должен будет пересечь границу.

Железнодорожное сообщение было прервано на две недели из-за нехватки топлива. В результате список пассажиров, желающих уехать, в пять или шесть раз превосходил количество мест. У нас, однако, в этом смысле были преимущества, и мы покинули Андижан в три тридцать после полудня 12 августа в старом литерном вагоне, предназначенном только для нас троих миссис Стефанович, Блейкера и меня. На следующее утро мы прибыли в Черняево, и наш поезд дожидался в течение жаркого и пыльного дня прибытия поезда из Самарканда и Бухары. На следующий день 14 августа мы прибыли в Ташкент в три часа

ночи и с вокзала поехали в гостиницу «Регина».

Глава III
Ташкент

К моменту нашего прибытия Ташкент был под властью большевиков около года. Трамвай и конные извозчики работали, и некоторые вещи еще можно было купить в магазинах. В нашей гостинице мы могли получить весьма приличный обед, и вообще жизнь в этот момент мало чем отличалась от того, что было до революции. Но положение стремительно ухудшалось. Гостиницы и рестораны закрывались или преобразовывались в советские учреждения, скудно опекаемые пролетариатом.

Все автомобили были конфискованы для большевистских руководителей. Театры оставались открытыми. Во время нашего пребывания в Ташкенте гастролировал некий англичанин с дрессированными слонами! Их он потом повез в Кашгар через не слишком легкий перевал Терек Даван. Повсюду попадались австрийские военнопленные. Многие продолжали ходить в своей форме с буквами F.J.I.[18] на своих фуражках. Во всех кафе и ресторанах играли оркестры австрийцев. Наиболее фешенебельный ресторан назывался «Чашка чая». Мы стали вскоре хорошо известны тамошнему оркестру, и они обычно прерывали свою игру и начинали играть «Типперэри»,[19] когда мы входили!

В густой тени карагача (вид вяза) или акации мы ели мороженое и пили пиво или заменяли его чаем или кофе под приятное журчание воды в уличных арыках.

В Ташкенте было много зеленых насаждений. Улицы были прямыми с двойными аллеями деревьев — тополей, вязов, чинаров, дубов, тутовника (шелковицы) или акаций. Вдоль улиц бежала в арыках вода, поступавшая в них из ирригационной системы. Струящаяся в тени деревьев вода создавала прохладу и приятное ощущение в жаркий солнечный день, придавая Ташкенту, возможно, только ему присущие черты, отличные от других городов. Люди с ведрами и универсальными жестяными банками из-под керосина разбрызгивали эту воду по пыльным дорогам. Все деревья были промерены и порублены на топливо в конце лета 1919 года. Вы получали купон на топливо по своей продуктовой карточке. Когда вы спрашивали, где вы можете получить дрова, вам показывали на дерево, стоящее на улице и говорили, что вы можете взять его. Целые состояния в бумажных деньгах делали удачливые обладатели пил и топоров. Я надеюсь, что эти посадки акаций, тополей и шелковиц были с тех пор

восстановлены, ибо отсутствие деревьев совершенно меняет город и лишает его присущих ему прелестных черт.

Столица Русского Туркестана состояла из большого туземного города с населением свыше двухсот тысяч человек и находящегося рядом с ним русского города с населением пятьдесят тысяч человек. На границе города находилась крепость, радиостанция и Белый дом, в котором некогда была резиденция генерал-губернатора, располагавшаяся в прекрасном парке.

Долгое время русским генеральным консулом в Кашгаре был князь Мещерский, который много лет дружил с сэром Джорджем Макартни. У князя Мещерского была тетя — мадам Угрекилидзе, которая являлась директором школы для девочек в Ташкенте. Сэр Джордж Макартни останавливался у нее несколько раз на своем пути из Европы и в Европу, и наш первый визит был нанесен ей. У нее мы встретились с мистером и миссис Эдвардс. Они были школьными учителями. Они позже исчезли из моего поля зрения, возможно, они были убиты киргизами, как мне позже пересказывали.

Мы также установили контакт с мистером Роджером С. Тредуэлом — генеральным консулом Соединенных Штатов и его временным помощником мистером Шоу. Тредуэл был во всех отношениях украшением своей профессии и своей безупречной работой, безусловно, поднимал репутацию своей страны. Трудно было себе представить, как можно было бы вести дела лучше него. Тредуэл снимал комнату в семье, фамилия главы которой была Ноев.[20] Семья состояла из отца, матери и двух девочек возраста около четырнадцати и семи лет и мальчика в возрасте около восьми лет. Дети находились под присмотром ирландской гувернантки мисс Хьюстон — находчивой и отважной, чья помощь мне и другим, и чье мужественная приверженность своему долгу в минуты высочайшей опасности была вне всяких похвал. Старшая девочка и мальчик ныне британские подданные и преуспели в своей профессии. Мальчик капитан британской армии — военный инженер, а девочка была до самой своей смерти секретарем Эдгара Уолэса. Хотя она была еще только ребенком, когда я знал ее в Ташкенте, она, несмотря на свой возраст, была надежной и очень полезной в чрезвычайных обстоятельствах.

Мистер Ноев ранее имел проблемы с прежней царской властью из-за своих политических взглядов, однако он не испытывал ни малейших симпатий к людям, захватившим ныне власть. Он ухитрялся держаться подальше от политики, и это означало, что, несмотря на то, что он иногда попадал под подозрение и был посажен на несколько дней в тюрьму, власти

ему больше не досаждали. Был в Ташкенте также английский учитель по имени Смайле, которого я встретил раз или два. Он прожил в Ташкенте четырнадцать лет и был женат на русской. Он не интересовался политикой, что не помешало ему также позже попасть под подозрение и провести ночь в тюрьме.

Была в Ташкенте очень пожилая вдова, леди, родившаяся в Англии, мадам Кватц. Она приехала около пятидесяти лет назад в качестве гувернантки детей генерала Кауфмана — завоевателя Туркестана, и была замужем за русским. Она почти забыла английский язык, говорила неуверенно, делая ошибки в словах и грамматике, но при этом без иностранного акцента. Даже эта пожилая леди попала под подозрение и была арестована. Я кое-что сделал для ее освобождения, но позже она снова была арестована за воровство, и в конце концов она попала в приют для душевнобольных. Это действительно было лучшее, что можно было сделать для нее, чтобы смягчить бесчувственные гонения на эту бедную старушку.

Во многом русская революция шла путями Французской революции. Многие действующие русские революционеры, будучи молодыми людьми, были сведены с ума своим маленьким временным могуществом и совершали страшные злодеяния. В 1792 году санкюлоты тоже были в основном молодыми людьми.

Многие первые революционеры, как в России, так и во Франции, в конечном итоге стали сами ее жертвами. Мы все знаем о русских чистках. В России именно люди, бывшие сторонниками либеральных реформ, которых царское правительство карало разными способами за их прогрессивные взгляды, «ликвидировались» большевиками, которые считали их реакционерами. До этого произошел рост цен, отказ крестьян продавать продовольствие в городах по фиксированным ценам, установленным большевиками, и множество других вещей.

Когда в Петрограде в феврале 1917 года произошла Первая русская революция, возглавляемая Керенским, население Туркестана, как русское, так и местное, восприняли ситуацию с восторгом, и многие прежние государственные чиновники служили новому Временному правительству.

В ноябре 1917 года, когда большевики совершили свой государственный переворот, они в действительности получили контроль только в центре, в Ташкенте, но чиновники прежнего временного правительства в других областях работали на них, так как не вполне понимали, что им делать, и были экономически зависимы от правительства в Ташкенте. Постепенно в начале 1918 года ненадежные чиновники были заменены большевиками.

В ноябре 1917 года в Ташкенте произошли кровопролитные

бои, и после четырех дней боев большевистская партия взяла вверх, и многие сторонники Временного правительства были убиты.

В начале 1918 года была сделана попытка выступить против большевистского режима, и однажды громадное число безоружных мусульман численностью приблизительно в двести тысяч пришла из старого города и окружила местность вокруг русского города и освободила из заключения восемь членов Временного правительства, которые были посажены в тюрьму большевиками, тюремная охрана не оказывала сопротивления. Эта громадная толпа была встречена небольшим подразделением Красной армии, которая открыла по людям огонь. Местные сарты были рассеяны, а заключенные были вновь арестованы и немедленно расстреляны прямо на улице.

Летом 1916 года была предпринята попытка бунта со стороны местного населения. Она была подавлена с величайшей жестокостью царским правительством, и был разрушен поселок Джизак. Местных жителей с других частей страны привозили в Джизак и показывали руины и трупы, лежащие на улицах, говоря им, что, если они устроят волнения, они знают, что их ожидает. Так называемые «джизакские события» оказались эффективными, и местное население было полностью запугано. Население Русского Туркестана, на девяносто пять процентов состоявшее из мусульман и на пять процентов из европейских русских, в целом составляло около семи миллионов. Русские всех без исключения местных жителей называли «сартами», а их язык (тюркский) сартский или даже мусульманский. Словом «сарт», строго говоря, называли жителей городов в противоположность сельскому и кочевому населению, но оно употреблялось русскими довольно небрежно. Сартские писатели иногда называли себя тюрками, но это слово, я думаю, обманчиво; иногда употреблялось более неуклюжее слово «туркестанцы». В целом, я думаю, лучше всего следовать за русскими и употреблять просто слово «сарт», хотя борцы за чистоту языка могут возразить, что оно не употребимо для названия сельского населения.

Хотя люди, живущие в Туркестане, и не родились в седле (а кто, скажите, в седле родился?), они, особенно в деревнях и в маленьких поселках (кишлаках), никогда не ходят пешком, если они могут проехать на чем-то верхом. Вы всегда сможете увидеть, если не маленькую и убогую лошадку, то оседланного пони (ишака) на коновязи, и чем идти пешком даже пять ярдов, местный житель предпочтет проехать их верхом. Они редко ездят верхом быстро, всегда медленной рысью, обычно со скоростью четыре или пять миль в час. Однажды я спросил одного человека,

в каком возрасте он научился ездить верхом, и он искренне удивился моему вопросу. Вы не учитесь ездить верхом — вы просто ездите верхом. Я обнаружил то же самое у тибетцев, но они совершенно беспомощны в поло с их высокими седлами и короткими стременами, и, вообще говоря, при соревнованиях с нами в некотором грубом подобии состязаний в гонках они должны были часто начинать сначала.

Русский Туркестан в некотором роде удивительная страна. Здесь железные дороги были построены до постройки обычных дорог, по крайней мере до постройки нормальных дорог. Результатом было то, что, когда железнодорожная линия перерезалась противником, то, как можно было и ожидать, не было никакой возможности установить автомобильную связь. Фактически на автомобиле можно было ездить только на коротком расстоянии от Ташкента.

Другими средствами передвижения были различные варианты конных повозок. Местная повозка арба представляет собой простую телегу на двух очень больших тяжелых колесах, подходящую для движения по неровной поверхности за городом. Возница сидит на лошади, поставив свои ноги на оглобли. Бричка и тележка представляют собой большие русские повозки для загородных поездок и работы в поле и на ферме. Тарантас — это легкий двухместный экипаж с откидным верхом, более комфортабельный для пассажиров, нежели другие вышеупомянутые конные средства передвижения. Обычным видом транспорта, однако, был и верблюд, которого можно было увидеть так же на улицах Ташкента.

Центральное правительство объявило, что программа большевиков включает в себя также и пункт о самоопределении, и местное мусульманское население полагало, что это относилось к ним с их девяносто пятью процентами голосов избирателей. Однако они вскоре обнаружили, что самоопределение с большевистской точки зрения не относится к Туркестану, Финляндии и другим регионам, в которых доминирует Россия, а относится только к Индии и регионам, в которых владычествуют Британия, Франция и другие буржуи.

Сарты полагались на заявления Москвы и верили, что пять процентов русского населения захватили власть вопреки воли центра, и что Москва скоро восстановит справедливость. Где-то в июне 1917 года они сформировали автономное правительство в Коканде и просили Москву ликвидировать пятипроцентное русское правительство и предоставить им автономию в рамках Советского Союза. Москва им фактически ответила «Делайте это самостоятельно, при необходимости силой». После этого

правительство в Ташкенте, представлявшее интересы пяти процентов русского населения края, контролировавшее армию, снаряжение и прочее, поняло намек и однажды под руководством Колесова атаковало сартов в Коканде, нанеся им поражения и опустошив город, убив несколько тысяч человек, осквернив и разрушив мечети. Вот такое самоопределение случилось в Туркестане.

Ситуация экономически была очень плохой. Управляющие хлопковых, винных и других производств были устранены, а рабочие вели дела плохо и непорядочно. Туча безграмотных комиссаров была бременем на коммерческих предприятиях. Помимо существовавшей самой по себе дороговизны накладные расходы увеличивались еще и выше всяких пределов повсеместной коррупцией. Серьезной была безработица, еда была в дефиците и дорогой. Положение не улучшалось под прессом требований из Москвы отправить большее количество хлопка, хлопкового масла и фруктов. Туркестан занимался поставками этих товаров, но не имел их достаточных запасов, а в некоторых случаях оказывалось проблематичным получить что-либо из Москвы в замен. До революции хлопковое масло не пользовалось спросом, но сейчас оно использовалось для освещения и, несмотря на свои неприятныи запах, для приготовления пищи. Несколько кусочков скрученных хлопковых волокон (ваты), опущенных в плошку с хлопковым маслом, были обычным способом освещения в Туркестане. В Ташкенте было электрическое освещение, однако оно было неустойчивое, и было трудно раздобыть электрические лампочки.

Существовали также неудобства, вызванные чрезвычайной силой обстоятельств. В такой ситуации часто явное меньшинство силой или страхом пытается принуждать к чему-то большинство. Однажды, прибегнув к защите силой, большевики без колебаний прибегли к запрету многих вещей, борьбу за которые они декларировали, особенно, к примеру, это относилось к свободе печати и свободе публичных собраний.

Мы посетили Министерство иностранных дел 17 августа, в момент, когда, как мы посчитали, что Стефанович должен был достигнуть китайской границы. Мы прождали встречи два дня, так как комиссар был занят. Это было в некотором роде скорее выгодным обстоятельством для нас, а особенно для миссис Стефанович, так как это давало ее мужу два дополнительных дня для того, чтобы избежать опасности.

19 августа у Блейкера и меня состоялась первая беседа с мистером Дамагацким, комиссаром иностранных дел. До революции он работал чертежником в колониальной службе

министерства сельского хозяйства. В политике он был левый социалист-революционер — левый эсер (L.S.R.). Они считались более умеренными, чем настоящие большевики, хотя со стороны трудно было обнаружить между ними различия. Я неудачно начал разговор с Дамагацким, ссылаясь на «большевистское правительство». Когда мы вышли из комнаты, переводчик сказал мне «Запомните, комиссар иностранных дел не большевик, а левый социалист-революционер. Это ошибка ссылаться на большевистское правительство, и Дамагацкий обиделся на это. Это «советское правительство», хотя вы можете ссылаться на «большевистскую партию».

К несчастью, для нас британские солдаты из Мешхеда, которые поддерживали антибольшевистское закаспийское правительство, вступили в первое боевое столкновение с большевистскими солдатами 13 августа. Наше прибытие ночью того же дня ставило нас в трудное положение в силу того, малоприятного для нас факта, что британские войска вступили в борьбу против Красной армии. Я осознавал, что это с большой долей вероятности была правда; мы не имели новостей из Индии и вообще из внешнего мира в течение двух месяцев. Случись это первое столкновение между нашими солдатами и большевиками несколькими днями раньше, я был бы предупрежден и с большой вероятностью отозван. Я думаю, что можно было бы найти оправдание большевикам, которые бы интернировали миссию, прибывшую в такой необычный момент. Интернирование на какое-то время означало бы, как я это осознал позже, почти неминуемую смерть. Нас негде было больше держать кроме как в тюрьме, а в тюрьме очень часто происходили несанкционированные расправы с людьми. Толпы пьяных солдат приходили в тюрьму, хватали людей и расстреливали их. Однажды, когда мы шли по улице, мы услышали крики и выстрелы в каком-то доме. Было совершено одно из этих убийств. В оправдание этого можно только сказать, что с этими жертвами так грубо обращались люди, охранявшие их, что расстрел избавлял их от страданий. Немного более законное выполнение формальностей имело место, когда тюрьма становилась переполненной и необходимо было освободить камеры.

Линия поведения, которую я избрал в моих дискуссиях с Дамагацким, заключалась в том, что это было неправдоподобно, что миссия в Ташкент была послана в тот же самый момент, когда в другой части Туркестана мои соотечественники были в состоянии войны с ними. Должно быть, тут была какая-то ошибка. Откуда он знает, что солдаты, воюющие там, на самом деле являются британскими или британо-индийскими? Ответ был

простой и лестный. Слишком хорошей была артиллерия, лучше, чем где-либо в России. И также на гильзах были английские надписи. Я резко возражал, что мы продавали снаряды разного сорта людям и посылали их в большом количестве в Россию для помощи в войне; вполне возможно, что они обнаружили английские надписи на снарядах, используемых самой Красной армией! Никакой из этих доводов не являлся доказательным, и до тех пор, пока он не предоставит что-то более убедительное, я не соглашусь с этим утверждением. На это Дамагацкий сказал, что он попытается получить пленного, чтобы убедить меня, и все наши последующие многочисленные беседы я всегда начинал с вопроса, удалось ли ему получить доказательства, которые я желал иметь.

Одно из первых требований Дамагацкого (первое требование, выдвигаемое всеми русскими чиновниками независимо от их рода занятий) было «Покажите мне свои документы!» Предполагалось, что я предъявлю верительные грамоты советскому правительству от правительства Великобритании. У Тредуэла были бумаги, с которыми он направлялся в Ташкент, подписанные послом Соединенных Штатов, кроме того, его консульский патент был подписан президентом Соединенных Штатов. У нас таких бумаг не было. Я надеялся, что мы сможем получить такого рода признание от Туркестанского Совета, что таким образом означало бы установление отношений и связи между Индийским правительством и Туркестанским Советом. Мы ни в малейшей степени не знали ни позиции, ни намерений Туркестанского Совета, и было очень важно их выяснить. Но когда мы не смогли предъявить большинство желаемых бумаг, нас обвинили в занятиях шпионажем. Я сказал Дамагацкому, что он может справиться в Индии о нашем статусе по телеграфу. На это он сказал, что так он и сделает, а тем временем он готов выслушать нас.

Я сказал ему, что мы всецело заняты желанием добиться победы в войне. Ничего большего в настоящий момент мы не желаем, и с этой целью у меня есть три главные и важные просьбы.

Первая, военнопленные должны находиться под контролем. В Туркестане одновременно находилось сто девяносто тысяч военнопленных. Условия их жизни в лагерях были ужасными, главным образом из-за ненадлежащего содержания. Одна из причин посылки такого количества военнопленных в Туркестан была, без сомнения, отдаленность места и трудности побега отсюда; но и, конечно, во внимание принималось количество и дешевизна еды. Несмотря на это, рацион питания военнопленных

был настолько скудным, что вспыхивали инфекционные болезни, в то время как медицинское обслуживание было настолько не до статочным и неэффективным, что умирали тысячи. Большую часть военнопленных фактически составляли австрийцы, которые были взяты в плен в Приземсле, и другая часть в Галиции в первый период войны; но также было много немцев.

Капитан А. Г. Брюн из королевской датской артиллерии, будучи в Ташкенте, делал все, что в его силах, чтобы облегчить страдания бедных австрийцев. В его книге «Трудные времена» перечисляются душераздирающие случаи их страданий и описываются трудности его общения с русскими при попытках помочь им. Он также описывает свой собственный арест, и содержание под стражей и постоянное ожидание расстрела, когда его товарищ — мистер Клеберг, швед, выполнявший подобную миссию для немецких военнопленных, на самом деле был взят из камеры и расстрелян.

Перенесенные этими военнопленными кошмары были описаны одним из них — Густавом Кристом. В бараке, полном заключенных, находилось двести восемьдесят человек, умиравших от тифа. Он также описывает чудодейственный эффект среди военнопленных, как моральный, так и физический, который производил визит Датской комиссии к ним. В момент нашего прибытия многие военнопленные были уже перемещены в Сибирь, в то время как около сорока или пятидесяти тысяч военнопленных умерло, и летом 1918 года тридцать три тысячи оставалось еще в Туркестане. После большевистской революции все военнопленные были освобождены. Что попросту означало открытие ворот лагерей, и прекращение выдачи питания.

Военнопленные неожиданно оказались предоставленными самим себе. Вначале во многих случаях условия у них оказались гораздо хуже, чем когда они были заключены в лагерях. Один офицер рассказывал мне, что он в это время вынужден был питаться черепахами.

Многие бывшие военнопленные устроились на работу батраками к местным землевладельцам — русским и сартам. Иногда казалось, что все военнопленные чехи были музыкантами, так как во всех кафе играли чешские оркестры, как это мы могли видеть в далеком Андижане. Где они при этом доставали свои инструменты, было загадкой. Также на улицах можно было видеть просивших подаяние военнопленных. Какая-то их часть заняла места солдат русской армии, которые исчезли или погибли в войне или революции. Они женились на вдовах или брошенных женах и начинали заниматься сельским хозяйством или бизнесом. Многие из бывших военнопленных надолго

поселялись в Туркестане.

Однажды произошла забавная сценка в Римско-католическом кафедральном соборе. Поляк — австрийский военнопленный — собрался жениться на ташкентской барышне, и вдруг один из его товарищей встал и заявил, что у жениха уже есть жена в Австрии. Священник остановил церемонию бракосочетания.

Густав Крист описывает, как некоторые бывшие военнопленные стали заниматься серьезным промышленным производством и испытывали чрезвычайные трудности такой деятельности при советской системе правления.

Пока капитан Брюн пытался, как мог, облегчить участь возможно большего числа австрийцев, швед мистер Клеберг с двумя помощниками выполнял ту же работу для немецких военнопленных, которых насчитывалось около трех тысяч. Кроме этого лейтенант Циммерман, сам военнопленный, бесстрашно предпринимал попытки удержать этих немцев под контролем в состоянии порядка, а также предотвратить их вступление в Красную армию. Он даже выпустил воззвание, запрещающее немецким военнопленным поступать на службу в Красную армию и грозящее наказанием тем, кто все-таки это сделает. Наказание обещано было в Германии впоследствии, если они когда-нибудь вернутся туда. Это воззвание было утаено от военнопленных советскими властями.

На большом военном параде в Ташкенте можно было увидеть подразделение численностью приблизительно в шестьдесят немцев, элегантно одетых в черную кожу, под командованием бывшего старшего сержанта со свирепыми усами. Во всех отношениях они были на голову выше других солдат на параде. Бывало, я слышал немецкие слова «Интернационала», который они пели, маршируя. Последние слова они повторяли с огромным энтузиазмом «Und International das macht das Menschenrecht» — «С Интернационалом воспрянет род людской».

С нашей точки зрения, было чрезвычайно важным контролировать этих бывших военнопленных, так как если Циммерман и другие немцы сделают свое дело, то их организованные отряды смогут вторгнуться в Северный Афганистан с возможно чрезвычайно убийственным эффектом для нас в деле ведения войны. Было установлено, что эмир Афганистана согласился присоединиться к Центральным державам во вторжении в Индию, если сформированные отряды оговоренных сил будут введены в Афганистан. Эта опасность показалась нам неминуемой и чрезвычайно серьезной, когда мы узнали, что в Россию были срочно посланы немецкие агенты с целью организации этих военнопленных, чтобы на самом деле

захватить Астрахань. И только прерванное железнодорожное сообщение между Ташкентом и центральной Россией предотвратило появление этих агентов в Туркестане.

Давление, оказываемое Тредуэлом и мною на Дамагацкого с требованиями контролировать этих немцев, не добавляло нам популярности у него.

Тредуэл вполне законно негодовал, когда мать переводчика, переводившего его разговор с Дамагацким, в котором он требовал от Дамагацкого контролировать военнопленных, рассказала на следующей день в парикмахерской миссис Ноевой о чем они говорили. Информация такого рода не делала немцев более дружественными, а война, которая оправдывала любые акты насилия, продолжалась. Однажды я встретился в приемной комиссариата иностранных дел с Циммерманом. Я уверен, что он должен был знать, кто я, но он не стал со мной разговаривать.

Дамагацкий сказал нам, что невозможно поддерживать контакты со всеми военнопленными после их освобождения, хотя они пытаются создать бюро, в котором они все должны будут зарегистрироваться, но они имеют информацию только о двадцати шести тысячах, в то время как установлено, что в стране имеется на несколько тысяч больше освобожденных военнопленных, с которыми связь утеряна. В любом случае, он сказал, не стоит опасаться, что эти военнопленные каким-то образом вооружатся и объединятся. Правительство надеялось увлечь их идеей революции и привлечь в Красную армию. Это делалось с большим размахом, хотя это прямо противоречило разного рода конвенциям, подписанным русским царским правительством. Капитан Брюн упоминает, что он получил подписанный Лениным, Троцким и Чичериным документ, запрещающий принимать на военную службу военнопленных и даже приказывающий увольнять уже принятых ранее. Туркестанское правительство отказалось ему подчиняться. Военнопленные не могут осуждаться за вступление в Красную армию, так как любое правительство в России, которое могло бы сменить советское, интернировало бы их до конца войны. Дамагацкий добавил, что все, кто не вступит в Красную армию, будут отправлены назад в Европу, как только Ашхабадский фронт будет «ликивидирован», что будет сделано, как он ожидает, в течение ближайших дней. Мне представилось, что если это будет сделано, то мы обнаружим этих людей, воюющими снова против нас, возможно, в Турции, и что такой ход событий надо было предотвратить любой ценой. Существовала также опасность, что мы обнаружим энергичных офицеров из бывших военнопленных, пробравшихся в Персию или Афганистан и присоединившихся к

немцам, уже организовавшимся там под началом Вассмусса, Нейдермейера, фон Гентига и других, возбуждавших чувства местного населения против нас и даже организовывавших противодействие нам.

Второй важной причиной нашего беспокойства был вопрос хлопка. Власти в центре испытывали острейший дефицит этого важнейшего компонента военного снаряжения. В Туркестане же был его переизбыток. Здесь в военных действиях применялись баррикады из тюков хлопка. Пограничный пост в Иркештаме был, как мы сами видели, оборудован именно таким образом; аналогичным же образом защищали и бронепоезда. Было установлено, что в Туркестане лежало двенадцать миллионов пудов, то есть около двухсот тысяч тонн хлопка, приготовленного на экспорт. Туркестан с внешним миром связывали две железные дороги — Транскаспийская, блокированная русскими антибольшевистскими силами (на короткое время при поддержке британских и индийских солдат), и северная линия железной дороги на Оренбург, блокированная казаками генерала Дутова. До тех пор пока эти две железнодорожные линии оставались перерезанными, никакое ощутимое количество хлопка не могло покинуть регион. Однако нужда в хлопке была столь велика, что была предпринята попытка вывезти хлопок караванами верблюдов. И один такой груженный хлопком караван из семидесяти верблюдов вышел из региона через Эмбу — место, расположенное между Каспийским и Аральским морями. Было намерение организовать систематическую отправку караванов по этому маршруту, и, возможно, это было бы сделано, если бы война продолжалась дольше. Я просил Дамагацкого проследить, чтобы этот хлопок не был отправлен для обеспечения нужд немцев. Он ответил на это требование, что война между империалистическими державами совершенно не касается Советской России, и что любой может приобрести этот хлопок, кто в состоянии заплатить за него и вывести его. В любом случае все империалистические державы скоро будут сметены мировой революцией. Он добавил также, в виде небольшого утешения, что вся партия хлопка, вывезенная из региона (небольшое количество, вывезенное через Эмбу), будет направлена русским коммерческим фирмам в Москву.

Правительство желало и продолжает желать, чтобы население Туркестана выращивало хлопок для того, чтобы Россия могла быть достаточно независимой от его поставок из-за границы.

Даже перед революцией это принуждение было достаточно ощутимым, а с началом шедшей войны оно только усилилось.

Местные землепашцы этому противились. Всегда существовало прирожденное беспокойство отсутствия видимой еды и желание выращивать пищевые культуры. Давление оказывалось различными способами; такими как сдача земли в аренду с целью получения налогов; поставка промышленных товаров производителям хлопка; лишения поливной воды, идущей на полив других культур; наряду с этим производителям хлопка помогали всеми возможными способами.

Русское правительство было в этом настойчиво, и сейчас с их точки зрения, положение в Туркестане было вполне удовлетворительным.

Окончательное завершение железнодорожной ветки Туркестан — Сибирь, используя обычное русское сокращение «Турксиб», также содействовало этому. Сквозное движение началось на этой линии в дни ежегодных майских праздников в 1931 году.[21] Большевики под постройку этой железной дороги взяли большой кредит, однако, в действительности, все основные проекты и работы были выполнены перед революцией. Практически не оставалось технических трудностей; оставалось только закончить строительство нескольких мостов через большие реки.

Завершение железной дороги окончательно развеяло все надежды на независимость Туркестана. Эта плодородная земля была вынуждена выращивать хлопок в обмен на пищевые сельскохозяйственные культуры, привозимые по этой железной дороге. Мадемуазель Мэйларт (Ella K. Maillart), хорошо известная швейцарская путешественница по Средней Азии, объяснила, как осуществлялось это принуждение; крестьяне получали зерно пропорционально количеству произведенного ими хлопка. Таким образом, страна, способная самообеспечивать себя продовольствием, была поставлена в зависимость от поставок продовольствия извне, и в любой момент могла легко его лишиться и начать голодать в случае, если народные массы выйдут из повиновения своему правительству. Мадемуазель Мэйларт также упоминала, что в Среднюю Азию из Америки приезжали негры, чтобы обучать, как правильно выращивать хлопок.

Третьим важным пунктом, обсуждаемым с Дамагацким, был вопрос религиозной пропаганды среди мусульман. Немцы использовали свой союз с турками для попыток поднять религиозный дух среди мусульман в целях поддержки центральных держав. Подъем этих религиозных чувств в Средней Азии мог дать неприятный эффект в Афганистане, а также среди племен в северо-западных пограничных областях Индии, и,

наконец, среди самого мусульманского населения Индии, где мусульмане Пенджаба и северо-западных пограничных областей являлись нашими самыми главными и надежными поставщиками солдат в Индийскую армию. Эта опасность рассматривалась нами в данный момент не только как очень реальная и крайне серьезная, но мы также прогнозировали в связи с этим опасность серьезных затруднений после войны. Дамагацкий сказал, что любые формы религиозной пропаганды будут подавляться правительством, так как это идет вразрез с политикой советского правительства.

Все эти запросы я делал в тесной кооперации с мистером Тредуэлом — консулом Соединенных штатов, и мы часто вместе наносили визит к комиссару иностранных дел.

Был еще один вопрос трудностей и потерь, понесенных британскими подданными в Туркестане. Такие люди попадались главным образом на юге страны, и эти проблемы были похожи на те, о которых мне рассказывала делегация британских подданных в Андижане. Эти торговцы были, конечно, капиталистами, а потому беззаконные действия в их отношении марксистское правительство считало вполне справедливыми.

Жизнь в Туркестане в это время не была неприятной мы жили в отеле «Регина» и питались там в ресторане. В городе было несколько кинотеатров и цирк. Но за нами повсюду следовали шпионы, и когда мы возвращались к себе вечером после концерта или кинофильма, загадочными миганиями электроламп торшера и звонками извещалось о нашем благополучном прибытии. Полиция устраивала частые обыски днем и ночью, и однажды явилась к нам в два часа ночи. Я каждый раз резко протестовал тут же и позже у Дамагацкого, в комиссариате иностранных дел. Дамагацкий был вежлив и выражал сочувствие, но он реально не имел влияния на полицию, существовавшую в различных организационных формах.

Что касается форм организации полиции, то первой была милиция, руководимая латышом, бывшим пекарем по фамилии Цирюль. Брат Цирюля был казнен царским правительством, а он сам отбывал срок тюремного наказания. Он был яростным революционером, но относился дружески к нам, и позже, когда Тредуэл был посажен в тюрьму и чуть было не расстрелян, именно Цирюль вытащил его из тюрьмы и спас ему жизнь. В другой раз он сделал то же в отношении капитана Брюна. Цирюль даже однажды предложил Брюну убежать обоим вместе. Он был совершенно откровенным с Тредуэлом, и однажды сказал ему, что если он помогает ему в Ташкенте, то он надеется, что, если это будет необходимо, Тредуэл поможет ему с убежищем в Америке.

Цирюль был вынужден в какой-то момент улететь из России, и он жил в Уайтчепеле,[22] совершенно не зная английского языка.

Другая организация была обыкновенной полицией, а третья — ЧК. Последняя в момент нашего первого прибытия называлась Особый отдел. Она позже стала называться Следственная комиссия, имеющая дело с контрреволюционерами, укрывателями продовольствия и ценностей и спекулянтами. Затем однажды нам объявили, что она стала называться по-новому — Чрезвычайная комиссия, сокращенно от аббревиатуры ЧК — Чека. Полное ее наименование было «Чрезвычайная комиссия по борьбе со спекуляцией и контрреволюцией», название, безусловно, требующее аббревиатуры, особенно по-русски. ЧК позже стала называться ОГПУ, что было также аббревиатурой, но от другого названия.[23]

Однажды секретные агенты отдела наружного наблюдения милиции, следившие за мной, арестовали агентов ЧК, выполнявших то же задание, так как их приняли за моих секретных агентов! Это происшествие сильно повеселило весь город, у населения которого тогда было так мало поводов для веселья в условиях раннего периода советской жизни.

Глава IV
Условия в Ташкенте

Положение правительства Туркестана было в это время тяжелым. Оно боролось на четырех фронтах, не считая опасности на домашнем фронте в самом Ташкенте, кульминацией которой явился вооруженный конфликт в январе 1919 года.

На севере оно имело вооруженное противостояние с Дутовым, который со своими казаками удерживал железную дорогу. В Ташкенте этот фронт был известен как Актюбинский фронт. На юго-востоке от Ташкента было крестьянское восстание в Семиречье, где в военных действиях у правительства было занято до тысячи человек. Южнее было несколько мусульманских восстаний в Фергане под руководством человека по имени Иргаш. Они начали вооруженную борьбу, когда большевистское правительство ликвидировало правительство Кокандской автономии в 1918 году. Руководители этих движений добились в какой-то момент значительных успехов, и под их контролем оказалась значительная часть Ферганы. Но, как это бывает в подобных движениях, между их лидерами возникла значительная конкуренция, и они один за другим свергались. Иргаш, лидер этого движения в то время, когда я был в Ташкенте, был убит в 1920 году. Его сменил Мадамин Бек, который был предательски убит на званом обеде хозяином. Во время нашего прибытия Иргаш командовал силами около шестнадцати тысяч человек, среди которых были белые русские офицеры и, по слухам, несколько турецких офицеров. Это движение позже было поддержано разными людьми и впоследствии преобразовалось в басмаческое движение, которое просуществовало до нынешней войны[24] в скрытой форме.

Лидеры этого движения часто характеризовались как «разбойники» или «криминальные элементы», а я часто думал о характеристике мятежа, описанном в «Лалла Рук»[25]

> Мятеж! Сколь это слово низменно, бесславно,
> И часто смертные, запятнанные им,
> Свой меч или язык причиной главной
> Потерь должны считать того, что любим и храним.
> Но сколько славных помыслов душевных,
> Рожденных в их успеха час и миг,
> Преодолев проклятье штампов повседневных,
> Воззвали к вечной памяти о них![26]

Затем был Ашхабадский фронт на железнодорожной линии, идущей к Каспийскому морю, где большевики имели достаточно большие силы, скованные противником, которого поддерживали британские и индийские солдаты. Этот фронт был самым важным со многих точек зрения, помимо установления сообщения с Москвой, он вел в Баку, а промышленная жизнь Туркестана зависела от бакинской нефти.

Вдобавок ко всему само по себе положение большевиков в Ташкенте было крайне ненадежным. Под боком у них был большой мусульманский город с населением около двухсот тысяч человек, которое ненавидело антирелигиозную деятельность большевиков. Местные жители в глубине души предпочли бы выгнать всех русских из региона. Они не проявляли активности, но, даже будучи невооруженными, все равно были опасны для властей.

Если бы все эти «фронты» стали действовать согласованно, я думаю, большевики в Туркестане были бы раздавлены. Однако было почти невозможно координировать все эти антибольшевистские движения изнутри Туркестана из-за трудностей связи и предельной осторожности и жестокости большевистских руководителей. Хотя эти трудности казались непреодолимыми, я всегда думал, что координация этих различных «фронтов» могла быть осуществлена за пределами региона. Я не мог до конца осознать положение дел, так как было что-то непорядочное в стиле поведения большевиков! В нашей стране или в доминионах, и особенно в Индии, все было иначе, где человек, заподозренный в действиях против государства, подвергается длинному судебному разбирательству с многочисленными возможностями оправдаться, и даже если его вина судом будет доказана, то он может легко отделаться. Это кажется неправдоподобным и слишком идеалистическим в стране, где такое движение распространено и является опасным, и является причиной риска для законопослушных и миролюбивых граждан, составлявших большую часть населения. Большевистские же методы вели к дальнейшему росту экстремизма. К примеру, возникло подозрение, что служащие радиостанции не надежны. Какие принимаются меры? Недолгие разбирательства, с присущими им публичностью. Нет! Расстреляли одномоментно всех, и затем набрали новых. Всё это создавало огромные трудности тем, кто желал изменения режима!

То же самое было и со службой агентов провокаторов. Они

очень интенсивно использовались властями, как никакие другие оперативные работники. Только вернувшись в свободную страну как наша, осознаешь огромные выгоды от свободной жизни, контрастнее воспринимаешь неотъемлемые страхи, кажущиеся естественной государственной политикой как Советского Союза, так и других тоталитарных стран. Вот одна история такой работы провокатора на ташкентской радиостанции, которая, я уверен в этом, является правдой, но из-за секретности всего дела нет никакой возможности документально подтвердить случившееся. Провокатор попросил девушку-работницу радиостанции получить копии сообщений для «контрреволюционного» агента, и она это сделала. Затем специально в таком месте, где она его могла найти, был оставлен словарь кодов, который эта девушка взяла и передала провокатору. После этого о ней никто больше никогда ничего не слышал.

Вплотную с большим старым городом, в котором проживали местные жители, находился европейский Ташкент, в котором жило пятьдесят тысяч русских. Большинство жителей этого города всем сердцем были против большевиков. Однако они были безоружны и надежно контролировались суровым большевистским руководством.

Среди жителей европейского Ташкента существовали подпольные организации. Трудно оценить масштабы этих организаций, ввиду необходимости соблюдения строгой секретности. Глава организации знал лично только пятерых, каждый из которых в свою очередь набирал другую подпольную ячейку. Каждый из этих шестерых вербовал шестерых следующих, а они в свою очередь шестерых следующих, и так до бесконечности. Следствием этого было то, что предатель мог предать только собственную группу, то есть шесть своих компаньонов и своего вербовщика и, конечно, людей, завербованных им. В этой организация естественно отсутствовало единство, и трудно было сказать, сколько в ней состояло человек. Но, по некоторым оценкам, в ней состояло до трех тысяч. Это делалось настолько осторожно и секретно, что в критический момент она просто не могла работать. Они говорили, что находятся в контакте с Иргашем, однако я не смог увидеть признаков взаимодействия между ними. Казалось невозможным, что Иргаш, силою в пять раз превосходящий заявляемые силы русских подпольных организаций в Ташкенте, будет в случае успешного свержения большевиков кротко вести себя с другим русским правительством. Русские из белого движения, казалось, везде были самодовольными оптимистами в этом вопросе. В качестве аналогичного примера можно привести случившееся в

Финляндии. Когда фельдмаршал Маннергейм освободил Финляндию от большевиков, то белые ожидали, что финны пожелают вернуться к довоенному состоянию дел, но этого не произошло.

Имелась ли возможность координировать действия всех этих разных «фронтов», будем говорить в связи с финальным наступлением Колчака на Тулу (к югу от Москвы). По моему мнению, нет сомнения в том, что большевизм мог быть раздавлен в Туркестане. Но эти силы никогда не действовали согласованно; трудности коммуникаций и недостаточное единство были тому причиной. Когда наши солдаты появились на Ашхабадском фронте, люди в Ташкенте успокоились и сказали «Слава Богу, англичане появились, чтобы избавить нас от этого кошмара».

Русские контрреволюционеры смотрели на положение дел таким фантастическим образом, что оно не могло хорошо для них закончиться. Я хорошо помню сравнение с Парижской коммуной, которая продержалась семьдесят дней, и было удивительным, что русские коммунисты продержались значительно дольше.

На Ашхабадском фронте большевистские солдаты не были достойным противником наших хорошо обученных и дисциплинированных людей. После каждого боя они были полностью разгромлены и запуганы британскими войсками. Если бы это небольшое усилие было бы поддержано со всей решительностью, и было бы бескомпромиссно использовано со всей возможной энергией, то, по моему мнению, нет никакого сомнения в том, что антибольшевистские силы легко могли бы достичь Ташкента, будучи поддержанными простым народом как в столице, так и по всему своему пути. Имей возможность Колчак в критический момент, в минуту своего успеха, получить подкрепление, поддержку и ободрение из Туркестана по железной дороге на своем левом фланге, вместо беспокойства здесь от своих противников, кто знает, как бы сложилась мировая история?

Туркестанская Красная армия в это время состояла из шестнадцати тысяч человек, распределенных следующим образом на Ашхабадском фронте девять тысяч, на Оренбургском фронте три тысячи, в Ташкенте, готовясь отражать любую угрозу со стороны Иргаша и поддерживать порядок в центре, — три тысячи человек и в Семиречье, где подняли мятеж казаки, одна тысяча.

Оснащение Красной армии, можно сказать, было очень плохим. Имелось небольшое количество боеприпасов для пушек, да и то было очень скверным. Их винтовки были изношены. Им не хватало нефти и угля. Небольшое количество жидкого топлива, которое удалось достать, использовалось на железной дороге на

Ашхабадском фронте в Транскаспии, где топливные проблемы были очень серьезными. На Актюбинском фронте топки машин были переоборудованы для топки рыбой, которую ловили в Аральском море и сушили с этой целью. Солдаты провели зиму в специально отапливаемых железнодорожных вагонах. Хорошей заменой топлива для железной дороги был саксаул (Haloxylon ammodendron), кустарник, растущий почти повсеместно в степи. Группы так называемых контрреволюционеров, спекулянтов или просто буржуев посылались на его заготовку.

Приблизительно половину Красной армии составляли австрийские военнопленные, в основном мадьяры. Эти люди на самом деле хотели вернуться домой, хотя некоторых из них пропаганда сделала энтузиастами-коммунистами. Однако существовал один знаменитый чисто русский корпус, Жлобинский полк, которым командовал еврей по фамилии Рубинштейн. Он был сформирован из освобожденных заключенных и всякого рода сброда в русских городах.

Они сеяли террор везде, где только появлялись. Они возвращались через Ташкент, когда мы были там. Цирюль, начальник милиции, сам счел за лучшее спрятаться, а наши русские друзья также приготовили для нас укрытие.

Правительство состояло в основном из евреев, и это приводило к недовольству, особенно в армии. Солдаты говорили «Здесь в армии у нас есть русские, мадьяры, немцы, сарты, киргизы и армяне, но нет евреев. Евреи жируют в Ташкенте, пока нас там нет, и мы сражаемся за революцию». Это не было, строго говоря, правдой. Были евреи и среди солдат, и среди высшего командного состава, но, конечно, евреи были редки среди нижних чинов на фронтах.

В октябре 1919 года Апин, один из большевиков, посланных из Москвы для укрепления в правительстве правильной советской линии, издал воззвание, декларирующее состояние войны в Туркестане и призывающее всех бывших офицеров царской армии зарегистрироваться. Каждый, кто отказывался сделать это, с определенного дня рассматривался как дезертир. Они требовались как инструкторы, но для предотвращения любого неразрешенного или нежелательного поведения они использовались только в школе инструкторов в Ташкенте, так что они контактировали исключительно с теми, кто считался надежными и неподкупными коммунистами. В дополнение в каждом подразделении Красной армии был политический комиссар с небольшим штатом сотрудников. Эти люди не вмешивались в тактическую или военную подготовку, но имели дело с подачей соответствующих новостей, песен, театральных

постановок и другими формами пропаганды. Они также занимались дисциплиной, наблюдали за подозрительными лицами и другими подобными важными вещами.

Помимо неожиданной и случайной опасности, как прибытие Жлобинского полка, у нас были и другие возможные неприятности, в частности, мы все могли быть арестованы правительством. Однажды в дом, где мы обедали, пришла телефонограмма такого содержания «Эти два инженера будут взяты на фирму с сегодняшнего дня». В таких сообщениях следовало искать скрытый смысл, чтобы их понять. Это сообщение могло означать, что Блейкер и я будем арестованы, но мы не стали предпринимать никаких действий, и ничего такого не случилось.

Однажды в наш отель позвонил тибетский доктор. Я всегда жалею, что меня не было в этот момент, и таким образом я пропустил чрезвычайно интересный разговор. Его фамилия была Бадмаев (русская форма тибетского слова padma — лотус, которое входит в мантру От Mane Padme Hum), и у него была выгодная практика в Санкт-Петербурге. Этот Бадмаев получил известность, когда Доржиев возглавлял в России миссию от Далай Ламы к царю в 1901 году, которая явилась основной причиной нашей ссоры с Тибетом и привела к формированию нашей политики по отношению к этой стране. Он был другом Распутина и упоминается в различных счетах этой мрачной личности. Бадмаев лечил людей травами из Лхасы. Я знал одного русского, который консультировался у него. Он сказал мне, что в приемной Бадмаева была вся элита столицы; когда в свою очередь он попросил его вылечить с трудом поддающуюся лечению болезнь кожи, Бадмаев осмотрел пораженное место в увеличительное стекло, вынул несколько засушенных листьев из ящика бюро, велел моему другу смешать их с вазелином и прикладывать к больному месту и положил в карман свой гонорар. Мой друг сделал все, как он велел, но волшебная трава не подействовала! Позднее, когда я был в Лхасе, я навел справки про Бадмаева, но никто о нем ничего не слышал.

Другим посетителем был афганский доктор, имя или прозвище которого было Ибрагим. Блейкер виделся с ним, и мы пришли к выводу, что это был один из многих большевистских агентов, приходивших к нам под разными личинами. Оказывается, мы ошибались, и бедняга был арестован большевиками, которые подозревали его в бесчисленных злодействах только потому, что он имел неосторожность посетить нас. Он был освобожден из заключения белогвардейцами во время «январских событий», к рассказу о которых мы подойдем в

свою очередь.

Обратился к нам также турок, назвавший себя Сулейманом. Его история заключалась в том, что он занимал должность в турецком посольстве в Тегеране, но он был уволен из-за слишком большой дружбы с нашей дипломатической миссией. Мне удалось выяснить с помощью телеграммы из Кашгара, что эта история была ложью. Я так никогда и не узнал, кем он был на самом деле или какова была цель его визита.

Десять дней спустя после нашего прибытия в Ташкент к нам присоединился сэр Джордж Макартни. Он провел двадцать восемь лет в Кашгаре и являлся фактически там консулом с сопряженной с этой обязанностью многочисленными и тяжелыми трудностями и опасностями. Сейчас он находился на отдыхе и хотел вернуться в Англию. Поэтому до его возвращения было условлено, что он съездит в Ташкент, чтобы представить миссию и помочь ей своим авторитетом и знаниями местных особенностей и влиянием. Он мог затем вернуться через Россию или через Индию либо через Ашхабад и Мешхед, либо, что он мог сделать реально, через Гилгит и Кашмир. Сэр Джордж до этого проезжал через Ташкент семь раз и был хорошо здесь известен. Мы беседовали с Дамагацким вместе с ним несколько раз. Его влияние и поддержка были бесценны для Блейкера и меня.

В один из дней сэр Джордж, Блейкер и я отправились в Белый дом, в бывшую резиденцию генерал-губернатора Туркестана, чтобы повидаться с главой комиссаров, главой Туркестанской республики, человеком по фамилии Колесов.[27] Он был смазчиком на железной дороге, пока революция не возвысила до его нынешнего положения. Дамагацкий также присутствовал при разговоре.

Сэр Джордж объяснил намерения, которые мы имели в виду, и также подчеркнул, что мы не шпионы, а прибыли с определенными целями и что мы надеемся, что наши неформальные контакты будут взаимополезными.

Колесов спросил нас, как это можно понимать прибытие миссии в Ташкент в свете нашего нападения на советское правительство в Архангельске. Мы объяснили, что не имеем информации об этом и не имеем возможности связаться с нашим собственным правительством.

Что касается наших специфических просьб, которые мы уже изложили Дамагацкому, Колесов сказал, что он так же, как и мы, озабочен тем, чтобы военнопленные не возвращались домой в свои страны; они были нужны Красной армии.

Что касается хлопка эти и другие коммерческие вопросы будет лучше обсуждать, когда ситуация вокруг Архангельска

прояснится.

Касательно неплатежеспособности и потерь британских индийских торговцев он сказал, что любые британские объекты в России рассматриваются политически точно так же как и российские объекты. Он добавил, что он не дает разрешения миссии оставаться в Туркестане, так как все сношения с иностранными правительствами о суще ств ляются через центральное правительство в Москве.

Колесов умышленно избегал любых упоминаний о присутствии британских солдат на Ашхабадском фронте, но после того как он вышел из комнаты, Дамагацкий упомянул об этом, и это, возможно, было самым главным фактором из всех.

В марте 1918 года Колесов командовал большевистскими силами, которые атаковали Бухару. После пяти дней боев он потерпел поражение и был вынужден отступить и заключить мир с Эмиром. Была еще одна забавная история, связанная с Колесовым, которая, возможно, является правдивой. Ему было послано двадцать два миллиона рублей из Москвы на военные цели, и попросили отчитаться за них. Он сказал, что он не вел строгий учет деньгам, но что он потратил пять миллионов на Оренбургский фронт, остальное на Ашхабадский фронт, и еще немного осталось мелочи, которую он вынул из своего кармана.

Так как путешествие сэра Джорджа домой через Россию было невозможным, было решено, что он вернется в Кашгар через несколько дней после нашей беседы с Колесовым, но в последний момент разрешение на его возвращение было аннулировано, и появилась вероятность, что мы все можем оказаться насильно удержанными.

Все это время пресса была сильно настроена против союзников по Антанте за их помощь врагам большевиков; особенно это было направлено против Великобритании, так как в дополнение к солдатам в Архангельске, мы еще имели солдат гораздо ближе к этим местам, непосредственно в самом Туркестане. Яростные выпады против буржуазии ежедневно печатались в газетах. «Красный террор» и массовые казни объяснялись местью за покушение на жизнь Ленина. Каждый день в газетах помещался бюллетень с данными о температуре, пульсе и дыхании «товарища Ленина».

Становилось ясно, что большевики не имели намерения помогать нам одержать победу над Германией в Великой войне, и становилось необходимо посмотреть, что можно сделать с другими русскими, которые заявляли о своей готовности идти вместе с нами.

Однажды ночью, после наступления комендантского часа,

раздался стук в мою дверь. Я знал, что это должен быть кто-то из полиции, либо кто-то из начальства. Вошел мужчина. Он сказал, что его фамилия Мандич и что он серб. Он сказал, что пришел от лица полиции спросить, не может ли он быть чем-нибудь мне полезен. Я сказал сам себе «Совершенно очевидно, что это агент провокатор. Я должен быть осторожным, имея дело с ним». Впоследствии этот человек сослужил мне огромную службу, и без его помощи, возможно, эти строки никогда бы не были написаны. Вот далее его история, позже подробно рассказанная мне. Он сам был из Сараево и даже был другом Принципа, того самого, который в июле 1914 года убил эрцгерцога — из-за убийства которого и началась Первая мировая война. Мандич был студентом Венского университета и был мобилизован в австрийскую пехоту как только началась война. У него было звание лейтенанта. У него были всецело антиавстрийские, антигерманские и прославянские симпатии. Поэтому во время войны он воспользовался случаем и дезертировал с тридцатью шестью другими сербами. Передний край фронта в том месте был в четырех или пяти милях в стороне от них, и поэтому он вместе с товарищами просто пошел по направлению к противнику, пока они не встретили русский патруль, которому и сдались. Мандич сначала был помещен в лагерь для военнопленных, а позднее выдвинулся в этом лагере на руководящее положение среди военнопленных. Отношение старших австрийских офицеров, вынужденных обращаться к этому молодому и язвительному лейтенанту, не могло быть приятным, и я подозреваю, что и Мандич не был им приятен. Представлять интересы немецких военнопленных было поручено Шведской комиссии, которая путешествовала по стране по различным лагерям, и на время Мандич был прикомандирован к ним от имени русской контрразведки. Когда случилась революция, он охотно перешел на службу к новому руководству страны, а сейчас он был готов помогать мне таким же образом. Во время дружеской беседы я сказал ему, что я глава аккредитованной миссии и не имею намерений делать что-либо против Туркестанского правительства.

Г лава V
В одиночестве

Приблизительно в это время случилось одно довольно неприятное событие, которое могло привести к серьезным последствиям. Миссис Стефанович, которая прибыла с нами из Кашгара, хотела вернуться и не получила разрешения. Большевики хотели арестовать ее мужа, который вернулся в Кашгар из Андижана, и у них появилась идея использовать ее в качестве приманки. Помощник-армянин в банке в Кашгаре написал советским властям в Ташкент, обвиняя некоторых русских в Кашгаре в контрреволюционных настроениях, и среди них, не без оснований, ее мужа. Миссис Стефанович решила попытаться ускользнуть из Ташкента без разрешения. Несмотря на то, что я часто просил у Дамагацкого разрешения послать сообщение из страны, мне не представлялся случай сделать это. Поэтому я решил послать короткое сообщение с ней. Сообщение было на крохотном клочке бумаги. Я отдал его ей, но я не знал, где она его спрятала.

Железнодорожное сообщение к этому моменту было полностью дезорганизовано. Для путешествующих официальных лиц предоставлялись пассажирские вагоны, как это было в нашем случае, когда мы ехали из Андижана в Ташкент, но частные лица, которым разрешалось ехать, ехали в товарных вагонах или даже на товарных вагонах, или там, где это можно было сделать. Никто не знал, когда какой-то поезд отправится, но, по слухам, один поезд отправлялся в один из вечеров, и я отправился на станцию вместе с миссис Стефанович в три часа этого дня. Мы нашли этот поезд, и она и ее слуга-сарт прошли в угол товарного вагона и расплатились. Она затем вышла и стала прогуливаться по платформе вместе со мной, а затем мы присели. Неожиданно к нам подошли двое мужчин и попросили следовать за ними. Нас привели в комнату охраны, полную солдат, где вдоль стен в специальных стойках стояли винтовки. Затем они спросили нас, кто мы такие. Мы объяснили им. Как только они услышали, что я из английской миссии (English Mission), они сказали, что я могу идти, а миссис Стефанович они задерживают. Я, конечно, не мог ее оставить и остался, чтобы посмотреть, что я могу сделать. Я сильно опасался, как бы не нашли мое послание, в этом случае ее бы обязательно расстреляли. Она вела себя совершенно хладнокровно и обезоруживающе. Ничто не могло поколебать ее спокойствия, она спокойно беседовала с охраной и с юмором

воспринимала происходящее. Я ухитрился спросить у нее, где она спрятала клочок бумаги. Она сказала, что он в старом стеганом ватном одеяле ее слуги, ее вещи были тщательно обысканы одним из двух мужчин, нас арестовавших, евреем, по фамилии Ракмилевич, который затем вышел в какое-то подсобное помещение. Пока это продолжалось, я ходил по комнате охраны, и когда оказался около двери, другой мужчина, нас арестовавший, вышел и поманил меня за собой. Я вышел за ним, и он сказал мне по-персидски «Вы говорите по-персидски?»

— «Да, немного».

— «Вы знаете серба по фамилии Мандич?»

— «Нет», — я ответил ему.

— «Я Геголошвили». — Он сказал — «И я знаю, что вы встречались с Мандичем».

Этот Геголошвили был начальником полиции, и он послал Мандича с визитом ко мне. Я отнесся с подозрением к нему и боялся ловушки. Было важно избежать каких-либо поступков, которые бы дали повод большевистскому правительству арестовать меня. Я тогда ответил «Да, человек по фамилии Мандич приходил и беседовал со мной, но я забыл, как его звали».

— «Я хочу помочь вам», — он произнес.

— «Тогда прекратите как можно скорее этот бесполезный обыск вещей, принадлежащих даме, и позвольте нам уйти».

— «Я сделаю все возможное, но человек, который проводит обыск Ракмилевич, самый отвратительный тип и друг Пашко. Я немногое могу здесь сделать».

Этот Пашко был моряком, который, как я знал, был хорошо известен. Он был один из лидеров мятежа на Черноморском флоте в Одессе, когда моряки издевались жестоко над своими офицерами и выкинули затем их в море. Он был один из самых злых и жестоких из комиссаров. Наихудшее, что можно было сказать о человеке, так это то, что он друг Пашко.

Я наблюдал за обыском через открытую дверь и увидел, что Ракмилевич ощупывает все из одежды слуги, особенно нашивки на заплечиках. Новое стеганое одеяло слуги тоже стало объектом многоминутного обыска с распарыванием материала. Затем я увидел, как он достал старое и оборванное стеганое одеяло, в котором, как я знал, содержалась записка. Он посмотрел на него с довольно безразличным видом, потряс его, покрутил и потряс снова, и с того места, где я стоял, я действительно увидел клочок бумаги, высовывающийся через прореху. Он не увидел его и бросил одеяло на пол. Я вздохнул с облегчением.

У миссис Стефанович был надет перекинутый через голову

шарф, а на голове соломенная шляпа. Было довольно забавно, что никто из полиции даже не взглянул на ее шляпу, и ей повезло, что они это не сделали. Совет города Сызрани, города на Волге, выпустил постановление, национализирующее женщин. Все лучшие и наиболее привлекательные женщины, утверждалось в постановлении, принадлежат буржуазии, в то время как крестьяне и рабочие вынуждены довольствоваться вторым сортом. Поэтому все женщины объявлялись общественным достоянием. Это было даже слишком для Ленина и большевиков из центра, и от этого постановления они открестились, но обладание даже копией этого постановления было запрещено. Оно представляло опасную пропаганду против большевиков, особенно за границей. У миссис Стефанович была в шляпе копия этого постановления. Даже обладание его копией могло привести к немедленному расстрелу. Пока это продолжалось, подошли сэр Джордж и майор Блейкер. Они также пришли к поезду проводить миссис Стефанович. После того как обыск закончился ничем, и миссис Стефанович освободили, мы все поехали на свои квартиры.

Я совершенно успокоился и решил больше не рисковать, подвергая женщин таким опасностям снова.

Геголошвили впоследствии сказал мне, что один из полицейских агентов, дежуривший на станции, сообщил, что два человека сидят на платформе, разговаривая на иностранном языке. Это были миссис Стефанович и я. Ракмелевич моментально приказал арестовать нас.

Казаки Дутова продолжали удерживать перерезанной линию железной дороги к северу от Ташкента. После значительных увещеваний и приведения разных доводов большевики разрешили сэру Джорджу Макартни проследовать по железной дороге так далеко, как только это было возможно, а дальше пешком проследовать к фронту Дутова, если получится. Риски, однако, были очень велики, главным образом, я думаю, из-за недисциплинированности бойцов Красной армии, которые могли или захватить, или просто вывести его из вагона и расстрелять. Поэтому он решил отказаться от этого проекта и возвращаться в Англию через Индию. После значительных трудностей он получил разрешение вернуться в Андижан по пути в Китайский Туркестан. Майор Блейкер, у которого были проблемы со здоровьем, составлял ему компанию. Трудно было это устроить, но миссия в составе Хан Сахиба Ифтекар Ахмада — нашего слуги — и меня оставалась. Миссис Стефанович также уехала. С ними вместе в поезде следовал шпион, человек, с которым я потом также сталкивался. Геголошвили позже сказал мне, что он должен был послать одного человека, но послал другого, который бы не

раздражал своих подопечных!

После их отбытия 14 сентября, почти через месяц после нашего прибытия, я мог рассчитывать теперь только на себя самого, правда, у меня оставалась надежная опора в лице мистера Тредуэла, Генерального консула Соединенных Штатов. Мы много виделись друг с другом, в большинстве случаев обедали вместе в отеле, и часто вместе проводили беседы у Дамагацкого, отстаивая интересы союзников по упомянутым выше вопросам.

Вскоре после отъезда сэра Джорджа и майора Блейкера я покинул отель «Регина» и получил мандат на половину отдельного дома по Московской улице, № 44. Он принадлежал богатому еврейскому торговцу по фамилии Гелодо, который исчез во время революции в какой-то другой части России. Его жена хорошо говорила по-английски. У меня была отдельная входная дверь с улицы, но я пользовался общим садом с другими жильцами дома.

В Ташкенте был Музей натуральной истории, и я однажды отправился туда с несколькими бабочками, которых я поймал в своем путешествии между Кашгаром и Андижаном. Я познакомился с заведующим музеем — бывшим австрийским военнопленным — и спросил его, не позволит ли он мне сравнить моих насекомых с музейной коллекцией, чтобы я мог дать им правильные наименования. Он выразил сожаление тем, что в Ташкентском музее нет образцов туркестанских бабочек, но зато у них было несколько прекрасных экземпляров из Южной Америки. Он согласился с тем, что это было немного абсурдно, но, конечно, извинительно, так как он работал еще совсем недолго в этом музее. Позднее я пришел снова, и мне в музейных витринах показали основу местной коллекции. Моя просьба имела результатом то, что следующим летом была устроена экскурсия для школ, и были выданы сачки для ловли бабочек, посредством чего была пополнена национальная музейная коллекция.

В Ташкенте жил всемирно известный орнитолог по фамилии Зарудный, с которым я подружился. У него была очень ценная коллекция, насчитывающая двадцать восемь тысяч чучел среднеазиатских и персидских птиц, и библиотека с лучшими книгами по орнитологии на английском и других языках. Он умер в марте 1919 года, и я предпринял какие только мог усилия, учитывая положение, в котором я находился в тот момент, чтобы купить эту коллекцию для Британского музея, но она была «национализирована» и ушла в Ташкентский музей до того, как он был закрыт. Его вдова получила там работу. В ее обязанности входило отбирать трости и зонты у посетителей перед входом в

музей.

Ташкент в это время все еще оставался относительно нескушным городом. Регион был, конечно, полностью отрезан от всего мира. Поэтому в кинотеатрах крутились одни и те же три или четыре фильма, которые кочевали из одного кинотеатра в другой, щедро разбавленные картинками Ленина, Троцкого и других выдающихся большевиков. Фильмы, которые я смотрел по нескольку раз, были такие «Пленник Зенда»,[28] «Шерлок Холмс» (интересно, что слово Holmes писалось как Xolmes, так как в русском языке нет буквы «h»). Была совсем неплохая оперная труппа, большей частью любительская, которая ставила оперы Риголетто, Евгений Онегин и другие оперы.

Все это время за нами следили шпионы. Тредуэл и я удостоились каждый компании из трех этих джентльменов. Они сняли комнаты напротив домов, где мы жили и просиживали там часами, выглядывая в окно со скучающим видом. По вечерам они сопровождали нас в театр. Однажды мы заявили Дамагацкому протест, так как наши друзья стали стесняться бывать с нами в общественных местах с таким сопровождением, и он обещал поговорить, чтобы они не были столь навязчивы. Я оставил часть своего багажа и моих слуг в Оше. Мы были наполовину уверены, что нас отошлют назад, возможно, даже из Андижана, и не думали, что будет слишком умно сильно себя обременять вещами. Я послал за предметами первой необходимости из этого багажа, и по прибытию вещей в Ташкент полиция настояла на его обыске. Я протестовал из принципиальных соображений, и Дамагацкий обещал устроить, чтобы они были доставлены без помех. Но у него не хватало влияния для этого, и через две недели я все же согласился на их обыск против своей воли, в то время как Тредуэл стал фотографировать сам процесс обыска, главным образом для того, чтобы вызвать замешательство у полиции. И все же остатки моих вещей, главным образом полевое снаряжение, было в конце концов утеряно, когда человек, которому я их оставил в Оше, был расстрелян как контрреволюционер.

Власти все время пытались заманить нас в ловушку с помощью агентов-провокаторов. Все время приходилось избегать получения ими какой-либо информации о нас, могущей свидетельствовать о том, что мы замешаны в какой-то антиправительственной деятельности. Однажды в комнату к Тредуэлу ворвался человек в состоянии крайнего возбуждения. Он был послан к Тредуэлу от британского генерала в Ашхабаде. Он претерпел страшные злоключения, трижды арестовывался и вынужден был проглотить сообщение. Тредуэл выразил ему свое

недоумение тем, что письмо от британского генерала могло быть послано ему таким образом. Впоследствии он узнал в предполагаемом посыльном одного из служащих, работающих в комиссариате иностранных дел.

Но не все наши посетители были такого типа. Посетил нас однажды греческий консул. А также и австрийский военнопленный по фамилии Зипсер, который был производителем взрывчатки в Манчестере и у которого была английская жена. Он спрашивал меня, не могу ли я отослать его в Индию. Получалось, что быть интернированным там до конца войны было лучше, чем жить в Туркестане. Этот австриец сказал, что он отказался производить взрывчатку для туркестанского правительства, ссылаясь на отсутствие материалов и оборудования. О его визите ко мне было доложено властям, и он был арестован, а затем его допрашивали, чтобы узнать, о чем он говорил со мной. При этом Ракмилевич угрожал ему расстрелом и даже выстрелил над его головой из револьвера.

Новости о войне мы получали из нескольких газет, издаваемых в Ташкенте «Наша газета», «Известия», «Красный фронт», «Туркестанский коммунист» и «Советский Туркестан». Эти новости обычно сводились к маленькому абзацу в темном углу под заголовком «Империалистическая война».

Позднее Мирную конференцию обозвали «Черный Парижский интернационал». Важнейшими новостями был прогресс революционного движения в других странах и речи разных комиссаров. Любимым словом журналистов было «накануне». Всегда все было «накануне» любых событий, благоприятных большевикам. Накануне падения империализма или накануне конца эксплуатации мировой буржуазии или еще проще — накануне Мировой революции или победы Красной армии и т. д. Один газетный заголовок гласил «Накануне решающего удара по всем странам Антанты для предотвращения вмешательства в дела России». Из-за недостатка бумаги эти газеты печатались на коричневой бумаге, на которой шрифт был почти не виден, а позднее, очень гармонично, на красной бумаге. Авторы передовиц, по крайней мере тех, которые читал я, ненавидели мою страну, и были при этом невежественными людьми, с крайне скудными знаниями истории и географии. Автор брал несколько фактов из устаревших книг, отбрасывал то, что не согласовывалось с его аргументами, искажал оставшиеся факты так, чтобы они согласовывались с его высказываниями, и добавлял несколько риторических выражений и лозунгов.

Бывало так, что некоторые газеты не выпускались к точным срокам, к которым мы привыкли. Однажды «Известия» вообще не

вышли. На следующий день в заголовке газеты появилось следующее объявление «Номер 92 Известий Туркцик (Туркестанского Центрального Исполнительного комитета) от 7 мая 1919 года не вышел единственно по причине того, что товарищ Федоров, ответственный глава Ташкентского издательства, не выполнил вовремя свои обязанности, не потрудился распределить керосин в типографию № 2. Это, несмотря на факт наличия требования № 1199, поданному ему 3 мая товарищем Финком, заведующим техническим отделом типографии».

Новости о сражении с нашими солдатами в Транскаспии также приходили из местных газет. Все это было очень тягостным чтением, фактически настолько, что, поверь я хотя бы только половине написанного в них, я должен был бы немедленно сдаться и сам стать большевиком! В них постоянно сообщалось о победе большевиков, в то время как индийские солдаты убегали или дезертировали после каждого столкновения с совершающей чудесные победы Красной армией. Вот перевод одного такого словесного потока «Телеграмма с Ашхабадского фронта, 29 сентября. Сегодня Попов сообщил, что эскадрон под командованием Бутченко ворвался в укрепление врага и был окружен там индийскими кавалеристами. Они прорвались через них с помощью пик и взяли в плен индийского офицера, но впоследствии они убили его, изъяв у него документы и николаевские деньги. Бутченко вернулся с его документами без потерь». Я надеюсь, что когда-нибудь представится возможность рассчитаться с товарищем Бутченко за это бездушное убийство, если, конечно, все произошедшее не является вымыслом автора газетной статьи.

Однажды утром на рассвете я был разбужен взволнованными криками мальчишек, продававших на улице газеты. Это было настолько неожиданное событие, что я купил у них экземпляр газеты. Она называлась «Анархист». Она была напечатана нелегально и была полна оскорблений в адрес комиссаров и щекотливых деталей их бывшей деятельности. Она была немедленно запрещена, а обладание ее копией строго наказывалось. Нет необходимости говорить о том, что вслед за этой газетой, имевшей оптимистический номер 1, никогда не вышел следующий номер. Как-то случайным образом в Ташкент через Ашхабадский фронт были тайно доставлены армянские газеты, напечатанные в Баку. В них сообщались более объективные новости о войне. Дамагацкий справлялся, где было возможно получить заслуживающие доверия иностранные газеты. Я сказал ему, что все получаемые мною по почте ежедневные

газеты лежат в Кашгаре. По его предложению я телеграфировал туда, чтобы их выслали мне в Ташкент. Также вместе с ними мне были посланы и мои личные письма, но они не попали ко мне, а были задержаны властями. Я умудрился получить, по крайней мере, часть из них спустя несколько месяцев.

Однажды ночью после наступления комендантского часа меня снова посетил Мандич; он снова спрашивал меня, не может ли он чем-то помочь мне. К этому времени я почувствовал, что я могу ему немного доверять. Я сказал ему снова, что я не собираюсь действовать против правительства, но что имеются два дела, которые трудно разрешимы, и в этом смысле он мог бы быть мне полезен. Первое, я осознавал, что в какой-то момент и Тредуэл, и я можем быть арестованы. Это шло вразрез со всеми дипломатическими принципами, но, тем не менее, это могло быть сделано. Если это произойдет, не может ли он устроить так, чтобы мы не попали в тюрьму? Тюрьмы были грязными, и условия содержания там были очень неприятными, и было сомнительно, что можно было там выжить при таких условиях. Мандич согласился со мной насчет условия в тюрьмах, и он обещал подумать, как можно все это устроить. Моя вторая просьба, возможно, была более опасной, если бы он на самом деле был провокатором. Она заключалась в том, чтобы меня как-то можно было предупредить заранее перед арестом. Он обещал это сделать. Затем он сказал, что Геголошвили — начальник полиции, хочет поговорить со мной лично без свидетелей. Это можно было устроить следующим образом. Три шпиона получили приказ неотлучно следовать за мной повсюду. В городе не было таксомоторов, так как все автомобили были конфискованы советскими руководителями; но несколько конных извозчиков продолжали работать. У одного из моих шпионов был велосипед, и если я даже брал извозчика, он имел указание следовать за мной. Геголошвили устроил так, что в определенный день, заранее, шпион с велосипедом получил другое задание. Другому сотруднику, наблюдавшему за мной, было приказано в случае, если я возьму извозчика при отсутствии велосипедиста, брать другого извозчика и следовать за мной. Поэтому Мандич предложил мне брать извозчика, но не на стоянке, где их стояло несколько, а дожидаться случая и найти одинокого извозчика так, чтобы шпион не смог бы тоже взять извозчика и следовать за мной. Так я и поступал. Затем я ехал куда-нибудь как можно быстрее, и потом, оторвавшись таким образом от моих пеших шпионов, я спокойно шел пешком в главное полицейское управление.[29] Так я делал несколько раз. Мне даже потом показывали отчеты моих шпионов, и я мог в них делать полезные

для меня правки. Таким образом я обнаружил, что они сообщали о каждом доме, который я посетил, и времени там проведенном. Несомненно, иногда они теряли меня из виду, и в этих случаях он придумывал программу моего дальнейшего поведения, иногда довольно привлекательную, но едва ли заслуживающую уважения!

Где-то в сентябре 1918 года советское правительство надумало послать миссию в Мешхед в Северо-Восточную Персию в штаб-квартиру наших войск под командованием генерала Маллесона, и меня попросили написать рекомендательное письмо. Принимая во внимание дело, для которого меня использовали, это была очень необычная просьба. Однако я не мог игнорировать такой удобный случай послать сообщение, которое эта миссия сможет доставить, даже не зная о нем. Эта миссия возглавлялась человеком по фамилии Бабушкин. Один из членов миссии был бывший офицер по фамилии Калашников, который был помощником Дамагацкого в Комиссариате иностранных дел.

Однажды, когда я был в Комиссариате иностранных дел, я поговорил с Калашниковым один на один. Он сказал мне, что нынешний режим собирается зайти в своих действиях слишком далеко за все мыслимые, по его мнению, пределы, и что он собирается покинуть страну и попытается использовать для этого включение его в состав этой миссии в Мешхед. Я спросил его, почему же он пишет за своей подписью такие яростные статьи в местной прессе. Он сказал, что его вынуждают делать это, но эти статьи не выражают его истинного мнения, и, в любом случае, они мягче, чем статьи, которые пишут другие журналисты. Другие журналисты — Свешников и Галш — были еще хуже. Этот Калашников был типичным представителем людей определенного типа, готовыми пойти на все ради более легкой жизни, именно такие люди и способствовали успеху русской революции. Я дал Калашникову отдельное приватное письмо британским руководителям в Мешхеде, которые не арестовали его, но отослали его к меньшевикам, которые вели вооруженную борьбу против большевиков на Транскаспийской железной дороге. Возможно, меньшевики тоже видели подписанные им статьи в советских газетах и в один прекрасный момент они расстреляли Калашникова как революционера.

Бабушкин и его помощник Афанасьев после прибытия в Мешхед были арестованы и задержаны в качестве заложников для обеспечения безопасности мистера Тредуэла, меня и других членов миссии.

Жизнь в этом коммунистическом раю была по многим

причинам неприятной. Очень грустно было видеть людей, как рабочих, так и людей из других классов общества, даже если вы и не думали о том, кто они, арестованными и поставленными в положение, которое, как вы знали, почти наверняка означало их смерть.

Немецкая нацистская практика гонения на евреев, когда они заставляли женщин из привилегированных классов мести улицы в публичных местах, была совершенно не оригинальной. Большевики арестовывали людей из привилегированных классов, многие из которых действительно работали на правительство в качестве служащих в учреждениях и вносили немалую лепту в обеспечение истинного прогресса как управленческой, так и производственной деятельности в крае, в то время как теперь представители пролетариата надзирали и унижали их, и издевались над ними. Позднее те, кто был старше пятидесяти пяти лет, были от этого избавлены. Было объявлено, что вопреки противодействию фанатичных комиссаров солдаты Красной армии проявили большую гуманность и жалость к этим старикам.

Г лава VI
Арест

Q продолжал настойчиво требовать у Дамагацкого разрешить. XL мне связаться с Кашгаром, наконец мне было сказано, что я могу принять одного курьера из Кашгара при условии, что не будет никаких шифрованных сообщений. Я телеграфировал Этертону в Кашгар, и 13 октября получил к моему большому удивлению опечатанную и нетронутую сумку. Посыльный был отставным солдатом из 11-го Бенгальского уланского полка. По дороге у него были небольшие приключения. Несмотря на его бумаги, в которых было сказано, что он британский курьер, он был арестован в Коканде и провел там два дня в тюрьме. Он был задержан на день в комнате охраны на станции Черняево, но потом ему опять разрешили двигаться дальше. Прибыв в Ташкент в обеденный перерыв, он ушел с вокзала без всяких расспросов со стороны кого-либо.

Я уверен, что у властей было намерение проверить его багаж до того, как он попадет ко мне, но у полиции был обеденный перерыв, и им было лень заниматься такими вещами в это время.

Приблизительно в это время по радио было получено адресованное мне сообщение, предписывающее мне вернуться в Индию. Власти никогда не говорили мне об этом, а я не мог дать им понять, что я знаю об этом. Иначе я бы подверг опасности своих информаторов. «Опасность» в это время в Ташкенте означала не расстрельную команду, а вышибание мозгов пистолетом.

Было любопытно и даже неловко узнавать тайным образом дела, которые большевики пытались утаить от меня. Сэру Джорджу Макартни позволили отправить одно короткое кодированное сообщение по телеграфу из Ташкента; оно было принято в Индии, но его не смогли дешифровать. Индийское правительство прислало мне телеграфное сообщение с просьбой повторить сообщение в другом коде. Я знал об этом и спросил Дамагацкого, не приходил ли ответ из Индии для сэра Джорджа. Я ожидал, что он скажет мне об этом полученном ответе.

Дамагацкий сказал, что никакого ответа не приходило, а я не мог сказать ему, что он лжет, так как я видел ответ, и даже принес ответное сообщение на него, которое лежало у меня в кармане. Это создавало трудности для моих источников информации, и поэтому я не мог послать ответ на телеграмму из Индии.

После получения этих писем из Кашгара я пришел к Дамагацкому и поблагодарил его за содействие в прибытии моего курьера и сказал, что я получил приказ возвращаться; он с трудом смог скрыть свое замешательство. Приказа о моем возвращении на самом деле в прибывшем багаже не было, но он был в телеграмме, о которой я знал, и которую Дамагацкий скрыл от меня. Он сказал, что подумает над этим, и на следующий день 14 октября я вручил официальную просьбу на своей бумаге. Ответ на нее так никогда и не был получен.

Тредуэл был в контакте с казачьим полковником, который был у него переводчиком. Положение этого полковника было трудным и опасным, но никто из людей этого класса в Ташкенте не мог упустить предоставлявшуюся возможность заработать на жизнь. Тредуэл платил ему за помощь по переводу русской прессы и за другую подобную работу, но не за работу против большевистского правительства. Но однажды он сказал Тредуэллу, что он должен отказаться от работы у него, так как ему стало известно, со слов его друзей, что все офицеры Антанты и работавшие на них русские сотрудники должны быть арестованы, «как это было сделано в других частях России». И как мы впоследствии узнали, было даже приказано «их ликвидировать», если не удастся произвести аресты бесшумно и затем надежно их изолировать. Телеграмма, содержащая этот приказ, была подписана Караханом.[30] Он был в тот момент заместителем комиссара иностранных дел Чичерина в Москве. Сам Кара-хан был армянином из Тифлиса и являлся одним из старейших революционеров, но в Туркестане о нем мало кто слышал! Он трижды сидел за свою революционную деятельность при царе. Впоследствии одно время Карахан был послом Советской России в Китае, но, в конце концов, он сам был уничтожен во время «чистки» в декабре 1937 года. Карахан был нашим злейшим врагом и приказал советскому министру организовать поставки оружия для Кабула в северо-западные пограничные с Индией районы племенам, которые всегда создавали для нас проблемы. Туркестанское правительство телеграфировало в Москву для подтверждения и выяснения деталей приказа о нашем аресте. Я, конечно, услышал об этом ответе от своих друзей, и был уверен, что Мандич предупредит меня о намечавшемся нашем аресте.

Поздней ночью 14 октября Мандич навестил меня и сообщил, что Тредуэл, Эдвардс, Ифтекар Ахмад — мой помощник и я, все будем арестованы в шесть часов вечера следующего дня. Я знал, что Тредуэл обедает с людьми в нескольких шагах отсюда, имея специальное разрешение Цирюля на позднее передвижение по

улицам. Я рискнул нарушить запрет на передвижение по городу после комендантского часа, выбежал и сообщил об этом ему. Мы знали, что Туркестанское правительство не получило до сих пор ответа на свою телеграмму, посланную в Москву, касательно нас, и мы не знали, что и думать относительно приближающегося ареста, но решили, пусть все идет своим чередом. Во всяком случае, думали мы, после нашего ареста будут оправданы любые действия, предпринимаемые нами.

На следующий день я предупредил Эдвардса, рассказав ему о складывающейся ситуации, уничтожил некоторые свои бумаги, спрятал свою личную корреспонденцию в безопасное место, но оставил на виду несколько писем от торговцев. Полное отсутствие у меня каких-либо писем могло вызвать у властей подозрение и повлечь тем самым за собой более тщательные поиски. Я спрятал австрийскую военную форму, которую я приобрел на случай возникновения необходимости замаскироваться. Я также написал письмо сэру Гамильтону Гранту, секретарю иностранных дел в Дели, содержание которого должно было сбить с толку моих тюремщиков. В нем я писал, что не имею возможности вернуться из-за некоторого недопонимания с властями, которые подозревают меня, докучают мне слежкой и могут даже дойти до такой глупости, как арестовать меня в пренебрежение ко всем дипломатическим процедурам. Я писал, что, если только я не смогу убедить советское правительство относиться ко мне более корректно и дружески, я не вижу причин оставаться и постараюсь предпринять все возможное, чтобы уехать. Упор в моих расчетах был сделан на определенные слабости властей, и, как оказалось, расчет мой оказался верным. Еще я добавил несколько правдивых слов о положении дел в Туркестане, в том числе утверждение, что один из лидеров местных племен Иргаш поднял мятеж во главе шестнадцати тысяч мусульман в Фергане, «поддерживаемый и финансируемый Турцией и Германией». Следует напомнить, что война все еще продолжалась, и, как мне казалось, не будет большого вреда, если я сумею внести некоторое напряжение в отношения между нашими врагами и советским правительством. Как оказалось, это предложение в моем письме имело существенное значение для меня и, возможно, даже спасло мне жизнь.

Около шести часов вечера 15 октября, в момент моего предполагаемого ареста, я вышел навестить Эдвардсов. Предполагая, что миссис Эдвардс останется на свободе, я хотел убедиться, что она твердо усвоила способы секретной связи, которые могли нам пригодиться.

Пока я звонил в их дверной звонок, ко мне подошел мой

старый знакомый Геголошвили с помощником и несколькими солдатами и членами Следственной комиссии. Они, как и их преемники Чека, имели неподконтрольные властям права. Они увели меня обратно в мою собственную квартиру. Я выразил удивление в ответ на такой грубый акт насилия и пожелал узнать, по чьему приказу они действуют. Они ответили, что «по приказу следственной комиссии».

— «Колесов и Дамагацкий знают об этом и одобряют это?»

— «Да, знают».

Позднее я обо всем этом спросил Дамагацкого, но он это отрицал, сказав, что эта комиссия имеет полномочия действовать по своему усмотрению, и что ни он, ни кто-либо из членов правительства обо всем произошедшем не знали. Было ясно, что я сам все знаю, и Геголошвили знал, что я это знаю, но даже взглядом мы не дали понять друг другу об этом. Я был убежден, что комиссия не информировала о происходящем туркестанское правительство. Это стало ясно из их обращения с Тредуэл ом. Мои тюремщики сказали мне, что Тредуэл арестован, и показали мне письмо протеста, которое он вручил им в момент своего ареста. Я сказал, что также вручу им письменный протест для немедленной передачи его правительству. Я также добавил, что понимаю, что они являются только простыми исполнителями неприятных обязанностей, которые они должны осуждать и которые могут привести к серьезным последствиям, и что я не испытываю к ним личной неприязни. Не хотят ли они выпить по стакану вина и выкурить по сигаре? Геголошвили, понимавший, что это только игра с моей стороны, с трудом сохранял серьезность. Он знал, что я был совершенно точно осведомлен о том, что передо мной не рядовой исполнитель, а глава следственной комиссии собственной персоной! Они в свою очередь весьма прохладно восприняли мое радушие.

Тем временем солдаты тщательно обыскали все мои вещи и забрали каждый клочок исписанной бумаги. Я попросил их оставить мне тетрадь, в которую я записывал русские слова и правила грамматики, но и в этом мне отказали. Они также забрали мой револьвер (но, правда, у меня был еще другой). Все мои вещи были брошены в беспорядке. В маленькой прихожей был оставлен вооруженный солдат, который беспрерывно следил за тем, сижу ли я в своей комнате. Я постарался подружиться с ним, предложил ему чай и сигареты, и пообещал не убегать ночью, заверив его, что он может спать спокойно. Он, однако, оказался весьма грубой личностью. Он сказал мне, что был ранен на империалистической войне и, показав мне на свою винтовку, сказал, что лучше мне не суетиться во избежание последствий.

Позже, к ночи, к нему присоединился другой надзиратель, который остался в моей спальне на всю ночь. Этот второй был более приятным юношей лет семнадцати, служившим официантом в ресторане «Регина».

На следующее утро он остался один меня охранять, в то время как мой суровый друг ушел, как я предположил, завтракать. Этот юноша уснул, и я воспользовался благоприятной возможностью и прогулялся в маленьком садике, при этом я легко мог бы покинуть дом. Мой тюремщик проснулся от какого-то шума и позвал меня назад в дом; я сказал ему, что хочу купить яблок во фруктовом киоске на углу улицы. Он сказал, что я не имею право это делать. Я настаивал, открыл дверь и вышел на улицу, а он пошел за мной со своей винтовкой, протестуя. Я прошел нужные пятьдесят метров, купил свои яблоки, угостил его, и мы вернулись в дом.

Весь город уже знал о нашем аресте, и многие думали, что Тредуэлл и другие, в том числе и я, были расстреляны. Меня навестили две девушки, жившие у мадам Уграхелидзе в школе, которые тревожились и интересовались сложившейся у меня ситуацией. Мой караульный открыл дверь и пригрозил им своей винтовкой и штыком, а мне не разрешил даже поговорить с ними. Следующим моим посетителем был капитан Брюн, который встретил такое же обращение. Некоторое время спустя я сел за свой стол в комнате, а мои караульные на стулья у противоположной стены напротив меня. Дверь в сад была открыта, но с того места, где они сидели, сад был плохо виден, а я видел мою хозяйку дома в саду, делавшую мне странные знаки. Я не понял, что она хочет сообщить, но был готов ко всему. В следующее мгновение дама, которую я встречал однажды с Тредуэлом, быстро из сада вошла в комнату так, как будто она ничего не знала об охране, и протянула руку. Я был к этому готов, поэтому вскочил, направился к ней, но мы только успели пожать друг другу руки, после чего стражники остановили ее и выпроводили вон. Все было проделано ею виртуозно, и я обнаружил в своей руке маленький клочок бумаги. Это было сообщение от Тредуэла, в котором сообщалось, что он был арестован накануне вечером, и что он тут же позвонил Цирюлю, который немедленно направился к Колесову и Дамагацкому и стал настаивать на освобождении Тредуэла. Цирюль подчеркивал, что Тредуэл был официально аккредитованным консулом, и что его арест может грозить ужасными неприятностями и еще больше отдалить то, что власти желали получить более всего — официальное признание республики другими странами. В своей записке ко мне Тредуэл сообщал, что Колесов и Дамагацкий

приехали к нему этим вечером и освободили его, принеся свои извинения от имени правительства. Тредуэл обещал сделать все возможное, чтобы освободить меня.

Следующим посетителем был сам Геголошвили, который сообщил мне, что комиссия приедет ко мне в час дня, чтобы задать некоторые вопросы. Они прибыли точно в указанное время на автомобиле и двух конных повозках. Главным был молодой человек по фамилии Сидоров и был еще мрачный грубый человек по фамилии Лобов, который был самым неприятным из всех людей, арестовавших меня. Всего было шесть членов комиссии, у всех были револьверы, а сзади каждого из них стоял вооруженный солдат. Беседа велась частично по-персидски — с Геголошвили, частично по-французски — с одним из его помощников, а частично на русском языке, но очень несовершенном. Это подтвердилось высказанным позже недоумением моей домохозяйки миссис Гелодо. Она сказала мне, что слышала все происходящее через замочную скважину из своей комнаты, и ей очень хотелось бы узнать, на каком языке я разговаривал с Геголошвили.

Я начал беседу с очень энергичного протеста против моего ареста. Я сказал, что когда известие о нем достигнет Палаты общин, не хотел бы я быть на месте людей, которые приказали это сделать. Я понял, что в глазах такого типа людей, находившихся на службе у большевиков, Палата общин была собранием черни, то есть таких людей, которые сами были почти что большевиками, само название как бы это подчеркивало. С другой стороны, по их мнению, Палата лордов была чем-то вроде контрреволюционной Белой гвардии, и они приходили к некоторому виду компромисса при управлении страной! И эти люди очень хотели, чтобы о них сложилось хорошее мнение у Палаты общин.

Я настаивал, чтобы мне назвали причину моего ареста и дали разрешение сообщить о нем немедленно по телеграфу в Индию. В этом мне было отказано. Председатель комиссии затем сказал «Обвинение против вас заключается в том, что вы передали два миллиона николаевских рублей Иргашу, который поднял мятеж в Фергане».

Я рассмеялся и сказал «Это выглядит очень глупо», — предъявлять мне такое дурацкое обвинение «Я ничего не давал Иргашу. Но я знаю, кто это сделал. На самом деле весь Ташкент знает, что Иргаш получил два миллиона от Германии, от немецких агентов, в таких-то и таких-то домах, на таких-то и таких-то улицах, в такое-то время и такого числа». Я знал адреса, где проживали немцы, придумал дату и время и использовал ими

же названные цифры — два миллиона. Такое точное перечисление вызвало у них значительное замешательство и энергичный обмен мнениями. Наконец Лобов сказал «Это все чепуха, и вы все это выдумали».

Я возразил «Может быть, конечно, что я это все и выдумал, но даже если это и так, то я выдумал это не сегодня, так как я написал это в отчете своему правительству».

Тогда председательствующий сказал «У вас есть копия этого отчета?»

«Нет», — ответил я «Я знаю, что руководство Туркестанской республики не очень знает или не очень уважает дипломатические обычаи. За мной повсюду следуют шпионы, полиция тревожит меня по ночам и обыскивает мои ящики. Каждый день в газетах печатаются статьи против моей страны и меня, и я ожидал нарушения дипломатического иммунитета и выпадов такого рода в любой момент. Я не держу копии вообще чего-либо».

Это вызвало торжествующую усмешку у Лобова «Вы никогда и не писали такой рапорт».

«Нет писал. И хотя по выше изложенным причинам у меня нет копии, сам отчет у вас в руках. Курьер, который, как обещал мне мистер Дамагацкий, может быть послан в Кашгар, до сих пор не получил свой паспорт, и подлинный отчет находится среди бумаг, отобранных у меня вами вчера ночью в результате акта насилия, о котором обязательно узнает Палата общин».

Тогда они послали на машине солдата, который привез мой портфель с бумагами. Как оказалось, их не трогали с момента изъятия их у меня прошлым вечером.

«Который из них ваш отчет, на который вы ссылаетесь?»

Я вынул письмо в официальном конверте с большой красной печатью (я немного опасался, что я перестарался с печатью).

«Вот отчет, на который я ссылаюсь».

«Откройте его».

«Я отказываюсь это сделать. Это конфиденциальный документ, написанный моему правительству. Вас двенадцать вооруженных мужчин в моей комнате, и я, конечно, не могу воспрепятствовать вам взломать эту печать, но я не могу позволить себе оказаться тем человеком, который это сделает. Когда известие обо всем этом достигнет Палаты общин, они заявят протест Москве».

Геголошвили, который знал о том, что я предупрежден заранее, предположил, что это какая-то уловка, и с трудом сохранял серьезное выражение лица. Письмо пошло по кругу, печать внимательно осматривали, но никто не отважился ее

взломать. Наконец один из членов комиссии сказал «Давайте рассуждать разумно. Мы выдвинули обвинения против вас. Вы говорите, что в этом конверте содержатся сведения, которые опровергают эти обвинения. Разве не в ваших интересах его открыть?» Я начал испытывать опасения, что преувеличил опасность открытия кем-нибудь этого письма, и стал бояться, что письмо вообще не будет открыто, а это будет весьма печально для меня, так как я и писал-то его именно после того, как меня предупредили о возможном приходе этих визитеров. Тогда я ответил:

«Конечно, я заинтересован, начиная с того момента, как вы меня об этом попросили; но я отказываюсь сделать это под нажимом ворвавшихся в мой дом двенадцати вооруженных людей, приказывающих мне раскрыть содержание конфиденциального документа. Я должен, однако, выдвинуть условия. Вы предъявили мне обвинения, а я говорю, что содержание этого письма доказывает, что они безосновательны. Есть ли у вас какие-нибудь еще другие обвинения?

Может быть, в этом письме есть ссылки и на них, я же не знаю».

«Нет. У нас нет других обвинений».

«Тогда я должен поставить условие. Я позволю вам увидеть только ту часть письма, которая опровергает ваше обвинение в том, что я платил деньги Иргашу. Вы согласны?»

После небольшой дискуссии они согласились, и я открыл письмо. Я прикрыл ту часть письма, в которой не шла речь про Иргаша, и человек, который говорил немного по-французски, подошел, и я перевел предложение о турецком и немецком финансировании Иргаша слово в слово по-французски. Он убедился, что мой перевод верен.

К этому моменту миссис Гелодо, которая естественно все слушала через замочную скважину со своей половины дома, пригласили на мою половину, и она перевела отрывок письма с английского на русский. Они были, несомненно, удовлетворены, и мнение стало склоняться в мою пользу. Один только Лобов оставался угрюмым, подозрительным и пребывающим в некотором замешательстве.

Пока продолжалась эта беседа, я взял другой конверт из выдвижного ящика, надписал на нем адрес, запечатал его и положил на стол.

Затем один из членов комиссии сказал «Мы извиняемся за беспокойство, но это чрезвычайно важно. Можем мы сделать точную копию на английском языке той части вашего письма?»

Я согласился, снова открыл письмо, и миссис Гелодо

скопировала нужные предложения. Как только это было сделано, я запечатал письмо в новый конверт.

Затем комиссия сказала «Мы извиняемся за новое беспокойство. Мы хотим посмотреть все письмо».

«Я, конечно, не могу этого позволить. Вы согласились на мои условия. Конечно, мне приходится подчиняться силе двенадцати вооруженных людей, но это только усиливает ответственность тех, кто это сделает, когда эта известие об этом достигнет Палаты общин».

«Тогда откройте его снова только для того, чтобы мы могли взглянуть на его дату».

«Я даю вам слово, что оно было написано вчера. Я не открою его снова, так как сейчас я использовал все свои конверты, и сейчас мне найти такую вещь в Ташкенте просто невозможно».

Все было оставлено как есть, и письмо осталось запечатанным. Затем я потребовал встречи со своим клерком Хан Сахиб Ифтекар Ахмадом, который также был арестован. Эта встреча была разрешена при условии, что я буду говорить с ним только по-персидски в присутствии одного из них. Не должно было произноситься ни слова по-английски или на хиндустани. Я согласился после протестов, и наш разговор состоялся в пять часов вечера.

Затем они все вышли и продолжили длительную беседу на тротуаре, за которой я наблюдал через окно. Затем они вернулись к парадной двери, позвали моего часового и крикнули мне «Вы свободны!» Я подошел к двери и спросил их об Ифтекар Ахмаде и Эдвардсах, которые также были арестованы, и они ответили, что они также все свободны.

Они содержались в специальном изоляторе следственной комиссии. Там какой-то парень-заключенный сказал Ифтекару, что он был послан ко мне с сообщением от Иргаша, но был арестован до того, как он смог доставить сообщение. Я предостерегал Ифтекара о возможности такого случая. Он поэтому ответил, что меня не интересует движение Иргаша или его намерения. Я надеюсь, что этот, очевидно, агент-провокатор донес полученную информацию до своего начальника, и что этот начальник поверил этой информации.

Другим сокамерником Ифтекар Ахмада был человек, который был схвачен при обмене николаевских (царских) денег на советские деньги с наценкой, не выгодной для последних. Эта была вещь, которой занимались абсолютно все, включая меня.

Впоследствии я узнал, что когда следственная комиссия докладывала о результатах моего допроса Колесову, он очень расстроился и сказал «Мы все время следили не за теми людьми,

и растратили десять тысяч рублей на танцовщицу в гостинице «Националы), чтобы следить за ними». Эта девушка находилась в комнате, расположенной напротив комнаты Тредуэла, когда он и я жили в гостинице «Националь». Она, очевидно, была шпионкой, так как сидела, читая книгу, с раскрытой дверью, чтобы видеть его комнату. Она рассказывала другу Тредуэла, что ей заплатили за то, чтобы она попыталась войти в контакт с ним, и что она ненавидит эту работу, и что не нанесла вреда Тредуэлу.

С этого момента власти удвоили интенсивность слежки за Тредуэлом и мной, каждого из нас теперь сопровождало по шесть шпионов, отслеживающих наши перемещения, для уверенности в том, что мы не исчезнем до получения ожидаемого ответа из Москвы.

На следующий день, 17 октября, я отправился в комиссариат иностранных дела и имел разговор с Дамагацким. Я спросил его по поводу ответа на мое письмо, направленное ему 14 октября, в котором я испрашивал необходимые документы, разрешающие мое возвращение в Кашгар. Я сказал, что удивительные события, имевшие место на днях, помешали мне увидеться с ним до этого. Он сказал, что ничего не мог поделать с этой «глупостью», но не принес извинений, как это было сделано в случае с Тредуэл ом. Дамагацкий сказал мне, что он не был на работе четыре дня, поэтому ничего не сделал по поводу моей просьбы, изложенной в моем письме. Я знал, конечно, что он ожидает ответа на свою телеграмму, посланную в Москву. Я увиделся с ним снова на следующий день и настойчиво требовал от него любого ответа на мои бумаги. Он тогда сказал, что он не может ничего сделать, но я могу обратиться к Колесову — главному комиссару. Я немедленно стал звонить Колесову с просьбой о безотлагательной встрече. Мне ответили письмом, что он сегодня меня не может принять, но может увидеться со мной в Белом доме на следующий день, 19 октября, в любое время между десятью и двумя часами. (Он продолжал надеяться, что ожидаемые приказы из Москвы придут до того, как он встретится со мной.) Я пришел к десяти тридцати и встретил его выезжающим из ворот на автомобиле. Он увидел меня и мисс Хьюстон, помогавшую мне в качестве переводчика, и отмахнулся от нас, но я продолжал стоять в воротах, и шофер был вынужден остановиться.

Я сказал ему «Вы назначили мне встречу, и вот я пришел». Он в ответ сказал мне, что его неожиданно куда-то вызвали, и что он встретится со мной в пять часов пополудни. Я знал, что он не даст мне разрешения, ожидая получения дальнейших указаний из Москвы относительно меня, и, возможно, будет избегать этой беседы до тех пор, пока не получит инструкции из «центра».

Я сказал «У меня дело очень короткое и может быть урегулировано незамедлительно. Вы собираетесь выдать мне мои бумаги и позволить мне вернуться в соответствии с приказом, полученным мной из Индии, или нет? Я послал официальное письмо в комиссариат иностранных дел неделю назад, на которое не получил ответа, а комиссар иностранных дел направил меня к вам как к главе правительства».

«Я не могу позволить вам уехать. У моего правительства имеются сильные подозрения в отношении вас, хотя лично у меня их нет». (Комиссар всегда говорил в такой манере, так как он старался избегать персональной ответственности на случай резкого изменения обстановки.) «Я вам дам точно знать через три или четыре дня» (то есть когда он получит ответ из Москвы).

«Я полагаю, вы понимаете к чему приведет удержание официального представителя другого правительства против его воли?»

«Я не уверен, что у вас есть какое-либо официальное положение».

«Могу я связаться по радио с Индией, чтобы прояснить свое положение?»

«Да, вы можете послать сообщение, но только открытым текстом, не шифрованное». И после этого он уехал. Было очевидно, что я не получу разрешения уехать, и что, если ответ из Москвы будет неблагоприятным, Тредуэл, Эдвардсы, Ифтикар Ахмад и я будем арестованы снова. Я на самом деле уже и не ожидал получить свои бумаги, но я подумал, какие же еще объяснения будут придумываться в случае моих дальнейших попыток их получить, чтобы мне отказать? Я обсудил ситуацию с Тредуэл ом. Его положение было намного более благоприятным. Он был направлен сюда в Ташкент в качестве Генерального консула послом Соединенных Штатов в Петрограде и имел подобающие дипломатические документы.

Туркестанское правительство немедленно освободило его и извинилось перед ним, когда он был арестован, и он во многих случаях признавался официальным лицом. Чувства против Америки были не столь сильны, как против нас. Верно, что американские солдаты воевали на побережье около Мурманска, но это было очень далеко от Туркестана. А наша поддержка меньшевиков в Транскаспии мешала Красной армии «ликвидировать» этот «фронт» и таким образом очистить дорогу к Красноводску и Баку с его нефтью и установить связь с Россией через Каспий и Астрахань, откуда можно было получить поставки военной амуниции. Пресса не скупилась на слова для воодушевления армии и населения в этом направлении. Даже

если я не буду репрессирован правительством, всегда оставалась вероятность, что солдаты, пьяные или трезвые, возьмут это дело в свои собственные руки. Часто случалось, что группы солдат врывались в тюрьму и расстреливали заключенных, вероятно, случайным образом. Я продолжал думать, что наши солдаты, противостоящие большевикам в Транскаспии, продвигаются к Ташкенту, и таким образом будет меньше затруднений, если я буду свободен и смогу помочь им информацией. Более того, Тредуэл и я считали, что лучше можно благоприятствовать помощи нашему общему делу — борьбе за победу союзников в войне, если один из нас будет свободен, хотя бы даже и находясь на нелегальном положении, чем, если оба будем в тюрьме или под плотным наблюдением. Поэтому я сделал все необходимые приготовления, чтобы моментально исчезнуть, если неблагоприятный для меня ответ из Москвы сделает это целесообразным.

Я собирался переодеться в австрийскую военную форму, выйти из Ташкента в сумерки — конечно, еще до наступления комендантского часа — и не останавливаясь, пройти ночью десять или пятнадцать миль. Затем я собирался прилечь у дороги, а мой друг Петров должен был поехать утром по этой дороге на повозке и подобрать меня, а затем отвезти меня на метеорологическую станцию, где я мог бы пробыть в безопасности несколько дней и подготовиться к переходу через горы в Фергану и далее в Китай.

Глава VII
Я исчезаю

20 октября я обедал с Тредуэлом в его доме с Ноевыми, когда зазвонил звонок входной двери. Младшая дочь Ноевых открыла дверь и взяла маленькую записку у незнакомой седоволосой пожилой леди. Записка была написана по-английски красными чернилами, в ней сообщалось, что мы все будем снова арестованы, а в конце была малоприятная приписка «Положение Бейли особенно опасно, не исключается и расстрел». Это было не самое лучшее блюдо, поданное к нашему столу. Сообщение было датировано 18 октября, то есть за день до моей беседы с Колесовым в его автомобиле. Я был уверен, что получи Колесов это сообщение в момент нашей беседы с ним, он, конечно, отдал бы приказ о моем аресте, но такого рода вещи в Туркестанском правительстве делались очень медленно, требовалась пара дней, чтобы сообщение расшифровали и передали для исполнения. Уже было 20 октября, и можно было ожидать стремительного развития событий в любой момент.

Поскольку в советской истории это был период публичной, несекретной дипломатии, то Советским правительством было принято публиковать переписку, которая в других странах считалась конфиденциальной. И 1 ноября 1918 года в ташкентской «Нашей газете» появилось такое сообщение

Радиограмма из Москвы

В ответ на вашу телеграмму относительно продвижения британских солдат и принятых вами репрессивных мер предлагаем вам принять следующие меры:

(1) Интернировать всех представителей Антанты в возрасте от семнадцати до сорока восьми лет, за исключением женщин, детей и рабочих, которые поддерживают большевиков, также делая исключения для других групп, если этого требует политическая обстановка.

(2) Прекратить любые оплаты британским подданным и их союзникам.

(3) Арестовать всех официальных представителей,

конфисковать их корреспонденцию и выслать ее в наш адрес.

(4) Принять строгие меры против всех, кто сотрудничает с британскими подданными или их союзниками.

Во-вторых, предлагаем объявить всех англичан заложниками, не подходящими и полностью подпадающими под пункт номер один. Не должно быть никаких исключений для официальных представителей Союзников, так как их лживая тенденциозность по отношению к Советским руководителям является хорошо нам известной уловкой для введения в заблуждение местных руководителей.

Считать данные инструкции распоряжением центрального правительства и докладывать нам об их выполнении.

Что с полковником Бейли? Ваша дальнейшая предупредительность сейчас вредна. Он должен быть арестован немедленно.

Народный комиссар (подпись) Карахан.

В своей злобной передовице газета «Советский Туркестан» заявила несколькими днями позже, что все британские подданные были задержаны в качестве заложников и будут оставаться таковыми до тех пор, пока британские солдаты не покинут Туркестан.

Я очень старался, чтобы никто не знал о моих планах. Программа приготовлений к моему исчезновению была известна только Петрову, который должен был выехать и подобрать меня по дороге, и человеку, который помог мне переодеться в форму австрийского военнопленного. Пока мы обедали, Ноев сказал мне «Я не хочу вмешиваться или интересоваться вашими делами, но, как мне кажется, ваше положение критическое, и я думаю, вам следует позаботиться о том, чтобы укрыться сегодня».

«Я уже все именно так и сделал», — сказал я.

«Это очень предусмотрительно с вашей стороны. Возможно, с моим знанием ситуации я мог бы вам быть полезен».

Тогда я изложил ему свой план, конечно, не упоминая Петрова.

«Я думаю», — он сказал, — вас, конечно, постараются поймать на саларском мосту». Это был мост через реку С ал ар на границе города. Там всегда дежурит патруль, и вечерами они часто задерживают подозрительных людей для допросов их следующим утром. Если бы дело касалось меня, то я бы вам

настоятельно рекомендовал самому укрыться в Ташкенте дней на десять, пока не улягутся страсти, потом вы сможете выбраться более безопасно».

Мне было очень отрадно услышать этот совет. Я не знал, конечно, страну, и поэтому был вынужден двигаться вдоль главной дороги. Впоследствии я обнаружил, что в селе Никольском[31] в четырех верстах (поскольку верста немного больше чем километр — на расстоянии порядка двух-трех миль) от Ташкента находился пост, который был обязан проверять всех людей, проходящих через село ночью. Даже если бы я перебрался через саларский мост, я был бы задержан там.

Мы обсудили ситуацию с Тредуэлом и решили, как мне лучше поступить. Это было, конечно, связано с проектом немедленного превращения в австрийца. План зависел от наличия подходящего укромного места в городе на очень короткое время. Ноев сказал, что он может это устроить. Это должен был быть неприметный дом, один из тех, с которым я никак не был связан. Все дома, которые я когда-либо посещал, конечно, будут обыскивать. Затем я пошел на мою собственную квартиру, чтобы сделать окончательные приготовления. Я достал мой австрийский китель и фуражку и отнес их в определенный дом, в котором я их и оставил. Дом был один из ряда домов на улице.

Мой план состоял в том, чтобы войти в этот дом обычным, не вызывающим подозрения образом, очень быстро переодеться, пробежать через сад, находящийся позади дома, и выйти на улицу намного дальше от этого дома. И сделать это так быстро, чтобы даже шесть шпионов, находившихся достаточно далеко друг от друга и следивших за мной, не заподозрили, что австриец, вышедший из дома вдалеке на улице, и есть тот самый человек, за которым они следят, и который, как они только что видели, вошел в другой дом и был одет совершенно другим образом.

В Лондоне и в большинстве городов Великобритании маленькие садики позади домов отделены друг от друга солидной кирпичной стеной, но в Ташкенте они отделялись деревянными перегородками, в которых обычно были калитки. Заранее было устроено так, что все калитки были открыты, а в дружеском доме, выходящем на улицу, меня ждал человек, который помог мне выйти на улицу. Сущностью этого плана была скорость. После того как я оставил свою форму в этом доме, я вернулся домой и уничтожил некоторые свои бумаги. В момент моего ареста полицией был составлен список принадлежащих мне вещей. Я понимал, что человек, у которого будут обнаружены мои вещи, будет подвергаться смертельному риску, и я подумал, что

власти могут даже устроить специальные поиски утерянных вещей из этого списка. Однако я рискнул спрятать некоторые особо ценные и полезные вещи, такие как свой бинокль, телескоп, фотокамеру и т. д. Много позже мой телескоп был найден спрятанным у людей в сумке с мукой и конфискован, но он не был признан моим. А вот человек, у которого был спрятан мой бинокль, был расстрелян большевиками во время случившихся позже «январских событий», и таким образом я потерял и свой телескоп, и свой бинокль.

Большинство моих вещей по вышеназванным причинам осталось в доме, и я никогда их так больше и не увидел. Свои фотокамеры я позже получил назад, и они даже хорошо использовались, хотя, я боюсь, вначале довольно нервозно, но позже, когда я укрепил свое положение, с большей уверенностью.

Мои частные письма были сожжены, но копия дневника была сохранена одним моим другом. Он впоследствии был сожжен, когда его дом подвергался опасности обыска. Как только я узнал об этом, я восстановил его по памяти, насколько это было возможно.

Я также велел исчезнуть Хан Сахиб Ифтекар Ахмаду. Ему это было нетрудно сделать. Он говорил по-тюркски, и он мог выдавать себя за сарта. Покинув Ташкент и путешествуя по стране, он был схвачен и задержан на короткое время людьми Иргаша, но, в конце концов, благополучно достиг Кашгара 7 декабря.

У меня было двое слуг, Хайдер, типичный пенджабец, и Ибрагим — мальчик-турок, которого я получил от Шахзода Абдул Рахим Бека. Этот последний был боязливый, и я не доверял ему, боясь, что он помешает мне уйти в случае опасности, поэтому я не сказал ему ничего. С другой стороны, на Хайдера я полагался.

Я предварительно дал каждому из них значительную сумму денег на случай моего внезапного и неожиданного ареста. Она была вшита в их одежду. Я сказал Хайдеру, что после моего исчезновения он будет арестован и допрошен. Он должен был сказать, что я сказал ему за несколько дней до этого, что мы собираемся вернуться в Кашгар; что позже я был очень сердит из-за задержки с нашим возвращением, и что он предполагает, что я бросил его и уехал сам. Он был рабочий, и его единственным желанием было вернуться домой в Пенджаб. Я сказал ему, что если он сделает это, у него не будет никаких неприятностей кроме некоторых угроз и допросов. Конечно, он не знал, где находился я. Я сказал ему, чтобы он находился дома, насколько это будет возможным, во всяком случае, держался невдалеке от дома миссис Гелодо, так, чтобы я мог найти его и дать ему

дальнейшие указания. Я сказал, что ему необходимо найти какую-нибудь работу и зарабатывать деньги. Если он не будет это делать, власти могут заинтересоваться, откуда он берет средства к существованию, и заподозрить его в связи со мной и создать ему дальнейшие неприятности.

На какое-то время летом Хайдер получил работу, он должен был поливать с помощью емкостей из-под керосина водой из арыков пыльные дороги. В остальное время он продавал газированную воду и лимонад на улице. Моим последним указанием ему, когда я покидал дом, было прийти ко мне на следующее утро, позвонить мне как обычно и тут же доложить миссис Гел од о, что меня нет и что в постели я не спал. Затем он должен предоставить событиям идти своим чередом.

Я надел пару австрийских сапог, а затем поверх сапог надел свои серые брюки, не заправляя их в сапоги, как это обычно делали военнопленные. Мои шпионы, как всегда, следовали за мной, но, может быть, благодаря моим протестам Дамагацкому, на значительном расстоянии от меня и не заметили одетых мною сапог. Я снял свой пиджак, который я оставил в доме, и надел легкое пальто и шляпу. Я прогулялся в сумерках к Ноевым, где мне дали еды и маленькую бутылку бренди. Пока я был там, Ноев, который был юристом, получил телефонное сообщение «Я займусь этим судебным делом завтра». Это означало, что приготовления в моем укромном месте сделаны. Затем я пошел в дом, в котором все было приготовлено для моего перевоплощения. Я позвонил в дверной звонок, мне ответили, и я спросил нормальным образом, есть ли кто-нибудь. Затем я вошел, и уличную дверь за мною закрыли. Тут же все завертелось очень быстро. Я сбросил свое пальто, надел австрийский китель и фуражку, которые лежали наготове на обеденном столе, заправил брюки в сапоги, завернул свою шляпу в пальто и вынес быстро их с собой в сад, затем через открытую калитку прошел в следующий сад и так далее. Одна из калиток на моем пути была закрыта и заперта уже после того, как мои друзья открыли ее для меня. Пара добрых ударов сломала палисад, и я продолжил свой бег. Через несколько домов меня встретил Петров, который был посвящен в мой первоначальный план исчезновения. Он быстро провел меня через дом, и я вышел на улицу. План сработал хорошо. Я проделал все это за невероятно короткое время, и когда я вышел на улицу, то в другом конце улицы увидел шестерых шпионов, наблюдавших за домом, в который я вошел.

Я испытывал странное чувство, идя по улице в чужой военной форме. Я все время осознавал, что на моей фуражке красуются буквы F.J.I. Я знал, что около тридцати тысяч австрийских

военнопленных находились вместе около четырех лет, и не знал, обратят ли они внимание на чужое лицо, и хотя я встречал некоторых австрийских военнопленных на улице, я даже не взглянул на них.

Позднее, когда я получил доступ к секретным отчетам полиции, я обнаружил, что мои шесть шпионов доложили в рапорте, что я вернулся домой незадолго до наступления комендантского часа, и я мог только догадываться, что же на самом деле произошло. Я уверен, что как только они увидели меня входящим в дом, в котором я бывал до этого несколько раз, они решили, что я пробуду там некоторое время, возможно, я собираюсь пить чай или даже ужинать там, и они могут спокойно оставить меня на несколько минут, а сами могут побаловаться чайком в чайхане за углом. Я могу наверняка сказать только то, что через несколько секунд, прошедших до того момента, когда я снова вышел на улицу, они продолжали стоять там же, и что позже они неправильно написали в своем отчете в полицию, что я вернулся домой.

Было, конечно, крайне важно для моих друзей, чтобы не оставалось никаких следов их помощи мне, поэтому я предпринял следующие меры предосторожности. Я подошел к определенному дому, где у открытой двери курил сигарету мужчина. Я встречался только однажды с этим мужчиной и не узнал его. Я должен был прямо войти в дом, а он проследовать за мной. Это было сделано, и там я оставил свое гражданское пальто и шляпу, которые нес с собой. Будь они найдены в доме, через который я просочился, стало бы известно, что я там поменял свою одежду. Этот человек провел меня через свой сад, мы перелезли через стену в другой сад, и женщина провела нас через свой дом на другую улицу — так много было сделано вначале, но теперь не было необходимости торопиться. (Людей часто просили таким образом помочь незнакомым беглецам, и незнакомая женщина устроила это все за день). Этот человек и я затем прошли по довольно густонаселенной части города. Некоторое время спустя по мере приближения комендантского часа улицы становились все более и более безлюдными, пока, наконец, мы не остались только вдвоем. Мы затем зашли за угол и через несколько ярдов развернулись и вернулись назад; улица, с которой мы свернули, оставалась безлюдной. Мы вполне убедились в том, что наш план удался, и что за нами не было слежки. Возможно, все эти чрезвычайные меры предосторожности были на самом деле излишними; но последствия для тех, кто помогал мне и для меня были бы фатальными, если бы мы недооценили проницательность тех, кто следил за мной. В те дни выживали только те, кто

проявлял чрезвычайную предосторожность.

Мой компаньон и я зашли затем в скромный неприметный домик на одной улице. Небольшое семейство (мы называли их Матвеевы) очень радушно приветствовали и накормили меня ужином.

Первое, что я сделал на следующее утро — прошелся по всей моей голове мелкой машинкой для стрижки волос и сбрил усы. Я позже все отрастил снова — волосы, бороду и усы.

У Матвеевых была маленькая девочка, которой каждое утро давала уроки ее мама. Отец читал ей по вечерам. Ребенок увлекался карточной игрой «Старая дева», которая по-русски называлась «Трубочист», и мы много играли в эту игру. Всякий раз, когда она выигрывала, что обычно и бывало, она, преодолевая отвращение, указывала на меня и говорила «Мерзкий, черный, грязный трубочист!»

Я нашел, что эта домашняя жизнь была очень полезна для изучения русского языка. Первую пару дней я вообще не выходил из дома. Позже я немного гулял в крошечном садике, когда становилось темно. Мне приготовили место в подполе, где хранилась еда и вода, но оно ни разу не использовалось.

Я теперь должен был усваивать любыми способами, какие только мог придумать, манеры и привычки австрийских военнопленных. Я думал о совете старого Питера Пайнаара, данном Давиду Ханни в «Тридцати девяти ступенях»,[32] и как он внедрялся в окружение, и я пытался влиться в массу австрийских военнопленных, одетых в полевую серую форму. Среди других мелочей я заметил, что у русских особый способ надевания своего мундира. Его поднимали над левым плечом, прежде чем продевали в него руку. Я подумал, что я не знаю, как это делают австрийцы, но будет менее заметно, если я буду это делать как русские. В конце концов, если я заметил эту разницу, вполне возможно, что они заметят тоже.

Позже я вполне преуспел в способе щелканья каблуками и кивания, когда я встречал кого-то кроме крестьян, хотя большую часть своего времени я проводил среди простых людей.

Был в городе французский археолог Кастанье,[33] с которым я встречался несколько раз случайно. За некоторое время до моего ареста я слышал от Мандича, что Кастанье собираются арестовать и предупредил его, но не имел понятия, принял ли он какие-то меры предосторожности. Он был знакомым моей доброй хозяйки, и я встретил его здесь в доме, должен признаться отчасти, к своему ужасу. Выяснилось, что он также скрылся. Я читал «Раймонду» Оливера Лоджа и не мог помочь сравнению его опыта после смерти с моим после исчезновения. Тогда образовался

социальный круг людей, «находящихся в бегах», и я встретил некоторых других беженцев, как мы назывались по-русски. Мы даже не представлялись друг другу по именам. Я так опасался в этом своем секретном укрытии быть узнанным Кастанье, что, когда он пришел снова пару дней спустя, ему сказали, что я покинул Ташкент. Я надеюсь, что он простил меня за обман.

Однажды меня пришла навестить мисс Хьюстон. Она побывала в моем доме и спасла пару ботинок и пару моих бриджей для верховой еды и несколько других вещей из одежды.

Я подумал, что это все может пригодиться позже, и оказалось, что эти вещи были бесценны, особенно ботинки, которые невозможно было достать. Я получил несколько писем от Тредуэла. Они были переданы через двух людей, которые не знали, кому они были посланы. Это делало трудным установить какую-либо связь между ним и мною.

Тредуэл сообщал мне, что через день после моего исчезновения ко мне пришло запечатанное печатью письмо от Солкина — председателя Исполкома или Исполнительного комитета. Написанное частично читалось через конверт, который был очень тонким. Это было, вероятно, приглашение мне прийти на прием к нему в Белый дом к одиннадцати утра следующего дня по поводу моего отъезда из Ташкента. У меня были все основания считать, что это была попытка большевиков выманить меня из моего тайного укрытия. Солкин был в высшей степени настроен антибритански, и я никогда не встречался с ним.

После моего исчезновения в городе меня искали. На улицах города, и в каждом селе, и на железнодорожном вокзале были расклеены объявления, в которых не только предлагалась награда за мой арест (я подумал, что оскорбительно маленькая), но также угрожали смертью и конфискацией имущества (если собственность еще не была конфискована до этого), любому, кто помогал мне или предоставлял мне убежище любым образом. Тщательно обыскали весь квартал, в котором жили Тредуэл и Ноев, так, что никто не мог ускользнуть. Квартал, через который я просочился, тоже обыскали, а жители были допрошены. Мисс Хьюстон вызывали в суд для допроса; моих слуг арестовали и угрожали смертью, если они не скажут, где я, но потом испытания сочли достаточными, и, продержав несколько дней в тюрьме, их выпустили. Одна газета сообщала, что меня обнаружили в Самарканде и доставили в Ташкент. Я думаю, что это был человек, похожий на меня, но я не знаю ничего о нем, ни что с ним стало.

Я исчез 20 октября. 24-го телеграмма Карахана от 18-го, смысл которой был доведен до меня 20-го, преодолела рутину и

достигла правительства Туркестанской Республики, приказ предписывал арестовать в течение семи дней всех представителей союзников в качестве репрессалии[34] на британские зверства при захвате Мерва. В приказе утверждалось «Империалисты используют разрывные пули, уничтожают санитарные поезда, безжалостно истребляют гражданское население, как европейское, так и местное, не щадя ни женщин, ни детей». Увидев это, Эдвардс и его жена спрятались. Французский артиллерийский офицер Капдевиль сделал то же самое. Он, как ни удивительно, пришел в дом, в котором я находился, и попросил моих хозяев спрятать его. Матвеев сказал, что он не может этого сделать, но может предложить другие удовлетворительные меры. Я видел Капдевиля в этот визит, но он меня не видел. Я подумал, что будет жалко, если миссис Эдвардс исчезнет. Большевики, как правило, не досаждали женщинам, сверх обычных угроз и допросов.

Тредуэл был арестован 26 октября и претерпел пятимесячное интернирование на своей квартире с двумя визитами в местную тюрьму, где его жизнь находилась в очень большой опасности.

Произошел один очень забавный случай. Как-то Дамагацкий, комиссар иностранных дел, сам обратился к Матвеевым через третьих лиц, спрашивая, не смогут ли они при определенных обстоятельствах помочь ему исчезнуть!

Укрывание Цирюля во время прохождения криминального Жлобинского полка, и эта странная просьба Дамагацкого показывали, каким неуверенным было положение правительства в то время. Вот еще один характерный пример. Однажды председатель правительства и главные функционеры правительства Республики сели в свои автомобили и скрылись. Никто не знал, почему. Ходили слухи, что какой-то остряк послал телеграмму Колесову — председателю правительства «Все раскрылось. Спасайтесь немедленно». Однако вскоре тревога улеглась, и они, доехав до конца автомобильной дороги в нескольких милях от Ташкента, развернули свои автомобили и вернулись назад, а затем, придя в себя после пережитого страха, продолжили свою деятельность, как ни в чем не бывало.

Румынский офицер, капитан Болтерно, с которым мы были приятелями, однажды пришел в дом, в котором я прятался, и узнал меня.

Я получил паспорт австрийского военнопленного, по которому я был Андре Кекеши, поваром по профессии. Я ходил с этим документом около четырех месяцев.

Где-то в это время до меня дошли слухи, что от индийского правительства была получена радиограмма, и сэр Джордж

Макартни просил большевиков отослать меня назад, уверяя, что прискорбный «конфликт» между нашими и их солдатами около Ашхабада случился уже после того, как я был отправлен из Индии. Также говорили, что было получено сообщение из британской миссии из Мешхеда в Персию, в котором извещалось, что советская миссия Бабушкина, который брал у меня рекомендательное письмо, арестована и была задержана в качестве заложников для обеспечения безопасности Тредуэла и меня. Я никогда не видел этих сообщений, только слышал о них.

Большевики сами были озадачены моим исчезновением. Конечно, они и не предполагали, что все их телеграммы, приходившие из Москвы от Карахана, были известны мне, и оказывались в моих руках на самом деле за несколько дней до того, как они дешифровывались и передавались правительственным служащим, которым они и были адресованы.

Переводчик Тредуэла, хорошо знавший английский, был приглашен на мою квартиру читать бумаги и книги, оставшиеся после меня. Он рассказывал моим друзьям, что в момент моего исчезновения большевики думали, что я был похищен немцами, которые естественно противодействовали моим настойчивым просьбам к Дамагацкому держать их под жестким контролем.

Глава VIII
В горы

Я пробыл в Ташкенте более двух месяцев до того, как случились эти события. Кроме солдата из 11-го Бенгальского полка, единственного принесшего мне личные письма, у меня не было связи с Индией или Кашгаром кроме телеграфных сообщений, направленных в ответ на мои телеграфные сообщения, да и те держались в тайне от меня правительством, и я узнавал о них только по секрету из не вполне надежных источников. Я думал, что британские силы, которые поддерживают антибольшевистски настроенных русских около Мерва, направляются в сторону Ташкента. Как легко это было сделать, и с какой радостью их бы встретили! Я не имел абсолютно никаких сведений от них, следовательно, я был в полном неведении относительно их намерений.

У меня был такой план я предполагал покинуть Ташкент, когда пик в поисках меня спадет, и направить свой путь к силам, контролируемым Иргашем, чтобы посмотреть, что он делает, и каковы его намерения и цели, и затем либо остаться в Туркестане до прихода британских сил из Транскаспия, либо пробраться на соединение с ними.

У моего молодого друга, которого мы будем называть Марков, была пасека в горах, в которых были тропы, ведущие в Фергану. Я намеревался поселиться у него на пасеке в хижине, а затем как можно скорее направиться к Иргашу.

5-го ноября я покинул город, направляясь по дороге на северо-восток. Я управлял повозкой с сеном, на которой ехал Марков. Я второй раз надел на людях свою австрийскую форму, в первый раз это было в день моего исчезновения. Я по-прежнему чувствовал себя в ней немного неудобно и необычно. Один австриец подошел ко мне и попросил подвезти его до села Никольского, в четырех верстах от Ташкента. Я отказал в этом ему довольно резко. Мы прибыли в Никольское в сумерках и остановились на несколько минут в доме родственников Маркова, где жила его жена. Она дала нам горячие пирожки с яблоками — что-то вроде тарталеток. Это было очень кстати, так как вечер был очень холодным. Никольское было селом, в котором большевистский военный пост проверял всех путешествующих, особенно ночью. Наши друзья показали нам огонь, горящий на веранде дома, где находился этот пост, и провели нас в обход по тропинке мимо него. С их помощью это сделать было нетрудно,

но, думаю, если бы я остался верен своему первоначальному плану побега из Ташкента, то сразу же в ночь своего исчезновения, я совершил бы ошибку, не учтя наличие этого поста. Я рисковал подвергнуться трудному и, возможно, фатальному для меня допросу.

Мы пропутешествовали на своей повозке приблизительно до десяти часов вечера, проехав двадцать четыре версты от Ташкента, и добрались до села Троицкого. Здесь мы разместились у крестьянина, которого мы называли Иваном. Он был другом Маркова. Мы с Марковым спали вдвоем в совмещенной кухне-гостиной, которую позже я так хорошо узнал. Нашей кроватью служила охапка сена, взятая с воза. Мы собирались выступить с рассветом, чтобы как можно быстрее добраться до места и тем самым избежать всякого рода опасностей, подстерегающих нас по дороге.

В Троицком был один из самых больших лагерей для военнопленных и один из самых плохих. Капитан Брюн в своей книге утверждает, что там было восемь тысяч могил австровенгерских военнопленных.

В селе было полно австрийцев. Я не хотел задерживаться здесь, так как была опасность, что кто-нибудь из них встретит меня и спросит в случайной беседе о том, куда я направляюсь. Тут-то я и познакомился с одной чрезвычайно отрицательной и раздражающей меня чертой характера, присущей русским, принадлежащим к определенному классу общества. Я встал рано и был готов двигаться дальше, но вместо того, чтобы отправляться, они разожгли самовар и стали пить чай. Это продолжалось часов до девяти утра. Затем они сказали, что ехать уже слишком поздно, и мы не успеем за день достигнуть конечной намеченной цели нашего путешествия, поэтому мы двинемся в путь в полночь и проедем немного до села Искандер и проведем ночь там. Это, конечно, означало остановку еще в другом доме, что давало лишнюю возможность и другим людям поговорить со мной и запомнить меня. Я так поступить не мог. Марков был единственным человеком, который знал, кто я на самом деле, и при чрезвычайной неосмотрительности или под нажимом он мог совершить какой-то поступок, вызывающий подозрения. В полночь кто-то поставил опять самовар, и мое раздражение стало невыносимым. Затем Марков сказал, что на дороге находятся посты, и мы не сможем проехать их вплоть до окончания темноты, поэтому небезопасно выезжать до четырех. В четыре кто-то поставил опять самовар, а потом было решено, что вообще выезжать слишком поздно, и что нам лучше ехать уже на следующий день! Позже я как-то привык к такому порядку вещей,

но вначале, да еще при особых обстоятельствах моего положения, это было совершенно невыносимым.

Следующий день был 7 ноября, первая годовщина большевистской революции. После более многочисленных самоварных дел мы выехали в девять и проехали девятнадцать верст до села Искандер, не встретив опасных патрулей по дороге. Здесь мы остановились на пару часов и пообедали с местным комиссаром. Он был родственником Ивана. Жители села, числом около пятидесяти, главным образом дети, маршировали взад и вперед по улицам села, распевая «Рабочую марсельезу», «Интернационал» и другие революционные песни. Большевики придавали большое значение музыкальной пропаганде. Для организации этого из Ташкента был прислан специальный человек. Сартское население учило мелодию со словами на тюркском языке.

Пообедав, мы продолжили свое путешествие. На расстоянии нескольких миль от Искандера мы переправились через реку Чирчик и поехали по левому берегу реки. Здесь я увидел стаю больших дроф, а также множество рябок. В сумерках мы проехали большое селение Ходжикент, находящееся в двадцати двух верстах от Искандера. Проехав еще какое-то расстояние, когда стало уже совсем темно, если не считать света неполной Луны, мы достигли небольшого селения Юсупхана.

Я добился от Маркова и Ивана обещания, что мы доберемся до пасеки этой ночью, не подвергаясь больше риску в селениях. Мы не могли дальше двигаться на повозке в темноте, но чтобы сдержать свое обещание, мои друзья предложили идти со мной пешком на пасеку этой ночью. Однако мы решили провести ночь там, где мы оказались. Меня разместили в доме, где я встретил одного татарина, полковника Юсупова, и польско-русского капитана кавалерии по фамилии Липский. Они оба, как и я, были «в розыске». Я был вынужден объявить им, кто я. Следующим утром Марков, Иван, Липский и я вышли вместе, направившись в селение Бричмуллу, расположенное в долине в устье реки Коксу. Почти все реки в Туркестане называются — Коксу, то есть «голубая вода». Правда, вам может встретиться Ак су — белая вода; Кара су — черная вода; Кызыл су — красная вода, но голубая — любимая. Мы наконец достигли конца пути, и, можно сказать, и конца цивилизации. Это значило, что каждый привлекал к себе персональное внимание в местном масштабе, и мне не надо было больше вливаться в общую массу австрийских военнопленных.

В Бричмулле был один польский офицер, военнопленный, который был известен своим гостеприимством и

любознательностью. Мне сказали, что он обязательно пригласит меня, если увидит, поэтому полковник Юсупов зашел к нему повидаться с ним и устроить так, чтобы он не находился в комнате, выходящей на дорогу, и, таким образом, не мог бы увидеть нас, когда мы будем проезжать мимо. Мы оставили повозку в Бричмулле и взбирались вверх в горы пешком около двух часов, пока не достигли пасеки. Она представляла собой пару домиков, расположенных в маленькой долине, окруженной крутыми горами, на которых лежал кое-где снег. По горам были разбросаны небольшие можжевеловые кусты с несколькими большими деревьями. Вверх по дороге мы потревожили множество сильно одомашненных больших куропаток, которых долгое время никто не беспокоил, так как никому в Туркестане не разрешалось иметь оружие.

На пасеке я встретил русского генерала, которому Тредуэл и я дали прозвище «Гарибальди».[35] Он занимал важные командные должности во время Великой войны[36] и кое-что, должно быть, делал в подпольной армии, о которой упоминалось. Ему пришлось быстро покинуть Ташкент, и он прибыл сюда, где и жил в домике один в течение десяти дней до нашего прихода.

Другими и единственными местными жителями были таджик со своей женой, взрослым сыном и ребенком. Они занимали второй домик. Его звали Ишан. Как я обнаружил, имя Ишан местные жители так же часто давали мужчинам, как название Коксу рекам.

Мы трое — Гарибальди, Липский и я — приспособились вести здесь незатейливую жизнь. Два моих компаньона, должно быть, почти никогда не сталкивались с британцами — один из них, я думаю, вообще никогда не видел их до этого. До того как мы сошлись ближе, они все время обращались ко мне «мистер» — «Нет, мистер» — «Да, мистер». Однажды они спорили со мной. С моим ограниченным знанием русского языка я не мог понять всего, что они мне говорили, поэтому я переспрашивал их. Как выяснилось, они считали, что мы живем постоянно в плотном морском тумане и никогда не видим солнца, результатом чего является мрачный характер, и они так думали, несмотря на то, что здесь был я, мало чем отличающийся от них.

Мы знали, что вскоре о нас начнут говорить в Бричмулле, и было важно поторопиться до того, как доклад с подозрениями относительно нас достигнет властей. Поэтому разумно было действовать быстро. 9 ноября — через день после нашего прибытия, мы послали Ивана и Ишана разведать дорогу в Фергану. В то время как Липский и я проводили рекогносцировку местности для того, чтобы решать, что нам делать, если нас

обнаружат. Мы взобрались на гору высотой двенадцать сот футов над нашим домиком, где получили прекрасный обзор окружающей местности. Здесь в пещере Липский спрятал несколько винтовок. Это место было легко защищать, но, в конце концов, мы решили использовать другую пещеру в другом месте, и составили следующий план в целях нашей безопасности.

У нас было шесть винтовок трех разных калибров. У нас была трехлинейка, то есть винтовка калибра «три линии»,[37] что соответствовало нашей винтовке 303; Берданка, что соответствовало винтовке Мартини-Генри нашей армии и спортивный винчестер. Три из них всегда были наготове, висящими в доме вместе с рюкзаком с едой, висящим на том же колышке. В моем собственном рюкзаке находился маленький примус. Мы не сможем разжигать огонь, когда покинем домик, так как дым даст понять, что мы ушли из дома. Если какие-то большевики попробуют атаковать нас, то мы собирались защищаться. И если мы будем вынуждены покинуть дом, то мы собирались уходить в разных направлениях, и устроить встречу там, где нависающие скалы образовывали некоторое укрытие, около трех миль к северу. Там мы спрятали другой примус, кое-какие припасы и три винтовки с боеприпасами. Идея состояла в том, что нам непосредственно могла угрожать только небольшая группа противников, и мы могли убить их или прогнать, а затем убежать, но, если бы нам не удалось это сделать, то они не могли бы легко преследовать нас по трем разным направлениям. Они, вероятно, должны будут сосредоточиться на ком-то одном из нас и даже, возможно, поймают его, но двум другим удастся убежать. Те, кому удастся достигнуть места встречи, должны будут ждать там остальных сорок восемь часов, а затем уходить к Аулие-Ата[38] или Чимкенту, на расстоянии в несколько дней пути отсюда. Там ситуация была столь же опасной, как и в Ташкенте, но там можно было передохнуть, хотя шанс на это был и невелик. Было бы трудно, если не сказать невозможно, объяснить властям такое неожиданное прибытие с документами, по крайней мере, такими как у нас, не оформленными в надлежащем порядке.

Наш домик состоял из одной комнаты площадью приблизительно двенадцать футов, угол которой занимала огромная кирпичная и грязная печь. Здесь и обосновались мы втроем, ведя довольно монотонную жизнь, пока ждали возвращения Ивана и Ишана, которые ушли разведать дорогу. Каждый день мы должны были собирать топливо, готовить еду и убирать нашу комнату. Воду мы брали в нескольких шагах от нашего домика из очаровательного источника с кристально чистой водой. Маленькая долина, должно быть, летом была

чудесно красива со своими бесчисленными полевыми цветами. Я собрал некоторые семена этих цветов и, конечно, принес их в дом.

Работу вне дома делали Липский и я. Нас тяготила работа по рубке и доставке дров в домик. Большую часть времени мы также ходили на разведку или делали приготовления на случай нашего обнаружения и необходимости быстро исчезнуть. Мы также ходили в горы в поисках диких кабанов. Хотя нам случалось их увидеть, но нам не удавалось подстрелить их.

В домике мы устроились с комфортом, каким только это было возможно при данных обстоятельствах. Мы принесли несколько деревянных упаковочных ящиков со склада, где хранился мед, и на них положили упругие ветки можжевельника, и получилась большая, очень мягкая общая кровать.

Гарибальди вгонял меня в краску стыда, демонстрируя свое умение готовки и выпечки. В течение десяти дней, пока он был должен, как и я, скрываться в Ташкенте, спасаясь от неминуемого ареста, он немного освоил поварское искусство, и особенно выпечку. Я винил себя за то, что не сделал то же самое.

Мы готовили еду просто и, возможно, даже ленились, так как занимались приготовлением еды через день, по утрам. Один день мы готовили плов. Мы его ели днем, подогревали на вечер, и подогревали следующим днем и вечером. Затем мы готовили «суп». В этом супе был громадный кусок мяса, когда оно у нас было, мы подогревали его днем, так что суп у нас растягивался на два дня, после чего мы готовили плов, и так далее.

Вот как мы готовили плов. У нас был полусферический чугунный котел — казан. Его ставили на огонь, а мы нарезали маленькими кубиками размером с игральную кость курдючный жир, то есть жир из курдюка[39] баранов и бросали его в казан. Пока он там плавился, мы резали несколько луковиц. Мы затем удаляли из котла маленькие твердые кусочки жира, которые не растопились. Позже мы клали их в булки или хлеб. Затем в расплавленный жир мы бросали жариться лук, и пока он там жарился, мы нарезали несколько морковок. Затем мы бросали ее туда же и нарезали мясо. Потом нарезанное мясо мы также опускали для жарки в котел и мыли в холодной воде рис. Когда он был готов, мы бросали в котел немного кишмиша, если он у нас был, а затем клали туда поверх всего остального рис. Затем сразу, до того как рис мог подгореть, мы доливали воды в казан так, чтобы она покрывала рис на толщину чуть больше пальца. Затем необходимо было все это варить до тех пор, пока вся вода не выпарится, и поверхность риса не станет сухой. Блюдо было готово, но оно затем доводилось до кондиции путем покрытия

казана чем-либо вроде крышки и выдержки его в таком горячем состоянии (но не на огне) в течение нескольких минут, пока мы готовили свои тарелки и ложки. Затем мы все тщательно перемешивали в казане, поднимая все ранее положенные ингредиенты наверх. Могу только добавить, что в этот момент стоял великолепный запах.

Кажется, что в силу своей природной особенности лук готовится дольше, чем морковь, так как она режется и закладывается позже, а лук с морковью дольше, чем мясо, и так далее.

Существует школа, взгляды которой утверждают, что морковь при приготовлении плова должна идти раньше лука, и мне приходилось выслушивать жаркие дебаты по этим важным предметам. Вдобавок ко всему прочему у нас был хлеб, который Гарибальди выпекал каждые несколько дней, и неограниченное количество меда из большого трехсот шестидесяти фунтового оцинкованного контейнера, находящегося в кладовой и приготовленного на продажу. У нас также были такие вещи, как чай, сахар, соль и т. д., которые Ишан привозил нам периодически из Бричмуллы.

Ишан не умел ни читать, ни писать, поэтому у него была хорошая память, но однажды он пропустил вещь из длинного списка заказов. Поэтому мы стали давать ему щепотку каждой вещи, которую мы хотели, чтобы он купил для нас. Он брал немного муки, немного жира, кусочек волокна или бумаги, обломок сигареты, зернышко перца, щепотку соли, кусочек моркови и так далее.

У меня был большой опыт полевой жизни в лагерях во время моей предыдущей службы в Тибете и в других местах, и я думал, что я знаю практически все о лагерной жизни, но здесь я научился некоторым вещам и приемам, которые не знал раньше. Вот одна такая вещь, возможно, не имеющая большого практического значения в обычной жизни, но которую я с тех пор использую. Маленький кусочек пироксилина размером приблизительно с грецкий орех является превосходной вещью, когда требуется разжечь огонь, а дрова сырые. Он, конечно, не взрывается, если только не сдетонирует, и горит быстро с выделением большого количества тепла и, кажется, буквально высушивает отсыревшие дрова.

Однажды ночью у нас случилась тревога. Марков отвел своих лошадей на пастбище и потерял одну лошадь. Пока он искал ее до наступления сумерек, он натолкнулся на мужчину, прятавшегося в кустах, который выскочил и убежал. Значило ли это, что за нами следят? Мы провели всю ночь, установив

караульное дежурство попеременно, но ничего не случилось, и мы никогда больше не слышали о нашем странном визитере. Это, возможно, был вор, а возможно, бедняга, который как и мы спасал бегством свою жизнь.

Для обычных любопытствующих Гарибальди должен был представляться дедушкой жены Маркова, просто присматривающим за медом. Липский должен был представляться охотником, а я, со своим паспортом повара, сосисочных дел мастером. Липский надеялся подстрелить несколько диких кабанов, которых я должен был превратить в сосиски, чтобы продать их затем в Ташкенте. Приходила как-то одна или две случайные компании охотников, и эта легенда им и была изложена.

Придуманная нами легенда была не самой удачной, так как мы оба — и Гарибальди, и я в чем-то не очень подходили для ролей, которые мы выбрали для себя. Генерал должен был изображать религиозного сектанта, сыграть которого он не мог правдоподобно, а я должен был заниматься неприятными процедурами изготовления холодного мяса в снегу.

Однажды, когда Липский и я вернулись вечером, мы заметили десять лошадей, пасущихся около нашего домика. Вначале мы испугались, подумав, что это приехавшие красногвардейцы захватили Гарибальди и поджидают нас. Мы очень осторожно подошли к домику и обнаружили, что эта была группа таджиков, прибывшая из кишлака снизу. Они привезли какие-то свои ценности и собирались спрятать их здесь. Мы помогли им построить неказистый домик, частично врытый в склон холма, с задней стороны которого они в склоне горы вырыли извилистый проход длиной три или четыре фута. В конце этого прохода они вырыли яму и в нее положили несколько очень тяжелых мешков. Все это было засыпано землей, а вход был замаскирован домиком. Помогая им перетаскивать тяжелые балки, я растянул ногу, которая у меня была ранена в Гали ополи, и выбыл из строя на пару дней. Это могло сорвать наши планы относительно большевиков, в случае их попытки захватить нас, но я вскоре снова пришел в норму без всяких последствий. Наши таджикские друзья пробыли у нас несколько дней и сделали нам дружеский подарок в виде молока и кумыса взамен оказанной нами помощи им.

21-го ноября вернулись Иван и Ишан. Они сообщили, что кроме большого количества снега ничто не мешает пройти, но каждая возможная тропинка охраняется большевиками, которые очень озабочены тем, чтобы прервать любую связь между Иргашем и Ташкентом. Их останавливали и допрашивали в

четырех или пяти местах. Эта новости вызвали у меня такую досаду, что сначала я искал поводы не поверить им. Но, поскольку мне не хотелось смертельно рисковать, действуя вопреки добытой с таким огромным трудом информации, я, в конце концов, смирился, поверив тому, что это действительно так. Эта информация нашла в дальнейшем подтверждение в книге Кастанье «Басмачи», изданной в Париже в 1925 году. В ней автор писал, что проходы между Ферганской и Сыр-Дарьинской областями были заняты Красной армией, чтобы изолировать контрреволюционные элементы в Ташкенте от басмачей — сторонников Иргаша — в Коканде.

Позже мы намеревались послать Ивана по железной дороге с письмом от Гарибальди к полковнику Корнилову — самому активному деятелю русского белого движения, сотрудничающего с силами Иргаша. Гарибальди собирался сообщить об условиях, сложившихся здесь, и хотел попросить людей Иргаша провести нас в Фергану в обход линии большевистских пикетов. Этот план так никогда и не осуществился, из-за обстоятельств, о которых я расскажу дальше. Однако я послал Ивана в Ташкент связаться с Марковым, чтобы он доставил письмо от меня Тредуэлу.

Полковник Корнилов был братом знаменитого русского генерала Корнилова, чьи разногласия с Керенским позволили Ленину совершить свою большевистскую революцию. Я однажды встречался с генералом Корниловым в Китае, где я вынужден был провести десять дней в карантине в Шанхае.[40]

Генерал Корнилов был позже убит снарядом, залетевшим в его комнату. Он был одним из командиров Туркменского полка Дикой дивизии, состоящей из неевропейских россиян, которой командовал Великий князь Николай.

Позже я довольно хорошо познакомился с полковником Корниловым. Он, в конце концов, был арестован и расстрелян большевиками при обстоятельствах, которые я опишу здесь ниже.

Марков поехал в Ташкент узнать новости и, как я надеялся, получить письма от Тредуэла. Он обещал вернуться к 18-го ноября. Мы не получали от него никаких известий до 4 декабря, но, однако, слышали, что его ограбили по дороге и вынудили вернуться в Ташкент. Я сильно переживал из-за этого, так как он мог везти какие-то сообщения. А еще я одолжил ему свой второй пистолет, так как, если помните, первый был у меня отобран чекистами во время моего ареста.

Глава IX
Пасека

Г де-то после 23 ноября выпало немного снега. Это облегчило выслеживание диких кабанов, но Липскому и мне не везло. Кроме этих диких кабанов, говорят, выше в горах водились горные козлы, но я ни разу не видел ни одного. Были также стаи почти ручных больших куропаток.

6 декабря, когда мы обедали, мы были напуганы продолжительным лаем собак. Я вышел и увидел в полумиле отсюда несколько собак, лающих на что-то в кустах. Я побежал назад за своей винтовкой и столкнулся в дверях домика с Липским, выбегающим с винтовкой. Он сообщил, что Ишан сказал ему — несколько собак загнали кабана. Мы бросились бежать прямо по глубокому снегу и вскоре наткнулись на четырех собак, окруживших громадного кабана. Мы подбежали и затем увидели мужчину ярдов в десяти от борова, который целился в него. Я подумал, исходя из правил спортивного этикета, что это не моя добыча, поэтому я остановился и подождал. Со стороны охотника раздался звук выстрела, как от игрушечного пистолета, осечка. Он выстрелил снова с тем же результатом. Кабан, между тем, решил сменить свое местоположение и побежал ко мне с четырьмя лающими собаками, преследующими его по пятам. Пара выстрелов уложила его. Мужчина подошел к нам, оказалось, что это был какой-то однорукий человек, русский. Он пришел со своими собаками, чтобы попытаться добыть кабана на мясо и на продажу. Он сделал семь выстрелов по нему, но оказалось, что все его боеприпасы негодны. Он был очень рад, что я убил кабана, и мы решили поделить его пополам, чтобы каждый мог взять себе половину. Это был громадный боров, по индийским охотничьим стандартам, имевший в плечах размер тридцать девять дюймов. Мы с огромным трудом тащили тяжелого зверя по глубокому снегу, пока не подоспел один из таджиков с лошадью. Будучи мусульманином, он не хотел дотрагиваться до нечистого животного, но взялся за конец веревки, с помощью которой мы успешно втащили тушу кабана в домик. Когда наш однорукий друг услышал, что я являюсь мастером по изготовлению сосисок, он не стал принимать участия в дальнейших действиях за исключением замечания, что это очень редкое везение — найти такого профессионала в столь уединенном уголке, и мне пришлось дальше одному заниматься свежеванием кабана. Конечно, это было крайне неожиданное неудобство — быть

обладателем паспорта повара в такой холодный день! Через несколько дней мы послали этому охотнику половину его туши кабана, и, благодаря установившимся холодам, наша доля мяса оставалась у нас еще более месяца.

Безрукий в русском языке означает человека без руки, и этим прозвищем мы в дальнейшем называли между собой нашего приятеля охотника. Никто не спросил его настоящего имени, но, конечно, мы не называли его этим прозвищем в эти дни. Он провел ночь с нами, а на следующий день мы пошли снова с ним и его собаками на охоту, но нам не повезло.

Случалось, что отдельные группы русских охотников навещали нас в разное время, и бывало так, что они проводили ночь у нас, но только один раз мы успешно подстрелили кабана. Эти русские охотники очень грубо обращались со своими собаками. Их оставили на ночь на холодной веранде и дали им очень мало еды. Каждый раз, когда одна его собака пыталась забраться в тепло в домик, наш приятель охотник выгонял ее назад с сердитым криком. Собаки были так голодны, что они отъели часть туши кабана, убитого нами, которую мы спустя некоторое время вытащили из домика наружу на веревках.

Связь с Тредуэлом и моими друзьями в Ташкенте оказалась очень плохой и неустойчивой, и поэтому я решил вернуться назад в Ташкент и попытаться добраться к Иргашу из города.

Однако ничего нельзя было предпринимать до возвращения моих посыльных, которые должны были вернуться 18 ноября. Но на самом деле и Марков, и Иван не возвращались до 7 декабря. Эта задержка очень раздражала меня. Я очень хотел пробраться к Иргашу, как было задумано. Задержка в девятнадцать дней объяснялась тем, что Марков отправился назад к нам 23-го ноября, но по пути встретил Ивана и вернулся с ним, чтобы «еще погонять самовар», как я думаю. Затем он отправился в дорогу снова, но был остановлен по пути красногвардейцами, отобравшими у него все его вещи, включая мою фотокамеру, которую он вез мне из Ташкента, и пистолет, который я ему одолжил.

Но он сказал красногвардейцам, что он сам командир красной милиции, и красногвардейцы вернули ему назад все вещи.

Я был очень рад получить назад свои вещи и узнать новости о событиях в мире. Тредуэл писал, что война закончилась около месяца назад, и что в Германии произошла революция. Позднее до нас дошли неточные сведения об условиях мирных соглашений.

Константинополь, Смирна и Дарданеллы должны были

отойти Греции. Италия должна была получить Сирию и Армению. Южная Африка должна была получить все владения Германии в Восточной Африке.

Острова, принадлежавшие Германии в Тихом океане, должны были быть разделены между Японией, Австралией и Новой Зеландией. Мы должны были получить Аравию, Месопотамию, Палестину, Западную Африку, Кавказ и, более того, Туркестан!

Позднее дошли поправки, что Туркестан переходит Великобритании только на двадцать пять лет, как гарантия займа, предоставленного России. Сообщалось о революционном подъеме в Голландии, Бельгии, Швейцарии, Дании и Швеции. Бывшие военнопленные в Ташкенте образовали революционный совет.

Я решил вернуться в Ташкент как можно скорее, как только будет подготовлено надежное укрытие. Я не мог добраться к Иргашу через горы здесь, а мои связные с Ташкентом и другими местами были такими медлительными и ненадежными, что невозможно было осуществлять любые активные действия из того места, где я находился. Однако мне приходилось сидеть и ждать здесь в горах, пока не будут сделаны все нужные приготовления. Весь следующий день я провел, расшифровывая сообщения Тредуэла, а затем случилось событие, которое перечеркнуло разом все наши планы.

Марков и Иван очень хотели добыть еще одного кабана. Мяса было очень мало, а у них у обоих были семьи, которые надо было кормить. Глубокий снег облегчил поиск следов и выслеживание кабанов, поэтому 9 декабря мы вышли втроем на охоту. Мы прошли несколько миль вверх по долине Коксу, а затем поднялись на крутой склон, на котором, как нам сказали, было множество кабанов. Мы карабкались вверх по снегу, распугивая сотни куропаток, которые слетали вниз. Некоторое время спустя из зарослей ивняка над нами выпорхнула куропатка, тем самым указывая, на присутствие там какого-то дикого животного, и через некоторое время из этих кустов вышел большой кабан, посмотрел на нас и пошел в нашу сторону. Мы стояли на крутом снежном склоне, и поэтому не могли стрелять, а уже через один или два ярда из-за рельефа окружающей местности мы могли видеть только спину кабана. Мы пересекли снежный склон и обнаружили его следы. На мне была пара местных ботинок, называемых местными жителями чукаи.

Чукаи на самом деле представляют собой сделанные из грубой кожи мешки или носки. Вместо носков на ноги вы наматываете специальным образом маленькую повязку. Затем вы одеваете свои чукаи, кладя в подошву немного сена. Чукаи

необходимо каждый день хорошенько промазывать жиром, и это было моей ежевечерней обязанностью, когда мы вечером возвращались домой. Чукаи были самой теплой обувью, какую только можно было придумать, но имели, как я обнаружил, огромное неудобство тем, что не имели задника или подошвы, чтобы цепляться за крутые снежные склоны.

Я пересекал крутой склон довольно твердого снега с винтовкой на перевязи, когда я поскользнулся. Снежный склон длиной около двух тысяч футов заканчивался внизу в долине, где были скалы и кусты. В нескольких футах ниже меня был островок в снегу, покрытый кустами, а приблизительно в двухстах футах ниже и левее меня из снега выступали скалы. Я не смог удержаться, а так как промчался через островок с кустами с ужасной скоростью, то, схватившись за кусты, я только ободрал кожу на руках, но не остановил свое падение. Я ожидал, что через несколько секунд падения ударюсь о скалы, и инстинктивно попытался уклониться от них. Хотя я понимал, что это может привести к еще более ужасному столкновению внизу. После того как я проскользил пару сотен метров, я, должно быть, попал на участок более мягкого снега. Я продолжал попытки остановиться и избежать столкновения с ближайшими скалами, когда поверхность снега надломилась. Я полетел кубарем и провалился глубоко в снег, при этом каким-то образом повредив обе свои коленки. Кожаный ремень моей винтовки отцепился сам собой, и винтовка лежала в снегу в десяти ярдах выше меня. Марков и Иван не видели этого, хотя я пронесся со свистом мимо того места, где они искали следы кабана. Я позвал их, и они подошли ко мне. Одна моя коленка сильно болела, а другая была сильно ушиблена. Мы находились очень далеко от дома, и перед нами лежала весьма труднопроходимая местность. Мы решили, что нам надо спуститься по снежному склону вниз в долину Коксу, где была небольшая тропа, ведущая прямиком назад к нашему домику, хотя и кружным путем. Марков направился сразу назад к нашему домику, находящемуся от нас за шесть верст, за лошадью. К счастью, группа таджиков-кладокопателей все еще была там. Иван помогал мне с моей больной ногой спускаться вниз по снежному склону, а я цеплялся другой ногой, чтобы опять ненароком не поскользнуться. После часа малоприятного спуска, в течение которого я промок и продрог, мы спустились вниз в долину. Здесь уже Иван не мог больше меня тащить, поэтому он срубил две рогатины, которые мы обмотали одеждой и попытались использовать их как костыли, но я действительно не чувствовал ноги. Но, даже несмотря и на это, на грубых камнях и подлесье просто невозможно было использовать костыли. В конце

концов, он понес меня, часто останавливаясь для отдыха, пока мы не достигли тропы. Здесь не было снега, но мы совершенно замерзли, и Иван собрал немного хвороста, и мы развели костер, надеясь, что Марков вернется вскоре с лошадью. Через несколько часов пришли Марков и один незнакомый охотник из села Никольского, они сказали, что вскоре Ишан приведет лошадь. Он вскоре прибыл, как и было обещано, и меня погрузили на лошадь. Склон горы был от меня справа — со стороны моей больной ноги, а тропа была такая узкая, что нога цеплялась за кусты, и каждый раз я испытывал мучительную боль в коленке. Стало особенно трудно и неприятно, когда стемнело. На следующий день пришел сартовский врач, старик с длинной седой бородой. Он объяснил, что у меня вывихнута коленка, и ее нужно вправить. Он сказал, что это очень болезненно, и я поверил ему. Вся коленка ужасным образом опухла, и врач сказал, что там скопилась вода, и что он уберет воду с помощью соли, которая «враг воды». Он сделал пасту из соли и яиц, которые к счастью нам удалось достать у таджиков. Затем после короткой молитвы он схватил мою коленку, потянул ее, а затем надавил назад. Я никогда не испытывал такой дикой боли. Затем он наложил вокруг моего колена шину из деревянных лубков и наложил на нее мазь из соли и яиц, и мы все это забинтовали. Я заплатил ему семьдесят пять рублей. Я был бы рад заплатить ему и больше, но этого нельзя было сделать, учитывая ту роль, которую я играл, чтобы не показывать, что у меня есть достаточно денег, или что я небрежен с ними. Я спросил доктора, что он еще может посоветовать мне, чтобы облегчить боль, и он мне предложил только пить кумыс, который нам удалось достать у наших таджикских друзей, но я не думаю, что это возымело какой-то эффект. У меня было несколько бессонных ночей, но, в конце концов, я умудрился достать немного опия, который позволил мне спать.

Это происшествие перевернуло все наши планы. В первую очередь должны были быть пересмотрены наши приготовления к обороне от маленькой группы врагов, которая могла бы попытаться захватить нас в домике, и отход к нашей пещере. Мои компаньоны унесли винтовки со всеми боеприпасами и спрятали их. Если бы их нашли, нас всех расстреляли бы сразу же без всяких вопросов, а если мы будем безоружны, то сохранялась возможность выдать себя за тех, кем мы пытались из себя изобразить, мирно живя в этом домике. Таким образом, для моих товарищей риск быть захваченным сильно возрастал, так как я был полностью беспомощен.

Мы пробыли в домике уже больше месяца, и нас видело достаточно много людей. Во-первых, неизвестный, которого

обнаружил Марков, когда искал свою лошадь, затем Безрукий, с которым мы застрелили кабана. Потом эта группа охотников из Никольского, таджики, да и еще один или два человека. Этого было вполне достаточно, чтобы какие-то новости подозрительного характера достигли властей. До нас даже дошли слухи, что лесник, коммунист из Бричмуллы, сообщил кому-то, что мы подозрительные люди. По всем этим причинам я хотел немедленно вернуться в Ташкент. Однако ничего нельзя было поделать до тех пор, пока я не поправлюсь.

13 декабря я все еще лежал, да к тому же еще и простудился, когда прибыл человек, которого звали Лукашов. Он доставлял мои секретные письма для Этертона в Кашгар. Когда он возвращался, он проезжал через территорию, контролируемую Иргашем, который задержал его на две недели. Я был очень расстроен сообщениями, которые я получил. В них не было ничего важного и не было ответа на вопросы, которые я задавал, так же как и не было инструкций и информации, касающихся нашей политики и намерений. Лукашов также привез упаковку дорогих американских сигарет, что было в то время роскошью, так как до этого у нас были только русские сигареты. Лукашов, хотя и был очень храбрым человеком, сильно опасался, и мы думали, что для него небезопасно оставаться у нас больше чем на одну ночь. Во время моего ареста я приготовил несколько сообщений. Они оставались у Тредуэлла, который не мог принять надежного посыльного. Я сказал Лукашову, что за время, пока я был свободен во время простуды, я написал еще несколько донесений, которые я пошлю с ним в Ташкент. Он так же должен был взять донесения, которые были у Тредуэла, и доставить их в британскую миссию на Закаспийском фронте.

13 декабря также вернулись Марков и Иван с охоты на кабанов, подстрелив четверых. Это сделало ситуацию с мясом удовлетворительной. В свое довольно бесцельное путешествие Марков отправился 15-го, не дождавшись моих писем, так как он собирался возвращаться на следующий день. 15-го ночью выпал глубокий снег, и Марков прислал сообщение, что он болен и не может приехать. Все это сильно раздражало, а так как Лукашов должен был уехать, как только представится удобный случай, то я боялся, что он уедет, не захватив мои последние сообщения. Трудности такого рода вызывали у меня сильное желание вернуться в Ташкент, где бы я мог контролировать подобные ситуации.

Лукашов вместе с двумя товарищами, в конце концов, был призван в Красную армию и был послан на Закаспийский фронт. Вместо того чтобы ограничиться работой по передаче моих

сообщений, которую он должен был делать, он всецело занялся своей собственной — он взял несколько антибольшевистских пафлетов, которые он секретно напечатал, предназначенных для солдат Красной армии. До революции Лукашов был станционным мастером и умел обращаться с телеграфом. Каким-то образом он получил доступ к телеграфному аппарату на станции Караул Куйю, находившейся за линией большевистских пикетов, и послал телеграмму на фронт о том, что появились британские силы и собираются занять место, где он находится, и армия должна немедленно отступить. В большевистской штаб-квартире, должно быть, догадались, что это все маловероятно. Так или иначе, но вместо того, чтобы отступать, они послали сообщение в ближайшую воинскую часть с приказом выяснить, в чем дело, и Лукашов был арестован. У него были найдены памфлеты, и он тут же был расстрелян. Он был очень храбрым человеком, но сделал бы гораздо больше для своего дела, если бы просто продолжал делать то, о чем его просили. Тредуэл дал Лукашову небольшую записку, чтобы помочь ему перейти линию соприкосновения с британскими войсками. Позже, в марте, два человека Цветков и Агапов (ни одного из которых ни Тредуэлл, ни я вообще не знали) пытались заниматься контрреволюционной деятельностью. Во время этой попытки, о которой во всех деталях сообщалось в газетах, было установлено, что был обнаружен британский паспорт на имя Лукашова. Ничего такого у него, конечно, никогда не было, но, возможно, записка Тредуэла была интерпретирована властями как разновидность такого паспорта. Позднее у меня появилась возможность получить доступ к досье Лукашова и посмотреть список найденных у него вещей, когда он был расстрелян. В списке была книга, в которой было замаскировано мое сообщение. Я также знал, что у него было найдено шифрованное сообщение, как предполагалось, на английском языке. Оно, конечно, было не мое. Сообщение послали в Москву, чтобы дешифровать, но эксперты там ничего не смогли с ним сделать.

Группа охотников из Никольского, которая была у нас несколько дней, Липский и Марков, все уехали вместе с Лукашовым, оставив Гарибальди и меня одних. Оставался только Ишан в соседнем домике. Гарибальди выполнял всю тяжелую работу, ухаживая за мной, заготавливая дрова, убирая и приводя в порядок нашу маленькую квартиру. Он был уже немолодой человек. Позже мы попросили Ишана заготавливать для нас дрова за плату.

Наша долина была очень хорошо укрыта. Я думаю, она была расположена на высоте около четырех тысяч футов над уровнем

моря. Однажды утром термометр на веранде показал сорок градусов, но в восемь утра температура была обычно уже значительно выше, но всегда ниже нуля. Я обнаружил, что в селениях, расположенных на пятнадцать сот футов ниже, было на самом деле холоднее, так как они были более открытыми и доступными ветрам.

На Рождество прибыло еще четверо охотников, на этот раз из Троицкого, чтобы поохотиться на кабанов, но после пары неудачных дней они вернулись. Эти визиты раздражали Гарибальди необычайно. Как предполагалось по легенде, он был дедушкой жены Маркова. Ее семья принадлежала к толстовцам — последователям Толстого. Они вели очень непритязательную жизнь и даже не позволяли себе пить чай. Гарибальди счел, что ему весьма тяжело играть эту роль для проформы.

После приблизительно двухнедельного пребывания в постели я встал и с помощью импровизированных костылей вышел на веранду, где я помог моему товарищу пилить дрова.

Приблизительно в это время до Бричмуллы добралась всемирная эпидемия гриппа. Мы слышали, что появилась какая-то таинственная болезнь, сметающая государственные границы и приносящая многочисленные жертвы. Но мы не имели понятия, что это за болезнь и что она получила такое широкое распространение.

Однажды мы услышали, что в Ходжикенте и в Бричмулле прошли обыски и реквизиции, а также узнали о словах лесника, сказавшего большевикам, что в нашем домике есть большое количество меда, а люди, живущие там, — беглецы. Все это заставляло нас задуматься об уходе отсюда. Но это было невозможным для меня. Все вокруг было покрыто четырехфутовым слоем снега, и, без сомнения, я со своей больной ногой не мог его преодолеть. Ишан сказал нам, что еще один сильный снегопад сделает непроходимыми дороги между нами и всем остальным миром до марта. Поэтому мы запаслись для нас продовольствием на оставшиеся два месяца. Наша замороженная свинина оставалась в прекрасном состоянии. Мы прекрасно провели время 5 января 1919 года, и я уже думал, что смогу выйти, но следующие два дня шел сильный снег. Затем неожиданно вернулся Липский. Он присоединился к группе охотников в соседней долине, которая подстрелила двенадцать кабанов. Русские гнали кабанов по направлению к местным жителям, которые и подстрелили их.

У подножья гор в долине Коксу был мост, до которого, как сказал нам Липский, могут пройти лошади, а Ишан пообещал отнести меня к этому месту, расположенному приблизительно в

трех верстах от нашего домика. Нам не хотелось проезжать через Бричмуллу при полном дневном освещении, так как нам не сулило ничего хорошего, если наш проход заметит лесник-коммунист и поймет, что мы из домика ушли. В любом случае будет лучше, если он будет думать, что мы по-прежнему остаемся на пасеке, во всяком случае, хотя бы в течение нескольких дней. Как раз когда мы уже отправлялись, у Гарибальди случилась совершенно ненужная ссора с Ишаном, который из-за этого отказался наотрез нам помогать. Однако небольшой тактичный подарок вернул его расположение, и в час дня, укутанный как можно теплее, я взгромоздился на его спину, и мы стали спускаться к подножью горы.

Ишану было очень трудно нести меня по глубокому снегу, и, в конце концов, мы оба, и он, и я сильно замерзли, когда добрались до моста. Лошадей там не оказалось, но Липский сам был там, и он взялся нести меня так же, как это сделал раньше Ишан. Около шести вечера мы достигли Бричмуллы. В четырех верстах за Бричмуллой лежала деревушки Юсупхана с ее метеостанцией. Я надеялся ночь провести там, но, не имея лошади, да еще в такой поздний час добраться туда было невозможно. Поэтому мы спали в комнате, в которой останавливалась группа охотников Липского. Марков, возвращавшийся назад к нам в домик, тоже неожиданно вернулся и провел ночь с нами. Мы попытались выйти в дорогу до рассвета, но, как обычно, нам это не удалось. Отговоркой послужил сильный ветер, который за день до этого намел на дороге глубокие наносы снега, непроходимые для нас до тех пор, пока они не будут разбиты интенсивным движением. Поэтому я все утро провел в нетерпении за чаем, как обычно, думая, что истинной причиной нашей задержки был самовар. Липский и я выехали приблизительно в середине дня при сильном порывистом холодном ветре. Мне привезли из Ташкента черный кожаный полушубок, какой все русские надевают зимой. Австрийская военная форма была недостаточно теплой для зимних холодов в Туркестанских горах.

Через два часа трудного пути по снегу, во время которого я боялся упасть и снова повредить ногу, мы достигли Юсупханы. Здесь мы узнали, что человек, который должен был взять меня в своих санях в Ташкент, только что уехал без меня. Я очень расстроился, так как очень сильно желал попасть в Ташкент как можно скорее. Не упусти я этого человека, или не случись неприятности с моей ногой, заставившей меня задержаться так надолго в горах, я бы оказался в Ташкенте во время Осиповского мятежа, который произошел как раз в этот момент. И я бы мог

каким-то образом заболеть гриппом или я бы мог в равной степени оказаться расстрелянным, как Клеберг или четыре тысячи других репрессированных после Осиповского мятежа. Я узнал, что метеостанцией в Юсупхане заведовал бывший автро-венгерский военнопленный по фамилии Мерц. Он был чехом. Здесь на метеостанции также прятался Эдвардс. Он находился здесь почти с того момента, как он спрятался от ареста. Его жена пряталась в Ташкенте.

Глава X
В Троицком

Я оставался несколько дней на метеостанции, пытаясь сделать все, чтобы попасть в Ташкент. Однажды через Юсуп-хану проехал Гарибальди. В целях безопасности мы старались сохранять наши дела в секрете от других, поэтому, несмотря на то, что мы все днем обедали вместе, ни Мерц, ни Эдвардс не знали, кто он, и что он был в горах вместе со мной. На метеостанции нас хорошо и вкусно кормили, что было удобно, вот только хлеб здесь не был таким же вкусным, каким был хлеб, который пек Гарибальди. Советский хлеб делался из смеси кукурузы и других злаков, и подозреваю, что на какую-то часть он состоял из древесных опилок. Здесь у нас был роскошный керосин для освещения. В нашем же домике в горах мы освещали комнату с помощью кусочка ваты, опущенного в плошку с хлопковым маслом. Позднее так поступали все в Ташкенте, когда, как это часто тогда бывало, выключали электрическое освещение. Однажды сюда в Юсупхану прибыло несколько охотников на четырех верблюдах. Эта была группа из некой коммерческой компании, которая намеревалась подстрелить кабанов и другую дичь для продажи в городе. Один из этих людей оказался полковник Юсупов, с которым я встречался 7-го ноября и который, конечно, знал меня. Я потом не виделся с ним до нашей новой встречи в Бухаре десять месяцев спустя. У нас здесь было много снега и было очень холодно и ветрено. Температура опустилась ниже нуля по Фаренгейту.[41] Фактически здесь было гораздо холоднее, чем на пасеке в нашей укрытой со всех сторон горами долине, находящейся выше этого места на три тысячи футов. Пока мы были на метеостанции, до нас дошли слухи о беспорядках в Ташкенте. Новости заключались в том, что большевики свергнуты. Я не поверил в это, но мои компаньоны были на вершине счастья и уже предвосхищали радости свободной нормальной жизни с ее множеством удовольствий.

Через неделю проживания я выехал в семь часов утра 17-го января при температуре шестнадцать градусов по Фаренгейту[42] и резком ветре. В Юсупхане я зарегистрировался как сотрудник метеорологической станции и был на дорогу снабжен очень плохим по качеству хлебом, который составлял мой рацион питания в качестве советского работника. Мне повезло, что я не поддался своему первоначальному желанию выкинуть сразу этот ужасный продукт, так как всего несколько недель спустя, когда

этот хлеб, не улучшившийся от хранения, был единственным, что у меня оставалось из еды.

Я ожидал, что меня могут обыскать по дороге, поэтому оставил свой дневник и некоторые другие свои бумаги Эдвардсу. Я надеялся при удобном случае получить их позже назад. Однако они все были сожжены, и второй раз я восстанавливал все свои бумаги по памяти, как только я услышал, что они уничтожены. Возможно, я придавал слишком большое значение секретности. Я никогда не позволял себе говорить кому-то, кто я, если это не было абсолютно необходимо. Таким же образом я не лез в дела других людей, не претендовал на близкое знакомство с ними и не обсуждал их дела. Позже я был весьма раздосадован, услышав от своих друзей в Ташкенте, что Эдвардс написал своей жене в письме, что я прибыл в Юсупхану со сломанной ногой. Все в Бричмулле знали, что австриец сломал в горах ногу, и что местный доктор его лечил. Если вдруг обнаружилось бы, что этим «австрийцем» был я, многих людей могли расстрелять. Я никому не говорил, что собираюсь остановиться в Юсупхане, а говорил Ишану, что собираюсь в Ходжикент, так что, если бы даже какие-то факты в дальнейшем и открылось, то люди на метеостанции в Юсуихане остались бы вне подозрения. Окажись сообщение Эдвардса к его жене перехваченным, нас бы всех схватили и, конечно, расстреляли. Я никогда больше снова не разговаривал с Эдвардсом, хотя однажды проходил мимо него на улице и узнал его, несмотря на его маскировку. Он меня в моей не узнал. Однажды я видел его жену. Позже они оба расстались со своими жизнями, возможно, из-за отсутствия такой вот предельной осторожности.

Мы ехали вдоль дороги на Искандер, теперь покрытой глубоким снегом. К счастью, Иван знал, что его родственник — комиссар из Искандера — этим утром путешествовал по обычной дороге, идущей вдоль левого берега реки Чирчик. Поэтому мы, чтобы избежать встречи с ним, выбрали другую дорогу, идущую по правому берегу реки, но днем мы пообедали в его доме в Искандере. Там мы взяли бричку Ивана и в ней поехали в его дом в Троицком. На следующий день 18 января мы собирались ехать в Ташкент.

Я попросил передать Матвеевым мою просьбу, приютить меня снова на несколько дней. Я не хотел приходить к ним до наступления сумерек, и, принимая во внимание мою больную ногу, хотел как можно меньше времени провести, слоняясь по улицам Ташкента, пока не станет достаточно темно, чтобы идти к ним в дом. К тому моменту я мог уже немного ходить, прихрамывая, но я не хотел давать сильную нагрузку своей ноге.

Можно было бы переждать время в чайхане, но это, вероятно, могло создать лишние проблемы и, к примеру, привести к ненужным и опасным беседам. Поэтому мы решили выехать в два по полудню, что позволяло, как мы прикинули, прибыть в Ташкент в нужное время.

Утром Иван сказал мне, что в Ташкенте возникли сильные разногласия между большевиками и левыми эсерами, или, если называть последних полным и редко используемым именем, левыми социалистами-революционерами. И как оказалось, эти разногласия впоследствии привели к более серьезным событиям.

Эти события отразились и на делах этого небольшого села. Политики в Троицком были забавными, впрочем, склонными к проявлению ожесточения. Крестьян фактически мало интересовала политика. В конечном итоге в России после революции осталось только две легально действующие политические партии, почти неразличимые для простого смертного. Это были большевики и эсеры. Эмиссары каждой из этих партий наезжали в село и агитировали за вступления в свою заслуживающую доверия партию. В результате один конец сильно вытянутого села считал себя принадлежащим к эсерам, а другой конец был за большевиков. Правительство в Ташкенте послало людей разоружить левых эсеров в Троицком. Левые эсеры из Ташкента предупредили своих сторонников в Троицком, чтобы они спрятали свое оружие, так как его собирались у них изъять. Утром прибыло двадцать пять большевистских солдат. У них был список левых эсеров села, про которых было известно, что у них есть оружие. В этот список входила и семья Ивана. Обыскивали все село на предмет поиска оружия, в особенности дома помеченных людей. Мы видели, что они идут по улице, заходя в отдельные дома один за другим. У меня в этот раз с собой почти не было имущества — только небольшая стопка сменных рубашек, зубная щетка, материалы для письма, фотокамера и проч. Я взял эти вещи и спрятал их на крутом берегу реки, которая протекала в паре сотен ярдов позади дома. Я завел лошадь Ивана в воду и стал ее поить. Но на самом деле солдаты искали не лошадей. Иван сказал, что у него нет винтовки, так как он продал ее три года назад, и иногда брал взаймы винтовку у киргизов в горах. Они удовлетворительно восприняли эту историю. Я увидел, как они показывают на меня, и Иван рассказал мне, что он объяснил им, что я австриец, который живет у него, смотрит за его лошадьми и делает другую работу. К нашему облегчению солдаты затем отправились в другой дом. Весь день у въезда в село стоял большевистский пост и всех обыскивал. Поэтому мы не могли отправиться в путь, а на

следующий день пост был снят, и мы выехали из Троицкого на санях Ивана в два часа дня.

Проехав приблизительно десять верст, мы встретили сани, ехавшие со стороны Ташкента.

Возница спросил нас, куда мы направляемся. Мы ответили, что мы собираемся «в город». Он сказал нам, что там идут бои, и что в город въехать невозможно. Иван хотел повернуть назад. Я не хотел и слышать об этом на основании свидетельства только одного человека, который сам не въезжал в город. Поэтому мы отправились дальше, встретив еще одного с той же историей. Вскоре мы услышали раскаты артиллерии, а чуть позже, когда подъехали ближе, и звуки ружейных выстрелов. Затем мы встретили несколько человек, которых действительно завернули назад. Они рассказали нам, что на Саларском мосту стоит пост солдат Красной армии, которые останавливают всех проезжающих. Они либо арестовывают их и держат для дальнейших допросов, либо заворачивают назад. Тут уж мы повернули и поехали назад к дому Ивана в Троицком, встретив по дороге обоз с солдатами, разоружавших крестьян, который возвращался в Ташкент.

На следующий день, 20-го, мы весь день слышали винтовочные выстрелы, и пошли слухи, что эсеры выигрывают и побеждают большевиков. Эсеры села Троицкого собрались на митинг, на котором было выпито много крепких напитков, а затем также было решено убить всех большевиков, проживавших на другом конце села. Спрятанное оружие достали и стали готовиться к осуществлению задуманного. Большевики услышали об этом и убежали прятаться в киргизское село, расположенное в пяти милях от Троицкого, а к эсерам вскоре вернулась рассудительность. Затем они решили послать человека в Ташкент, чтобы узнать, что происходит там, прежде чем начинать новое наступление на большевиков. На следующий день, 21-го, вернулся человек с новостью, что больше нет таких людей, как большевики и эсеры, а все объединились в одну коммунистическую партию, которая будет так называться вплоть до уничтожения Белой гвардии, которая пытается вернуть прежний режим. Не с о стоявшие ся убийцы и их намечаемые жертвы расцеловались и сделались друзьями и образовали отряд для борьбы против контрреволюционеров, которые отступили в горы. Бедные жители Троицкого оставались в сильном недоумении и не знали, чему верить. Я слышал множество споров. Из них выяснилось, что вещь, которая спасет их от нынешней тирании, называлась «Конституционная ассамблея» (Учредительное собрание). Никто не знал, что это за зверь такой,

пока какой-то умник не объяснил им, что это просто другое название Старого Режима. Я был в замешательстве от того, что эти крестьяне действительно были настроены определенно против.

Причины нелюбви крестьян к большевистскому режиму легко объяснялись декларируемой программой и реальными устремлениями. Каждый человек должен был делать свою работу. Некоторые были шахтерами, некоторые железнодорожниками, некоторые фабричными рабочими, выполняющими разную работу. Некоторые служили в разного рода пакгаузах и складах, некоторые были актерами или музыкантами, некоторые были солдатами, а некоторые управляли правительством в его разных ветвях власти, а некоторые были крестьянами. Идеи, которые преподносились крестьянам в Троицком, состояли в том, что все эти люди, выполняющие разные задачи, работают приблизительно от восьми до десяти часов в день.

Когда буржуазные паразиты были ликвидированы, было решено, что достаточно будет работать только четыре часа в день, а остаток двадцати четырех часовых суток будет оставаться для отдыха, досуга и получения удовольствия. Но к настоящему моменту большая доля времени рабочих использовалась для содержания паразитов, которые сейчас и ликвидируются. Отпадет необходимость в деньгах; продукты разных часов работы будут просто обмениваться. Крестьянин будет выполнять честно дневную работу, а в конце жатвы будет оставлять себе достаточно еды, чтобы содержать себя и свою семью до следующего урожая. Излишки, которые будут у него появляться, если он будет честно выполнять свою дневную работу, у него будут отбираться в пользу других рабочих. В свою очередь продукты их труда будут поставляться крестьянам, например, им будет поставляться уголь, предоставляться проезд по железной дороге, фабричные ткани или другие товары, театральные или кинематографические билеты и так далее. Идеи выглядели привлекательными, и по мере того, как крестьяне ими заинтересовывались, на самом деле пытались внедрять их в практику. Группы большевиков навещали село Троицкое, когда я там был, и увозили муку и другие продукты, сверх необходимых семье, без всякой оплаты. Если бы все крестьяне охотно делали, что от них хотели, схема могла работать, но здесь вмешивалась человеческая природа. Человек видел, что он, работая не покладая рук, в конце концов имел не больше своего соседа, который ленился. Поэтому в 1919 году большинство посевных площадей на самом деле перестали обрабатывать.

У самого Ивана было несколько полей, расположенных на

некотором расстоянии от его родной деревни в горах, за которыми он ухаживал, в то время как земля около Троицкого была заброшена. Он обычно тайно ночью отправлял муку своим родным, чтобы комиссар Искандера не изъял лишнее. Подобная ситуация возникла в других частях России в 1932 году, когда у крестьян забрали все излишки их урожая, превышающие их собственные потребности.

Заинтересованность крестьян в революции заключалась в том, что она дала им землю. Их главнейший интерес теперь состоял в том, чтобы предотвратить возвращение прежних, изгнанных хозяев, дальнейший раздел земли и слишком сильное вмешательство государства в их дела.

Была установлена универсальная оплата труда в девятьсот рублей в месяц независимо от того, какая делается работа. Это, на мой взгляд, приводило к курьезным результатам. Например, врачам в больнице платили столько же, сколько и нянечкам, но последние, будучи «рабочими» и членами профсоюза, имели множество льгот финансовых и других, которых врачи не имели.

Правительство на самом деле понимало, что необходимо платить что-то крестьянам за продукты, которые у них отбирались. Однако плата была непропорционально низкой по сравнению с ценами на товары, которые они хотели купить, и поэтому они не желали продавать свои продукты. Следовательно, требовалась насильственная реквизиция, и это приводило к трениям между городом и деревней. Потребность в большем количестве еды, чем выдавалось по норме, приводило к такому явлению, которое большевиками называлось «спекуляцией», то есть к тайной покупке товаров людьми, у которых были деньги. Ваши девятьсот рублей позволяли купить то, что полагалось по продуктовой карточке и, возможно, немного еще чего-то в кооперативных магазинах, но этого было недостаточно, а при этом часто продажа в магазине заканчивалась, когда подходила ваша очередь.

Это привело к отходу от чистого коммунизма после некоторого сопротивления и в некоторых случаях с молчаливого согласия преобразовалось позднее в Новую Экономическую Политику. Однако это произошло уже после 1921 года, когда я уже покинул страну. Реальные и наиболее сильные изменения в сельскохозяйственной политике произошли в 1925 году, когда крестьянину позволили нанимать работников в помощь себе.

А вот что происходило в Ташкенте во время всем известных «Январских событий». Военным комиссаром был молодой двадцатитрехлетний человек по фамилии Осипов.[43] Я знал его по документам, но никогда не разговаривал с ним. Он был как

раз тем человеком, кто препятствовал посылке моего курьера в Кашгар. Мною уже упоминалось выше, что Дамагацкий в ответ на мои настойчивые просьбы пообещал, что я могу послать сообщение в Кашгар, и что некий полковник Иванов согласился отправиться с ним. Его бумаги были оформлены, подписаны и завизированы печатями у Дамагацкого, но ему не разрешалось отправиться в путь без разрешения военных властей, а Осипов не только отказал ему в этом, но еще грубил и угрожал Иванову, когда он пришел к нему за таким разрешением. Я заявил протест Дамагацкому за оскорбление предложенного мною курьера, которого Дамагацкий сам же и одобрил. Это было в октябре и свидетельствует, что в это время Осипов был чистейшим большевиком.

Теперь же Осипов по некоторым причинам организовал антибольшевистский мятеж. Начали его рабочие железнодорожных мастерских[44] и лучший большевистский полк под командованием бывшего кавалерийского унтер-офицера по фамилии Колузаев.[45] Осипов пришел в казармы 2-го Туркестанского полка и, позвонив в Белый дом — в резиденцию Колесова, главы правительства, сказал, что в казармах возникли беспорядки, и он просит кого-нибудь из комиссаров приехать туда и помочь ему в переговорах, чтобы успокоить людей. Восемь из них поехали, включая печально известного Пашко.[46] Осипов их всех расстрелял. Затем он заявил, что большевистскому режиму наступил конец и продолжил напиваться. Ташкентская крепость была занята освобожденными бывшими венгерскими военнопленными, перешедшими на службу в Красную армию. Они оставались лояльными к большевикам, и между крепостью и казармами 2-го полка развернулась артиллерийская дуэль. Сопротивление этих венгров в крепости и явилось основной причиной поражения Осиповского восстания.

Были освобождены все заключенные из тюрем. Двое из них были мои личные друзья, и один из них после этого был в казармах, где он сам разговаривал с Осиповым, который был пьян.

Есть несколько историй, объясняющих, почему начавшийся столь успешно мятеж закончился неудачей. Железнодорожные рабочие и другие, поддержавшие это восстание, не хотели возвращения старого режима. Они хотели более умеренной формы социализма, чем большевизм. Колузаев обращался к Осипову «товарищ» — обычная принятая тогда форма обращения. Осипов ответил, что больше товарищей нет, а они остаются офицерами. После этого Колузаев повернул своих людей против Осипова, который остался только с Белой гвардией, которая

примкнула к нему после того, как эту акцию начали железнодорожные рабочие.

Этот путч был плохо и наспех организованным, не было сделано попыток заранее пригласить к участию секретную армию Гарибальди, хотя Гарибальди попросили присоединиться после того, как восстание началось. Будь он приглашен как лидер и организатор, выступление могло бы быть успешным. Бедное местное население не знало, что и делать. Большая часть, находившихся в Красной армии и боровшихся на стороне Осипова, думали, что они борются в поддержку правительства, и пострадала в дальнейшем.

После такой обычной меры предосторожности, как расстрел всех членов чека, которые находились в своей штаб-квартире, одним из первых поступков Осипова было то, что он направился в банк и изъял все деньги там — около трех или четырех миллионов рублей, значительная часть которых была в золоте. Позже большевики расстреляли кассира, который выдал эти деньги, хотя трудно представить, что еще он мог сделать.

Борьба шла в разных частях города. Несколько известных большевиков присоединилось к Осипову; среди них был Геголошвили, который арестовывал меня 21 октября. Наконец 21 января Осипов решил, что он разбит и с небольшой группой соратников (и конечно с деньгами) покинул Ташкент, бросив отряды своих сторонников, которых не предупредили об этом и которые, в конце концов, были убиты.

Большевики устроили ужасную месть за это восстание. Все люди, подозреваемые в причастности к нему, были арестованы. Арестованы были не только те, кто на самом деле был причастен к мятежу, но также и совершенно невинные люди. Я слышал множество душераздирающих историй. Достаточно было надеть шейный платок или галстук, расцененный как буржуазный, чтобы быть арестованным. Один инженер, приехавший на рождественские каникулы к своей дочери, оказался среди тех, кто был арестован и расстрелян. Другой жертвой оказался инженер Керенский, брат Керенского — лидера Февральской революции в России.

Хуже всего было то, что они арестовали и расстреляли Клеберга — главу шведской миссии Красного креста по помощи немецким военнопленным, главной виной которого было ношение шейного платка. Фактически все эти арестованные числом около четырех тысяч были расстреляны самым жесточайшим образом.

Я узнал ниже описываемую историю несколько месяцев спустя от человека, которому, я так думаю, единственному

удалось спастись. Я привожу ее, так как она ценна тем, что показывает, что она была возможна.

Человек, которого мы назовем условно Семенов, служил в охранке — секретной полиции во времена царизма. Он был схвачен на улице во время боев на самом деле с револьвером в руках, и его вина была несомненна. Он вместе с несколькими сотнями других был отправлен в комнату в железнодорожных мастерских. Было очень холодно, и он был одет в пальто с меховым воротником; у него были очки и подвернутые на концах усы. У него было два паспорта, один его собственный, а другой фальшивый на фамилию Попов. Во время ареста он был последним. Арестованных вызывали по шесть человек. За столами сидело шесть судей, все рабочие. Стоящий солдат говорил, что он видел арестованного до «суда» с оружием в руках, стреляющего. «Судья» приказывал расстрелять его, а его фамилия заносилась в список. Группа потом отправлялась в другую комнату дожидаться своей очереди. Семенов сказал пятерым своим товарищам, что он собирается попробовать сбежать, и попросил их для этого сказать, когда будут зачитывать фамилии из списка их группы, что он, Семенов, уже расстрелян. Попов это распространенная фамилия, а поэтому он мог надеяться, что в списках есть еще один Попов. Сам Семенов избавился от своего паспорта на фамилию Попов, закопав его в снег по пути, когда их вели по судебному двору во вторую комнату. Он оторвал меховой воротник у своего пальто, выкинул очки и выпрямил усы. То есть изменил свою внешность настолько, насколько это было возможно. Он сказал мне, что в свою бытность в полиции ему часто приходилось маскироваться. В комнате стояло что-то вроде буфета, и он спрятался за ним. Все сработало по его плану. Пятерых из его группы вызвали надлежащим образом и расстреляли. Они сказали, что Попов — шестой из их группы уже расстрелян и «судья» удовлетворился этим. А сам Семенов прятался в своем укрытии в течение нескольких дней. У него никак не подворачивался удобный случай уйти. Наконец голод, жажда и приступы боли заставили его встать и выйти. Солдаты сразу же спросили его, кто он такой и что он тут делает. Он сказал, что его фамилия Семенов, и он показал свой паспорт. Он сказал, что он только что из любопытства зашел сюда с улицы, чтобы посмотреть место, где расстреливают людей. Он просидел три месяца в тюрьме, но так как против него ничего не нашли, его освободили.

Независимо от того, правдива ли или вымышлена эта его история, бесспорным фактом остается то, что после этих коротких «судебных процессов», на которых подсудимым не позволялось даже произнести слова в свою защиту, было репрессировано

четыре тысячи человек. Если бы им позволили сказать хотя бы одно слово, уверен, не был бы расстрелян швед Клеберг, который был вообще ни при чем! Имена этих приговоренных были записаны в списке, который был потерян. Несчастных завели в огромный барак, где их раздели, так как большевики хотели забрать их одежду. Затем их вывели и расстреляли с величайшей жестокостью, от подробных описаний которых я воздержусь. Фактическими палачами были главным образом венгры — бывшие военнопленные, но один русский, Толчаков, с удовольствием выполнял эту работу и лично расстрелял семьсот пятьдесят восемь человек. Он впоследствии сам лично приводил в исполнение все приговоры, и ему была положена специальная порция вина, чтобы помогать ему в этой работе! Позже, когда он захотел отдохнуть, его послали отдыхать в дом отдыха в Чарваке в горах. Главным судьей этого так называемого судебного процесса был некий мошенник по фамилии Леппа. Он был пойман на грабеже собственности своих жертв, отдан под суд, был признан виновным и приговорен к трем месяцам поражения в гражданских правах!

У одной дамы, которую я знал, одновременно были расстреляны муж и трое сыновей. Несколько женщин, которые носили еду «белым» во время мятежа, были расстреляны, но большинство женщин остались одни.

Один восемнадцатилетний юноша был захвачен с белогвардейцами и должен был быть расстрелян. Большевики обещали ему сохранить жизнь, если он выдаст имена людей, которые помогали или симпатизировали Осиповскому восстанию. Он назвал тридцать шесть фамилий, и все эти люди были расстреляны. Власти потом решили расстрелять самого мальчишку, но, в конце концов, позволили ему уйти, думая, что он сможет быть еще полезен, и в любом случае кто-нибудь ему отомстит. Бедный парень пребывал в ужасе, зная, что родственники его жертв поклялись убить его.

Геголошвили, который был пойман во время мятежа с поличным, был среди этих арестованных. Так как его жена была дружна со многими комиссарами, то ей позволили пойти и забрать тело своего мужа, чтобы похоронить его. Она нашла его без ранений. Он упал мертвый, когда его только собирались расстрелять.

Интересно, что побочным продуктом январского мятежа явились детские игры на улицах.

Дети играли в уличные бои и копировали с большой достоверностью звук подлетающей пули! Я всегда думаю, что слово на языке пушту «Даз» для обозначения выстрела более

выразительно, чем любые наши слова. Даз гораздо ближе к звуку, который слышен у мишени, в то время как наши слова «хлопок», «удар», «щелчок» и так далее представляются звуком выстрела с точки зрения стреляющего.

Глава XI
Возвращение в Ташкент

Пока все это происходило, я жил в Троицком у Ивана. Его семья состояла из его жены и маленькой девочки семи или восьми лет. Стояла зима, и маленькая комната была утеплена. Все щели на окнах были заклеены газетами, а дверь была занавешена войлоком. Когда дверь открывалась кем-нибудь, входящим в комнату, кто-нибудь в комнате немедленно кричал «Закрой дверь!». К нам часто наведывались гости; часто приходили соседи по сплетничать. Однажды приехал переночевать со своей женой родственник Ивана — комиссар из Искандера.

Он хвастался тем, что он делал с белогвардейцами и как умно он определял их местонахождение, что заставляло меня чувствовать себя неуютно. Он говорил, что он всегда может узнать белогвардейца по белым ладоням на руках. Его жена задирала его руки, показывала их нам и говорила «Тогда ты сам должно быть белогвардеец, так как ты не делаешь никакой работы с начала революции». Он и я вынуждены были делиться едой из общей миски во время ужина и спать на полу под одним и тем же стеганным ватным одеялом. Он спросил меня номер моего полка и являюсь ли я мадьяром. Я сказал, что я румын и служил в мадьярском полку, в 32-м. Я знал, что многие мадьяры перешли на сторону большевиков, и, так как у меня был паспорт венгерского военнопленного, я боялся, что мне начнут задавать вопросы. Я слышал от Мерца в Юсупхане, что 32-й полк был венгерский полк, в котором служило некоторое количество румын. Комиссар не задавал мне больше вопросов. Я надеялся, что Иван с помощью своих связей с комиссаром сможет получить для меня мандат на квартиру в Троицком; это было бы своего рода удостоверением моей личности на будущее, которое позволяло бы мне получить другой мандат в Ташкенте. Но комиссар был слишком осторожный и сказал его жене «Скажи своему родственнику, Ивану, что его другу лучше всего обратиться в бюро для военнопленных. Из того, что я знаю, он может быть белогвардейцем».

Во время моего путешествия из Ташкента я измерил шагами комнату и записал результаты, десять на одиннадцать футов и восемь футов высотой. Из-за того, что в ней вынуждены были ютится ночью шесть человек, и атмосфера и сама мысль ужасали меня. Однажды вечером приехала большая группа друзей Ивана,

и в комнате ночевало уже четырнадцать человек. В комнате не оставалось места, и ребенку пришлось ночевать в корзине, подвешенной к потолку. Было так душно в комнате, что я не мог оставаться в комнате и провел ночь снаружи на холоде.

После своего поражения Осипов ушел из Ташкента и, пройдя не очень далеко от Троицкого, в конце концов, попытался попасть в Бричмуллу. Прямая дорога из Ташкента в Бричмуллу проходила через село Троицкое прямо под окнами нашего дома. И весь день напролет мы видели грузовики, груженные солдатами с винтовками и пулеметами, направлявшимися туда, и несколько раз видели грузовики с ранеными, направлявшимися назад в Ташкент.

После того, как вооруженная борьба в Ташкенте закончилась, я решил, что я могу попытаться опять попасть туда. Я послал Ивана сделать необходимые приготовления. Его остановили по дороге красногвардейцы и собирались арестовать, но один из солдат узнал его как «мужика из Троицкого» и разрешил ему уйти, сказав, чтобы он возвращался в Троицкое. Так как он добрался до села уже в темноте, его попытался арестовать другой патруль. Однако ему удалось ускользнуть, потеряв лошадь, которая вернулась домой на следующий день.

После того как крестьяне в Троицком убедились, что Осиповское движение намеревалось вернуть старый строй, большевики решили вернуть им оружие, отобранное у эсеров. К удивлению большевиков, село уже оказалось опять вооруженным до зубов после того, как было вынуто все спрятанное оружие. Во время конфискации оружия большевистские солдаты не нашли и десятой его части.

Ивану было приказано присоединиться к антиосиповским силам, хотя его симпатии были сильно не на стороне большевиков. Это означало в первую очередь, что он должен был оставаться дома до призыва. Ему дали винтовку без прицельной планки, которую он держал дома. Однажды ночью его направили в караул дежурить на улице, чтобы никто посторонний не проходил по дороге ночью. Он рассказал мне, что весь караул просидел у огня в доме одного из караульных, и что ни один человек не следил ночью за дорогой.

Однажды приходил священник, освятил дом и покропил все углы святой водой. Он обходил так всё село дом за домом. У Ивана в доме были картинки религиозного содержания, которые мне сильно напоминали тибетские танка, как по форме, так и по содержанию, изображавшем физические мучения в аду. Большевики были, конечно, атеистами, но религия, без сомнения, не была мертва. Преподавание религии в школе было запрещено,

и иконы были удалены из школьных классов. Однако в углу комнаты у Ивана висела икона, и его маленькая девочка крестилась перед ней после каждого ужина к сильной досаде родственника Ивана, комиссара, который рассматривал это как «старомодную чепуху».

Наконец Ивана послали на борьбу с Осиповым с его бесполезной винтовкой и лошадью. Я остался один в доме с женой Ивана и ее дочерью. Это было очень неприятное время. Женщина проводила большую часть времени в обсуждении слухов с соседями, и, я полагаю, обедала там, поэтому я очень мало ел. Наша еда в некоторых случаях была очень бедной; сухой хлеб, сделанный главным образом из кукурузы, и некоторые другие продукты, немного сушеных фруктов, квашеная капуста, которая хранилась в кадке вне дома, капуста была придавлена старым кирпичом. Маленькая девочка иногда допекала меня, воруя мою долю сухофруктов и пряча ее. Это показывало нелепость ситуации, в которую я позволил себе попасть! У нас иногда был рис вместо хлеба. Однажды я остался совсем один на два дня, женщина с ребенком отправилась к соседям. Мне нечего было есть, и я вынужден был достать половину буханки хлеба, которую держал на случай крайней необходимости с тех дней, когда я был в Юсупхане три недели тому назад, и ел его. Он был сильно заплесневевший!

Ряд сельских женщин приходили к нашему дому и приводили себя в состояние истерии по поводу судьбы их мужей, посланных на борьбу с остатками осиповских сил. Они все рыдали. Одна женщина сделалась почти безумной от вида усиленного грузовика, проходящего под нашим окном. Затем однажды пришли известия, что некоторые мужчины из Троицкого были убиты во время боевых действий. Жена Ивана вышла в ужасе посмотреть списки. Она не умела читать, но ей зачитали список. Она вернулась с удивившим меня известием, что она не знает фамилии Ивана (и ее собственной!)! Она жила с ним всего несколько месяцев! Маленькая девочка, ее дочь от бывшего мужа, однако смогла ей сказать ее фамилию, и все оказалось нормальным. Что особенно поразило меня, так это то, что не только жена Ивана, но и ее подруги и соседки, казалось, больше были обеспокоены тем, что его смерть лишит ее источника еды, чем потеря ею дорогого мужа и супруга. Грустно осознавать, что условия жизни могут сделать человека столь меркантильным.

Я слышал потом, что Иван попал в трудное положение в отношениях с солдатами из-за того, что он стрелял в воздух из своей винтовки вместо того, чтобы стрелять в людей Осипова. Он показал, что на ней нет прицела, и сказал, что, даже если бы он и

был, то он все равно не знает, как ею пользоваться, так как никогда в своей жизни не стрелял из винтовки. Однако какой-то другой крестьянин из Троицкого сказал солдатам, что это неправда, так как Иван слывет одним из лучших охотников на диких кабанов в селе!

Однажды меня приехал навестить Ишан. Он побывал в Ташкенте, чтобы взять немного денег у Маркова для его жены. Его обыскали, но разрешили проехать. Все время, пока мы были на пасеке с ним, он не догадывался, кем мы были. Сейчас он нам сказал, что он подозревает, что Гарибальди и люди, бывавшие у меня, были белогвардейцами. Было не очень хорошо, если он обсуждал это со своими таджикскими друзьями. Однако прошло уже слишком много времени, чтобы эти новости или подозрения нанесли нам много вреда.

Позднее я слышал, что Марков и Липский сами присоединились к Осипову в долине Пскема. Большевики прослышали, что в домике жили контрреволюционеры и послали отряд проверить это. После нашего ухода там жили другие беженцы, включая тестя Маркова. Красноармейцы посетили домик, полностью его ограбили и забрали весь мед. Чтобы проверить, что произошло на самом деле, Марков, Липский и еще один человек оставили отряд Осипова, перебрались из долины Пскема через хребет в долину Коксу и направились на пасеку. По пути они встретили двух сартов, которые сказали, что домик разграблен, но там сейчас никого нет. Поэтому они направились к домику, ничего не подозревая. Марков шел приблизительно в двухстах ярдов впереди своих товарищей, когда они подошли к домику. Залаяла собака, и из домика вышло шесть красноармейцев. Марков не сдержался и выстрелил, ранив одного из них в челюсть. Остальные открыли огонь и убили его. Липский и его товарищ увидели, что произошло, и скрылись. Большевики в домике не знали, кого они убили, но Ишан все еще жил там, он узнал тело Маркова и сказал им, что это он.

На обратном пути они встретили тех двух сартов, которые дали им ложную информацию о том, что в домике никого нет. Они поймали их и узнали, что они были шпионами, посланными отрядом большевиков с пасеки, чтобы разузнать про людей Осипова. Липский и его друг убили этих двух людей.

Марков был моим очень хорошим другом и очень обаятельным компаньоном. Если бы он не поступил так, он, возможно, только потерял бы свою собственность, что, учитывая его нахождение у Осипова, было неизбежным.

Я слышал, что у тестя Маркова возникли большие трудности с большевиками. Он смело пошел на митинг и предложил, чтобы

все партии могли принимать участие в выборах, а не только в соответствии с новыми избирательными законами, разрешавшим делать это только большевикам и эсерам. Его пришли арестовать за это, и он скрылся в нашем домике, где он прятался несколько дней. Затем Марков открыто присоединился к Осипову, и поэтому его тестю пришлось покинуть домик. Он был вынужден идти через пикеты большевистских солдат, которые боролись против Осипова. Он был узнан, схвачен и помещен в тюрьму, но после нескольких дней заточения его освободили. Все это привело к тому, что домик оказался под подозрением, а затем и к смерти Маркова.

Я решил теперь снова попытаться вернуться в Ташкент. Я так долго пробыл в Троицком и примелькался столь многим людям, что здесь я общепризнанно считался австро-венгерским военнопленным, так что многие люди могли поручиться за меня в таковом моем качестве в случае какого-то небольшого расследования.

Но были и некоторые трудности. Я продолжал носить венгерскую фамилию Кекеши. Многие венгры пошли на службу к большевикам в армию, полицию и т. д., а я не знал ни слова по-венгерски. Я мог сказать невежественному комиссару из Искандера, что я румын из венгерского полка, но Кекеши не румынская фамилия, и одно это могло вызвать подозрения, и я предполагал, что как только возникнут подозрения, мой обман будет раскрыт. Мои попытки получить мандат на право проживания в Троицком закончились неудачей. Я должен был теперь полностью принять роль Кекеши, и поэтому решил отправиться в путь с несколькими крестьянами, которые знали меня в течение некоторого времени и которые могли бы вполне искренне подтвердить, что я действительно Кекеши, венгерский военнопленный, и я надеялся, что они смогут ответить на вопросы и особенно смогут дать свидетельские показания, что я провел все время в Троицком во время «январских событий».

14 февраля я пешком вышел из Троицкого, неся с собой в узелке кое-какие вещи. Я ожидал, что меня могут обыскивать или допрашивать, поэтому я оставил все мои бумаги и все, что могло вызвать дополнительные подозрения. Пройдя совсем немного, я подсел в повозку к мужчине и двум женщинам, крестьянам, с которыми и продолжил дальнейший путь. Я сказал им, что хотел попасть в город, но мне не дали разрешения, так как поссорился с человеком, который их давал. Мы доехали до Никольского, где встретили похоронную процессию — хоронили трех человек, убитых в боях с Осиповым. Здесь мы пообедали с крестьянами, а затем мужчина, управлявший повозкой, вернулся назад в

Троицкое, а я с двумя женщинами прошел четыре версты в сторону Ташкента. Это было тяжелое испытание для моей ноги, так как это был мой первый длительный переход. Женщины обещали не оставлять меня одного на мосту через реку Салар, где, говорили, стоят большевистские пикеты, но в последний момент они оставили меня и пошли на железнодорожную станцию. Это делало любые мои объяснения более трудными, но я решил продолжить путь, и, к моему утешению, обнаружилось, что пикеты на мосту убрали и выставляли их только на ночь. Я достиг города около двух часов. Я намеревался пойти на мою прежнюю квартиру к Матвеевым, но не хотел делать этого до наступления темноты. Поэтому я фланировал в течение четырех часов под падающим снегом; несколько раз я пил чай в разных чайханах (чайных лавках). В одной из них ко мне подошли двое австрийцев тоже в униформе и обратились ко мне. Я поговорил с ними немного, но они не спросили у меня ни мою национальность, ни мой полк. Мой скромный немецкий оказался вполне достаточным для них. Однако мне пришлось сократить и прервать беседу, наскоро проглотив свой чай, и уйти до того, как беседа перешла в опасное русло.

Матвеевы были очень рады видеть меня; они не слышали обо мне долгое время и думали, что я, должно быть, убит. Во время моего пребывания в горах у Матвеевых квартировалось трое людей. Договорились, что мы будем жить все вместе. Жена нашего хозяина готовила для всех живущих в доме, время от времени в этом ей помогал я или другие жильцы.

Они рассказали мне, что Гарибальди останавливался у них. Когда начались «январские события», некоторые люди Осипова приходили к нему и просили его возглавить движение со своей организацией — секретной армией. Он отказался. Мой хозяин был так зол на него за это, что выгнал его. Я попытался разыскать его, но он покинул Ташкент, и я его больше никогда не видел. Я слышал, что впоследствии, через несколько месяцев он заключил мир с большевиками.

Через день после моего прибытия меня навестила мисс Хьюстон. Она рассказала мне, что Ноев был арестован и провел пять недель в тюрьме. Он был там во время январских событий и был освобожден людьми Осипова. Не будь он тогда благополучно освобожден, он был бы, вероятно, расстрелян позже. Поскольку так случилось, он сдался властям и снова был заключен в тюрьму. Его усердно расспрашивали о моем местонахождении. Но ни он, ни мисс Хьюстон и фактически никто в Ташкенте кроме моего хозяина и моего связного Лукашова не знали, где я.

Я был вынужден теперь вернуть паспорт Кекеши. Я всегда

думал, что Кекеши один из многих тысяч умерших военнопленных, но сейчас я узнал, что он благополучно жив и в настоящее время обеспокоен отсутствием своего паспорта, который он одалживал своему товарищу на непродолжительное время. Единственное, что я мог получить взамен за столь короткое время, был паспорт галицийца, австрийского военнопленного по имени Владимир Кузимович. Это было крайне неподходящим для меня, так как, как галициец, я должен был бы в совершенстве говорить по-русски. Все австрийские пленные славяне — поляки, сербы, словаки, чехи и т. д. после четырех лет жизни в России говорили превосходно по-русски. Поэтому я вынужден был отказываться от паспортов военнопленных славянского происхождения.

Через день или два я получил паспорт румынского офицера военнопленного по имени Георгий Чу ка. Я был рад получить паспорт румынского австро-венгра. В городе было так много венгров и так много из них примкнуло к большевикам, что отсутствие у меня знания венгерского языка должно было бросаться в глаза. Румын было немного, так что риск был не столь велик. Я мог сойти за румынского военнопленного с поверхностным знанием немецкого языка, если рядом не было румына, который бы мог уличить меня в мошенничестве. Фактически я делал все возможное, чтобы избегать любых таких положений. Например, я никогда не рисковал оставаться на улице во время комендантского часа. Однажды я возвращался домой почти за четверть часа до его наступления, когда был остановлен полицейским со словами «Стой, товарищ!». Он упрекнул меня, что уже слишком поздно. Я показал ему свои часы, и он сказал «Хорошо, поторапливайтесь!» Задолго до наступления комендантского часа улицы становились практически пустынными, так как люди старались избегать нежелательных контактов с полицией. Однажды, когда мы услышали, что комендантский час изменен, мы позвонили в полицию, чтобы спросить их. Они с удивлением захотели выяснить, кто это захотел про это узнать!

Глава XII
Снова Ташкент

Одно из первых дел, которое я сделал после своего возвращения в Ташкент, была консультация у хорошего русского доктора по поводу моей ноги. Мне надо было найти надежного человека и рассказать ему, кто я был на самом деле. Это было сделать не сложно, и консультация состоялась. Врач сказал, что сартовский врач, лечивший меня в горах, на самом деле сделал все правильно. Он порекомендовал делать массаж. Он сказал, что в городе есть хорошая массажистка. Я сказал, что в моем специфическом положении самое главное — видеться как можно с меньшим количеством людей и мои знакомства должны быть очень избирательными. Могу ли я полагаться на эту массажистку в том, что она не будет задавать мне лишних вопросов и будет держать язык за зубами, если у нее возникнут подозрения, что я не совсем тот человек, про которого написано в моих бумагах? Доктор сказал, что этим людям ничего не остается делать, как только болтать, пока они заняты своей работой, и что молчаливых и осторожных массажисток не существует, особенно в России. Поэтому мне пришлось оставить все мысли относительно массажа.

После нескольких дней, проведенных у моих гостеприимных друзей, определенные причины заставили меня немедленно их покинуть. Но я не знал, куда мне податься. Прежде чем поселиться на квартире, необходимо было проделать значительную предварительную работу. Для домовладельцев было очень рискованно размещать у себя кого-либо из-за возможных больших трудностей с властями. Каждый дом посещался Жилищной комиссией. Скажем, представители этой комиссии пришли в дом со столовой, гостиной и еще тремя другими комнатами. И нашли там живущими трех человек. Они с большой вероятностью поселили бы там еще две или больше семей. Одна из этих семей была бы надежными большевиками, наблюдавшими за остальными. Один из людей назначался главой домового комитета — домкома, и в его обязанности входило сообщать о прибытии любых незнакомцев. Не сделай он этого, он немедленно был бы выдан властям большевистскими квартирантами, специально поселенными там. Каждый обязан был иметь мандат или разрешение на право занятия своей квартиры. Его было трудно получить. Вот так множество людей, принадлежащих к ранее привилегированным классам, вынуждены

были бросать свои дома и обстановку и перебраться жить к друзьям. Таким образом, дом мог быть заполнен жильцами, принадлежащими к одному и тому же классу, и это было приятнее, чем терпеть наличие большевистского агента, наблюдающего за вами. Самой большой трудностью этих объединений жильцов была готовка.

В доме, как правило, была только одна кухня и все разные семьи должны были ею пользоваться, а это приводило к неприятностям и ссорам. В домах, ни в одной из комнат не было никаких открытых каминов, так как все обогревалось большими закрытыми печами, на которых нельзя было готовить.

Я решил пойти в дом инженера по фамилии Андреев, с которым я встречался несколько раз в первое время моего пребывания в Ташкенте, и который, как я думал, мне посочувствует. Этот дом стоял в небольшом саду. Я подошел и позвонил в дверной звонок. Дверь открыла девушка, с которой я тоже ранее встречался. Я понадеялся, что она не признает меня в моей маскировке с бородой и в австрийской униформе. Она не подала вида и сказала, что позовет Андреева. Я сказал ему на русском языке «Вы знаете, кто я?» Он ответил на английском «Я предполагаю, что Вы — полковник Бейли». «Какой вы догадливый, что сразу узнали меня», — сказал я ему. Он ответил «Мне сказала, кто вы, девушка, что открыла вам дверь». Это было плохой новостью, так как эта девушка была знаменита тем, что была самой несдержанной пустомелей в городе.

Я объяснил свое положение Андрееву. Он сказал, что готов приютить меня, но только тайно с большими предосторожностями. Так как, если другая семья, живущая в доме, узнает обо мне, новость об этом мгновенно распространится по всему городу, ввиду того, что они были совершенно неспособны держать язык за зубами.

Здесь у Андреева я должен был оставаться абсолютно скрытым, и я никогда никуда не выходил кроме сада после наступления темноты. Однажды я отправился за своим небольшим имуществом, и когда я покидал дом, эта девушка приветливо улыбнулась мне из окна. Спустя несколько лет я встретил ее в Корее.

Я жил у Андреева в задней комнате, и он приносил мне туда еду. Вечерами я обычно присоединялся к нему и его сестре за ужином. Позже я иногда выходил и в город после того, как Андреев удостоверялся, что поблизости нет каких-то болтливых общих знакомых. Живя у Андреева, я имел уйму времени для чтения. Я нашел несколько очаровательных рассказов Толстого для детей, написанных легко, на очень простом языке. Было

несколько хороших книг на французском языке. По-английски я прочитал Библию от начала до конца; а также дважды Лавку древностей, так как это были единственные книги на английском языке. Я не страдал от перечитывания. Ярко иллюстрированный путеводитель по Мемориалу Альберта показал, что этот плохо сохраняемый памятник содержит скрытые исторические детали, которые не попадали в поле моего зрения, поскольку я никогда не приближался к нему ближе дороги.

Однажды, когда я был в своей комнате, вошла сестра Андреева и сказала, что в доме проводится обыск. Поскольку не было никакой возможности скрыться, мы поспешно собрали несколько книг и письменные принадлежности и сели за столом. Когда несколько мужчин вошло в комнату, они спросили, кто я. Леди ответила, что я — австрийский военнопленный, который дает ей уроки французского языка. Они больше ничего не спросили и не попросили у меня паспорт, и мы поняли, что это была только домовая или квартирная комиссия, проверявшая, что у людей нет излишков жилой площади и что они живут должным образом уплотненно. Однако это происшествие было только началом.

В другом случае в доме проводился обыск на предмет поиска подпольного продуктового магазина или чего-то подобного. Это был более опасный случай, но я был заранее предупрежден и вышел прогуляться, вернувшись только во время комендантского часа после того, как все было закончено.

К этому времени я отказался от ношения своей австрийской формы. Большинство этих униформ непрерывно носилось в течение четырех лет — некоторые и того больше — и становились потрепанными, и военнопленные обзаводились российской штатской одеждой, так что ношение униформы скорее больше привлекало к себе внимание, чем ее не ношение.

Я также приобрел пару простых (с обычными стеклами) пенсне в целях дальнейшей маскировки.

Тем временем мисс Хьюстон пыталась найти для меня другую квартиру. Идея состояла в том, чтобы я каким-то образом получил мандат, что оказалось сделать очень трудно. В конце концов, квартира была найдена, но без мандата.

Я получил следующую записку от мисс Хьюстон, написанную карандашом на маленьком листке бумаги, которая сейчас, когда я пишу эти строки, лежит передо мной, и которая дает яркую картину предпринимаемых нами предосторожностей:

> «Вот такая договоренность будьте напротив Министерства Иностранных дел на Воронцовском на

углу, где Городская управа (вы знаете, где поворачивает трамвай). Стойте на углу Романовского и Воронцовского в пять тридцать. Вы увидите седую леди, идущую по направлению от нашего дома, со свертком в руке, завернутым в красную скатерть. Она постоит в течение минуты у городской управы и зажжет сигарету, а потом пойдет дальше. Вы должны следовать за ней; когда она войдет в дом, вы пройдете мимо, а затем вернетесь и войдете в этот дом сами».

Я жил в этом доме с людьми, которых я назову Павловы, вполне открыто; бывало, я помогал им с работой различным образом. Однажды ночью пришел раненный человек по фамилии Краснов, и меня попросили помочь внести его в дом. Мы должны были сделать это как раз перед наступлением времени комендантского часа, которое наступало тогда в одиннадцать часов, и только после того, как удостоверимся, что другие жители дома были в своих комнатах и не видели его. Он был ранен в ногу, когда вместе с Осиповым воевал против большевиков. Каким-то непостижимым образом он выдал себя за красногвардейца и был помещен в больницу. Позже он попал под подозрение и совершил замечательный побег из-под охраны, когда медсестры вышли из комнаты. Он только вышел на своих костылях и сел в экипаж, подготовленный его друзьями. К несчастью, он снова сломал ногу. Его поместили на даче под Ташкентом, где он благополучно пробыл, пока его нога немного не поправилась. У него не было возможности вылечиться нормально. Я очень сочувствовал этому раненному человеку, вынужденному так скрываться, зная, что его непременно расстреляют в случае поимки.

Однажды моя квартирная хозяйка сказала, что глава домового комитета настаивает на необходимости мне иметь мандат. Чтобы его получить, я должен был лично пойти в Жилищную Комиссию со своим паспортом. Я не имел понятия, насколько безопасным является мой паспорт Чуки, и в любом случае я всегда старался избегать таких личных контактов с бюрократией большевиков. Я предполагал, что Чука был мертв, но как в случае с Кекеши это могло быть и не так. Поэтому мы предприняли следующие меры предосторожности я на несколько ночей вернулся к Андрееву. Моя хозяйка отнесла мой паспорт Чуки в Жилищную Комиссию и сказала им, что я болен и что какие-то красногвардейцы размещались в квартире, указанной в паспорте, и поэтому я хочу уйти оттуда и переехать к ней, поскольку я давал уроки французского языка ее сыну. Они это

выслушали и дали ей мандат. В этот момент австриец, который был своего рода переводчиком в Комиссии, услышал фамилию Чука. Он сказал, что знал его хорошо и, выхватив мандат и мой паспорт из руки женщины, сказал «Скажите Чуке, пусть он сам приезжает в Дом Свободы (Штаб правительства) за мандатом и заодно приносит деньги, которые он должен мне». Таким образом, мои планы относительно мандата рухнули и, хуже все было еще то, что я потерял свой паспорт. Разочарование состояло не только в том, что я не получил мандата на эту квартиру, но надо было снова обзаводиться документом для идентификации личности, чтобы облегчить свое дальнейшее положение. Позже я увидел рекламу в газете, в которой сообщалось, что Чука давал уроки английского по адресу, указанному в паспорте, который я использовал! Таким образом, я узнал, что Чука все еще ходил по нашей грешной земле. Мы боялись, что леди могла бы попасть в беду, если предполагаемый Чука когда-либо заявится за своим мандатом, и мы придумали историю для объяснения случившегося в случае расспросов. Она должна была сказать, что она передала Чуке, чтобы он сам пошел за своим мандатом и с деньгами, которые он был должен, но он перестал приходить давать ежедневные уроки французского, и она не знает, где он. Однако, ее никто не расспрашивал, хотя два подозрительных субъекта, как мы думали, возможно, агенты Чека, были расквартированы в доме, возможно, с целью прояснить эти подозрительные обстоятельства.

Достать новый паспорт было не очень легко, и в течение некоторого времени я использовал паспорт латыша по фамилии Юстус. Латыш не славянин, и поэтому ему было простительно плохое знание русского языка, но, согласно моему паспорту, я находился в Ташкенте уже четырнадцать лет, а следовательно, можно было ожидать, что у меня есть друзья в городе, и я мог бы знать русский язык лучше, чем его знал я. Также мне по этому паспорту было семьдесят пять лет, но нам удалось изменить «семьдесят» на «сорок». Я постарался избавиться от этого ненадежного документа как можно быстрее. Позже я стал Иосифом Лазарем, румынским военнопленным и извозчиком по профессии.

Прямо перед тем как я отказался от имени Чука, я записался на прием к женщине, зубному врачу. Я должен был ждать своей очереди в вестибюле приемной, а помощник обычно вызывал пациентов из очереди по фамилии. Я испугался, что, поскольку я потерял только что документы на имя Чуки, могла возникнуть очень неприятная ситуация, если б в приемной оказался какой-нибудь знакомый Чуки или просто большевик, знавший о том, что

произошло (а такие соглядаи были повсюду). Зубная врач же знала меня именно под фамилией Чука, и я не мог внезапно явиться к ней под другой фамилией. Поэтому я сказал зубному врачу, что я должен уехать в Самарканд. Она сказала мне, чтобы я к ней обязательно пришел через месяц, иначе у меня будут большие неприятности с зубами, но я так этого и не сделал.

К слову о дантистах, в Старом городе в Ташкенте был один необычный странствующий дантист-китаец, который работал прямо на улице. Он говорил пациенту, что он страдает от личинки, находящейся в его зубе, а он ее удалит. Он открывал пациенту рот и вставлял туда пару палочек для еды, затем доставал оттуда личинку или гусеницу, бросал ее на землю, а затем ее раздавливал, давал пациенту таблетку и брал с него плату. Я могу только предполагать, что в палочках для еды были полости, в которых и была спрятана личинка. Пациент, видя, что вышло из зуба, испытывал облегчение боли вследствие веры в действия лекаря, таблетка, возможно, опийная, действительно приносила облегчение боли.

В Ташкенте можно было встретить и других странных людей. Я уже упоминал об англичанине с труппой дрессированных слонов. Я видел на улицах города очень пожилого серба, чей реквизит ограничивался только попугаем, который за небольшую плату доставал конвертик из пакета и подавал его вам. Внутри было предсказание вашей судьбы; мое предсказание гласило «Она любит вас». Вероятно, они не сильно отличались друг от друга. Старик рассказал мне, что он, таким образом зарабатывая себе на жизнь, пропутешествовал по всей Индии и большей части Китая.

Моя нога все еще беспокоила меня, и подумал, что хорошо бы было проконсультироваться с врачом снова. Это произошло сразу после того, как я получил паспорт на имя Лазаря. В первое мое посещение я приходил к врачу домой, но сейчас он хотел принять меня в небольшой клинике или частном санатории. Я позвонил в звонок, и дверь мне открыла медсестра, в руках у которой был блокнот. Когда она меня впустила, она довольно бесцеремонно с деловым видом спросила мое имя. Это имя у меня было всего только несколько часов, я был столь озадачен ее вопросом, что какое-то время ничего не мог ответить. Затем я ответил «Лазарь».

«Христианское имя»?

Это вогнало меня в ступор. Я понял так, что это должно быть что-то из Библии, поэтому произнес «Питер».

Это все должно было быть записано в моих документах, но когда я посмотрел свой паспорт, я понял, что я должен был бы ответить «Иосиф». Доктор, который ожидал меня, понятия не имел, кто такой Питер Лазарь. Поэтому мне пришлось отставить в

сторону медсестру, ворваться в кабинет и снять свои очки, тогда он сразу узнал меня.

Во время «Январских событий» многие люди, которые не имели никакого отношения к ним, вынуждены были скрываться или пытались покинуть страну. Их непрерывно ловили, арестовывали и в некоторых случаях расстреливали. Для сартов наступило золотое время. Сначала они брали деньги за то, чтобы помочь человеку скрыться, а затем сдавали его большевикам, и таким образом получали оплату дважды, в то время как неудачный беженец расставался с жизнью. Полковник Иванов, которого я нанимал в качестве своего курьера в Кашгар, был повторно арестован именно таким образом. После моего исчезновения он был арестован и посажен в тюрьму за связь со мной. Это было в высшей степени несправедливо. Дамагацкий сказал мне, что я могу послать курьера и попросил меня послать человека в комиссариат иностранных дел за его бумагами. Я выбрал полковника Иванова вполне открыто и честно, и послал его за его документами, которые не пропустил Осипов. Фактически я только однажды виделся с Ивановым, когда я договорился с ним о том, чтобы он взял мои сообщения. Иванов был освобожден белогвардейцами во время Январских событий. После поражения Осипова, он попытался покинуть город со своей женой и ребенком, замаскировавшись под сартов. Он хорошо заплатил одному сарту, чтобы он вывез их из города, но на дороге проводник потребовал еще доплатить денег, сумму, которую Иванов заплатить не смог. Тогда этот человек сообщил о нем большевикам, которые наградили его, и арестовали Иванова.

Все это лишило меня возможности передвигаться и возможности выбраться из страны, или даже послать курьера. Я уже описывал, как был расстрелян Лукашов. Еще один мой курьер добрался только до Самарканда, а потом вернулся назад с моими посланиями. Другие курьеры были не в состоянии передать мои сообщения по той или иной причине, но возможно, они никогда и не пробовали это сделать.

Вследствие трудностей с мандатом я не мог возвратиться на постоянное жительство в дом к Павловым, но иногда я ночевал у них или еще в двух местах и в конце концов опять вернулся к Павловым. Если бы я был найденным спящим у них в доме без мандата, я намеревался указать какой-нибудь адрес и сказать, что я зашел к ним на чашку чая, задержался допоздна и, не успевая вернуться домой до комендантского часа, решил остаться на ночь здесь. Однако такой необходимости ни разу не возникло, к счастью, ни один из этих домов не обыскивался, когда я в них оставался.

Однажды одна дама сказала мне, что слышала, что англичанин, усиленно разыскиваемый властями, живет в доме одной дамы, но из опасения обыска часто уходит ночевать в другие места. Это так точно описывало меня, что я решил покинуть эти квартиры навсегда.

Я все же еще иногда посещал Павловых и встречался там со своим слугой Хайдером. Он сказал мне, что после моего исчезновения он и другой мой слуга Ибрагим были арестованы, им угрожали расстрелом, били и требовали открыть мое местонахождение. Они не знали этого и отвечали так, как я им сказал перед уходом, и через какое-то время их выпустили из тюрьмы. Хайдер сказал, что думает, что Хан Сахиб Ифтекар Ахмад вернулся в Кашгар, и позже я узнал, что это так и было.

Последний снегопад был 23 марта — прошел год. Весна быстро вступала в свои права, и в Ташкенте было чудесно. Улицы в течение многих дней были украшены цветущими ароматными акациями, высаженными вдоль дорог; это, возможно, было самое приятное воспоминание о Ташкенте, сохранившееся в моей памяти за этот год пребывания в Ташкенте. Воздух, напоенный ароматом цветов, журчащая вода в арыках, тянущихся вдоль тенистых улиц, рождали только одно желание — чтобы люди перестали быть столь злыми друг к другу, и имели бы досуг и спокойствие, чтобы просто всем этим наслаждаться.

Опасность ареста все еще была велика для меня как никогда! Было невозможно не сообщать хотя бы некоторым людям о том, кто я и где я нахожусь, однако я старался свести круг таких людей к минимуму. И все же неизбежно росли и распространялись слухи обо мне. Поэтому я решил начать все заново. Я знал, что г-жа Эдвардс совершенно не умеет хранить секретов, поэтому я решил использовать эту ее ненадежность в своих собственных целях. Эдвардсы где-то скрывались. Мисс Хьюстон была на связи с ними и помогала им с квартирами и мандатами, так же, как она это делала для меня. Однажды я назначал встречу с г-жой Эдвардс. Это должно было произойти на улице. Она была одета как крестьянка с платком на голове, а я в русской одежде и с бородой. Однако мы легко признали друг друга. Я сказал ей под большим секретом, что я покидаю страну, и спросил, чем я могу ей помочь до того, как уеду. Она спросила меня, куда я собираюсь ехать. Я сказал «В Фергану, но это должно сохраняться в абсолютной тайне, иначе я могу оказаться пойманным по дороге». Я услышал два дня спустя, что она рассказала нескольким людям, что встретила меня, и я ей сказал, что я собираюсь в Фергану, но, поскольку я никогда не выдаю своих истинных намерений, что и в этом случае, как она думает,

это должно быть так же, а значит, она считает, что на самом деле я должен направляться в противоположном направлении, в Бухару! Дело пошло как нельзя лучше! Я был этому рад.

Слух, которому я положил начало, начал хорошо распространяться. Она сказала мне, что она и ее муж также принимают меры, чтобы уехать. Я спросил, чем я могу им помочь, а также предположил, что, может быть, им лучше было бы сдаться властям, но они боялись сделать это. Я дал ей денег и подсказал ей возможные пути выхода из сложившегося положения. Больше я ее никогда не видел. Я уверен, что пущенный мною таким образом слух достиг целей, и большевики вполне уверились в том, что я уехал. Все это время я находился на связи с Тредуэлом, но он так плотно опекался, что поговорить с ним у меня не было никакой возможности.

Глава XIII
Местный большевизм

Большевики в Ташкенте были отрезаны (за исключением радиотелеграфной линии связи) от остального мира; однако в феврале или марте 1919 года генерал Дутов, удерживавший железнодорожную ветку к северу от Ташкента, был разбит, и железнодорожная связь с Москвой была восстановлена. Власти в Москве обеспокоились событиями в Туркестане. В эти первые годы революции на периферии трудно было найти эффективных лидеров, и первые революционеры в Туркестане были людьми в основном невысокого образования и способностей.

Принципы коммунизма не соблюдались. Резня, устроенная в январе, принесла дурную славу русскому правительству в целом; обращение с местным населением и исключение представителей местного населения из правительства края противоречило провозглашаемых Москвою принципам. Они чувствовали, что, если некоторых мусульманских представителей пригласить в правительство, то это помогло бы примириться на новых условиях с огромной массой местного населения края. Была прислана комиссия из более компетентных большевиков, чтобы разобраться на месте и доложить. Это были Апин,[47] Воскин, Вайнберг[48] (псевдоним Ванбар), Бравин[49] и другие. Этот человек — Вайнберг, сказал мисс Хьюстон, что в действительности он бельгийский журналист и секретный британский агент, находящийся на связи с британской миссией в Мешхеде. Он просил ее помочь ему и обещал взять ее с собой в Мешхед, когда он сам соберется туда. Это было, очевидно, попыткой заманить ее в ловушку, но она была слишком умна и сказала ему, что это опасная вещь вмешиваться в политику и предпочитает ограничиваться своею работой. Возможно, это тот самый человек с такой фамилией, который несколькими годами позже стал секретарем Центрального Совета Профсоюза.

Бравин был консулом в Персии и, я считаю, однажды действовал как министр в Тегеране при прежней царской власти. Он владел как персидским языком, так и хинди.

Эти люди привезли с собой денег на сумму в пятьдесят миллионов рублей в царских банкнотах для поддержки гнилой туркестанской валюты, с которой никто не хотел иметь дело. Царские или «Николаевские» деньги ценились больше, чем советские деньги; казалось странным, что Московскому правительству пришлось пойти на это и тем самым действовать

вопреки собственным законам. Однако они нуждались в некотором количестве валюты, которая бы принималась туркменами и другими группами, которых они надеялись подкупить для борьбы со своими врагами в Транскаспии и в других частях региона.

Они также привезли с собой экземпляр «Таймс» от 29 января 1919 года, и мне удалось заполучить его для прочтения. Это было крайне интересно и ценно для меня, хотя эта газета и устарела на два месяца. Это было первая английская газета, которую я видел после «Еженедельника Таймс» с сентября 1918 года. Я думаю, что у «больших начальников» это вызвало бы немалое удивление, знай они, кто читает их газету в соседней комнате. Для иллюстрации того, насколько я был отрезан от новостей, могу сказать, что впервые узнал о передислокациях генерала Данстервилля в Баку из обзора книги Эдмунда Кэндлера в этой газете.

Приблизительно в это время в Ташкенте появились некоторые индийские революционеры.

Они возглавлялись неким Баркатуллой, который называл себя «профессором». Он был уроженцем штата Бхопал в центральной Индии и был преподавателем Хиндустани[50] в Токио до депортации его из страны японцами, после чего он переехал в Америку, где он никому не давал проходу без возможности выслушать его беспощадную критику нашего правления в Индии. Он утверждал, что был немецким подданным, и даже заявлял, что он был немецким дипломатическим представителем в Кабуле. У него был немецкий паспорт, выданный в Дар-эс-Саламе в Восточной Африке. В 1927 году он умер. Во время войны в Берлине была сформирована организация, называвшаяся Временное правительство Индии. Президентом ее был (чуть позже) Махендра Пратап, и этот Баркатулла был там министром иностранных дел.

Это правительство должно было взять на себя управление Индией после того, как мы проиграем войну и уйдем из Индии. История повторяется. 24 июля 1941 года лондонская «Дэйли Скетч» сообщила «Риббентроп формирует в Берлине «Временое правительство Индии», из хорошо известных предателей индусов и мусульман». В этом проекте с Махендрой Пратапом и Баркаталлой был связан турецкий капитан Мохаммед Казим Бек, который вел себя как турецкий дипломатический представитель в Кабуле. Он был членом турецко-немецкой миссии в Афганистане под руководством Нейдермеера. Баркатулла гарантировал организацию большевистской революции в Афганистане при условии достаточного финансирования и поддержки.

Эти двое утверждали, что они были представителями Германии и Турции в Афганистане, и уже после войны, в то время, когда мы находились в состоянии мира с этими странами, они вели там чрезвычайно яростную пропаганду против нас.

Вот некоторые пункты из меморандума, выпущенного этими людьми. Многие из нас едва узнают Индию в этом описании:

> «В Индии британцы получают большие зарплаты, в то время как люди погибают от чумы и голода, вызванного грабительским налогообложением; согласно статистике, изданной самим британским правительством, девятнадцать миллионов индийцев умерли от голода за последние десять лет. Тысячи были повешены, заключены в тюрьму и сосланы из-за высказывания чувств любви к своей стране. Дела в судах ведутся на английском языке, который не понятен обвиняемым и другим участникам процесса. Мужчины наказываются за то, что они носят перочинные ножи более шести дюймов длины. Мусульмане не могут собираться для молитвы в своих мечетях, а индуисты не могут собираться в своих храмах. Многие районы Индии являются неразвитыми, поскольку выращиваемый урожай недостаточен, чтобы оплатить требуемые огромные налоги. Правительство препятствует образованию и препятствует созданию фабрик. Мужчины вынуждены работать по двенадцать часов в день на ужасной жаре, чтобы получить заработную плату от трех до шести пенсов в день, а во многих случаях при системе принудительного труда ни о какой плате вообще нет речи. Мужчин также посылают за границу для работы в британских колониях вопреки их желанию. Измученных голодом людей заманивают в армию, где их принуждают убивать собственных братьев. По этой причине было немало бунтов в полках. Люди называют армию «Армия убийц» из-за того, что в нее рекрутируются люди из диких пограничных племен (главным образом афганцев), которым люди вынуждены подчиняться. Индия вынуждена была заплатить огромные суммы в последней войне. Дальше утверждалось, что сэр Рабиндранат Тагор, «Толстой Индии», был заключен в тюрьму. Такого бескультурья, варварства, безнравственности не совершалось когда-либо даже в России при царях. Англия отбросила в сторону фиговый листок, которым она прикрывала свое лицо».

Одна статья в их газете ссылалась на Индийский мятеж,[51] когда были безжалостно убиты тысячи стариков, женщин и детей. Точная дата восстания была известна за год до него двумстам пятидесяти тысячам сипаев,[52] но среди них не нашлось ни одного предателя, выдавшего эту дату. Сипаи в этот момент сформировали «Советы» точно так же, как российские солдаты сделали это шестьдесят лет спустя. Когда новое восстание произойдет в Индии, они смогут положиться на помощь рабочих Англии.

Мой слуга Хайдер пришел к этим людям и сказал им, что я исчез, оставил его «на мели», без денег, и даже не заплатил ему его зарплату. Он просил их помочь ему вернуться в Индию.

Казим Бек прочитал его паспорт, в котором была напечатана обычная стандартная фраза «Оказывать ему всяческое содействие и помощь, в которой он нуждается». Он очень рассердился на него и сказал «Если Вы находитесь в таких отношениях с угнетателями Индии, Вы нам не друг. Отправляйтесь в тюрьму». И бедный Хайдер был снова заключен в тюрьму, но только на одну ночь, поскольку власти тюрьмы, где он уже сидел до этого, хорошо его знали и освободили его на следующий день. Забавно, что такие люди, как Баркатулла и Казим Бек, индиец и турок, имели достаточную власть в России, чтобы сажать людей в тюрьму. Это называлось «Интернационализмом».

У меня есть прокламация, выпущенная этими двумя деятелями. Она начинается со списка мусульманских святых мест, захваченных британцами Мекка, Багдад, Дамаск, Иерусалим, Наджаф, Кербела, Кум и Мешхед и списка порабощенных стран Индия, Египет, Тунис, Алжир, Марокко, Аравия и Ирландия! Его можно продолжить и таким образом «Англичане — это норманны, которые завоевали Великобританию в 1066 году нашей эры. А настоящие британцы ждут того момента, когда, наконец, Мировая Революция принесет им свободу».

Была также замечательная пародия на Гражданскую войну в Америке в опубликованной речи Казим Бека. Между Северной Америкой и Южной Америкой была война, потому что южноамериканцы хотели вынудить североамериканцев освободить своих рабов. В конечном счете южноамериканцы победили, и рабы были отпущены на волю. Президент Вильсон — президент Северной Америки порабощал мусульман из Турции и десять миллионов евреев! Вполне возможно, что полуобразованные люди могли слышать что-то об американской Гражданской войне и поверить вещам такого рода.

Другой сорт пропаганды, в которой весьма результативно

специализировался Казим Бек, было утверждение, что индийцам не разрешено ездить в трамваях в Индии, и эта роскошь доступна только белым людям! Индийцам, утверждал он, разрешалось пользоваться железной дорогой, но только ездить они могли в специальных вагонах, предназначенных для перевозки скота. Только европейцам разрешалось путешествовать в пассажирских вагонах. Позже, когда я был в Бухаре, один человек сказал мне, что это, конечно, правда, так как он сам видел фотографии вагонов, помеченных «Только для европейцев»! Объяснение этого заключается в том, что в некоторых поездах так помечен единственный вагон третьего класса. Такого разделения нет в вагонах первого, второго и промежуточных классов. Эта оговорка в вагонах третьего класса делалась для того, чтобы избегать нежелательных расовых ссор с низшими классами Индии. Этот факт, подчеркиваемый в большой степени в большевистской пропаганде, должен был означать, что бедным индийцам не разрешается входить даже в вагоны третьего класса, а они должны ездить в чем-то еще худшем! Бравин увеличивал помощь Баркатулле и Казим Беку, и между этими делами он послал людей, чтобы подкупить туркмен для борьбы с нашими войсками, воевавшими против большевиков в Транскаспии.

Большевистские планы относительно Индии состояли в том, чтобы вызвать там беспорядки любыми возможными способами — панисламизм в этом смысле тоже подходил, как и любое другое средство, даже при том, что это могло противоречить возможной политике большевиков в Туркестане. Они считали, что смогут тогда направить беспорядки в большевистское революционное русло. Это происходило в течение лета 1919 года, когда большевики безрезультатно пытались осуществить свои мечты о Мировой революции. Пролетариат-запад оказался предателем их общего дела. Это их очень сильно раздражало, и на Британскую лейбористскую партию обрушилось немалое количество оскорблений. Они были «Лакеями Буржуазии»!

Поэтому большевики решили обратить свое главное внимание на восточное направление. Объявленный относительно Востока план состоял в том, чтобы использовать считавшиеся созревшими для революции страны, такие как Китай, Индия, Персия и Афганистан, и с помощью вооруженных коммунистических армий этих стран во главе с русскими зажечь предательский пролетариат западных стран и заставить их принять коммунизм. По их мнению, не должно было быть необходимости в серьезной борьбе несколько листовок до или во время сражения с призывами к вражеским солдатам не стрелять в своих товарищей рабочих было бы вполне достаточно. В странах,

управляемых деспотично, таких как Афганистан, Персия и Бухара, нужно было помочь с поддержкой их парламентских учреждений в большей или меньшей степени. Свобода слова, печати и общественных собраний при такой установленной практике постепенно передавала бы власть народу и ослабляла бы положение деспотического правителя, создавая благоприятные возможности для коммунистической пропаганды в стране. Полная большевизация Азии была ключом к Мировой Революции.

Позже они поняли, что Индия не была готова к коммунизму, и что при Британском управлении этого никогда не случится. Поэтому они защищали и поощряли любое движение за независимость, полагая, что, если британцев выставить, то оставшийся хаос будет благоприятен для коммунизма.

Естественно, эти попытки вмешаться в дела Британской Индии не проходили незамеченными, и в ответ на протесты индийского правительства советские власти 15 мая 1923 года заявили, что их действия на Востоке направлены на поддержание и развитие с народами Востока дружественных связей, основанных на подлинном уважении к их интересам и правам. Угнетенным народам Туркестана могли рассказывать другую историю. Туркестанское правительство было особенно обеспокоено положением в соседней области китайского Туркестана. Они попробовали установить дипломатические и консульские отношения с ними, но китайское правительство отказалось принимать таких людей. Тогда был послан человека, которого звали Шестер, в качестве коммерческого представителя в Кашгар. Ему отказали во въезде в страну, но позже небольшая торговая миссия все-таки была принята, а сартовская торговая миссия из Китайского Туркестана посетила Ташкент. Я пришел к заключению, что последнее было на самом деле слабой попыткой спасти от полного крушения состояния сартовских торговцев из Китайского Туркестана, чья собственность в их отделениях в российском Туркестане была конфискована большевиками.

Красная армия состояла в значительной степени из военнопленных, большинство которых были венграми; румыны по многим причинам отказались присоединиться. Немецких военнопленных было сравнительно немного и, вследствие усилий Циммермана, очень немногие из них вступили в Красную армию.

Британская Миссия в Мешхеде предложила переслать всех мужчин, пожелавших сдастся, назад домой в Австрию. Военнопленные все как один потребовали разрешить им вернуться домой этим путем. Большевики отказались, и в армии в этот момент возникла некоторая напряженность.

В апреле 1919 года девятьсот вооруженных солдат прибыло с

Транскаспийского фронта и Самаркандского гарнизона, чтобы заставить выполнить их требования. Советские власти поступили с ними очень умным способом ночью вагоны поезда, начиная с последнего вагона, отсоединялись от состава один за другим, и оставлялись в разных местах в пустыне. Вооруженный отряд большевиков затем направился назад вдоль линии железной дороги и, в конечном счете, имея дело с каждым отцепленным вагоном отдельно, разоружил мятежников без особых усилий. Тогда поезд был сцеплен снова и проследовал прямо через Ташкент без остановки к станции Арысь, расположенной к северу от Ташкента. Здесь мужчины были высажены. Семьдесят из них было забрано в Ташкент; двадцать было расстреляно на месте.

Если бы этот поезд достиг без помех Ташкента, то структуре большевизма в Туркестане был бы нанесен серьезный удар.

Немецкие и австрийские военнопленные были действительно основой Красной армии. Это были хорошо обученные солдаты со значительным опытом. Поощряя колонизацию края, царское российское правительство освободило от военной службы всех мужчин, родившихся в Туркестане, а также всех тех, кто прибыл туда маленькими детьми, и должно было пройти определенное время в Туркестане, прежде чем они достигли призывного возраста. В результате в Туркестане оказалось немного обученных солдат русской национальности.

Для военнопленных, которые присоединились к большевикам, была сформирована партия под названием «Интернационалисты», поддерживаемая туркестанскими большевиками. Конечно, по идее должны были отмениться все национальные барьеры, и человечество должно было переплавиться в единое целое. Однако в этой партии произошел раскол вследствие ссоры по вопросу языка, который будет использоваться. Партия раскололась на два главных отделения, венгерских интернационалистов и немецких интернационалистов!

Из числа этих коммунистических военнопленных власти организовали комитет, чтобы управлять военнопленными (всеми теми, кто был освобожден в начале революции). Этот комитет угрозами и убеждением сумел удержать большое количество военнопленных в армии. Армию хорошо кормили и солдатам в ней хорошо платили по сравнению с гражданским населением, и коммунистический комитет был очень влиятельным. Однако, что удивительно, там не было больше дезертирств и попыток уйти, как было до этого. Другой фактор был таким уже шел 1919 год, многие из этих солдат, призванных еще до войны, не видели своих домов в течение шести и более лет. Они, вероятно, не

общались со своими семьями в течение многих лет. Их близкие, должно быть, во многих случаях считали их мертвыми. Вероятно, подобное положение дел существовало и среди российских военнопленных в Австрии. Австрийские военнопленные в России женились на русских женщинах и работали на земле, оставленной русским мужем или отцом, который исчез во время войны и революции. Эти австрийцы не хотели возвращаться. Они сочли Туркестан плодородным краем, а условия весьма терпимыми, особенно для тех, кто вступил в коммунистическую партию.

Уже в 1929 году были сделаны попытки вернуть остатки военнопленных из Туркестана и Сибири назад в Австрию и Венгрию, но я не верю в их большой успех. Те, кто так долго были вдали от родных мест, действительно остепенились и обживались в новой стране. Говорят, греческие солдаты Александра Великого таким же образом обживались в странах, через которые Александр прошел на своем пути к Индии. То же самое делали римские солдаты во многих местах.

Успокоенные большевики, подавившие поднятое против них в 1919 году восстание, направляли страну к своим собственным маякам.

Я уже объяснял, как здания были реквизированы и для их занятия требовались мандаты.

Люди, живущие в хороших домах с хорошей мебелью, часто хотели ее вынести. Большевики запретили это делать, говоря, что вся мебель была национализирована вместе с домом. Один мой друг убрал свою зимнюю одежду и во время обыска летом ее всю унесли. Человек, производящий обыск, сказал «Раз Вы храните вещи, закрытыми в коробке, вам они не очень и нужны». Весной правительственные чиновники обходили все небольшие частные сады в городе и «национализировали» плодовые деревья. Владельцу говорили, что когда фрукты созреют, они будут собраны правительством и никакая частная собственность не признается.

В Ташкенте проживал русский Великий князь Николай Константинович. Он был сослан из Европейской части России за многие годы до этого из-за происшествия, в котором фигурировали царские драгоценности. Он умер незадолго до того, как я попал в Ташкент. Его большой дом, полный красивых картин, мебели и произведений искусства, был национализирован и стал музеем, чтобы показать людям, как жили буржуи в старые плохие времена. Его морганатическая вдова, которой царем был дан титул Княгиня Искандер, была оставлена в доме в качестве смотрителя. Как австрийский

военнопленный я иногда посещал этот «музейный комплекс» и разговаривал с княгиней. Позже ее сын стал моим компаньоном в нашей длинной поездке по пустыне от Бухары до Мешхеда.

Среди других экспонатов музея был прекрасный украшенный драгоценными камнями кинжал, поразивший воображение Бравина, который приказал, чтобы она передала его ему. Она отказалась это сделать. Не зная, что она было женой Великого Князя, он очень рассердился, но впоследствии, когда он узнал, кем была смотрительница, он стал менее настойчивым, и, в конце концов, согласился дать расписку за изъятый кинжал. Ее княгиня и поместила в витрину на место, где был кинжал. Это стало предметом шуток в городе и вызвало трудности у Бравина, который, в конечном счете, забрал расписку, но не вернул кинжал. Точно так же чучела птиц и животных в витринах и другие естественно-научные исторические экспонаты показывались в Ташкентском Музее с отметками «Национализировано у…».

В ходе обысков особо интересными объектами для полиции были фотографии. Фотографии царских офицеров и чиновников приводили к арестам и допросам, где и кем был этот человек, и в любом случае давали властям основания предполагать, что этот человек не лоялен в отношении к новому режиму.

Когда мы прибыли в Ташкент, в наличном обороте не использовались никакие металлические монеты. Было несколько видов бумажных денег.

Во-первых, «Николаевские» (царские русские) деньги. Это были банкноты различных наименований от одной копейки (фартинга) до пятисот рублей (пятьдесят фунтов по довоенному курсу). Затем были также деньги, выпущенные правительством Керенского, особенно примечательной была банкнота в тысячу рублей, с изображением здания Думы. Обе эти валюты считались надежными, и именно в них мы привезли наши деньги из Кашгара. Правительство Керенского выпустило маленькие, непронумерованные банкноты в двадцать и сорок рублей, приблизительно в два с половиной на два дюйма в размере. Они были выпущены в больших листах, которые могли быть разрезаны как необходимо разменные мелкие деньги были в почтовых марках, выпущенных к юбилею дома Романовых, с нанесенной на них головой одного из царей династии Романовых, специально напечатанной на толстой бумаге без клея на обратной стороне. Они так быстро изнашивались, что становились почти неразборчивыми после многократного использования. Была в обращении также местная Туркестанская валюта, которой очень не доверяли сначала, но которая позже стала все больше и

больше использоваться. Банкнота самого маленького номинала в пятьдесят копеек имела удобный размер и плотность бумаги для того, чтобы скрутить из нее сигарету! Выпуск Туркестанских денег не контролировался. Правда, на них стояли номера, но у меня есть множество банкнот одного достоинства, имеющих один и тот же номер. Номер на них ставился исключительно для того, чтобы вселить ложную веру в их надежность.

Поскольку стоимость жизни росла, зарплаты поднимали, и печатались банкноты более высоких номиналов. Печатались они очень простым способом на бумаге без водяных знаков.

Вы могли наблюдать с улицы, как на станке печатались с большой скоростью большие листы номиналом в пятьсот рублей. Не вникая в детали механизма инфляции, задавался только один вопрос, будет ли этому когда-нибудь конец.

В любом случае у мелочи не было фактически никакой платежной ценности. Коробок спичек, например, стоил тридцать рублей, это составляло три тысячи копеек бумажками! При таком соотношении одна спичка стоила приблизительно сорок этих бумажек. Один дюйм набивного ситца стоил тысячу этих бумажек, один грецкий орех двадцать и одна виноградинка семнадцать. Другие цены в июне 1919 года были такими Картофель 10 рублей за фунт Сальные свечи 10 рублей каждая Яйца 9 рублей каждое Молоко 3–4 рубля маленький стакан Катушка хлопка 200 рублей Обычные булавки 30 рублей за 10 штук Фунт чая 1200 рублей Мука 700 рублей за пуд (36 фунтов).

Миска плова в национальных чайхонах была самой дешевой и лучшей едой, которую можно было получить, в добавок к еде, поставляемой кооперативными магазинами по продуктовым карточкам. Миска стоила двадцать пять рублей. Рубль перед войной составлял два шиллинга.

Чай в Туркестане пили в невозможных количествах, как русские, так и сарты. Во время моего пребывания в Ташкенте его было почти невозможно достать, и делали «фруктовый чай».

Бралось яблоко. Кожуру яблока и мякоть нарезали мелкими кусочками и жарили, это напоминало немного чай, но, естественно, вкус его походил на сок тушеных яблок. Иногда это смешивали с настоящим чаем, но приобрести такую смесь уже считалось большой удачей.

Я купил немного такого «чая» и давал его людям, перед которыми был в долгу за их помощь и доброту, и кто не принимал денег.

Мы не задавали много вопросов по поводу мяса, полученного по продуктовым карточкам. Конечно, никогда не спрашивали, была ли это говядина высшей категории или мясо другого сорта,

была ли это конина или верблюжатина, казалось, не имело значения!

Очень редко мы доставали рыбу — очень низкосортную. Возможно, что и «ворованную» из топлива для паровозных котлов! Я помню один случай, когда кто-то вошел и сказал моей хозяйке под большим секретом, что у какого-то еврея в доме неподалеку есть восхитительная свежая рыба. Она помчалась туда только для того, чтобы узнать, что у этого человека за день до того действительно было немного рыбы, но он ее всю разделил среди своих друзей.

Сестра Андреева, бывало, делала вполне приличный напиток, который мы назвали кофе, из жаренной и измельченной пшеницы, приправленной ядрами косточек абрикосов, приготовленных таким же образом.

Все портные и сапожники были наняты на работу правительством. Их можно было упросить выполнить частный заказ только в виде большого одолжения и за крупную сумму денег, а также при условии поставки вами «света», то есть свечей или керосина — и то и другое почти невозможно было достать, взамен скрутки из ваты, обмакнутой в блюдце хлопкового масла. У меня был костюм, сшитый из хорошей грубой киргизской ткани верблюжьей шерсти под вышеупомянутыми условиями. Я заплатил девятьсот рублей за материал и пятьсот двадцать пять рублей за работу, и я не могу вспомнить, сколько за освещение!

При этих обстоятельствах правительство разработало регламент потребления для каждой возможной вещи, который они опубликовали. Из него мы узнали, что женщины, как ожидается, будут использовать три носовых платка в год — мужчины ни одного!

Все деньги в банках были национализированы. Теоретически люди с маленькими вкладами — ниже пяти тысяч рублей (пятьсот фунтов при довоенном курсе) — могли снимать маленькие суммы для расходов на проживание. Люди с вкладами более пяти тысяч рублей считались буржуями, и деньги были все конфискованы. Первоначально страховки до десяти тысяч рублями были оставлены, но позже и они также были отменены.

Одна вещь поразила меня своей необычностью, это то, что большинство людей хранило крупные денежные суммы в царских деньгах у себя дома. Это, конечно, тщательно скрывалось, но я не думаю, что при аналогичных обстоятельствах мы в Великобритании оказались бы с такими крупными денежными суммами в доме. Возможно, это был некий врожденный страх перед беспорядками, от которого мы в нашей стране избавлены. В Индии по этой же причине поглощается большое количество

серебра в валюте каждый год. В 1916 году у богатого землевладельца на севере Индии было выкопано и украдено из его тайника шестьсот фунтов в золоте. Я сказал ему, что он должен был предоставить эти деньги правительству для войны. Он ответил, что подписался на весьма большой военный заем, но добавил, что «человек должен же что-то и припрятать».

Однажды, когда я пил чай со своими друзьями в их небольшом саду терьер, к очень большому замешательству своего хозяина, принес ему пакет «Николаевских» денег, который он только что выкопал; их владельцу, если об этом стало бы известно властям, грозило заключение и, возможно, смертный приговор как «спекулянту»!

В своем поиске денег правительство вымогало то, что называлось «контрибуции». Это были денежные суммы от пяти до десяти тысяч рублей, которые люди, у которых, как полагали, были деньги, должны были заплатить. Методом требования был арест ряда таких людей и размещения их вместе в одной камере в тюрьме. Затем их вызывали одного за другим, и раздавались выстрелы, которые слышали оставшиеся. Обычно этих людей не расстреливали все это было просто игрой, имитацией, чтобы убедить людей отдать припрятанные деньги. Три человека, однако, на самом деле были застрелены садистом Толкачовым, который в наказание был временно отстранен от работы! Есть одна ужасная история, связанная с этой скотиной. Он расстреливал одного человека, с которым был в дружеских отношениях, этот человек попросил Толкачова убить его сразу с одного выстрела, но Толкачов сделал шесть.

Названия многих улиц в Ташкенте были изменены на имена героев революции. Появились улицы «Ленина», «Карла Маркса», «Энгельса», «Коммунистическая» и другие подобные имена. В Сквере в центре города стояла прекрасная бронзовая статуя генерала Кауфмана.[53] Он командовал русской армией, захватившей Ташкент в 1865 году.[54] Генерала поддерживали два солдата, один трубил в горн, другой водружал знамя. Были также таблички с указанием дат его побед и дат занятия основных городов Туркестана. Этот памятник[55] был бельмом на глазу у советских властей, поэтому первого мая эту статую задрапировали зеленой растительностью, красными флагами и портретами Ленина, Карла Маркса и большевистских «мучеников», расстрелянных Осиповым в январе.

Глава XIV
Весенняя активность

27 марта из Ташкента в Москву был послан специальный поезд с иностранцами, желавшими покинуть страну.

Я сожалел, что расстался с некоторыми друзьями, хотя я и не видел большую часть из них в последнее время. Самой большой потерей была потеря Тредуэла, который находился на постоянной связи со мной, и чья поддержка и содействие имели большую ценность и подбадривали меня, и на чью, возможно, неоценимую помощь, я рассчитывал в случае ареста.

Жизнь аккредитованного консула в советской России не была легкой. Тредуэл был арестован 15 октября 1918 года наряду со мной и другими гражданами стран союзников по Антанте. Он был под стражей пять часов, после чего, по требованию приехавших Цирюля, Колесова и Дамагацкого, его немедленно освободили и принесли извинения.

Он был снова арестован 26 октября и был препровожден по улице в ЧК для допроса. Затем он просидел под строгим арестом пять месяцев. В течение первых двух месяцев он находился непрерывно в своей квартире. Но после этого ему разрешили выходить на улицу по делам с охраной, идущей у него по обеим сторонам. Я сам однажды видел его, идущим подобным образом, и хотя мы прошли мимо друг друга плечом к плечу, мы даже мельком не обменялись с ним приветственными взглядами.

Во время «Январских событий» его снова забрали, и он находился под угрозой расстрела. Его охранники сделали слабую попытку помешать этому, но прекратили вмешиваться под угрозой применения ручной гранаты. Его похитители сказали, что ему не нужно пальто, так как место, куда его поместят, будет достаточно теплым! И он может не беспокоиться о еде.

Ему сказали, что его расстреляют в шесть часов утра. Незадолго до этого часа он услышал снаружи шаги ног, и потом дверь его камеры открылась. Он подумал, что это был конец, но это был Цирюль со своими милиционерами, которые силой забрали его у тюремных надзирателей и препроводили его назад в его собственную квартиру, где они и охраняли его до тех пор, пока не прошла непосредственная опасность. В полном смысле слова ужасный жизненный опыт.

Только однажды у меня появилась возможность поговорить с ним, и это было накануне его отъезда. Я подошел в сумерках к черному ходу позади его дома, и он выскочил во двор, где у нас

состоялась с ним приблизительно двадцатисекундная беседа на улице; затем он поторопился вернуться назад, прежде чем два его охранника заметили его отсутствие.

Его поездка домой была весьма богата событиями. Он объединил усилия с капитаном Брюном и шведами из Миссии, которая занималась помощью военнопленным. Он и швед готовили для всей компании на маленькой жаровне. У него было много полезной информации о ситуации в Туркестане, и ему удалось отослать ее своему правительству через Сибирь на тот случай, если бы с ним что-нибудь случилось во время его путешествии по России. Пойди дела в России по-другому, его информация и отчеты нашли бы очень большое применение в торговых отношениях его великой страны с Россией.

При приезде в Москву он еще находился в течение двадцати четырех часов под строгим арестом на железнодорожной станции. Затем он был освобожден, но находился под неусыпным надзором чека, и ему стоило немалых усилий освободиться из-под их опеки, в то время когда он передавал сообщения от своих друзей в Ташкенте их друзьям и родственникам в Москве, не имевших о них вестей в течение восемнадцати месяцев.

Кроме его помощи мне в Ташкенте, я позже узнал, что он после приезда в Америку попросил разрешения поехать в Персию, где он надеялся связаться со мной и помочь мне выбраться за границу. Наша дружба, сформировавшаяся в очень неприятных условиях в Ташкенте, продлилась позже.

Капитан Королевской датской Артиллерии Брюн творил чудеса в очень трудных условиях для облегчения невзгод австрийских военнопленных. Он также был арестован и находился под угрозой смерти. Однажды власти попытались национализировать дом,[56] в котором он жил и над которым был вывешен датский флаг. С величайшей невозмутимостью он противостоял представителям власти, пригласив их входить со своими пулеметами и другими военными атрибутами, в то время как он делал фотографии.

Описание его жизни и работы в Ташкенте можно найти в книге Смутные времена. В ней он упоминает, что он однажды узнал меня на улице, но не посмел заговорить со мной; таким образом, моя маскировка не была столь хороша, как я надеялся. Перед войной он был представителем в 16-м Уланском полку в Кураге[57] и имел много друзей в Англии. Его коллега, господин Клеберг, швед, занимавшийся немецкими военнопленными, был расстрелян большевиками, таким образом, дипломатическая неприкосновенность капитана Брюна могла быть легко нарушена, и, проявляя твердость и храбрость в делах в интересах

австрийских военнопленных, он очень рисковал.

Тредуэл вез сообщение от меня. Обстановка, даже точнее сама жизнь, были настолько непредсказуемы, что я также послал сообщение и через капитана Брюна. Могло так получиться, что сообщение Тредуэла потеряется, а сообщение, посланное через Брюна, дойдет. Приходилось все время учитывать такие обстоятельства. В этом сообщении я упоминал специально имена сэра Артура Хирцеля и мистера (теперь сэр Джона) Шакбурга. Моей целью было убедить своих респондентов, что сообщение действительно было послано от меня. Никто еще здесь не знал, что с этими двумя людьми в Индийском Офисе у меня были всесторонние деловые отношения. Этот план оказался успешным. Это сообщение достигло Индийского офиса из Стокгольма. Цель моего сообщения была понята; и моей матери было послано заверенное сообщение обо мне, так как она все это время сильно беспокоилась.

Уехали также остававшиеся члены шведской Миссии, так же как и румынский чиновник капитан Болтерно. Мисс Хьюстон тоже дали возможность уехать, но она решила остаться со своими нанимателями, семьей с тремя детьми, у которых она была гувернанткой. Принятие такого решения требовало немалого мужества.

В середине апреля мне удалось найти новую квартиру. Это давало облегчение при том дискомфорте, который я испытывал, ночуя каждую ночь в разных домах и при этом всегда не на кровати. Один из моих хозяев относился ко мне в этом вопросе наиболее по-царски. Его домовитая жена стелила мне замечательную постель на полу с мягкими матрацами и чистой простыней каждый раз, когда я приходил к ним. В других местах я довольствовался ковриками и одеялами на стульях или диване.

У одной из моих добрых помощниц была особенность. Она знала хорошо Париж и любила поговорить об этом. Разговаривая со мной, она всегда переводила названия мест на английский язык. «Улица Мира», «Райские поля» и «Место Согласия» все эти названия казались странными для моих ушей, а однажды «Жирный Печеночный Пирог» в какой-то момент меня вообще сбил с толку.

Мой новый хозяин — Яковлев, был старик, который жил со своей сестрой в подвале дома. Он был служащим в каком-то государственном ведомстве. Я испытывал угрызения совести, понимая, что не очень красиво по отношению к этим людям позволять им держать меня у себя, не сказав, кем я был на самом деле, и не дав им возможность осознать до конца риск, который они этим брали на себя. Однако в данном случае мой

чрезвычайно любезный друг мадам Данилова, которая и нашла мне эту квартиру, попросила меня этого не делать. Эта сестра была большая сплетница, да и брат не на много меньше чем она, и мадам Данилова была убеждена, что лучше всего было в данном случае держать их в неведении. Было неприятно, что я должен был обманывать этих людей.

Дом Яковлевых не был идеальным местом для меня. Они до этого укрывали у себя Иванова, моего предполагаемого курьера, который был арестован, когда пытался покинуть город. В чека имелись способы получения информации от людей, которые попали к ним в руки, и они могли бы заставить Иванова или его жену сказать, где они проживали. Это могло бы повлечь за собой арест Яковлева, а также и меня, если я был бы здесь обнаружен. Однако приходилось идти на риски такого рода.

Для этих двух Яковлевых я был присоединившимся к Осипову в январе румынско-австрийским военнопленным, за которым охотились большевики. Они все время приносили мне интересные новости и слухи о событиях в Румынии, которыми, по их мнению, я должен был интересоваться. В начале наиболее затруднительными для меня были их вопросы ко мне, касающиеся Румынии. Если у нас на столе была дыня, меня спрашивали, растут ли такие дыни в Румынии. Если у нас на обед была рыба, меня спрашивали о рыбе в Румынии. В конце концов, я стал получать удовольствие, изобретая подробные ответы на вопросы такого рода, зная очень хорошо, что сказанное мною, будет скоро забыто, и, если я скажу на следующий день прямо противоположное, этого никто и не заметит. Например есть два вида рыбы, которую едят в Румынии, одна очень хорошая, но дорогая, другая очень соленая и противная и на самом деле не столь съедобная, как довольно неприятная соленая рыба, которую мы получаем в Туркестане из Аральского моря! Дыни в Румынии намного меньше, чем дыни в Туркестане и не столь хороши, а стоят намного дороже. Мне таким образом приходилось обсуждать с ними хлеб, мясо, различные виды фруктов, и т. д., и это меня здорово веселило.

После моего отъезда Яковлевы, надо полагать, узнали, кто был их квартирант на самом деле, и, должно быть, были удивлены бойкости, с которой он рассказывал им о деталях жизни в Румынии, и я надеюсь, что они простят мне все мои обманы, особенно в наших с ними разговорах о местонахождении полковника Бейли! Вамбери,[58] посещавший скрытно в 1863 году Среднюю Азию, испытывал те же самые трудности и описывает свои сожаления по поводу необходимости обманывать людей, ставших его близкими друзьями.

Помимо мисс Хьюстон, за которой следили, так как она была под сильным подозрением у властей, у меня в Ташкенте было двое надежных и заслуживающих доверия друзей, чьи дома были вне подозрения, Андреев и мадам Данилова. Однажды, идя к ней домой, я повстречался на улице с дочерью Ноева, большой умницей — Женей, которая ни единым взглядом или телодвижением не дала понять, что узнала меня. Ее губы едва заметно пробормотали «Pas y alter»,[59] когда я проходил мимо.

Я узнал позже, что в этот момент Следственная комиссия делала там обыск. Мадам Данилова позвонила Ноеву и условным сообщением попросила его предупредить меня, и план сработал, благодаря находчивости и аккуратности, и прежде всего храбрости моих друзей. В этом доме я однажды столкнулся со швейцарской гувернанткой, мадемуазелью Линой Фавр, беседовавшей раздраженно с одним из членов Следственной комиссии, в котором я узнал одного из шестерых мужчин, фактически арестовавших и допрашивавших меня за несколько месяцев до этого. Он вообще не обратил на меня никакого внимания, но я ретировался так быстро и незаметно, как только мог.

Однажды, когда я подстригался, другой человек из тех шестерых членов чека, которые арестовывали меня, занял соседнее кресло! Я вообще не люблю стричься, но, думаю, это были самые неприятные минуты в жизни, проведенные мною в кресле у парикмахера. Ничего не оставалось делать, как просто сидеть тихо. Думаю, что опасность не была очень большой, но неприятные чувства я испытал в полной мере.

Однажды у мадам Даниловой я встретился с сотрудником немецкой секретной службы по имени Шварц. Я был представлен, щелкнул своими каблуками, обменялся с ним рукопожатием, назвал свое имя и тут же быстро ушел. Позже я стал избегать этот дом, так как круг знакомых мадам Даниловой был слишком большим и разнился с моими симпатиями!

Шварц однажды сказал мисс Хьюстон, что немцы в Афганистане были обязаны под страхом смерти бороться вместе с афганцами против нас. Я задавался вопросом, правда ли это? И я подумал, что это могло быть вполне возможным, так как сам Шварц и другие немцы в Туркестане и Афганистане могли бы в конечном счете быть вынуждены поехать через Индию, чтобы возвратиться домой, и они бы, естественно, скрыли любые враждебные действия, которые они или другие их соотечественники могли совершать против нас.

У мадам Даниловой был большой друг Цветков, умный, культурный человек и поэт. Он был арестован, и велось следствие

по поводу его роли в «Январских событиях». Однажды, когда я пришел повидаться с ней, я нашел ее в очень несчастном и подавленном состоянии. Она только что получила секретное письмо от него, с сообщением о том, что он был признан виновным и осужден на расстрел, и в котором он просил ее прислать ему яда. Она сказала мне, что не может заставить себя сделать это. Может быть, что-то изменится, и он спасется, а если она пошлет ему яд, который он просит, то она будет чувствовать себя его убийцей. Спустя несколько дней она пошла в тюрьму и попросила дать ей свидание с ним, но ей сказали, что он в эту минуту только что был расстрелян. Человек, сообщивший ей это, сказал еще, что несколько комиссаров, сидя на стульях, курят сигареты и со смехом и шутками обсуждают только что совершенную ими перед этим казнь. Один из этих комиссаров был приятелем мадам Даниловой — как я уже сказал, у нее был очень широкий круг знакомых. Не зная, что она была подругой Цветкова, он сказал ей, что это он приказал немедленно исполнить приговор в отношении Цветкова, так как было решено заново провести следствие по его делу, в связи с тем, что появились некоторые новые доказательства в его пользу. Комиссар добавил, что это новое следствие могло создать великое множество проблем. Когда же он увидел на ее лице ужас, вызванный его бессердечностью, он сказал, что появившиеся новые доказательства, если бы им дали ход, вовлекли бы в это дело ряд других людей и привели бы к новой череде расстрелов.

Один раз в неделю я имел обыкновение ходить к Ноевым для того, чтобы принять ванну, пообедать и узнать новости. Я также обычно виделся там с моим слугой Хайдером и моею собакой по кличке Зип. Зипа подарил мне Его Высочество Махараджа Долфура Рана. Оба родителя Зипа были породистыми собаками, но он сам был результатом «несчастного случая». Его отец был ирландским терьером, а мать была гладкошерстным фокстерьером. Зип выглядел как породистый фокстерьер, но мастью был в своего отца.

Я позже узнал, что в течение первых трех месяцев моего исчезновения большевистская полиция следила за моей собакой, чтобы обнаружить меня, если я когда-либо захочу с ней повидаться. Наблюдение было снято до того, как я действительно снова смог пообщаться со своим псом. Однажды случилось так, что идя по городу, я увидел свою собаку, бегущую по улице, и быстро повернул в противоположном направлении, чтобы она не подбежала ко мне. Дом Ноевых был опасен для меня, так как я часто бывал там в первое время своего пребывания в Ташкенте. Позже там поселился Воскин, один из «больших начальников»,

приехавших из Москвы, и мы решили, что это делает его намного более безопасным для меня. Ну кто бы мог предположить, что наиболее разыскиваемый в городе человек будет принимать ванну в соседней с ним комнате!

До марта комендантский час начинался в восемь часов вечера, потом его начало было перенесено на одиннадцать вечера, но потом снова перенесено — на десять вечера. Эти тонкости мне было очень важно знать. Для обычного человека, остановленного на улице спустя всего несколько минут после начала комендантского часа, это происшествие просто означало ночь в карцере и штраф в три тысячи рублей; но в моем случае опасность состояла в том, что любой запрос или экспертиза по поводу моего паспорта военнопленного, могла привести к моему раскрытию. Если вы помните, я значился в документах как румын, но не знал ни одного слова на этом языке.

На Пасху власти перенесли время начало комендантского часа на три часа утра. Для русских Пасха самое важное религиозное событие — намного более важное, чем Рождество. Я пошел вместе с Андреевым в собор. Была огромная толпа народа. Процессия, возглавляемая епископом, шла вокруг собора, неся религиозные эмблемы. Затем они вошли в собор, сопровождаемые разгоряченной толпой. Как только часы пробили полночь, все в церкви поцеловались с рядом стоящими людьми со словами «Христос воскресе!», говоря в ответ «Воистину воскресе!». Настоятель затем взошел на ступени алтаря, в то время все прихожане (кроме меня, как всегда избегавшего положений, бросавшихся в глаза) по очереди принимали благословение и поцелуй от настоятеля, одетого в украшенную драгоценными камнями одежду. Это было очень живое торжество, показывающее, что антирелигиозная пропаганда не проникла глубоко в умы населения. Ужасные и отвратительные плакаты, объявлявшие религию опиумом для народа, посредством которого буржуи держат пролетариат в подчинении, имели до сих пор весьма малый эффект.

Настоятель этого храма был ранее в течение семи лет Православным Епископом в Сан-Франциско. Многие из индейцев Аляски были обращены в Православие, когда русские владели Аляской. Когда Аляска была продана Соединенным Штатам в 1867 году, Русская православная церковь сохранила с ней религиозные связи. Но даже в те дни, когда я был свободен, я никогда лично не встречался с епископом.

Так получалось, что многие люди, с которыми я общался в Ташкенте, были склонны впадать в немилость у советских властей. Этот епископ позже был расстрелян большевиками. Это

вызвало большое возмущение и горе среди верующих. Епископ всегда был очень возвышенным, добрым и отзывчивым человеком, имевшим большое влияние и пользующийся большим уважением у жителей города. Сестра моего хозяина Яковлева не могла долго успокоиться и непрерывно молилась перед его фотографией.

На Пасху мое скромное жилище в подвале было центром деловой активности. Здесь была лучшая плита в доме, и люди из верхней части дома приходили сюда, чтобы ею пользоваться. Моя хозяйка не спала в течение двух ночей. Огромное число яиц было сварено и разукрашено в различные цвета, и все мыслимые деликатесы, которые только можно было сделать, были приготовлены. И я также внес свой небольшой вклад к праздничному столу — фунт реального «караванного» чая, то есть чая из Китая, привезенного по суше караваном, а не морским путем.

День первого мая 1919 года в Ташкенте был очень жарким и солнечным. В этот день отмечался большой большевистский праздник. К этому времени большинство зданий, независимо от своего размера, были реквизированы правительством для тех или иных целей. На всех этих домах были вывешены красные флаги. Газеты в этот день были напечатаны на красной бумаге — очень неприятной для глаз. Их также использовали для придания необходимого оттенка городу. Дети из всех школ шли в процессии, неся красные бумажные флаги, девочки с венками увядших маков. Я видел комичную, но трогательную сцену — бедная маленькая девочка потерялась и была в слезах с красным флагом в руке и с венком маков на голове. Сартовские школы были особенно хорошо организованы, мальчики были все одинаково празднично наряжены и шли походным шагом. Были колонны различных профсоюзов с транспарантами, некоторые надписи на них были написаны еврейскими буквами, а некоторые арабскими. Русские лозунги на транспарантах были такие «Да здравствует пролетариат!», «Долой Буржуазию!» и т. д. Большая часть народа несла что-нибудь красного цвета разного вида, и одна маленькая девочка, видя, что я ничего не нес, предложила мне мак, который я и носил. По моей оценке, в процессии участвовало около четырех с половиной тысяч человек, четверть которых были женщинами. По крайней мере одна восьмая участников демонстрации составляли сарты. Было несколько оркестров, игравших революционную музыку. Солдат, очевидно, было немного. По-видимому, они решали более важные задачи в другом месте. Там было приблизительно двести пехотинцев и триста кавалеристов и заметно выделяющееся своим парадным видом немецкое подразделение. Тремя главными

революционными песнями были «Интернационал», «Рабочая Марсельеза» и «Гимн свободы». Их пели идущие в колонне демонстрантов и в присоединившейся толпе. Пение это было хорошо организовано. В толпе были люди, которые руководили пением и которые, как только оркестр начинал наигрывать мелодию, раздавали участникам шествия брошюры со словами. Я никогда не забуду комичный вид дирижера, руководившего оркестром, когда он шел во главе процессии — маленького человека с жесткими рыжими бакенбардами и огромными очками, курившего сигареты. Временами было трудно понять, что все это делалось по принуждению. Я был уверен, что девять десятых родителей детей, идущих в этой процессии, не испытывали ничего, кроме горьких чувств по отношению к инициаторам этой демонстрации. Я знаю точно, что многие из учителей, возглавлявших эти колонны демонстрантов, чувствовали то же самое. Однако с помощью умелой организации очень легко можно было вызвать энтузиазм, по крайней мере на какое-то время.

Среди многих жителей города все еще сохранялись большие надежды на британское вмешательство, и истории людей, приехавших из Транскаспия, были иногда очень обнадеживающими. Одним из таких наиболее обнадеживающих признаков была попытка какого-то человека обналичить чек в Ташкентском отделении английского банка! Конечно, никакого такого отделения в Ташкенте не существовало; но, полагали многие, если британцы действительно выписывали чек на Ташкентский банк, то значит, что они настроены серьезно! Ходили сильные слухи о значительном продвижении белых через Термез и юго-восточную Бухару с целью отрезать большевистские силы от Ташкента. Это представлялось мне невозможным и ненужным. По моему мнению, требовалась лишь небольшая решимость, и не было никакой необходимости оставлять линию железной дороги. Поддерживать силы вдали от железной дороги было очень трудным делом, если не невозможным.

5 мая была опубликована специальная телеграмма, извещавшая о крупной победе на Ашхабадском фронте. Это была чистейшая фикция, и на следующий день об этом даже не упоминали в газетах, но были веские причины для ее возникновения. Подкрепления, посылаемые на фронт, демонстрировали некоторое нежелание отправляться из Ташкента. И это было средством их воодушевления. Как только эшелон ушел, необходимость в продолжении фарса отпала сама собой.

Бухара в тот момент находилась в положении какого-нибудь

Индийского штата, то есть она имела значительную внутреннюю автономию, но не имела права самостоятельно устанавливать отношения с зарубежными странами. Железная дорога с полосой шириной в несколько ярдов по обе стороны от линии дороги и небольшая территория вокруг каждой железнодорожной станции были российскими территориями. Сам город Бухара находился в десяти милях от линии железной дороги, и ближайшей к городу станцией была станция «Каган», где было небольшое русское поселение. Летом 1919 года в Ташкенте постоянно циркулировали слухи о войне с Бухарой. Постоянный представитель Бухары в Ташкенте жил в доме на «Сквере» и проводил целый день, сидя у окна одетым в свой яркий шелковый халат, пристально глядя в окно, и ничего больше не делая. Всякий раз, когда мне говорили, что война фактически началась, я имел обыкновение прогуливаться мимо его дома, и если я видел, что он сидел там, я знал, что это было просто очередной ташкентский слух. Я никогда не приходил с визитом к нему, чтобы не бросать на политического представителя Бухары в Ташкенте и тени подозрения. Однажды капитан Брюн посетил его с визитом и получил энергичный протест от Дамагацкого, который указал на то, что иностранные сношения Бухары все еще продолжают осуществляться через российское советское правительство.

Человек по имени Виденский, который был своего рода политическим агентом в Бухаре в царское время, был большим другом эмира Бухары. Он жил в Кагане и был предательски арестован большевиками с помощью Бравина, его старого друга и коллеги. Эмир стремился освободить его, и это привело к некоторым забавным переговорам. Большевики пообещали освободить Виденского, если эмир прикажет, чтобы британцы не вступали на территорию Бухары. Эмир ответил, что он уже давно именно так и сделал. Этот саркастический ответ привел большевиков в ярость. Они заявили ему, что он должен оказывать сопротивление им всей своей армией. Тогда эмир ответил, что он сохраняет нейтралитет. И если большевики используют железную дорогу, проходящую по его территории, для переброски своих войск, то и британцы могут поступить так же, если смогут.

Глава XV
Летние трудности

С началом лета жизнь в Ташкенте стала почти приятной. Продовольственная ситуация облегчилась с появлением фруктов в киосках на углах улиц. Туркестан — великая фруктовая страна. До войны специальные поезда возили их в Центральную Европу, и часть их, возможно, добирались и до Лондона. Эти фрукты появлялись там за несколько недель до южноевропейских фруктов. В начале мая на улицах появилась клубника и черешня. Была в продаже огромная, но довольно безвкусная клубника, называвшаяся «Виктория». Я никогда раньше не видел такого огромного размера ягод. Когда в продаже появились яблоки нового урожая, на складах все еще оставались запасы предыдущего года. Кроме круглогодичного наличия свежих яблок, у нас были хорошие сухофрукты. Горячее солнце делало легким их сохранение. Фрукты просто резали на части и клали осенью на солнце, и таким образом обеспечивали запасы сухофруктов на всю зиму до весны. Именно таким способом в каждом домашнем хозяйстве для собственного использования сушились груши, яблоки, вишни, персики, гладкие персики, ит. д., так же как и изюм.

В Ташкенте часто можно было слышать по ночам пение соловьев, и Яковлев, проводивший весной все ночи на даче, сказал мне, что из-за их громкого пения, никто не мог спать по ночам. Когда я попал за город в июле, они уже петь прекратили.

Одна из самых красивых и примечательных птиц в Индии Райская Мухоловка. Она немного больше, чем трясогузка. В Индии петух этой птицы в полном оперении — замечательный глянцево-черный, или скорее темно-зеленый и белоснежный, с парой струящихся белых перьев на хвосте длиной дюймов пятнадцать, которые придают этой красивой птице вид появившейся кометы, танцующей в пространстве. Курица черно-каштановая, но — и здесь проявляется любопытная вещь — петух этой птицы в Индии в свои первые три или четыре года похож на курицу, черно-каштановый, но с длинными каштановыми перьями хвоста, в то время как в Туркестане, а также и в Индокитае, петух этой птицы никогда не бывает белым, но всю свою жизнь имеет каштаново-черное оперение, как у индийской птицы в ее молодые годы. В чем лежит причина этого?

В качестве примера трудностей установления связей с внешним миром я расскажу об одной такой моей попытке.

Заслуживающий доверия человек сказал мне, что ташкентский союз парикмахеров посылает человека в Бухару, где все еще был свободный рынок, чтобы купить различные, необходимые для работы принадлежности бритвы, мыло и прежде всего лекарства, которых не хватало и в которых испытывалась серьезная потребность. Этот посыльный был чехом, и можно было попросить его взять сообщение для меня. Через некоторое время он вернулся назад в Ташкент. Самые большие трудности у него возникли на пути от железнодорожной станции Каган до Бухары. Сначала он должен был ждать момента, когда его друг пошел в караул, а потом он не мог три дня вернуться из города, пока тот же самый часовой снова не заступил в караул.

Он сообщил, что никакой русский не мог показаться в Бухаре, и что его положение было очень опасным. Он передал мое сообщение и привез мне назад следующий ответ «Упомянутый замок получен, но так как у нас нет ключа, мы отослали его в мастерскую; когда его вернут, он будет отослан, или я сам его привезу».

Мое послание должно было быть послано двум британским полковникам Энрюсу и Тимме, которые, как говорили, находились в Керки. Я ничего большего про них не слышал. Как выяснилось потом, никаких британских офицеров с подобными именами не было в Мешхеде, и никаких офицеров вообще не было в Керки. Посыльный не знал, кем был я, и сказал мне, что, когда он уезжал, его спросили, не возьмет ли он с собой британского офицера, укрывающегося в Ташкенте. Он отказался, так как это было слишком опасно. Я никогда потом так и не узнал, кто же так интересовался непосредственно моими делами. Я пришел к выводу, что это был кто-то (возможно, большевистский агент), пытавшийся пробраться в Бухару под моим именем.

Когда началась наша война с Афганистаном, пресса взорвалась изобилием антибританских статей с панисламским душком, а 4 июня в Ташкент прибыл афганский посланник — генерал Мохаммед Вали Хан с многочисленным штатом и в сопровождении эскорта солдат в алых туниках. Большевистское правительство сделало из этого целое событие. Вокзал был разукрашен, посланника встречал почетный караул, и приветствовали фейерверком. Было дано праздничное представление в театре, который был украшен ковриками и коврами, реквизированными у буржуазии. Кстати, ни один из этих предметов художественного оформления так никогда и не вернулся к хозяевам. Посланник дал несколько интервью в прессе.

Его описание причин возникновения афганской войны было довольно наивным Был принят Закон Роулетта,[60] по которому мусульманам было запрещено молиться в мечетях, а индуистам в своих храмах. Народ Индии обратился к Афганистану через свои газеты (это несмотря на тиранический закон о Прессе!) с просьбой о помощи в борьбе против этого жестокого закона. Около афганской границы вспыхнули беспорядки, и афганцы переместили к границе войска, чтобы усилить свои пограничные посты. Восемь самолетов из Индии атаковали эти афганские войска, и пять из этих самолетов были сбиты. Тогда Афганистан был вынужден объявить войну.

Генерал прибыл в Туркестан, чтобы предложить помощь солдатами и попросить помощь оружием, особенно артиллерией. (Конечно, у Туркестанского правительства не было никакого оружия для оказания такой помощи.) Он сказал, что собирался на Мирную Конференцию, а затем намеревался посетить мировые столицы, чтобы объявить им о независимости Афганистана.

Новости о войне — конечно, все об успехах афганцев, — были главными новостями в местных газетах приблизительно недели три. Тем, кто знает, кто такие Моманд,[61] проживающие в пограничной с Индией области Афганистана, будет интересно узнать, что некий господин Хаджи Сахиб Турангзайский (подстрекатель Моманд, с которым я когда-то имел деловые отношения), занял английский город Шабкадар.[62] Город Пешавар был окружен армией мусульман. Но отношения Афганистана с Индией при этом, как заявлялось, были дружественными!

Генерал привез афганский заказ эмиру Бухары. Также полагаю, он попросил у эмира военных инструкторов, а также послал людей из Афганистана в Бухару, чтобы изготавливать патроны и другую военную амуницию. Это должно было быть, конечно, в конце концов направлено и против Советской России. Эта афганская миссия после посещения различных европейских столиц прибыла в Лондон в августе 1921 года.

В это время я жил у Яковлевых в их подвале. По ночам на улице раздавалась стрельба, говорили, что полиция стреляла по грабителям. Однажды я видел, как милиционеры стреляли в кого-то на улице, когда они вели перестрелку с дезертиром. Стрельба продолжалась до тех пор, пока он не убил двух милиционеров и не ранил еще нескольких. Однажды Следственная комиссия на самом деле арестовала одного человека в одной из комнат дома, в котором я жил, но их не заинтересовали скромные люди, живущие в подвале дома. Однажды я услышал, что Следственная комиссия разыскивала на нашей улице человека, который не был

военнопленным, но у которого был паспорт военнопленного. Не мог ли это быть я? Это было вполне вероятно. Мадам Данилова, у которой на нашей улице жили друзья, сразу пошла наводить справки. Она выяснила, что разыскиваемый, чья фотография у сыщиков имелась, был, во-первых, рябым, а, во-вторых, русским, и таким образом, я мог не волноваться.

Летом полковник Иванов, которого Дамагацкий — комиссар иностранных дел, одобрил в качестве моего курьера, для передачи моего сообщения в Кашгар, был вызван для допроса для проведения следствия по поводу его возможного участия в «Январских событиях». У него было довольно хорошее алиби, почти безукоризненное, так как он в это время находился в заключении! Предполагалось, что он был в тесной и секретной связи со мной, и, возможно, его и забрали для того, чтобы расспросить обо мне. Мисс Хьюстон также была вызвана, и ей устроили перекрестный допрос. Когда она в последний раз видела меня? Прощался ли я с ней, когда исчез? Говорил ли я, куда собираюсь? Она отвечала на эти и множество других вопросов. Затем ее неожиданно спросили «Зачем вы держите его собаку?» Это была неправильная информация от шпионов. Она ничего такого не делала, собака жила у других людей, но часто прибегала к ним в дом, где дети Ноева кормили и ласкали ее.

На самом деле существовала только одна опасная ниточка между мисс Хьюстон и полковником Ивановым когда Лукашов вернулся из Кашгара с письмами для меня, он спросил Иванова, где он мог бы меня найти. Иванов посоветовал ему спросить об этом мисс Хьюстон. Сама она не знала, где я находился, и всего лишь переадресовала Лукашова к Матвееву. Эта связь между ними не была обнаружена на допросах. В результате Иванову дали три года тюрьмы, но поскольку он ожидал расстрела, Иванов был вполне этим удовлетворен. Его жене дали год «за недонесение на мужа».

Однажды мой хозяин Яковлев сказал мне, что англичанин, полковник Бейли скрывался в кишлаке Хумсан недалеко от Бричмуллы, и что его курьер, Иванов, был арестован, заключен в тюрьму и оголодал в тюрьме. Конечно, Яковлев понятия не имел, кто был я. Я сказал, что был знаком с другом Иванова и хочу узнать, не хочет ли он сделать что-нибудь для него. Через несколько дней я дал Яковлеву денег, чтобы обеспечить Иванову дополнительную поддержку, сказав, что деньги получил от друга Иванова. «Тяжелый труд» Иванова заключался в изготовлении соломенных шляп, и поэтому он должен был примерно раз в две недели выходить из тюрьмы, чтобы накосить нужной ему травы для работы. Однажды мой хозяин сказал, что охранники

собираются привести его к нам на обед! Я едва был знаком с Ивановым, но подумал, что лучше все-таки не давать ему возможности узнать меня, поэтому я «пообедал вне дома», то есть купил несколько лепешек и фруктов, которые и ел, гуляя по улицам. Лепешка — это круглый плоский хлеб, похожий на индийский чупатти. Но потом как-то однажды Иванов и его охранник сарты снова пришли к нам на обед уже без всякого предупреждения. И мы сели обедать все вместе.

В тот же самый момент к Яковлевым пришла жена полковника Корнилова, другого сильно разыскиваемого человека. Это был весьма напряженный и затруднительный для меня обед, на котором присутствовали сам Яковлев и его сестра, мадам Корнилова, полковник Иванов, его охранник сарт и, собственно, я. Я не был уверен, что Иванов меня узнал, а за исключением его, никто из присутствующих и не знал, кем был я на самом деле. Я хотел переговорить с ним с глазу на глаз, сказав, что хозяин не знает, кто я есть на самом деле, но мне не представилось такой возможности, и теперь я думаю, что Иванов и сам не знал этого. Мадам Корнилова и Иванов были знакомы, но боялись это хоть как-то показать в присутствии охранника.

Последний же, полагаю, был довольно «безопасным» в этом смысле. Он сам был когда-то богатым человеком, но у него все было конфисковано большевиками, и ему пришлось поступить на службу в Красную милицию в качестве альтернативы голоданию. Сам он сказал нам, что был очень рад хорошему обеду, устроенному моими хозяевами.

Однажды странный сарт, говоривший прекрасно по-русски, приехал днем к нам на обед, и что-то заставило меня предположить, что это должно быть скрывавшийся полковник Корнилов. После того как он уехал, я спросил об этом у Яковлева, и он сказал мне, что я прав, но что никто не должен об этом знать. После этого Корнилов приезжал к нам еще несколько раз, а также и его жена, которая появлялась вполне свободно под собственным именем. Это казалось мне очень опасным. Полиции достаточно было шпионить за ней, чтобы поймать его. Позже он переехал жить к нам в дом, и делил со мной мою крохотную комнату. Мне показалось чрезвычайно опасным, что двое самых разыскиваемых в Ташкенте людей живут в одной комнате. Но так как я не мог настоятельно попросить своего хозяина быть более осторожным, я решил сменить квартиру. Как обычно, на то, чтобы договориться о поиске подходящей квартиры, уходило некоторое время. А через несколько дней Корнилов съехал от нас, поскольку решил жить на даче, в маленьком глинобитном домике, в саду в городском предместье. Русские в Ташкенте, так же как и в

Кашгаре, обычно уезжали жить для разнообразия летом за город, и, как правило, селились в местных домах в симпатичном саду, наслаждаясь летним отдыхом на природе. Яковлевы и я обычно по воскресеньям шли на эту дачу и проводили весь день там с Корниловыми.

3 июля я услышал, что Корнилова арестовали. Маленький соседский мальчик сообщил в полицию, что какой-то подозрительный человек, носивший иногда национальную местную одежду, живет на этой даче. Полиция сразу отправилась туда и арестовала Корнилова. Про наши посещения дачи было, конечно, известно и его семье, и соседям, и я боялся, что полиция сможет связать между собой дом Яковлева и Корнилова, и поэтому я съехал от Яковлевых к большому их облегчению.

Мне было жаль покидать людей, которые были так добры ко мне в течение почти трех месяцев, и которые так никогда и не узнали, кем я на самом деле был, и которых я никогда не смог отблагодарить так, как мне того хотелось бы.

Мне всегда казалось что было весьма безрассудно со стороны Корнилова жить таким образом — с частым посещением его женой и детьми. Однажды я сказал об этом Яковлеву. Он ответил, что большевистская полиция слишком глупа, чтобы додуматься выслеживать Корнилова через его жену. К несчастью, он оказался неправ, и Корнилов был арестован, допрошен и признан виновным. Говорили, что Туркестанское правительство запросило Москву об отсрочке исполнения вынесенного ему приговора. Когда из Москвы пришел ответ, что они могут это сделать, было уже поздно, Корнилова уже расстреляли.

В июне я узнал, что капитан Кэпдевил, французский офицер, собирается попытаться выбраться за границу. Я договорился о встрече с ним, чтобы передать через него свое сообщение. Мы до этого мало общались с ним, и виделись с ним только мельком, а сейчас оба были в гриме. Следовательно, остро стоял вопрос о том, как нам узнать друг друга. Было опасно просто назначить определенное место для встречи на улице. Полиция была всегда очень подозрительной к людям, слоняющимся по улице без дела, и если один человек опаздывал на встречу всего на несколько минут, это становилось опасным для другого.

Наша договоренность с ним заключалась в том, что мы должны были начать идти от определенного угла улицы в определенное время и обходить квартал так, что здания должны были находиться у меня с правой стороны, а у него с левой. Каждый из нас должен был нести свернутую трубочкой газету — то есть не сложенную обычным образом. Мои сообщения были завернуты внутри моей газеты. Точно в назначенное время я

пришел в указанное место и начал прогуливаться вокруг квартала. Тут же передо мной предстала весьма забавная картинка. Я увидел человека с фальшивыми бакенбардами вида подстриженного барана. Ничего подобного я никогда не видел прежде ни в Ташкенте, ни где-либо еще. Он нес скатанную в трубочку газету. Мы остановились и поговорили несколько минут. Я что-то показал ему в моей газете, и таким образом мы обменялись бумагами. Он попрощался со мной, произнеся взволнованным и громким голосом по-французски, что ситуация невероятная. Позже, как я установил, он был схвачен на пути в Кашгар. Я всегда подозревал, что, возможно, именно его необычные и бросающиеся в глаза бакенбарды могут создать ему проблемы.

У мадам Даниловой был большой дом. Он был реквизирован, но ей разрешили сохранить за собой одну из комнат. Она несколько раз разговаривала на английском языке с Абдулом Гани, переводчиком афганской миссии, который с удивлением узнал, что ее дом и мебель были конфискованы без какой-либо компенсации, и что она со дня на день ждет, что ее выселят отсюда совсем. Надо полагать, большевики скрыли многие свои идеи и большую часть своей программы от своих афганских союзников.

Я имел обыкновение навещать своих немногих друзей в городе, чтобы разнообразить свою жизнь, поговорить и пообедать.

Делать это было до некоторой степени опасно, по тем же причинам, по которым я покидал свои прежние квартиры, то есть из-за опасных подозрений, которые могли возникнуть. Поэтому я приходил, только заранее договорившись, и обычно приходил в строго определенное место твердо известной дорогой так, чтобы (как это произошло в одном случае) я мог бы быть остановлен в случае необходимости. Обычно, приходя в дом, я, как правило, входил разными путями так, чтобы люди не заподозрили во мне частого посетителя. Сначала я чувствовал себя очень неловко, встречаясь с людьми, которых я знал ранее, но позже почувствовал больше уверенности в своей маскировке. Несколько раз я встречал Дамагацкого на улице, но всегда избегал смотреть на него. Одно время почти ежедневно я встречался с миссис Гелодо, владелицей дома на Московской, где я жил на квартире. Она ни разу не узнала меня.

Однажды, когда я был у Павловых, я встретил там мальчика лет шестнадцати из другой семьи, живущей в доме. Он был с Осиповым, но позже был оставлен где-то из-за полученного обморожения. Несколько дней спустя он и его девятнадцатилетний друг были найдены и арестованы, и старший

мальчик был приговорен к расстрелу, младший, вследствие своего юного возраста, был приговорен к десяти годам заключения, но позже выпущен. Позже и старшему мальчику отложили исполнение приговора; в первый раз большевики сделали такую вещь. Тот факт, что этот мальчик жил в этом доме, делало его этим очень подозрительным, и это также являлось причиной, по которой мне следовало прекратить здесь бывать. Я думаю, что этот мальчик был преднамеренно освобожден чекистами в качестве приманки для его контрреволюционных друзей. А может быть, в доме поселили двух новых шпионов, и я редко стал его посещать.

14 июня афганская миссия генерала Мохаммед Вали Хана уехала в Москву, оставив вместо себя Генерального консула, который продолжил главное дело миссии — антибританскую пропаганду. В тот же самый день Бравин уехал в Кабул, будучи назначенным первым советским послом в Афганистане. Ни одна из сторон не добралась до места своего назначения. Афганская миссия в Москву добралась только до Эмбы, где они узнали, что порт Александровск на Каспийском море, откуда они надеялись плыть морем, был занят антибольшевистскими силами. Они, должно быть, были удивлены, узнав, что эти антибольшевистские силы, которые помешали им, были военно-морскими силами Великобритании, захватившими порт 28 мая. Афганцы вернулись в Ташкент и уехали снова позже. Группа Бравина поднялась вверх по Оксус[63] на судне, но была вынуждена вернуться вследствие активного противодействия Белой гвардии. Человек, бывший на лодке с Бравиным, рассказал мне, как все случилось.

Оксус протекает по территории Бухары, и Бравин попросил у эмира вооруженный эскорт. После значительной проволочки он был обещан, но в последний момент солдаты сами отказались идти с ним, и Бравину пришлось отправляться без сопровождения. Пароход буксировал баржу, на которой было старое орудие и боеприпасы. В одном месте около Керки пароход должен был пройти под утесом, и с него их внезапно обстреляли, в результате чего они понесли потери двумя убитыми и восемнадцатью ранеными. Возникло страшное смятение, и в добавок ко всему баржа загорелась, и снаряды на борту начали взрываться. Мой информатор, который был русским, сказал, что это Бравин и вся его команда потеряли головы и вели себя ужасно. Единственный человек, который вел себя достойно, был старый туркмен — капитан парохода, который совершенно хладнокровно развернул его и затем перешел на баржу и потушил огонь! Правительство направило серьезную жалобу по поводу этого инцидента правительству Бухары, на чьей территории это

произошло, но никакого урегулирования достигнуто не было. Бравин предпринял другую попытку достичь Кабула и на сей раз успешно. Он проехал через Мерв, Кушку и Герат, таким образом, избегая проезда по бухарской территории, где с ним так подло обошлись. В своих отчетах он жаловался на надзор за собой повсюду в Афганистане. Он описал свой прием в Кабуле как «напыщенный, но без сердечности», и свою аудиенцию у короля Аманулла как «неинтересную».

Он советовал своему правительству использовать в своих интересах слабость Афганистана после войны с нами и потребовать уступки определенных пограничных постов и районов, которые имели стратегическое преимущество для России. Он не долго прослужил после своего прибытия в Кабуле, где он был скоро вероломно убит. Он был сменен Суритцем,[64] который позже приобрел выдающуюся известность в качестве посла в Анкаре. У него была специальная задача направить политику объединенного под лидерством России Востока против Запада, где предательский пролетариат ничего не мог сделать со своими потенциальными большевистскими освободителями.

Глава XVI
Назад в горы

Частное обучение, даваемое гувернером или гувернанткой, в Советской России было запрещено, так как будучи, как все мы знаем, худшей формой буржуазной деятельности, в конечном счете приводило к эксплуатации, империализму, спекуляции и другому ужасному злу. Таким образом, частные уроки были запрещены. Многие (особенно чешские) военнопленные зарабатывали небольшие деньги преподаванием музыки и иностранных языков — среди них был и Чука, чьим паспортом я когда-то пользовался. Движение против этой недемократичной деятельности началось в сентябре 1919 года. Частный учитель был назван спекулянтом и буржуазным предпринимателем. Если Вы хотите либо учить, либо преподавать, вы должны идти в школу, открытую для всех. Обучение должно было проводиться в пределах установленных границ; например, при обучении истории запрещено было упоминать королей. В то же самое время образование очень горячо пропагандировалось и продвигалось. На улицах везде висели плакаты с призывами «Образование будет спасением Революции», «Стань образованным», и т. д., и т. д.

Мисс Хьюстон была вынуждена в этот момент пойти преподавать в советскую школу. Кроме того, ее заставили обучать английскому языку мадам Бравину. Эта леди была очень мстительной и ненавидела англичан. Однажды она показала мисс Хьюстон несколько винтовок, сказав ей, что их отправляют туркменам, чтобы нападать на английские войска в тылу.

После отъезда Тредуэла, Воскин, один из людей, присланных правительством из Москвы, поселился в комнатах, освободившихся у Ноева, где мисс Хьюстон все еще жила в качестве гувернантки его детей. Воскин был не очень приятным квартирантом. Он всегда сообщал секретную информацию о советских успехах и поражениях британских войск в Транскаспии с фантастическим числом убитых. Мы никогда не верили ничему из этого, но постоянное повторение одного и того же, конечно, убедило в конце концов многих русских в превосходстве Красной армии.

Как-то раз я договорился и остался в неосвещенной комнате в доме, когда Воскин вошел через дверь в освещенную соседнюю комнату, и таким образом я смог хорошенько его рассмотреть.

Несмотря на внутренние затруднения, неотделимые от условий, превалирующих в Ташкенте, Ноевым удавалось

поддерживать вместе своего рода домашнее хозяйство. Присутствие Тредуэла в качестве квартиранта помогало им в этом, а позже и присутствие Воскина. Однако у них оставалось только три комнаты для семьи, состоящей из жены, трех детей и гувернантки. Однажды их прежняя повариха отказалась у них работать, тогда Ноев нанял австрийского военнопленного, чтобы заменить ее. Но прежняя повариха получила мандат на кухню и отказалась ее освобождать!

В Ташкенте в июле стало очень жарко, и все кто мог, постарались уехать на каникулы на дачи в предгорья. Мисс Хьюстон, желавшая поступить таким же образом, обратилась к Воскину, квартировавшему в их доме, за помощью в получении разрешения (вы ничего не имели право делать за городом без бумаги определенного вида, подписанной полдюжиной определенных людей). Тут выяснилось, что Воскин потерял свою фотографию и думал, что ее взяла мисс Хьюстон. Он сказал ей, что положение правительства очень шаткое, и он очень не хотел бы, чтобы у кого-то, особенно у британцев, была его фотография, особенно в случае, если ему придется прятаться! Но мисс Хьюстон ничего не знала об этой фотографии. Мой пенджабский слуга, Хайдер, был со мной в Персии и говорил довольно прилично на этом языке. К этому времени он также довольно сносно говорил и на русском языке. Изображая из себя перса, он был нанят Воскином в качестве слуги. Здесь проявлялось поразительное отсутствие взаимодействия внутри большевистских властей. Поскольку полиция достаточно хорошо знала, что он был никакой не перс, а моим индийским слугой, то с его стороны было весьма опасно и глупо выдать себя за кого-то еще. Однако и Воскин никогда не догадывался, кем он на самом деле был, и не удосуживался узнать это у своей полиции. Именно Хайдер и стащил эту фотографию Воскина, думая, что она может представлять какой-то интерес для меня! Я заставил его вернуть ее назад, и эта фотография вскоре была найдена, «завалявшейся за ящиком комода».

Мисс Хьюстон в итоге получила свое разрешение! Но прежде она должна была пройти медицинскую комиссию, где ей очень сильно нагрубили, когда узнали, что она Британская подданная. Ей заявили, что ни одному англичанину не дадут никакого разрешения для поездки куда-либо. Она ответила, что она не англичанка, а ирландка. Тогда ей сказали, что в таком случае она может получить все что хочет. Это ее сильно разозлило, и она сказала, что ирландцы ни в коем случае не являются врагами англичан. Это в свою очередь привело в бешенство председателя комиссии, который попросил ее не говорить о политике! В

конечном счете, с помощью Воскина, разрешение ей все-таки дали.

В начале июля возник рецидив резких статей в прессе. «Семьдесят тысяч рабочих были расстреляны буржуазией в Финляндии». «Бандиты Колчака расстреливают и вешают всех красноармейцев, взятых в плен». Звучали призывы к «морям крови» и «Варфоломеевской ночи». «Пролетариат снова обнажает меч красного террора, который был вложен в ножны после Осиповского мятежа» и т. д. Арестовано было множество людей. Был издан указ о том, что все, кто когда-либо арестовывался, должны были быть арестованы снова для дальнейших допросов.

Вследствие опасностей, возникших из-за ареста Корнилова, я был вынужден неожиданно покинуть Яковлевых. В течение нескольких дней я действовал по своему старому плану — не ночевать более одной ночи в одном месте. Это было, по меньшей мере, неудобно. Я должен был уходить утром, забрав свой маленький узелок с вещами, и оставить его в доме, в котором собирался переночевать. Затем я прогуливался и при возможности посещал кого-нибудь из немногих друзей, которым я полностью доверял. Поиск новой квартиры при таких обстоятельствах оказывался трудным делом, и все мои планы рушились по той или иной причине. В конце концов я решил уехать из города, отчасти для того, чтобы узнать обстановку за городом, и понять, каковы шансы на успех попасть в Фергану теперь, а отчасти для того, чтобы дать моим ташкентским друзьям время для поиска другого безопасного и приемлемого жилья. Поскольку оказалось, что нам никак не удавалось найти такое безопасное и подходящее место, как когда-то у меня было у Матвеевых, Андреевых и Павловых, все свое время в Ташкенте я занимался тем, что слонялся от одного дома к другому, обычно оставаясь только на одну единственную ночь в каждом месте, как я делал это прежде, пока я наконец не зарегистрировался благополучно в отделе контрразведки армии и не смог жить открыто у Мандича.

Возможность покинуть город у меня появилась тогда, когда у человека, которого мы назовем Александровым, появилось какое-то официальное дело в районе Бричмуллы, где я провел большую часть времени зимой. Он и Петров должны были помочь мне по дороге.

В целях предстоящего путешествия я получил фальшивые бумаги на имя Мунца. Это имя было так ужасно написано, что оно могло читаться и как-то по-другому. Как мне было известно, существовал чешский военнопленный офицер по фамилии Мерц, с которым я раньше встречался, когда возвращался с гор в январе.

Я подумал, что, вероятно, можно будет выдать себя за него на бумаге, если мне будут задавать неудобные вопросы, но я все время чувствовал, что никогда не смогу быть совсем вне подозрений. Мой план состоял в том, чтобы избегать любых ситуаций, могущих привести к расспросам. Я, как предполагалось по легенде, был геологом и занимался поисками железной руды. Моими единственными инструментами были маленький компас и кусочек кара таша, то есть «черного камня». Это был образец какой-то железной руды, отклоняющий стрелку компаса, и когда меня спрашивали, чем я занимаюсь, я отвечал, что ищу подобные камни для правительства. Я вышел из города по Никольскому шоссе. Пройдя приблизительно три версты, я остановился на отдых в придорожной чайной, и примерно через час меня подобрал Александров, едущий на крытой арбе. Арбой называлась используемая местными жителями безрессорная телега с огромными колесами, запряженная одной лошадью. Я измерил скорость этого транспортного средства, на хорошей дороге — ей потребовалось двенадцать минут, чтобы проехать одну версту. Мы проехали знакомое мне село Троицкое и приблизительно к восьми часам вечера приехали в село под названием Тарбус.

Здесь я нашел Петрова, который также должен был стать моим компаньоном. Поев очень хорошего плова в местной чайхоне (чайной), мы легли спать на открытом воздухе на земле.

На следующее утро Александров и я выехали в 4- утра в дорогу и вскоре проехали Искандер. Напомню, что комиссаром Искандера был родственник Ивана, и когда я проезжал это село, то увидел его жену перед домом, но она меня не заметила. Я знал, что Эдвардс и его жена также скрывались в этом селе, где у него была работа (под вымышленным именем, конечно) по замеру через определенные промежутки времени уровня воды в реке для Гидрометрического департамента. Эдвардс был знаком с Александровым, и я не хотел, чтобы они виделись, когда мы проезжали мимо. Это бы означало, что еще один человек знает, где я был, а в случае Эдвардсов это было особенно нежелательно, поскольку я приложил немало усилий и использовал их, чтобы распространить слух о моем отъезде из страны навсегда.

В Искандере стояла высокая деревянная башня, построенная Великим князем Николаем Константиновичем, на которой он дышал свежим воздухом и любовался окрестностями.

Морганатическая семья Великого князя получила титул Искандер по названию этого села. Мы продолжали движение к Ходжикенту через Чимбалык по другой дороге, не той, по которой я возвращался в Ташкент зимой. Дорога была плохая, и время от

времени мы должны были помогать нашей лошади на рытвинах, вручную приводя в движение огромные тяжелые колеса арбы.

Ходжикент — прелестное село с прекрасными огромными зелеными тенистыми чинарами (восточными платанами), под которыми мы и спали. Это напомнило мне некоторые деревни в Кашмире. Петров и некоторые друзья, подошедшие вечером, отправились на метеорологическую станцию в Юсупхану, где я остановился в январе. Александров и я провели жаркий день под чинарами. Вечером пришел молодой человек, один из охотников, посетивших нас на пасеке зимой. Я, естественно, хотел избежать общения с ним. Он говорил со мной, но было уже темно, и он не узнал меня. Вполне вероятно, что к этому времени власти уже знали, кто был предполагаемый австриец с поврежденной ногой, и таким образом, было важно, чтобы меня не узнали. Мой друг, Мерц, чешский военнопленный, также пришел из Юсупханы. Он заверил меня, что все бумаги, оставленные мною у Эдвардса в январе, уничтожены. Они были весьма компрометирующими, и я был рад узнать об этом.

От Ходжикента дорога идет в горы в место, называемое Чимган, которое использовалось в качестве горной станции жителями Ташкента. У генерал-губернатора Туркестана был там свой дом. Большевики теперь посылали туда больных рабочих и солдат, нуждавшихся в перемене климата. Чимган был также мировым центром поставки сантонина — ценного препарата, приготовляемого из полыни.[65] Это растение теперь найдено и в других частях Азии, в том числе на границе Индии, и таким образом российской монополии на его производство был положен конец.

В то время когда мы были в Ходжикенте, главнокомандующий Туркестанской армией, человек по фамилии Федермессер[66] возвращался через Ходжикент назад в Ташкент. Он путешествовал вполне просто, без штата сотрудников. Он подошел к нам поговорить и спросил, что мы здесь делаем. Я показал свой компас и кусочек железной руды; это его больше всего заинтересовало, и он пожелал нам удачи, так как советское правительство было озабочено поисками большого количества железа для боеприпасов! Он, шутя, сказал нам, что он посетил Актюбинский фронт, где казаки Дутова были в окрестностях железной дороги, и что дела там шли так ужасно, что он направляется к Ашхабаду, где дела шли получше!

На следующий день дела заставили Александрова отправиться в долину речки Кызылсу. Я поднялся на окружающие горы, тут я впервые дал серьезную нагрузку моей ноге после несчастного случая со мной в декабре. Природа этого края была

чудесна мы видели перепелов и кекликов и множество бабочек на цветах и рыб в речках. На ночь мы остановились в поселке Хумсан. Здесь не было даже чайханы, и таким образом, мы остались ночевать прямо на сельской улице, приобретя еды у владельца маленькой лавки. Затем мы отправились вверх по Угаму. Проехав через симпатичную долину среди зарослей грецких орехов и плодовых деревьев, мы поднялись на значительную высоту. Затем мы оставили лошадей и, пройдя вверх около двух тысяч футов, оказались на высоте в десять тысяч футов, очутившись выше лесной климатической зоны этих широт. На торфяном грунте было огромное число бабочек, включая очень красивые формы наших желто-пятнистых и Аполло с. Затем мы вернулись, и отдохнув в Хумсане, продолжили спускаться вниз по долине Угама, где встретили Мерца и Петрова, а затем все вместе отправились на ночь к нашему биваку под чинарами Ходжикента.

Александров, закончив свою работу, возвращался на следующее утро в Ташкент, а Петров и я решили посетить долину Пскема. В Ходжикенте мы заплатили восемьдесят рублей в день за каждую лошадь и сто двадцать рублей местному проводнику, получив специальную скидку, как люди, путешествующие по заданию правительства. В поселке Нанай мы послали за вице-председателем исполкома. Исполком — искусственное слово-гибрид, составленное из слов «Исполнительный комитет». Вице-председателем был очень хороший таджик, который не делал попыток понять логику смены правительств, которые начальствовали над ним. Он вел себя как обычный глава деревни, предоставивший нам свежих лошадей. Чтобы соответствовать советским требованиям, каждой деревне велели выбрать Исполком. Никаких выборов не было, но аксакалу[67] (или главе деревни), кто-то сказал, что он больше не аксакал, а «товарищ председатель Исполнительного комитета», на его доме была прикреплена вывеска «Штаб Исполнительного комитета». Само собой разумеется, никакого комитета не было, и никто не знал, что все это значило. В любом случае это не имело никакого значения — товарищ председатель или кто-либо еще, но если это было правительственное распоряжение, лучше было повиноваться, не вникая в причины этих тонких и безвредных изменений.

Таджики — этнос, говорящий на персидском языке, поэтому я мог многое понять из того, о чем они говорили, но я не мог допустить, чтобы они это поняли, иначе моя роль австрийского военнопленного могла быть поставлена под сомнение. На ферме Беш Калча мы спали на настиле под виноградником, и любезные местные жители угостили нас великолепным пловом. Десятого

июля мы продолжали наше путешествие вверх по долине; когда мы углубились выше в горы далеко от основной дороги, мы встретили людей, даже никогда ничего не слышавших о революции. Они даже обращались к нам Тура, что у местных жителей означало что-то вроде «Сэр», вместо обычного товарищ, использованию которого местное население обучили большевистские начальники.

На следующий день, 11 июля, я поднялся на гору на высоту приблизительно десять тысяча футов, где я ожидал увидеть долину Коксу и увидеть пасеку, место моего долгого пребывания зимой. Однако я обнаружил, что это был только горный отрог, выступающий в долину Пскема. Я видел сурков, самцов кекликов (Tetraogallus) и следы диких горных козлов, я также поймал много интересных экземпляров бабочек сачком, изготовленным недавно ташкентскими артельщиками по заданию советских властей, что явилось результатом моего посещения Ташкентского музея несколькими месяцами ранее. Мы отпускали пастись наших лошадей, а потом вновь оседлали их, и к вечеру мы вернулись на ночлег в Беш Колчу, где нам дали на ужин хорошую еду из местного хлеба и свежего масла.

На следующий день у нас была очень напряженная поездка вниз по долине. Мы с удовольствием попили ледяной воды из родника Кара Булак. По пути нам встретился табун «диких» лошадей. Я не мог понять тревоги моего компаньона, Петрова, который позвал меня за собой и затем быстро поскакал вперед по прямой. Я тут же последовал за ним, и когда мы отъехали на значительное расстояние, он подъехал ко мне и объяснил, что в этом месте люди оставляют своих лошадей, чтобы они погуляли на свободе, а затем ловят этих лошадей для работы. Мы должны были ускакать отсюда и объехать эти табуны, чтобы избежать встречи с дикими жеребцами, которые опасны тем, что нападают на чужих проходящих лошадей, и тем самым представляют опасность и для наездников.

В Нанае мы обнаружили русских большевиков, регистрирующих местных жителей и животных в целях мобилизации. Казалось ужасным нарушать «трогательную удовлетворенность» этих счастливых, гостеприимных людей. Русские во времена царизма полностью предоставили их самим себе, и они были вполне счастливы. Местные жители рассказали мне, что в верхней части долины, где мы побывали, в течение последних девяти лет не бывало ни одного русского. Большевистские чиновники не расспрашивали нас ни о чем. Они делали свою работу, а мы занимались поисками железной руды.

Большевики реквизировали всех хороших лошадей, и я

вынужден был довольствоваться старым животным, да еще в придачу со сломанным седлом, имевшим только одно стремя, и удилами, сделанными из веревки, которую лошадь постоянно перегрызала. В конце я вынужден был ездить без удил. Мы долго ехали ночью, выбирая разные дороги, и так как мы боялись в темноте переходить Угам вброд, то вынуждены были ехать по мосту. Некоторые мосты в этих местах были разрушены зимой Осиповым, чтобы задержать преследование, когда он уходил из Ташкента. Их до сих пор не починили.

При лунном свете мы добрались до Ходжикента приблизительно в одиннадцать часов вечера и вскоре в полночь добрались до метеостанции в Юсупхане. Мы разбудили Мерца и обнаружили, что дом более чем полон. Одиннадцать вновь прибывших гостей были бывшими русскими офицерами, находящимися в бегах, и австрийскими военнопленными офицерами. Все они были мне симпатичны, но я всегда старался уменьшить число людей, знавших меня и общавшихся со мной, до минимума. Мерц здесь был единственным, кто знал, кем я был. Как правило, я старался избегать ненужных рисков встреч с такими людьми, но сейчас было уже слишком поздно куда-то уходить, мы устали и были голодны, и Петрову хотелось остаться ночевать здесь. Высота станции была известна точно восемьсот девяносто два метра (2 926 футов), и я смог проверить мой анероид, с которым я измерял высоты во время своих горных восхождений. На следующее утро я встал пораньше и, искупавшись в горной речке, старался держаться подальше от дома с его опасными для меня обитателями. Однако я все же вынужден был сидеть и завтракать вместе со всеми, и потом, уехав, я спросил Петрова, как шли дела и что они делали без меня. Петров сказал мне, что когда он прощался со всеми, то хорватский офицер по фамилии Драпсзинский спросил его «А кто Ваш английский друг?»

Вечером Мерц и я поехали в Бричмуллу, где мисс Хьюстон жила с друзьями в саду одного дома. У друзей мисс Хьюстон был небольшой глинобитный домик, в котором они могли укрываться в непогоду, но, как правило, во время этих каникул все жили и спали на открытом воздухе, используя противомоскитные сетки после заката. Я также спал на открытом воздухе, как впрочем, и делал все это время после своего отъезда из Ташкента. Не имея противомоскитной сетки, я был разбужен утром красивым спелым абрикосом, упавшим мне прямо на голову! В целом это была здоровая и идиллическая жизнь, но я жил ею только в течение двадцати четырех часов.

Петров должен был остаться здесь, а я должен был

возвращаться в Ташкент, но человек, с которым я должен был отправляться вместе, внезапно уехал куда-то без меня и без объяснения причины. Позже я узнал, как мне повезло, что я не поехал с ним, так как этого человека остановили по дороге, и его самого и его вещи тщательно обыскивались полицией. Вместо него со мной в Ташкент согласился ехать киргиз по имени Мулла Бай, хорошо говоривший по-русски. Я пришел к выводу, что всегда желательно, чтобы во время такого рода поездок рядом был кто-то, кто знает обычаи страны, чтобы объясниться и поговорить с любым, кто мог бы задать неудобные вопросы. Мулла Бай понятия не имел, кем я на самом деле был.

Вечером я вернулся назад в Юсупхану и провел ночь на метеостанции у Мерца. Все посторонние люди уехали, и на метеостанции оставались только непосредственно его сотрудники, отвечающие за метеорологическую работу.

15 июля я вместе с Мулла Баем и тремя другими киргизами переехал мост, который был частично разрушен Осиповым при его отступлении, и мы прибыли в Ходжикент, куда только что с горной станции Чимган прибыло одиннадцать возов с людьми.

Путешествуя вдоль подножья холмов с болотами и затопляемыми рисовыми полями по правую сторону от нас, мы проехали через Кызылкент, Куш-Курган и Карабай и приехали в Сескинату, где одному из моих компаньонов принадлежал большой двухэтажный дом.

Все жители этой части страны были киргизами, и их круглые юрты были разбросаны повсюду среди расположенных на некотором расстоянии друг от друга зданий на сухих участках среди рисовых полей. Киргизские женщины, в отличие от сартских, не закрывались чадрой. Когда они встречают вас по дороге, они складывают руки перед телами и кланяются от талии, опуская свои глаза к земле, и приветствуют вас одним словом «амин». Когда мы приехали в дом моего компаньона в Сескинате, его жена принесла нам чай и хлеб, а он сам лег и стал играть на своего рода мандолине, в то время как его жена сняла с него ботинки и стала массажировать ему ноги.

Поздно вечером прибыло двое красноармейцев, вооруженных винтовками. Я сначала подумал, что они были русскими, но, как оказалось, они были мусульманами, татарами. Моя первая мысль была «Они прибыли за мной? Меня кто-то выдал или я сделал какую-то глупую небрежную ошибку?» Они сначала проявили некоторое любопытство в отношении меня, но это было праздное любопытство. Я объяснил им, что я состою в «Горном департаменте», который направил меня искать железную руду, что я нашел некоторые образцы (здесь я продемонстрировал свой

кусок черного камня и компас), но дорога к этому месту было настолько трудной, что нет смысла там работать. Моя повозка сломалась, и эти киргизы взялись довезти меня до места, где я смогу нанять другую повозку, и т. д. и т. д. Мы вскоре подружились. Они стали расспрашивать меня, где я жил в Ташкенте и какую зарплату я получаю. Я был очень доволен своими документами на имя Мунтца, которые ни у кого не вызывали сомнения, и поэтому я показал им свои бумаги и спросил их, требовалось ли им также получать разрешение, чтобы уехать из Ташкента и путешествовать. Они сказали мне, что они нашли предлог, чтобы быть посланными на патрулирование за город, так как в Ташкенте было очень жарко, и они хотели сменить обстановку на несколько дней. Мы втроем спали вместе на веранде — я в середине с этими двумя людьми по бокам. Иногда у меня было чувство, что они меня охраняли.

16-го Мулла Бай и я оставили других наших киргизских компаньонов и двух наших замечательных солдат и отправились по болотам и рисовым полям дальше и, проехав Кабардан, выехали на проселочную дорогу, с которой мы съехали у Карабая за день до этого. Мы были теперь на главной дороге между Ташкентом и Паркентом. Переехав затем через мост у Янгибазара, мы проехали Шурум и прибыли в Шинам, где мы отдыхали, кормили лошадей и пили чай с лепешкой. Русские в Туркестане перемежали свою речь сартовскими словами, точно так же, как некоторые европейцы в Индии используют индийские слова. Здесь мы также попробовали первые дыни этого года. Наш обед на двоих стоил нам тридцать рублей, и был восхитительным. Туркестан — это страна великолепных дынь и прекрасных специалистов по их выращиванию. Говорят, дыни из разных районов отличаются вкусом — даже из разных поселков. Продолжив путь, мы пересекли Чирчик по эклектичному мосту, построенному частично из дерева, а частично из железа, который тянулся от острова до острова и был более пятисот ярдов длиной, и въехали в Ташкент у Куйлюкского базара.

Я не знал, где я буду спать этой ночью, но где бы то ни было, я не хотел, чтобы Мулла Бай это знал. Ничего нельзя было сказать наверняка; но если где-нибудь возникнут какие-то подозрения, то полиция могла попытаться проследить через него австрийского геолога, который путешествовал с ним. Мулла Бай думал, что я был как-то связан по работе с метеорологической станцией в Юсупхане, поэтому я сказал ему идти и ждать меня у гидрометеорологического управления, где я позже встретился бы с ним и его лошадью.

Моя идея состояла в том, чтобы провести ночь у Андреевых, а

затем выяснить, может ли мисс Хьюстон договориться о новой квартире для меня. Я объехал вокруг дома, и был встревожен тем, что я увидел. У обеих калиток небольшого сада стояли солдаты, смотревшие на меня с любопытством, что меня насторожило. У меня были большие, объемные чересседельные сумки. Я нагрузил на лошадь все, включая свое одеяло, которым укрывался по ночам. Ничего не оставалось другого, как исчезнуть, по возможности не привлекая внимания. Поэтому я проехал мимо и поехал к Яковлевым. Было 16 июля, прошло приблизительно две недели с момента ареста Корнилова. Как я прикидывал, разного рода подозрения в отношении Яковлева как домовладельца как раз и должны были материализоваться к настоящему моменту. Дома никого не оказалось. Мне надо было пойти куда-нибудь, таким образом я только вошел и оставил там свои вещи, отвел лошадь к Мулла Баю, ждавшему меня у метеорологического бюро, и затем пошел к Андреевым и Ноевым узнать новости. Они были обескураживающими. Слухи о выводе британских войск подтвердились. Ашхабад пал перед большевиками.

Я также услышал, что был схвачен французский офицер Кэпдевил. Напомню, что он вез мои письма в Кашгар. Его арестовали, когда проезжал через Ош, и он был отправлен в тюрьму назад в Ташкент. В Ташкенте была французская гувернантка. Эта мужественная женщина сделала все, что только могла для Кэпдевиля и попросила разрешения увидеться с ним в тюрьме. Власти отказали ей в этом. Тогда она сказала, что она его жена! В этом случае свидание разрешили.

Заключенные находились за решеткой, а их посетители на некотором расстоянии от них за барьером. Между ними прохаживались тюремные надзиратели. Все заключенные и их посетители кричали изо всех сил, чтобы перекричать других, и пытались сквозь шум голосов услышать друг друга. Кэпдевилю удалось сказать своей посетительнице, что мои бумаги были сожжены. Впоследствии я узнал, что солдаты, арестовавшие его, использовали мои письма как папиросную бумагу. Бумага была тонкой, чистой и подходящей толщины! Можно только вообразить, что случилось бы, если б мои проявляющиеся чернила отреагировали на высокую температуру! Бедный Кэпдевиль был в ужасном состоянии — грязный и подавленный. Трудно было помочь ему чем-то, кроме посылки небольшой передачи для моральной поддержки.

Однажды в июле я увидел вокруг памятника генералу Кауфману строительные леса. Фигуру самого генерала убрали, но оставили двух солдат — горниста и знаменосца. Позже, поняв, что оставшиеся в результате скульптуры представляют собой

странный, негармоничный и ужасно скомпонованный памятник, фигуры солдат также убрали с постамента.

Единственным скульптором в Ташкенте в это время был австрийский военнопленный по фамилии Гатч. Его попросили сделать статую рабочего, несущего флаг, но флаг должен был быть обязательно красным. Гатч, как говорили, отказался ваять такую скульптуру. Большевики в немалой степени опасались, что люди могут подумать, что рабочий несет какой-то другой флаг, и таким образом морально унизиться. В конце концов, Гатч сделал бюст Ленина, но единственно доступный ему материал был настолько нестойким, что ухо у Ленина отвалилось при первом же ливне. Помимо этого бюста Ленина, Гатч сделал красивый памятник умирающему верблюду, в память тысяч австрийских военнопленных, погибших в Туркестане. Я видел его на кладбище вскоре после того, как он был там установлен. Полагаю, он также вскоре развалился вследствие некачественного материала, из которого он был сделан и который лишь и был доступен бедному скульптору.

В это время большевики издали указ о том, что люди, которые женятся, могут купить четыре бутылки вина и дополнительно сверх обычного пайка еще немного продуктов, чтобы отпраздновать это событие. Многие люди, уже венчавшиеся в церкви, решили воспользоваться этим, чтобы получить немного дешевой еды и удовольствие, и снова регистрировали свой брак, теперь уже в гражданском бюро записи актов гражданского состояния (в ЗАГСе).

В Ташкенте был великолепный виноград. В сезон созревания его можно было купить в сартовских лавках и ларьках по всему городу, и стоил он двенадцать рублей за фунт. Большевистские власти решили, что это «спекуляция», и приказали продавать его за три рубля. Исходя из того, сколько других товаров можно было купить на три рубля, розничные торговцы отказались продать виноград по такой цене. Им фактически предложили отдавать свой товар за бесценок. Торговцы решили высушить весь урожай винограда и держать получившийся изюм до тех пор, пока не будет разрешена снова свободная торговля. Внезапно весь имевшийся в городе виноград исчез. Это явилось серьезным ударом по ташкентским жителям, привыкшим все лето днями напролет кушать виноград между делом, и это заставило их вернуться к другой своей привычке — лузгать подсолнечные семечки.

В прессе публиковались весьма скудные новости об афганской войне. Они были для меня ободряющими. Потом стало чувствоваться, как порой кое-что делается, чтобы обнадежить

общественность, чьи симпатии были на стороне афганцев. Так сообщалось о захвате Пешавара, Тонка и Тала, и об отступлении индийских полков перед «мусульманскими освободителями».

Сообщалось, что афганцы захватили Белуджистан и таким образом приобрели морской порт.

Эти новостные сообщения, тем не менее, могли представлять интерес и для тех, кто видел эту войну под другим углом зрения.

Вот, например, афганское коммюнике от 17 мая «Наша храбрая армия, действуя против англичан, была разделена на три колонны — правую, левую и центральную. Вследствие прибытия сильного английского подкрепления наш центр отступил. Наши правый и левый фланги затем подверглись нападению, и наш центр также продвинулся и полностью разгромил английскую армию».

Вот другая новость из газеты, датированная 31 августа «В Афганистане наступление развивается благоприятно, и было захвачено одна тысяча пятьсот сипаев с их вооружением и амуницией. Будучи захваченными, военнопленные горят желанием бороться против англичан. На Западном фронте сто кавалеристов и сорок пехотинцев сдались со всем своим оружием и амуницией и присоединились к нашим рядам».

Сообщалось в прессе также и о проблемах в Лондоне. Утверждалось, что полиция стреляла по толпе демобилизованных солдат. Я не поверил всему этому, но многие русские — поверили, и они сочувствовали мне по поводу поражения и трудностей в моей страны.

В июле в правительственных кругах Ташкента случился некоторый испуг, вызванный распоряжением Москвы о том, что численность представителей местного населения в правительстве Туркестана должна быть пропорционально численности его в населении края.

Это значило, что представителей местного населения в правительстве должно было бы быть девяносто пять процентов, и означало бы конец большевистского правления. Это распоряжение было отдано заблаговременно, но было проигнорировано местными чиновниками, которые понимали, что такое правительство в данный момент положит конец всему, что было сделано большевизмом. Местное население жаждало религиозной свободы, мира, порядка, торговли и прежде всего порядочного правительства.

Глава XVII
Ташкентские дела

В конце лета 1919 года я осознал, что шансов положить конец режиму с помощью наступления небольших британских сил из Транскаспия — нет. Сообщения, которые я отсылал, в целом весьма неуспешно доходили, и было давно пора возвращаться. Все время балансировать на краю пропасти было очень трудно. Власти продолжали арестовывать людей, принимавших участие в Осиповском мятеже в январе. Я решил снова установить контакт с Мандичем и узнать, не сможет ли он помочь мне.

Я обратился к одному заслуживающему доверия поляку австрийскому военнопленному и попросил его увидеться, если это возможно, с Мандичем, разузнать о его позиции в отношении меня и о его возможностях помочь мне. Он это сделал и сообщил мне, что Мандич теперь настоящий большевик. Он мимоходом упомянул в разговоре с ним мое имя, и Мандич заметил в ответ, что он удивлен тем, что я не пришел к нему и не доверился, когда я, должно быть, находился в чрезвычайно трудных обстоятельствах и смертельной опасности. Хотя сведения в целом были и не вполне благоприятными, я все же решил рискнуть и лично встретиться с Мандичем. Я знал о нем только то, что он сейчас был большевистский контрразведчик, и, хотя он был нужен мне, я пока не до конца доверял ему. В любом случае, я всегда старался, чтобы как можно меньшее число людей знало о моем существовании.

Наша встреча состоялась. После беседы с ним и объяснения причин, по которым я не обратился к его помощи раньше, мои сомнения и подозрения были отброшены. И я теперь узнал много интересных вещей.

После моего первоначального исчезновения в октябре власти решили, что я был убит немцами. Война продолжалась, а Тредуэлл и я настаивали, чтобы правительство держало под контролем военнопленных, которых немцы под руководством Циммермана пытались объединить. Поэтому можно было предполагать, что немцы были бы рады моей кончине. Я также узнал о некоторых обстоятельствах, которые убедили большевиков во мнении, что я был убит. Уходя из дома, я решил начать свою новую жизнь с новой зубной щеткой, и свою старую оставил дома. Большевики же рассуждали так «Он не такой человек, чтобы сбежать без своей зубной щетки, поэтому он ушел не добровольно. Должно быть, он был убит немцами».

Позже, когда обо мне не поступило никаких сведений, они поверили в то, что я сбежал. Повсюду был разослан приказ высматривать меня везде, где только можно, а дороги в Фергану особо тщательно охранялись. Специальный человек, который следил ранее за мной некоторое время, был послан в Андижан, так как казалось вполне вероятным, что я отправлюсь в Кашгар, откуда прибыл до этого. Этот человек до сих пор находился там. Ташкент обыскали весь, и каждый дом, в котором я когда-либо бывал, находился под подозрением. Один шпион якобы видел меня, входящим в дом № 58 по Жуковской. Дом обыскали и нашли человека, по-видимому, являвшегося моим двойником!

Одна из горничных, работавших в отеле «Регина», когда я там останавливался, была агентом ЧК. Ей поручили разыскивать меня на улицах, чтобы узнать меня по моей походке. Человек легко может изменить внешний вид, свое лицо — обычные основные признаки, по которым человека узнают, но гораздо труднее изменить свою походку — по крайне мере так мне сказали, хотя ранее я ничего об этом не знал. Возможно, травма ноги совершенно случайно помогла мне в этом случае. Этой женщине, являвшейся специальным агентом, поручили искать меня в любой маскировке.

Во время вооруженных действий зимой на Ашхабадском фронте было взято в плен три индийских солдата 28-го Кавалерийского полка. У них была хорошая репутация в полку и в армии, в которой они служили. Они вели себя невозмутимо и бесстрашно. С помощью угроз и хитроумной лести большевики попытались сломить их твердость и верность своему долгу. Большевики подвергли их идеологической обработке, им пообещали свободу, если они будут пропагандировать большевистскую доктрину в Индии. Они же заявили, что вполне удовлетворены своей жизнью дома, что у них вполне хорошее правительство, и что они предпочитают такую жизнь, чем ту, что они видят сейчас в Туркестане. У меня, конечно, не было возможности увидеться с ними, но у моих друзей такая возможность была, и они рассказали мне об этом. Большевики не могли поверить, что у каких-то «угнетенных» индийцев могли быть такие взгляды и убеждения. Один из них, по имени Лал Хан, был сержантом, и после своего возвращения в Индию я сообщил о нем его командирам, и, я думаю, он был соответствующим образом поощрен. Советские военнослужащие, захватившие этих солдат в плен, были особенно удивлены хорошим качеством их обмундирования и вооружения, которое, как они потом говорили, было гораздо лучше, чем аналогичное вооружение и обмундирование в русской армии. Эти солдаты находились в

госпитале, и я не видел возможностей помочь им сбежать из плена.

В течение августа 1919 года реквизиции и обыски в Ташкенте продолжились с новой силой. Я услышал о нескольких произошедших случаях.

У одной дамы, с которой я едва был знаком, было дома пианино. Считалось, очень по-буржуйски держать дома личное пианино. Все пианино реквизировали и отдавали в музыкальную школу, в которой дети пролетариев учились музыке под руководством государственных учителей. Чтобы сохранить у себя свое пианино, эта дама и ее муж стали афганскими подданными. Советские власти опасались трогать собственность афганцев, так как власти надеялись на союз с Афганистаном против империалистов. Собственность других граждан отбиралась безжалостно. Этим людям впоследствии разрешили уехать в Афганистан и, они впоследствии, наконец, добрались до Индии. Уже там, в 1920 году, я услышал о них и захотел им помочь. После прибытия в Индию их попросили описать подробности своего путешествия по Афганистану. Я взялся посмотреть написанный ими отчет об этом путешествии и обнаружил, что они скрыли в нем очень много важных и интересных деталей, о которых я был осведомлен. Из-за этого я отказался помогать им. Было очень много людей в подобной ситуации, которые честно предоставляли нам всю возможную информацию, и я не думаю, что по отношению к людям, преднамеренно утаивающим информацию по каким-то собственным мотивам, должно проявлять излишнюю благожелательность.

Другой человек, у которого стали национализировать пианино, вышел из себя и разбил свое пианино топором. Тогда его забрали в тюрьму и потом расстреляли.

Один мой друг был свидетелем сцены, разыгравшейся между женщиной — представительницей рабочего класса и Жилищной комиссии. Женщина, красиво одетая в шелковое платье, говорила председателю комиссии о бесполезности его комиссии и о том, что никто не обращает внимания на ордера, выписываемые ими. Оказывается, она сама получила ордер на дом некой дамы, и что она и вся ее семья занимает теперь весь дом за исключением одной единственной комнаты, которую оставили той даме, прежней хозяйке дома. Жалующаяся женщина — представительница рабочего класса, оказывается, получила мандат и на эту последнюю комнату в доме. Дама — прежняя хозяйка, отказалась съезжать, поэтому были посланы трое солдат, чтобы насильно выселить ее. Когда они пришли, то эта женщина заявила, что они уже расстреляли ее мужа и сына, и забрали ее

дом и всю ее собственность, и что ей и ее маленькой дочери оставили только эту одну-единственную комнату. Поэтому, чем ее выгонять и из этой комнаты, она попросила солдат просто расстрелять ее с дочерью. Солдаты отказались исполнять приказание, и эта женщина с мандатом пришла на них жаловаться!

В связи со всеми этими конфискациями и реквизициями многие люди пытались продать свою мебель и другую собственность сартам в Старом городе, которые могли бы спрятать это имущество. Это было тут же пресечено изданием указа, запрещающего продажу и даже вынос мебели из домов. Таким образом, когда дом реквизировался, то вся мебель реквизировалась вместе с ним, и несчастный собственник, в конце концов, мог получить мандат на совсем другую квартиру с неудобной или неподходящей мебелью или, возможно, совсем без мебели.

В течение августа я каждое утро заходил к Матвеевым, где давал уроки французского маленькой девочке, затем шел к Андреевым за своим обедом, который мне передавали через окно. Затем частенько я шел провести послеобеденное время у Павловых, и оставался на ночь в одном из этих домов или в одном из пары других домов.

В конце августа я узнал, что ЧК информировали о том, что я нахожусь в Ташкенте, и были возобновлены усилия по моей поимке, и за домом Ноева и «двумя другими» было установлено специальное наблюдение. Так как я не знал, какие были эти два «других дома», я стал избегать Андреевых и Павловых и залег у Семенова. Это был тот человек, что чудом спасся во время массовых расстрелов в январе. Причиной возобновления всей этой активности было сообщение, присланное сотрудниками большевистской миссии в Мешхеде, о которой я писал ранее в главе пять этой книги. Напомню, что член этой миссии Калашников был освобожден и, попав к меньшевикам, был ими расстрелян. Двое же других — Афанасьев и Бабушкин, были арестованы и содержались в качестве заложников для обеспечения безопасности Тредуэла и меня. Они написали письмо властям в Ташкент, в котором сообщали, что я был в Фергане и просил взять меня и обменять на них. Они сообщали, что я нахожусь на связи с Ноевым (что было правдой), и с двумя другими людьми, с одним из которых, я думаю, действительно один раз встречался, а вот с другим — Савицким, не встречался ни разу. Это сообщение вызвало проведение секретного заседания Крайкома — сокращенное словосочетание, образованное от слов — Краевой Туркестанский комитет коммунистической партии, на

котором было принято решение о возобновлении моих поисков. Воскин — один из людей, присланных из Москвы для проведения правильной линии Туркестанским правительством, был теперь шефом местного ЧК. Он показал письмо от Афанасьева и Бабушкина Ноеву и спросил у него, где я нахожусь. Когда я получил эту информацию, я понял, что дома, в которых я обычно останавливался, были вне подозрения. Я продолжил, как и раньше, ночевать по очереди в домах своих друзей, за исключением Ноева. Однажды в конце августа я получил телефонное сообщение быть в определенном доме в определенный час, чтобы узнать важные новости. Источник информации был надежным, и я туда пошел. Здесь я встретил человека по фамилии Чернов, который находился в Коканде и был вынужден каким-то образом работать на правительство. Его друг сказал ему, что я укрываюсь в Ташкенте, и ЧК усиленно меня ищет, и, если он, оказавшись в Ташкенте, встретит меня (естественно до ареста) и знает английский, то мог бы предупредить меня об этом. Он приехал в Ташкент и решил предупредить меня об этом вновь возникшем интересе ЧК к моей персоне. Он рассказал мне, что за несколько месяцев до этого он забрал из комиссариата по иностранным делам письма, присланные мне по почте. Он их отдал на хранение своей жене, надеясь при случае передать их мне. Но его жена сожгла их, когда была опасность обыска их дома.

Все эти обстоятельства заставили меня сильно задуматься о том, чтобы выбраться из страны, и я обдумывал возможности использования некоторых схем для достижения этой цели с помощью Мандича. Он пользовался доверием у властей, и мы пришли к выводу, что может быть осуществлен один чрезвычайно смелый план. Если я смогу с его помощью поступить на работу в секретную службу большевиков, то все подозрения в отношении меня будут сняты.

Это, конечно, было сделать нелегко, но если бы это удалось, то я мог бы организовать себе командировку куда-нибудь, откуда мог бы организовать успешный побег заграницу. Одно подразделение Красной армии было направлено на Памир, чтобы заменить там военные посты. Это подразделение вынуждено было вести по дороге к месту дислокации бои, и дорога, по которой они прошли, после них была перекрыта бандитами, с которыми им и приходилось воевать. Мой план заключался в том, чтобы быть посланным в этот отряд в качестве секретного агента, откуда можно было легко уйти в Китай, если бы я добрался до них. Один из членов этого отряда был моим хорошим знакомым. Он передавал мое сообщение отцу девочки с фотографии, бывшей у

меня, о чем я писал раньше на странице 16 этой книги. Вместе с сообщением была послана и эта фотография, чтобы гарантировать аутентичность посыльного.

В начале сентября я был у Павловых, когда я услышал, что Краснов, который, как мне объяснили, был ранен во время январских боев и скрывался в доме, знает человека по фамилии Бобров, у которого было письмо ко мне из Мешхеда. Я, естественно, испугался ловушки. Возможно, оно было фальшивым, как то, что появилось незадолго до моего исчезновения. Я видел Краснова, который ручался за Боброва, но я не доверял полностью самому Краснову. Он переживал ужасное время; серьезно раненый; вместо присмотра и получения наиболее возможной помощи и ухода, он был в положении дичи, за которой охотятся, и вынужден был укрываться, испытывая постоянный страх быть расстрелянным в случае поимки. У него была простреляна нога и раздроблена кость, которая не имела шансов срастись. Как раз, когда ему больше всего был необходим покой, он был вынужден постоянно куда-то переезжать, чтобы спасти свою жизнь. Если станет известным, что где-то прячется раненый человек, он обязательно будет схвачен властями, для которых он будет бывшим белогвардейцем, поэтому по-человечески было понятно, что он должен был скрываться. Хотя я и сам, должно быть, со стороны выглядел таким же человеком. Бедняга Краснов мог самостоятельно проковылять всего лишь несколько ярдов, даже сейчас в сентябре, восемь месяцев спустя после того, как он был ранен. Некоторые из «белых» устали от состояния постоянной охоты на себя, поэтому человек мог решить спасти свою жизнь и, возможно, свободу ценой выдачи меня властям. Я не очень хорошо знал Краснова. Но я все же решил рискнуть, и в данном случае мои сомнения оказались совершенно неоправданными.

Я послал Боброву сообщение, что я готов встретиться с ним один в определенном месте в воскресенье вечером. В пятницу 5 сентября я отправился к Павловым для получения ответа с подтверждением времени и места нашей встречи. Я был взволнован перспективой получения своей первой весточки от своего соотечественника из-за пределов Советской России. Здесь я увидел Краснова, который сказал, что он должен будет увидеть Боброва этим вечером и организует встречу между нами.

В это воскресенье я ночевал у Семенова. Когда стало достаточно темно, Семенов спросил меня, не смогу ли я помочь ему передать несколько книг в один дом, так как, по некоторым причинам, он не хочет, чтобы люди в доме видели его самого. Мы вышли вместе. Светила яркая луна. Пройдя небольшое

расстояние, мы прошли мимо каких-то людей, сидящих в дверном проеме дома в глубокой тени. Вдруг кто-то окликнул «Георгий Петрович!». Я не обратил внимания. Это было мое имя по паспорту Лазаря, которым я пользовался, но люди, знавшие, кем я был на самом деле, называли меня Федор Федорович, что по-русски наиболее близко соответствовало моему настоящему имени. Семенова же звали Георгий Павлович. Позвали снова, а затем за нами побежал молодой человек. Он спросил, не Георгий ли Петрович я. Я ответил «Нет». Тогда он извинился и отошел. Семенов, который, конечно, ничего не знал о письме, которое я ожидал, сказал, что он узнал в молодом человеке некоего Боброва. Я спросил у Семенова, как называется улица, на которой мы находились. Когда он мне это сказал, я понял, что эта и была та самая улица, на которой жил Бобров, у которого было письмо, поэтому я остановился, а Бобров, отошедший всего на несколько шагов, вернулся. Тогда я сказал «Письмо у вас?»

Он ответил «Там у меня в дверном проеме Краснов, который узнал вас, давайте вернемся и поговорим». Поэтому мы вернулись. Затем он мне рассказал, что когда он покидал Бахрам Али в марте, полковник Тод передал ему письмо для меня. Другая копия письма была послана в Ташкент с одним туркменом. Этот посланец, как видно, не предпринял попыток разыскать меня. Бобров отдал письмо какой-то даме, которая предположительно знала меня, но я никогда даже не слышал о ней. Она, насколько ему было известно, продолжала держать письмо у себя, он пообещал разыскать ее и вернуть письмо мне. Однако он так и не смог разыскать эту даму, а я так и не получил письма.

Я был рад тому, что увиделся в первый раз с Бобровым один, без предварительного согласования, так как я продолжал думать, что он мог быть большевистским агентом, пытающимся меня поймать, а при такой случайной встрече рядом не было людей, могущих меня арестовать.

Затем я понес книги Семенова в дом, который он мне указал. Я постучал, к окну подошли две женщины и спросили, что мне надо.

Я ответил «У меня две книги от Георгия Павловича».

Они сказали «Положите их на ступеньки крыльца и сразу уходите».

Так я и сделал. Вот такая жизнь была в Ташкенте в 1919 году!

Приблизительно в это же время в Ташкент приехал друг Павловых. Он был комиссаром в Коканде и опасным человеком. Он часто приходил с визитами домой к Павловым, и я решил, что разумнее будет больше не ходить сюда. В это же время также и

домовладелец Семенова заприметил меня и стал подозревать, что я по какой-то причине сторонюсь людей. Он попросил Семенова не принимать больше меня у себя дома, так как он подумал, что это было подозрительно. В домах на этой улице часто проводились обыски, и он думал, что власти что-то подозревают. Таким образом, у меня оставалось только два дома, где я мог оставаться на ночь, у Мандича и у Александрова. Но это было крайне неудобно, так как ночевка каждые вторые сутки в одном и том же доме плохо согласовывалось с оправданиями типа я-припозднился-из-за-еще-одной-чашки-чая или я-засиделся-и-забыл-о-времени.

У Мандича я иногда встречал людей из службы контрразведки. Это было не приятно, но зато это могло помочь упрочить мнение обо мне как об австрийском военнопленном друге Мандича, что могло быть полезным, если я действительно пошел бы к ним на службу. Однажды на улице я повстречался с человеком по фамилии Иванов, не с полковником Ивановым, который должен был быть моим курьером, а с довольно известным сотрудником контрразведки. Я заметно нервничал, встретившись с этим человеком.

Он был неприятным и подозрительным типом. Пройдя несколько ярдов, я оглянулся, и увидел, что он тоже оглянулся посмотреть на меня. Я направлялся повидать Матвеевых. На следующий день Мандич сказал мне, что Иванов проследил за мной и сообщил, что я зашел в дом, но не к Матвеевым, а в следующий за ним. Это был дом человека, находящегося в бегах и также усиленно разыскиваемого полицией. Все это было печально. Это показывало, что, несмотря на мою дружбу с Мандичем, считавшимся одним из самых надежных сотрудников контрразведки, люди из его службы не уверены во мне. А еще эти подозрения и возросли, к сожалению, незаслуженно, из-за того, что Иванов ошибся с домом, в который я входил. Я, однако, был рад уже и тому, что не был написан рапорт о том, что я входил в дом к Матвеевым.

За день до этого в ташкентских газетах было объявлено о перемирии, которым закончилась афганская война, «Коммунист» объявил об очередной афганской победе. Из сообщения этой газеты следовало, что «пятнадцать тысяч сипаев, взятых в плен, все как один выразили горячее желание бороться против англичан». Это совершенно не согласовалось с сообщением о заключении перемирия и об эвакуации из Афганистана британских солдат, и особенно с только что опубликованной новостью об оккупации Индии афганскими солдатами. Вопреки потоку фальшивых, но как бы реалистичных сообщений,

вбрасываемых в целях пропаганды, я никогда, конечно, не терял веры в здравый смысл и говорил всем своим друзьям, порой в жарких дискуссиях, что большевистская и афганские версии происходящих событий просто невозможны.

Корреспондент «Коммуниста», бравший интервью у афганского генерального консула, попросил его как-то привести в соответствие все эти противоречивые факты. Генеральный консул ответил на это, что у него не было новостей в последнее время, но последние были о том, что «перемирие позволит выиграть время, необходимое для сбора урожая и пополнения и перегруппировки нашей армии и укрепления ее положения на вражеской территории, занятой нами. Англичане предложили платить пять миллионов фунтов стерлингов в год, и афганцы послали в Индию дипломатического представителя с предложением мира на этих условиях и, конечно, на условиях предоставления полной свободы Индии, Белуджистану, Персии и Афганистану и возвращения всех территорий, отнятых у Афганистана в предыдущих войнах. Посланник не собирается идти ни на какие уступки сверх обозначенных условий, и если эти условия не будут немедленно приняты, он немедленно вернется назад». Генеральный консул заявил от имени своего правительства, что даже если англичане согласятся на эти условия, которые во многом противоречивы, «и мир будет достигнут, афганское правительство осознает, что мир не будет долгим, потому что при первой возможности англичане попытаются вернуть потерянное.

Единственной гарантией против алчного аппетита англичан является дружба с Советской Россией».

Однажды поздно вечером я возвращался «домой» к Александровым, когда увидел толпу человек около ста мужчин и женщин, оцепленную вооруженными милиционерами. Я постарался обойти их и увидел другую небольшую группу людей, конвоируемую милицией. Позже я узнал, что по всему городу в этот вечер останавливали людей и просили показать удостоверения с указанием их места работы. Тех, у кого не было с собой удостоверений, задерживали до тех пор, пока такое удостоверение не предъявлялось. Те же, кто вообще нигде не служил и не работал, рассматривались как буржуи и ссылались в Перовск,[68] место в двухстах километрах восточнее Аральского моря, где они должны были заниматься разного рода принудительным трудом. Кроме того, что у меня не было такого удостоверения служащего, мои бумаги не прошли бы тщательной проверки, и мне просто очень повезло, что я не был схвачен во время этой облавы. Но очень скоро я достал себе нужное удостоверение. В этот же день в общественном парке были

арестованы все люди, не являвшиеся членами профсоюза. Над входом в этот парк висел огромный красный плакат — «Рабочий клуб», и власти посчитали, что не все люди должны им пользоваться, так как в этом парке находился кинотеатр и театр, где проходили неплохие концерты.

Несколько сообщений в «английской правительственной газете» — «Таймс» — вызвало недовольство в местной прессе. Сообщалось, что Уинстон Черчилль произнес речь, в которой заявил, что к сентябрю четырнадцать государств объединятся против большевиков. Местные газеты во всю потешались. Эти четырнадцать даже не способны работать вместе, да и в любом случае, достаточно выпустить нескольких воззваний, обращенных к армии, чтобы заставить ее отказаться от борьбы против рабочих братьев и, возможно, даже убедят их убить своих офицеров и присоединиться к большевикам. «Таймс» также утверждала, что Петроград не может быть взят до весны. Ответ был таким «Международный империализм не увидит майские розы будущей весной».

В сентябре в Ташкенте появилось две тысячи пятьсот солдат из Сибири. Как говорили, они дезертировали из Армии Колчака, убили своих офицеров, перейдя на сторону большевиков. Многие из них были одеты в британскую военную форму с гербами Королевской армии на пуговицах и подпоясаны английскими ремнями. Некоторые были в китайской одежде. При первом впечатлении эта форма напоминала мне о доме, однако при внимательном рассмотрении обнаруживалась заметная разница между носящими ее, и по большей части в пользу наших солдат. Я был раздосадован видом этих недисциплинированных и не похожих на воинов бездельников в нашей форме на улицах города. Внешность этих людей не красило форменное обмундирование, выданное им без какого-либо мало-мальского учета размеров одежды и размеров их владельцев. Газеты были полны шуток по поводу Томми из Томска и тому подобных острот. Было досадно осознавать, что мы подарили оборванцам из Красной армии это отличное обмундирование.

Под звуки очень красивого похоронного марша, мелодия которого была одно время популярным на Западе танго, в большой братской могиле в Парке Федерации (бывшем Александровском парке) хоронили видных большевиков. Я присутствовал здесь в толпе на демонстрации 14 сентября. Я подумал, что очень легко было произносить большевистские речи. Вы бормочете что-то невнятное, что слышно только рядом стоящим, а потом орете во все горло «Да здравствует Красный Туркестан!» Вслед за этим оркестр играет несколько тактов

«Интернационала», и все хлопают в ладоши. Затем вы повторяете ту же речь и кричите «Долой буржуазию!» или «Долой международный капитал» или «Долой мировых грабителей» или еще нечто подобное, пришедшее вам в голову. Затем обычно оркестр подыгрывал какому-нибудь революционному хору. Из речи, которая впоследствии была опубликована в газетах, я понял для себя следующее. Подобная речь являлась образцом лживой пропаганды, которой кормили общественность, и в которую, в результате многократного повторения, и отсутствия образования среди слушателей, в конце концов, начинали верить «Рабочие, крестьяне и солдаты Красной армии! Вспомните о правилах проведения выборов в самых свободных странах, таких как Франция, Америка и Англия. Выборы там проводятся в рабочие дни, и рабочим запрещают оставлять свою работу, так им препятствуют использовать свое право голоса».

На этом митинге милиционер, следивший за порядком, поймал мой взгляд и направился прямо ко мне. Моей первой мыслью было, что это был выслеживавший меня человек, узнавший меня. Однако он подошел, расплылся в доброжелательной улыбке и сказал «Здравствуй, товарищ!» Тогда я узнал в нем одного из своих друзей, с которыми провел ночь в киргизском поселке пару месяцев тому назад. У нас состоялась долгая дружеская беседа, в то время как народ, кажется, не сильно страдал от недостатка внимания со стороны представителя советской власти. Впоследствии я встречал его и его товарища несколько раз на улицах, но всегда старался избегать встречи с ними, хотя это были отличные и дружелюбные ребята, встрече с которыми можно было бы только радоваться при иных обстоятельствах.

Однажды Манднч и я пошли в Афганское консульство в Ташкенте. Я подумал, что, может быть, было бы интересно поговорить там с кем-нибудь, если бы это можно было устроить.

Когда мы подходили к консульству, я предложил сфотографировать его, но Мандич меня поспешно остановил. Среди людей, сидящих на скамейке у ворот, был один из наиболее опасных и квалифицированных агентов ЧК. Мы отошли, обсуждая, можно ли еще что-то предпринять, когда какой-то человек подошел к нам и приветствовал Мандича словом «Товарищ», единственным словом, которое он знал по-русски, затем он повернулся ко мне и спросил по-персидски «Вы говорите по-персидски?» Я притворился, что не понимаю. Затем к нам из консульства вышел другой человек и обратился к нам по-русски. Оказывается, Мандич был в июне в Бухаре с целью получения информации для контрразведывательной службы.

Когда он возвращался, он ехал в поезде с тем самым человеком, первым его поприветствовавшим у дверей консульства, который думал, что Мандич «комиссар Самарканда». Мандич поверил его словам, что он афганец, но он на самом деле был индийским революционером из Пешавара по имени Мухаммад Миан по прозвищу Моулви Хамал.

Вместе со своим русскоговорящим коллегой он пригласил нас в консульство, и мы, миновав несколько афганских солдат, вошли во внутреннюю комнату, где на кровати лежал болезненного вида старик, которому мы и были представлены. Я полагаю, это был Мохманд с Пешаварской границы, однако мне трудно в данном случае утверждать это наверняка, когда у всех людей здесь было по нескольку псевдонимов и много причин временами скрывать свое настоящее имя.

Наш русскоговорящий провожатый вышел из комнаты, и с нами разговаривали другие люди.

Я понимал все, о чем они говорили, но они, конечно, не догадывались об этом. Индийский революционер — знакомый Мандича по совместному железнодорожному путешествию, сказал, что он (Мандич) комиссар из Новой Бухары или Самарканда и что он никогда не видел меня до этого и ничего обо мне не знает. Тогда они попросили слугу позвать переводчика. Пришел моложавый афганец, который спросил нас обоих на английском, говорим ли мы по-английски.

Я ответил, что Мандич не говорит, а я понимаю немного, но почти не говорю. Затем мы сели все пить чай, и к нам присоединился старик, которого нам представили как «главного муллу всего Афганистана», в то время как индиец из Пешавара, встретивший нас на улице, был «главный мулла всей Индии».

Компания участвовавших в чаепитии состояла из четырех человек, за исключением Мандича и меня. Старый Мохманд на кровати, два мнимых главных муллы Индии и Афганистана и англоговорящий переводчик. Мы провели около часа, беседуя с ними. Я выступал в качестве переводчика, представляя Мандича в качестве важной персоны. Я говорил очень немного по-английски, стараясь говорить медленно и плохо, а затем переводил услышанное на немецкий для Мандича. Я никогда раньше этого не делал и нашел, что это весьма непростое дело. В гораздо большей степени трудное, чем это может показаться. Переводчик говорил с индийцами на хиндустани, а с афганцем по-персидски. Я понимал все, что они говорили, и это в дальнейшем усложнило для меня ситуацию. Я иногда ловил себя на том, что ссылался на что-то, что мне не было сказано по-английски. Естественно, беседа свелась к оскорблению моей родной страны, и спустя

какое-то время переводчик ушел за тем, чтобы принести «Английскую официальную книгу», в которой они могли бы показать мне официальные оскорбления в адрес Афганистана. Я был сильно удивлен, когда он вернулся. Оказалось, что этой «книгой» был «Альманах Уитакера»[69] за 1919 год, где утверждалось, что Афганистан был буферным государством, чьи внешние связи контролировались Великобританией. «Какие свободолюбивые нации потерпят такое оскорбление как это?» — вопрошали они.

Чтобы укрепить моих собеседников в мнении, что я совсем плохо знаю английский, я притворился, что не понимаю смысла выражения «буферное государство», и сказал Мандичу, что я не совсем понял, что это значит. Мандич сразу воскликнул по-немецки «Аа, буферное государство, буферное государство». Эти слова настолько почти идентично звучали по-английски и по-немецки, что у меня, конечно, не было никаких оправданий моей неспособности сразу правильно их перевести. Будь наши собеседники чуть более внимательными, они могли бы обратить внимание на этот мой ляп и поймать меня на этом.

Афганцы выиграли войну, и мир был заключен на афганских условиях, то есть полная свобода Афганистана и большие уступки для индийцев.

Афганцы намеревались некоторое время, почив на лаврах, усилиться, и затем продолжить войну с британцами в Индии и вытеснить их оттуда. Пешавар на самом деле никогда не был взят, как это утверждалось в русских газетах, но был плотно осажден вплоть до перемирия. Провинция Вазиристан была захвачена.

Бухарцы, будучи людьми темными и забитыми, оставались нейтральным во время войны, но после своей победы Афганистан стал становиться центром притяжения для всех мусульманских стран. Все мусульмане стали рассматривать короля Аманаллу как своего лидера, и Бухара теперь склонялась к союзу с ним.

В какой-то момент пожилой джентльмен на кровати проявил интерес ко мне и спросил переводчика «Кто он?» Они все повернулись к индийцу и спросили его обо мне. Он сказал «Я никогда прежде его не видел. Он шел по улице с комиссаром». Тогда переводчик спросил меня, кто я. Я ответил «Австриец». Старик понял, что значит это слово, и, с чувством уважения пожимая мне руку, произнес «Мы вместе истекали кровью на полях сражений с тиранией!»

Переводчик сказал мне, что он однажды путешествовал по Памиру со Свеном Гедином.[70] Также переводчик сказал, что английский язык он выучил в Кабульском университете.[71] «Учат

ли там немецкому»? — спросил я. «Нет, сейчас не учат, но собираются».

«Это хорошо», — ответил я.

«Да», — сказал он «Немцы и австрийцы — настоящие друзья ислама и проливали свою кровь в одной битве с мусульманами против врагов.

Индиец сказал мне, что не может вернуться в свою собственную страну, так как британцы убьют его, и он хочет жить в другом месте, пока Индия не станет свободной.

Мы расстались друзьями, и они пригласили нас приходить еще. Мне было интересно получить общее представление об абсурдной пропаганде распространяемой ими, но существовала одна опасная особенность этого отвратительного оружия — пропаганды, то, что подобный абсурд воспринимается как правда некоторыми, особенно малообразованными людьми.

20 сентября Эдвардс с женой уехали из Ташкента, сделав попытку выбраться из страны. Я передал им нужные деньги, но сам я с ними не виделся, так как убедил их в том, что давно сам уехал. Их фальшивые паспорта были на разные фамилии, поэтому они поженились снова по советским законам и получили новые подлинные паспорта. Они уехали сначала в Семиречье и, в конечном итоге, попали в город Верный.[72] Из этого города они намеревались отправиться дальше — на юго-восток в Китай или на северо-восток в Сибирь. Было обговорено, что, если они телеграфируют друзьям в Ташкент «Ольге плохо», то они собираются ехать в Сибирь, а если они сообщат «Ольге хорошо», то значит, собираются ехать в Китай. Пришла обговоренная телеграмма «Ольге плохо». Больше никаких новостей от них не поступило, и все предпринятые впоследствии усилия узнать, как они погибли, оказались неудачными. Они были храброй парой и мужественными людьми, но неосторожными и неосмотрительными. Я всегда считал, что, если бы они сдались властям, с ними ничего страшного не случилось бы, но в вопросах, касающихся жизни и смерти, каждый человек сам решает, как ему поступать. Мистер Смайле — другой учитель английского языка в Ташкенте никогда не пытался прятаться и время от времени оказывался в тюрьме, он иногда проводил там по нескольку дней. Я иногда встречал его на улице, но он никогда не узнавал меня. Когда я начал готовиться к тому, чтобы покинуть Ташкент, я его как-то случайно встретил на улице. Я остановился и стал говорить с ним по-русски. Он с удивлением спросил «Вы меня знаете?» Затем я заговорил с ним по-английски, чем немало его удивил, поскольку он совершенно не узнал меня. Я сказал, что уезжаю из страны, и спросил, все ли у

него хорошо, и не требуется ли ему какая-нибудь помощь. Он сказал, что ему удалось избежать всех осложнений, и он продолжает преподавать, и что его услуги востребованы советской школой. Я думаю, что он умер в Ташкенте спокойно несколько лет спустя.

В сентябре произошли некоторые потрясения в правительственных кругах. Кобозев[73] был одним из людей, присланных из Москвы для поддержания Туркестанским правительством линии поведения, больше соответствующей политике центра. Он был председателем Крайкома. Несколько молодых с политической точки зрения мусульман присоединились к нему, не столько потому, что они одобряли программу российских большевиков в отношении Туркестана, сколько потому, что не было никакой другой партии, программа которой хоть каким-то образом отвечала бы их идеям о независимости для мусульманского большинства, составлявшего девяносто пять процентов населения края.

Казаков,[74] президент республики,[75] однако, знал Туркестан достаточно хорошо, чтобы понимать, что, будь эти требования Москвы относительно Туркестана выполнены, Туркестан выйдет из Федерации Советских Республик и станет в той или иной степени независимым и в первую очередь от линии, проводимой большевиками. Уже немногие мусульмане, посещавшие партийные собрания, были объявлены, согласно опубликованным в газетах «жалобам», бывшими торговцами, которые привели других таких же людей, относящихся с полным пренебрежением к партийной программе. Не надо забывать, что бывшие торговцы были спекулянтами, и как таковые должны были быть ликвидированными как можно скорее.

Кобозев обвинял Казакова в игнорировании распоряжений Москвы, особенно в пренебрежении поддержки правильной пропорции представителей мусульман. Другое обвинение состояло в том, что Казаков не помог афганцам в их войне с англичанами и что его поведение в этом вопросе было крайне неэффективным.

Ташкентские политики вошли в такой азарт, что великий Кобозев из «центра» решил, что желательно исчезнуть, а Казаков внимательно следил за всеми дорогами, чтобы попытаться его поймать. В то же самое время Казаков развернул продолжительную компанию в прессе в свою защиту, в которой он разъяснял, что боялся дать оружие афганцам, поскольку он не был уверен, что это оружие не будет использовано непосредственно против большевиков.

Это подозрение в надежности и лояльности афганцев, как и

следовало ожидать, расстроило их, и в газете появилось злое письмо, подписанное «Афганец», но многие люди думали, что автором письма был сам Кобозев.

«Когда англичане давали сотни винтовок Колчаку и Деникину для борьбы против Советов, разве не могли они с той же целью дать оружие Афганистану? Да, конечно, английское оружие и золото предлагалось британским империализмом, но было отвергнуто, и рука дружбы была протянута рабочими и крестьянами Советской России».

Казакову удалось выкрутиться из этого сложного положения, разрешив эту дилемму. Он ответил, что в газетах исказили его высказывания. Но, он сказал, что такая реальная опасность действительно все же была. Когда Бравин направлялся в Афганистан, он вез с собой оружие для афганского правительства. Он подвергся нападению в пути, и это оружие так и не достигло места своего назначения и было захвачено врагами Советов. Англичане нанимали банды грабителей, чтобы воспрепятствовать тому, чтобы это оружие достигло Афганистана.

В конце концов Казаков был арестован, и из Москвы пришел приказ о том, что он лишается всех полномочий и отдается под суд за то, что он создал лишние проблемы! Все эти вопросы были вынесены на публичное обсуждение в местной прессе, каждая партийная группировка, контролировавшая газету, высказывала свою точку зрения.

Глава XVIII
В Каган

С помощью Мандича я готовился поступить на службу в контрразведывательную службу большевиков. Это было отделение координации и планирования, и по-русски называлось Военный контроль. Это было отделением ЧК, но самостоятельным. В его обязанность входило иметь дело с иностранными агентами и шпионами в Туркестане, и собирать информацию из Персии, Афганистана, Бухары и Китая. Оно не имело никакого отношения к контрреволюционерам, укрывателям, спекулянтам, саботажникам и «хулиганам» и другим подобным врагам пролетариата. Этих злодеев оставили в распоряжение ЧК.

Я изображал из себя австрийского военнопленного румына по национальности. Это было опасно, поскольку я не знал ни одного слова по-румынски. Это не имело большого значения в обычной жизни, как можно было бы это себе представить. Я воспринимался как «австриец», и русские редко спрашивали, был ли я немцем, румыном, венгром, чехом, поляком, итальянцем или кем-то еще из дюжины возможных национальностей. В то же время всегда был риск, что я могу столкнуться с румынскими военнопленными, и кто-то при этом мог бы упомянуть, что я тоже румын. Опасаясь этого, я избегал сталкиваться с военнопленными, и, в общем, удача мне никогда не изменяла.

Начальником отдела контрразведки был человек, которого звали Дунков. Он был самым опасным типом. Образованный и сравнительно богатый человек перед революцией, он бросил все ради того, во что он верил, чтобы строить лучшую жизнь, что воспитало в нем фанатизм, заставляющий его выискивать людей, подозреваемых в противоположных взглядах, и казнить их! Он никого не принимал на службу в контрразведку без личного собеседования. Осуществление нашего плана казалось очень трудным делом, но риск был оправдан, и, если бы план удался, то я бы оказался в неприступной позиции члена большевистской военной секретной службы.

Мы долго ломали голову над тем, как преодолеть эти трудности. И Мандич предложил такое решение — пусть я буду албанцем! Возможно, я не был похож на албанца и, конечно, не знал ни одного слова на этом языке, но, насколько мы знали, никто в Ташкенте кроме Мандича даже в глаза не видел ни одного албанца и тем более не говорил с ним! Невозможно было

продумать ситуацию до мелочей и понять, какие вопросы мне могли бы задать на собеседовании, но в любом случае мне было полезно иметь родной язык, на котором никто в Ташкенте не мог говорить, чтобы меня проверить. У меня должна была быть придуманная история, легенда для объяснения того, как я попал в Ташкент. И вот что мы придумали:

В начале войны большое количество сербов дезертировало из австрийской армии к русским — я выше описал, как это сделал сам Мандич. Из этих дезертиров был сформирован «Сербский добровольческий корпус», который воевал в составе русской армии. Некоторых офицеров и сержантов прислали из сербской армии в Россию, чтобы помочь организовать это воинское формирование. Моя легенда состояла в том, что я был албанским солдатом-контрактником в сербской армии, по имени Джозеф Кастамуни. Будучи ребенком, я провел некоторое время в Америке и знал немного английский язык. В конце 1915 года меня послали из сербской армии в Россию для помощи в организации сербского Добровольческого корпуса. У Мандича была подлинная печать 5-го полка Сербского добровольческого корпуса. У него также было несколько незаполненных бланков, которые подписал полковник, когда этот корпус был разбит. С их помощью мы изготовили паспорт по образцу, который у нас был. Следует помнить, что я ожидал достаточно подробных вопросов при личной беседе с Дунковым, начальником отдела Военного контроля. У Андреева хранился мой большой фотоаппарат № 4А Кодак. С его помощью мы сделали ряд моих фотографий в австрийской и сербской военной форме. Они могли потребоваться для паспорта. В Ташкенте нигде не было никакого сербского военного обмундирования, но на нашем образце паспорта мы увидели, что сербская форма могла быть достаточно хорошо сымитирована на фотографии, если подрезать лямки от австрийской военной формы и повернуть кепи наоборот, так как на фотографии в нашем образце паспорта сербская фуражка была не остроконечной.

В нашем образце на фотографии впереди на кепи был какой-то значок. Его мы подделали, приклеив кусочек белой бумаги, поверх которого наклеили кусочек коричневой. В тот момент у нас не оказалось никакого клея, тогда для склеивания бумаг при конструировании кокарды, нужной для фотографии, мы использовали единственное клейкое вещество, оказавшееся под рукой — капельку абрикосового варенья! Эти фотографии были сделаны и напечатаны Андреевым, одна из них была обрезана по размеру фотографии, имевшейся в нашем образце паспорта, и наклеена на бумагу, на которой, как я уже рассказывал, имелась

подпись полковника. С помощью имевшегося драгоценного подлинного штемпеля мы нанесли частичный рельефный оттиск на фотографию, как это делается на британских паспортах. Я был не единственным человеком, покинувшим Россию под видом одного из этих сербских солдат. Я полагаю, что Керенский проделал ту же самую вещь. Нашей следующий задачей было изобретение истории моих похождений, начиная от момента, когда я покинул 5-й полк и кончая моментом моего прибытия в Туркестан. Ее надо было подкрепить отметками и печатями, сделанными в моем паспорте.

Эта история была такой. Мне был предоставлен бессрочный отпуск по болезни 14 февраля 1918 года в Одессе. Затем я отправился в Вятку, где пару месяцев работал. Оттуда я направился в Архангельск, откуда британский флот эвакуировал Сербский добровольческий корпус. Здесь мне пришлось в качестве вольнонаемного специалиста служить в железнодорожном полку. 1 августа 1918 года мне предоставили двухмесячный отпуск по болезни, а 4 ноября вследствие слабого здоровья я был уволен в отставку, как негодный к службе, и получил разрешение проживать где угодно в России. Затем я путешествовал в поисках работы и получил отметки в паспорте в Сибири — в Чите 4 апреля и в Омске 23 апреля 1919 года. Затем я поехал через Семипалатинск в Семиречье — область Туркестана, граничащую с Сибирью. Все эти отметки были подписаны воображаемыми подписями. В одном месте стояла скопированная подлинная подпись полковника 5-го полка, который подписал чистый лист, имевшийся у Мандича. Мы довольно свободно использовали только нашу единственную подлинную печать, все же остальные, поскольку они были поддельными, ставили небрежно, так, чтобы их трудно было прочитать. Я показал этот документ Семенову, служившему в царской полиции. Он сказал, что его этот документ не обманет ни на секунду, но для случайного взгляда советского милиционера или мелкого советского работника он вполне сгодится. По сути, после решения своей задачи этот паспорт никогда больше никому не показывался. Возможно, мне здорово повезло. Подлинные документы, полученные мною в качестве сотрудника контрразведки, это было все, что мне было нужно. Как случайно нам удалось избежать детального собеседования у страшного Дункова, я расскажу дальше.

Особой причиной вербовки меня в секретную службу было следующее правительство было встревожено постоянными слухами о том, что британские офицеры в Бухаре подготавливают и инструктируют бухарскую армию. Рассказываемые детали были

очень обстоятельными. Британские офицеры якобы тайно расквартированы в казармах, и чрезвычайно плотный кордон часовых, охраняющих их, препятствует доступу туда кому бы то ни было. Офицеры никогда не выходят из этих помещений и нигде не показываются. Было послано уже немало тайных агентов, чтобы разузнать подробности всего этого. Но ни один из них не вернулся. Работа секретной службы в Бухаре также была поставлена хорошо, и нам рассказали, что пятнадцать таких агентов были пойманы и задушены! У Дункова были большие трудности в поиске шестнадцатого. Мандич сказал ему, что его друг Кастамуни рискнет попробовать. Дунков попросил Мандича привести меня к нему в контору для собеседования.

Город Бухара лежал в десяти милях от главной Транскаспийской железной дороги. Железнодорожная станция называлась Каган. Русская территория в Бухаре состояла из полосы шириной несколько ярдов по обе стороны от железнодорожной линии и небольшой территории вокруг станций. Из-за чрезвычайно интенсивных транспортных потоков в Бухару и из нее эта станция имела гораздо большее значение, чем другие, и здесь был небольшой русский город. План большевистской контрразведки заключался в том, что в то время как я в роли опасной обязанности шестнадцатого шпиона буду пытаться попасть в Бухару, Мандич должен будет оставаться в Кагане, чтобы помогать и поддерживать меня и получать мои отчеты. Мы же, фактически, намеревались, попав в Бухару, не иметь далее ничего общего с большевиками, а попытаться найти возможность попасть в Персию или, возможно, в Афганистан.

Вот как мы собирались устроить наши дела в Бухаре. Семенов был другом Мир Баба — бухарского консула в Ташкенте. Он сказал Мир Бабе, что его австрийский друг, которого зовут Кастамуни, хочет поехать в Бухару, чтобы купить кое-какие вещи, которые нельзя было достать в Ташкенте и которые он собирается продать с некоторой прибылью. Мир Баба сначала отказался делать что-либо, но в конце, из дружеских чувств к Семенову и под его гарантии, что Кастамуни не был большевиком, он дал мне рекомендательное письмо. Мои большевистские начальники об этом ничего не знали.

Мандич сказал мне, что собеседование у Дункова будет трудным и опасным. Я должен буду пройти через длинную комнату, в которой за своими столами работали все самые профессионально успешные советские контрразведчики. Некоторые из этих людей в течение многих месяцев интенсивно занимались поиском меня. Затем я должен буду пройти трудную и обстоятельную беседу с Дунковым, который мог оказаться очень

подозрительным. Я сказал ему, что это все выглядит не очень хорошо. Моя легенда не выдержит такого пристального внимания. Поэтому мы разработали другой достаточно топорный план, но который, как мы рассчитывали, будет все же немного получше. Мандич с моей помощью достал немного хорошего немецкого вина. Он пригласил Дункова к себе в гости распить его. Я, как предполагалось, давал где-то в городе уроки английского языка. Ожидалось, что я присоединюсь к этой компании в пять пополудни после урока. Но на самом деле, я должен буду перепутать время и присоединиться к ним в шесть, рассчитывая, что к тому времени вино смягчит Дункова и сделает его более дружественным и менее подозрительным.

Подготовка к осуществлению этого плана шла успешно. Мандич собирался жениться на одной очаровательной польской даме, с которой он познакомился в Ташкенте. Они были католиками, и через несколько дней было решено устроить бракосочетание. Мы все трое вскоре после этого собирались отправиться в дорогу настолько быстро, насколько это было возможно.

За день до моего предполагаемого собеседования с Дунковым, я шел по улице с Мандичем. В нескольких ярдах впереди нас шло трое мужчин. Мандич сказал мне, что в центре идет сам Дунков. Я сказал Мандичу, что мне не нравится сложный план, который мы придумали для интервью. Мне казалось, что что-нибудь могло легко пойти не так, как надо. Вино могло не дать того эффекта, на который мы рассчитывали; Дунков мог привести кого-нибудь еще; он мог предложить прийти для беседы к нему на службу и т. д. И тут я подумал, что здесь на улице Дунков был совершенно без своей охраны, и если бы мы смогли провести и закончить нашу беседу с ним прямо здесь, то нам, возможно, удалось бы избежать дальнейших личных контактов, а Дунков при этом соблюл бы свой непреложный принцип непосредственного личного интервью со всеми своими агентами. Поэтому я сказал Мандичу, что мы ускоряем нашу встречу, и он должен представить меня ему прямо сейчас. Мы так и сделали.

Первое, что сделал Дунков когда мы подошли к нему, — он обратил внимание на обувь Мандича! В Ташкенте тогда было почти невозможно достать ботинки, и я отдал Мандичу пару, которую мисс Хьюстон так благоразумно спасла из моего дома после моего исчезновения. Они хранились спрятанными у одного из моих друзей на случай, если они понадобятся. «Где Вы раздобыли эти роскошные ботинки? Такие вещи, как мне кажется, трудно увидеть в наши дни в Ташкенте». Мы все рассмеялись, и,

казалось, что Дунков был в хорошем настроении. Мандич, всегда умевший найти удачный ответ, сказал, что они ему достались от австрийского военнопленного, умершего в прошлом году, и что он держал их про запас.

Затем Дунков и я пошли вперед, в то время как Мандич пошел позади с двумя другими мужчинами. Дунков сказал мне «Мы очень озабочены скорейшим получением определенных сведений о делах в Бухаре. Вы должны немедленно поехать туда и увидеть, насколько правдива эта история о британских офицерах там. Получаемая нами информация столь обстоятельна, что мы уверены, там что-то есть. Время не терпит, и вы должны немедленно приступать к делу. В сущности, есть поезд, идущий завтра, я велю немедленно подготовить ваши документы, чтобы вы могли их завтра же получить».

Это поставило меня в трудное положение. Я не мог ехать без Мандича. Опора на его жизненный опыт была важна и во время поездки и для того, чтобы иметь дело с властями в Кагане, которых он хорошо знал еще со времени, когда он сам находился в Бухаре в качестве тайного агента. Сегодня было воскресенье. Мандич женился в среду. Таким образом, я мог ехать, возможно самое раннее, в четверг, а сейчас начальник моего отдела приказывал мне ехать в понедельник. И это не подлежало обсуждению. Я должен был любым способом отговорить его от этой неподобающей спешки и найти предлог, чтобы отказаться от поездки до четверга. Нельзя было отговориться моими приготовлениями к отъезду. У таких людей, как я, не было никакой собственности — маленький узелок вещей, вот все, чем я мог обладать, а это могло быть собрано за несколько минут.

Я не имел понятия, знал ли Дунков о предлагаемом бракосочетании Мандича. Церковные браки не одобрялись большевистскими властями, и вполне возможно, Мандич не упомянул об этом. Также нельзя было рассматривать в качестве серьезного аргумента то, что Мандич должен был ехать со мной в Каган. Я не мог сказать, что он не будет готов. Я должен был придумать что-то такое, что, безусловно, удержит Дункова от такой спешки. И я сказал:

«Товарищ, я не коммунист». Он остановился, уставился на меня, как будто я сошел с ума, и сказал «Не коммунист? Вы имеете в виду, что вы не член партии?»

Я ответил «Да, я не член партии. Я просто друг Мандича, который попросил меня в качестве большого одолжения съездить и узнать эти вещи для него в Бухаре. Я совершенно не предполагал, что я снова подпаду под военную дисциплину и могу быть в любой момент отправлен куда-то или откуда-то. Я

лучше вообще не буду ввязываться в это дело».

Я никогда не видел, чтобы человек так внезапно менял тон своего разговора. Нужно помнить, что после печальной судьбы его последних пятнадцати агентов, он испытывал большие трудности в том, чтобы вообще найти кого-то, чтобы послать его в Бухару, а теперь он рисковал потерять и меня! Он сказал:

«Неважно, поезжайте, когда захотите и присылайте информацию как можно скорее. Мне подготовят ваши документы, и на свой поезд вы сядете, когда захотите, просто сообщите им об этом в конторе. Только, пожалуйста, поезжайте как можно скорее!» С этим мы и разошлись самым дружеским образом.

Спустя день или два мы получили свои бумаги открытое разрешение на проезд, которое можно было показывать всем, кому угодно, и вторую бумагу с отметкой Секретно для того, чтобы предъявлять ее агентам ЧК и другим подобным людям. Но все-таки в самый последний момент возникла другая загвоздка.

У Мандича был сербский друг, которого звали Балчиш, он служил у большевиков и был начальником отдела контрразведки в Ашхабаде на персидской границе. Балчиш часто обсуждал с Мандичем проблему побега из страны и возвращения в Сербию. Мандич поставил мне условие, что, если он поможет мне уехать из Туркестана, я подумаю, как помочь ему и его жене вернуться в Сербию. Теперь он хотел добавить к этой компании и Балчиша. Я сказал ему, что, если бы Балчиш мог бы присоединиться к нам в Бухаре, я согласился бы взять и его.

Когда мы делали наши последние приготовления к отъезду из Ташкента, власти получили телеграмму из Ашхабада о том, что Балчиш со своей женой и ребенком попытался убежать в Персию. Они отправились в горы на ослах, но были пойманы и возвращены в Ашхабад. А там Балчиш, потрясая револьвером и приглашая всех «подходить», заявил, что он никогда не был коммунистом, а был анархистом! Он считался одним из самых лучших и чрезвычайно полезных сотрудников, и его не хотели терять, поэтому Мандичу приказали поехать и уладить это дело в Ашхабаде, а затем вернуться в Каган и отправить меня в Бухару.

Возможно, нам было бы легче убежать из Ашхабада, чем из Бухары — там расстояние до Мешхеда было намного меньше. Мы добрались бы спокойно в Ашхабад с нашими неприступными верительными грамотами, но я подумал, что должен увидеть положение дел в Бухаре, а в Ашхабад мы могли бы, возможно, поехать позже. Этот поступок Балчиша заставил власти с некоторым подозрением относиться ко всем сербам. Возможно, что и у других есть мысли о побеге? Что же относительно самого Мандича, то мы послали несколько телеграмм в Ашхабад, чтобы

выиграть время, и, в конце концов, приказы о его поездке в Ашхабад были отменены. Однако нам так и не удалось узнать, как закончилось дело Балчиша.

Возможно, будет не лишним, напомнить, что когда я в июле приехал на метеорологическую станцию в Юсупхане, военнопленный офицер сказал моему товарищу Петрову «И кто ваш английский друг?» Это был хорватский астроном по фамилии Драпсзинский. Я услышал, что он намеревается попытаться убежать обычным способом, то есть он хочет, чтобы его командировали на метеорологическую станцию Саракс на персидской границе, а там просто перейти границу с Персией. Я подумал, что это хорошая возможность сообщить Британской Миссии в Мешхеде о моих предполагаемых перемещениях, и я встретился с ним в условленном месте на улице и передал ему свои сообщения, которые были благополучно доставлены.

Мы всегда думали о возможных случаях, которые могли бы нас выдать и полностью разрушить наши планы. Мы услышали, что все поезда останавливают в пустыне за пределами Ташкента и обыскивают. Если бы такое случилось, мы намеревались присоединиться к поисковой группе. Тогда отпадали бы любые вопросы относительно нас, а мы бы получали дополнительные признаки того, что мы являемся настоящими большевистскими агентами, на случай, если бы что-то пошло не так, как надо, по дороге или в Кагане. Но предположим, что Драпсзинский был бы на нашем поезде, перевозя мои сообщения, и внезапно увидел бы меня в составе поисковой группы ЧК. Его первой мыслью будет, что я действительно большевистский агент, подбросивший ему письма! Не может ли такое стечение обстоятельств привести к какой-нибудь нежелательной сцене и выдать нас? Этот кошмар, к счастью, не случился, но это рассуждение показывает состояние наших умов в то время и говорит о том, что мы всегда думали о такого рода возможностях и готовились к ним.

Я попрощался со всеми своими добрыми друзьями в Ташкенте с мисс Хьюстон, так смело помогавшей мне разными способами; с Ноевым, двое детей которого находятся теперь в Англии, натурализовались и оба преуспевают; с Андреевым, у которого теперь ферма во Франции; с Петровым, работавшим в течение нескольких лет в Индии и находящимся теперь в Чили; с Павловыми, Семеновым, с Александровым, мадам Даниловой и всеми теми, кто оставался в Ташкенте.

Годом позже я получил письмо от отца Мерца — чешского военнопленного офицера, который помог мне. В письме он писал, что его сын находился в заключении на барже на Неве. В конце концов его освободили или он сбежал и вернулся в свою

собственную страну.

Я сшил костюм из плотной, грубой, но ноской шерстяной ткани бесцветного вида, любимого комиссарами, такой, какой носили советские начальники, и стал носить на фуражке красную звезду с серпом и молотом — символом Красной армии.

Мы должны были сесть на поезд вечером 13 октября, но отправление поезда было отложено на день. Поезда ходили очень нерегулярно. Не было никаких железнодорожных билетов, но путешественники получали мандаты, и, как предполагалось, путешествовали по какого-то рода правительственному заданию или по специальному разрешению с какой-то полезной для страны целью. Около восьми часов вечера 14 октября Мандич, его невеста и я пришли на станцию и устроились в углу товарного вагона. Никаких пассажирских вагонов не было.

Я смог вывезти из Ташкента очень немногое, но смог захватить с собой некоторые бумаги и маленькую коробочку из-под папирос, с бабочками и семенами, собранными мною в горах, и маленькую фотокамеру.

На вокзале был беспорядок и огромная толпа, через которую мы с трудом протиснулись. Мандич, однако, умело дружески разговорился с солдатом, стоявшим в охране на входе, и сказал ему, что он старый коммунист и показал ему свой партбилет. Солдат с радостью согласился помочь, и отказался от предложенных ему ста рублей, сказав, что он не может взять деньги у такого настоящего коммуниста. «Вот если бы вы были буржуи, это было бы другое дело».

Нам сказали, что поезд тронется в десять — затем в двенадцать — затем в два. На самом деле он отправился в семь пятнадцать утра пятнадцатого октября. Наш вагон был полон, и у нас троих было лишь место, чтобы сидеть на полу. Многие путешествовали еще с большим дискомфортом и даже с некоторой опасностью на крыше. В четыре пятнадцать мы прибыли в Черняево, где Оренбургско-ташкентская линия соединяется с Транскаспийской железной дорогой — 142 версты или 90 миль за девять часов и десять минут. Здесь нам пришлось покинуть наш вагон, поскольку у него перегрелась ось. Железнодорожные служащие сказали, что через несколько дней будет другой поезд, и нам надо будет дождаться его! Это было смехотворное предложение, поскольку все поезда из Ташкента, как и наш собственный, приходили переполненными с людьми, сидящими на крышах вагонов. Мы прекрасно знали, что нет и не будет никакого места для нас в любом другом поезде. Мы должны были ехать в этом. На станции было отделение ЧК, и мы направились туда, я остался снаружи, а Мандич вошел и показал

им наши документы, включая «секретный» документ, подписанный Дунковым, который подтверждал, что мы являемся сотрудниками отдела Военного контроля Генерального штаба. Мы не знали, кто еще собирался отправиться в дорогу на этом поезде, но мы были, конечно, самыми значимыми пассажирами. Это было осознано, и был послан сотрудник ЧК, чтобы проводить нас в поезд и освободить место в вагоне для нас. Я сказал ему, что мы не просто должны попасть в поезд, но и что люди из контрразведки Бухары разыскивают нас и мы должны быть очень осторожными в отношении соседей, едущих с нами в вагоне.

Мы втроем расположились в вагоне, и сотрудник ЧК указал на различных людей и спрашивал, не возражаем ли мы против их присутствия с нами в вагоне. Таким образом, мы смогли подобрать себе попутчиков. Мы получили в попутчики каких-то учителей и актеров. Одна из этих учительниц оказалась женщиной самого неприятного типа политического агитатора. Большую часть времени она говорила о чудовищности буржуев и о своем пренебрежительновызывающем отношении к любому из них в случаях вынужденного общения, добавляя, что каждая шпала железной дороги была положена на крови рабочих!

Около Черняево было много разрушенных кишлаков, это были последствия «Джизакских событий», о которых упоминалось выше.

В одном месте железная дорога проходила через скалистое ущелье, где в четырнадцатом столетии преемник Тамерлана[76] Улуг Бек[77] велел вырезать на скале надпись в память о своем проходе в этом месте. Когда русские при царе прокладывали здесь железную дорогу, они поставили памятник с табличкой, на которой было написано об их пребывании здесь. Большевики их убрали, и остались только следы от них, но надпись Улуг Бека они не тронули.

Мы прибыли в Самарканд перед рассветом утром 17 октября. Нам сказали, что поезд отправится в девять тридцать. Город был в шести верстах от железнодорожной станции.

Времени было немного, и поскольку поезда не ходили по расписанию, а отправлялись тогда, когда были готовы железнодорожники, всегда была некоторая опасность, что он мог отправиться до назначенного часа. Тем не менее я решил, что должен посмотреть Самарканд. Г-жа Мандич и я отправились в город. А сам Мандич, который бывал уже здесь несколько раз, остался присматривать за нашим нехитрым багажом, но вынужден был вынести его из поезда, на случай, если бы он отправился до нашего возвращения. Пройдя пешком некоторое расстояние, мы наняли дрожки (конный экипаж), и с них мы

осматривали достопримечательности.

Всемирно известный Регистан,[78] окруженный великолепными мечетями и медресе,[79] выглядел заброшенным. Среди кучи обломков синих изразцовых плиток, выковыренных охотниками за сувенирами, растяжка из стальных тросов, удерживающая от падения один из больших минаретов[80] доказывала, что советские власти не совсем пренебрегали своей обязанностью по сохранению этих уникальных красот, построенных после того, как Тамерлан сделал этот город своей столицей в четырнадцатом столетии.

Мы посетили мавзолей Биби Ханум,[81] жены Тамерлана, где я сфотографировал госпожу Мандич, стоящей за огромной резной мраморной подставкой для Корана, на которую эта священная книга клалась во время чтения ее верующим со специального возвышения.

Нам показали Шах-и-Зинда,[82] мавзолей живого царя — мусульманского святого, похороненного в очень красивом и величественном здании с куполом и минаретом. Все гробницы были украшены лазурно-голубыми изразцами, как и сама могила Тамерлана. Форма купола была не похожа ни на одну из могил Великих Моголов Индии, и, как говорят, своим видом обязана была дыне. Внутри все напоминало подобные могилы в Дели и Агре; надгробия — в том числе и самого Тамерлана, представляли собой большие темные нефритовые плиты, размером с тела погребенных, находившимися в подземной усыпальнице под ними. Для их осмотра нам пришлось спуститься в подземелье, где нашим единственным источником света была свеча.

У меня не было времени на детальное знакомство с этими памятниками, а эта книга вряд ли может служить путеводителем по этим сооружениям, датируемым началом пятнадцатого столетия.

В Самарканде я купил самый лучший и самый большой виноград, который я когда-либо видел, величиной почти с грецкие орехи. Я также купил две круглые корзины огромного изюма, который был впоследствии нашей самой большой роскошью во время поездки по пустыне. Мы вернулись на железнодорожную станцию около десяти часов, но поезд не тронулся до пяти часов дня, и, оказывается, мы могли бы неторопливо осматривать все эти замечательные достопримечательности столицы Тамерлана вместо того, чтобы так спешить во время их осмотра.

Здесь, в Самарканде, Мандич встретил несколько сербов, и они все просили его помочь им уехать отсюда. Мы ничем помочь

им не могли. В конце концов мы и сами не знали, как мы сможем выбраться из страны. У одного из них я купил портсигар с вырезанным на нем видом самаркандских мечетей.

В Самарканде в поезд села группа из шести афганцев. Они называли себя миссией. Все вагоны были переполнены, и везде, куда бы они ни заходили, их отказывались пускать, при этом в весьма грубой форме на русском языке и на местных наречиях. Я был удивлен, видя, как страшный ЧК упрашивает людей взять этих пассажиров. «Вспомните, что они — наши союзники, боровшиеся против империалистов», — сказал один человек. В нашем собственном вагоне было небольшое помещение; нам удалось этого добиться, сказав чекистам об опасности со стороны бухарских шпионов в отношении нас. Поэтому я предложил взять афганцев в наш вагон, скорее из-за злости на других пассажиров. Оказалось, что эта важная миссия состояла из трех солдат, везущих письмо от генерала Мохаммеда Вали Хана губернатору Мазар-и-Шерифа, и трех мелких торговцев, которых я впоследствии видел сидящими на корточках на базаре Бухары и продающих чай!

Эти афганцы разговаривали между собой на пуштунском, и я довольно хорошо понимал, о чем они говорят. Я их простодушно спросил, говорят ли они по-персидски. Они сказали, что нет, только на афганском языке, и сказали мне названия разных вещей по-пуштунски. Странствующая театральная труппа развлекла нас небольшими сценками, в то время как афганцы еще больше развлекли меня своими историями о своей победоносной войне. Они захватили Пешавар, Атток, Лахор и Дели, но не захватили Калькутту или Бомбей. В целом, я думаю, нам удалось пережить долгую, утомительную железнодорожную поездку лучше, чем другие пассажиры.

В одном месте в пустыне, вдалеке от какой-либо станции, поезд почему-то неожиданно остановился, как это часто случалось. С одной стороны, от линии дороги стоял утомленный вооруженный солдат-еврей, который попытался войти в наш вагон. Мы ему сказали, что вагон полон, но он, держась крайне заносчиво, сказал, что он — солдат, возвращающийся с фронта, а поэтому может делать все что захочет. Мандич аж подпрыгнул и заявил «Вы знаете, кто я? Я представитель Генерального штаба». После этого солдат сменил свой тон, выпрыгнул из вагона и ушел куда-то. Он, должно быть, был одним из немногих евреев, служивших в армии не на командной должности.

На разных маленьких станциях русские женщины продавали пассажирам кипяток из самоваров, а также и разнообразную еду. Фактически еда во время этой поездки была лучше и

разнообразнее, чем в Ташкенте.

Мы прибыли в Каган, также называвший как «Новая Бухара», в половине девятого утра 18 октября. Здесь было небольшое здание гостиницы, называвшейся «Русский отель». Она предназначалась только для советских и партийных работников, и в момент нашего приезда мест в ней не было. Мы расположились небольшим биваком прямо на земле. Спустя некоторое время Мандич сходил в гостиницу, поговорил там с начальством, вернулся и сказал нам, что появилась свободная комната. Занимавший ее ранее агент ЧК, номинально числившийся на какой-то другой должности, слишком много выпил прошлой ночью и разболтал, что он был агентом ЧК. Поэтому коллеги его выгнали, а мы заняли его комнату. Так как это случилось буквально накануне, стены комнаты были увешаны фотографиями Карла Маркса, Ленина и других вождей.

Буквально через коридор была комната, которую занимал Махендра Пратап. Этот человек был фанатичным индийским революционером. Во время войны он получил паспорт, чтобы посетить Швейцарию, и по этому паспорту он отправился в Германию. Здесь он возглавил группу антибритански настроенных индусов. Он был один из главных действующих лиц в деле о «Шелковом письме».[83] Эти письма, написанные на шелке, были направлены от немецкого канцлера Бетман-Гольвега, [84] правителям основных Индийских штатов, призывая их поднять восстание и выгнать британцев. Само собой разумеется, индийские власти сразу передали их британским властям. Это движение было организовано Махендрой Пратапом, который делал перевод на Хинди каждого письма. Он сформировал в Берлине «Временное правительство Индии», в котором он себя назначил президентом, а Баркатулла, находившийся в Ташкенте, был министром иностранных дел. Это тот самый Баркатулла, который бросил моего пенджабского слугу Хайдера в тюрьму.

Когда в Германии Махендра Пратап был на аудиенции у самого кайзера, он успешно выдавал себя за индийского принца с большим влиянием. Он получил личное письмо кайзера для эмира Афганистана. По пути из Берлина в Кабул он проезжал через Константинополь, где он виделся с султаном и Энвер Пашой. В Кабуле он был принят эмиром Хабибуллой, который сказал ему, что он не мог выполнить просьбу кайзера присоединиться к немцам в войне против нас, объяснив это тем, что его страна нигде не граничит с Турцией или Германией.

Махендра Пратап вернулся с этим ответом в Германию, проехав через Россию в 1918 году, где он беседовал с Троцким. Он был в Берлине в 1919 году, когда случилась Афганская война,

и он, не теряя времени, помчался на восток, где он увидел возможность нанести максимальный вред Британии. Немцы предоставили ему самолет, чтобы переправить его через границу в Россию.

На своем пути через Россию он несколько раз встречался и беседовал с Лениным. Он использовал различные псевдонимы в зависимости от обстоятельств. Если он хотел выдать себя за христианина, он представлялся как «М. Петер», если за мусульманина, то считал подходящим называться «Мухаммед Пир».

Он был, мягко говоря, эксцентричным человеком, а его главной манией была ненависть к британскому правительству. Он однажды предложил план переустройства миропорядка, основанный вряд ли на новой идее мира, основанного на справедливости. В этом плане вся Азия была самоуправляемой страной под названием Будда!

В конце концов он так надоел всем, что в своих скитаниях от Калифорнии до Японии, через Старый Свет, ни одна страна не захотела иметь с ним ничего общего. Как-то в Японии он выдавал себя за представителя Афганистана. Он был арестован и депортирован. В целом этот инцидент так плохо отразился на его взаимоотношениях с его новой родиной, что по возвращении в Кабул он был очень прохладно там принят. Впоследствии имущество Махендра Пратапа в Индии было конфисковано, но не правительством, как это было бы сделано в большинстве стран. Он было передано в доверительное управление в пользу его сына, тогда маленького, до достижения им совершеннолетия. Он должен был вновь вернуться в Японию, но так как Японии потерпела поражение в 1945 году, мы потребовали, чтобы японцы задержали Махендру Пратапа, который объявил себя «Президентом арийской армии», направленной против нас.

Мандичу было сказано, что он должен будет заняться организацией контрразведывательной службы в Кагане. Конечно, он не собирался это делать, он планировал только попасть в Бухару вместе со мной, где мы были бы вне досягаемости для советской власти. Тем не менее это его назначение поставило нас в неприступное положение среди большевиков Кагана.

К этому моменту я почувствовал себя уверенно в своей новой должности военнослужащего советской армии и чувствовал себя в полной безопасности от возможного обнаружения и ареста. В Ташкенте мне удалось получить доступ к документам из архива Генерального штаба и книгам из их библиотеки. Среди них я нашел копию книги лорда Роналдши «Спорт и политика под небом Востока», из которой я вырвал карту, которая должна была

помочь мне на моем пути из Бухары в Мешхед.

Как удачно оказалось, что я не путешествовал со своим румынским паспортом, так как в гостинице было несколько румын, работающих в ЧК.

Мандич посетил начальника отдела Военного контроля, которого, как предполагалось, он должен был сменить. Здесь ему передали чрезвычайную телеграмму от начальника Генерального штаба в Ташкенте «Пожалуйста, сообщите всю имеющуюся у вас информацию»[85]«англо-индийского полковника Бейли». Как раз перед нашим отъездом из Ташкента Мандич узнал, что в Ташкенте была получена радиограмма из Индии относительно меня, и что власти сделали несколько запросов и узнали, что я был в Фергане, а затем уехал в Северный Афганистан. Возможно, что эту информацию властям сообщили некоторые из моих друзей, знавших, что я собираюсь в Бухару, и надеявшихся, что я нахожусь уже на безопасном расстоянии. Мы придумали ответ на эту телеграмму такого содержания. «Из донесения секретных агентов нам стало известно, что Бейли был в Фергане в декабре прошлого года. В января во время восстания Осипова, он был в старом городе Ташкента. В сентябре трое европейцев в национальных одеждах, один из которых, по описанию, подпадает под «словесный портрет» Бейли, покинули Паттар Кессар на северной границе Афганистана, направляясь в Ширабад (город в Восточной Бухаре). Предполагается, что оттуда он либо возвращается в Фергану, либо собираются на Памир. Все это было известно Финкельштейну».

Финкельштейн[86] был одним из комиссаров, расстрелянных Осиповым в январе. Его жена продолжила коммунистическую пропаганду, особенно среди сартских женщин и детей. Я подумал, что упоминание этого человека могло бы привести власти к серии трудных и бесполезных запросов. Главной целью нашего ответа было привлечь внимание властей к другой части страны. Но мы так никогда и не узнали, был ли какой-то прок от нашей телеграммы.

«Словесный портрет» была любимой фразой секретных служб, которую добавил Мандич, чтобы придать больше подлинности отчету!

Большевистские агенты в гостинице смотрели на меня, как на отчаянного храбреца, который ради дела советской власти готов принять ужасную смерть в Бухаре. Напоминаю, я был шестнадцатым шпионом, засылаемым туда. Я избегал этих людей, как только мог. Они расспрашивали Мандича, как я собираюсь попасть в Бухару — город, окруженный стеной, все ворота которого охраняются, а всех, кто в него входит, особенно

европейцев, тщательно обыскивают и допрашивают. Он сказал, что это полностью мое дело, и он сам ничего не знает. Один человек спросил меня об этом, но я прервал нашу беседу, сказав, что я не могу никому раскрывать свои планы. На самом деле я должен был взять письмо, полученное от Мир Баба, бухарского консула в Ташкенте, и отдать его бухарскому консулу в Кагане, чтобы получить от него разрешение попасть в город. Я пошел к нему домой. Хорошо одетый бухарец в большом белом тюрбане сидел в сводчатом проходе, выходящем на улицу. Когда я подошел, вышел своего рода секретарь и спросил меня, что мне надо. Я сказал, что у меня было письмо для Бия (бухарское слово для обозначения Бея[87]). Он указал на бухарца в сводчатом проходе. Я было направился к нему со своим письмом, но в ответ на это секретарь, грубо оттолкнув меня, велел мне отойти, снять свою фуражку и ждать, пока он передаст мое письмо бию. Что я и сделал. После прочтения записки Мир Баба бухарский чиновник отдал приказание своему секретарю, и тот принес своему начальнику бумагу, на которую он поставил печать. Эту бумагу отдали мне, это и было моим разрешением попасть в город.

Когда это было сделано, я вернулся к Мандичу, и мы с ним отправились в бухарскую столовую, где поели очень неплохой шашлык и плов. Кушали мы там с удовольствием после нашего довольно легкого рациона во время железнодорожного путешествия, хотя эта еда и была много лучше, чем что-либо доступное из еды в Ташкенте, она не шла ни в какое сравнение с едой, которая оказалась потом в Бухаре, находящейся под буржуйским правлением. Потом мы направились в нашу комнату в гостинице. Я прошел мимо Махендры Пратапа, сидящего на скамейке в небольшом саду. Я раньше видел его фотографию в очках. Этот человек читал без очков, и я сказал Мандичу, что это не мог быть этот человек. Потом мы заметили, что, хотя он и не был в очках, они лежали на скамье около него, и мы убедились, что это действительно был индийский революционер. То, что он рассматривался как важная персона, подтверждалось непрерывным потоком принимаемых им сообщений и посетителей. В этот день он несколько раз получал сообщения, которые приносили афганские кавалеристы в униформе. Эти люди были гораздо умнее и проворнее, чем солдаты, которых я впоследствии видел несколько раз и в Кабуле и в Торкхаме, афганском пограничном посту в Кибере.

Я хотел поговорить с Махендрой Пратапом и, решил, дождавшись, когда он будет один, нахально зайти к нему. Живя в этой гостинице, я мог быть только «настоящим советским функционером», и у него не должно было быть никаких

подозрений в отношении меня. Когда стемнело, я пошел прогуляться в сад, чтобы видеть, был ли Махендра один. Он был в комнате, разговаривая с молодым европейцем. Окно было немного открыто снизу, и я благодаря этому услышал, что язык был немецким. Тогда я вернулся к себе в комнату, чтобы дождаться отъезда его немецкоговорящего друга. Я сидел там один, когда раздался стук в дверь.

Я сказал «Войдите», и вошел, кого я совершенно не ожидал, сам Махендра в своих сильных очках. Он спросил меня на очень плохом русском языке, не могу ли я дать ему конверт.

Я сказал «Да, конечно», а потом добавил «Не вы ли великий индийский принц?»

Он ответил «Да, я».

«Тогда», — сказал я «Вы, должно быть, говорите по-немецки».

Это его очень обрадовало, поскольку он фактически не знал русского и сказал «Да, я говорю по-немецки и по-английски помимо моего собственного языка».

«Я хотел бы, если можно, поговорить с Вами о государственности Индии», — сказал я.

«Я с удовольствием поговорю об этом», — ответил он «Но только не сейчас, у меня важное письмо, которое надо отослать, после чего я буду свободен».

«Я подожду вас, а тем временем подготовлю самовар, и мы сможем поговорить с удобством», — сказал я.

Тогда он ушел к себе в комнату, и через несколько минут вернулись Мандичи. Я сказал им, что ожидаю в гости «Раджу Пратапа», под этим именем он был известен здесь. Мы приготовили наш самовар и стали ждать, и, наконец, пришел Махендра Пратап, и мы сели пить чай.

Он сказал, что очень плохо говорит по-немецки, а английский знает хорошо. Я сказал, что также немного знаю английский, но Мандич его не знает, и мы должны говорить по-немецки. Беседа была довольно трудной, так как, уставившись в потолок, он бормотал то, что хотел сказать на английском, и продумывал тщательно и старательно немецкий перевод, и мне было трудно иногда сдержаться от того, чтобы не сказать «Я вас вполне понимаю».

Он сказал, что единственной целью его жизни является объединение индуистов и мусульман против англичан, и что он хотел отдать все свое имущество для создания колледжа, в котором приверженцы этих двух религий могли бы обучаться вместе с этой целью, но закон запрещает ему распоряжаться свой собственностью таким образом и лишил его наследников. Однако он сделал все, что мог. Во время войны он попытался попасть в

Германию через Кашгар. Когда он находился около китайско-афганской границы, он получил письмо (как он сказал, от Насруллы Хана — брата покойного эмира Афганистана), в котором сообщалось, что, поскольку Китай присоединился к союзникам, ему лучше отказаться от этого маршрута. Тогда он написал генералу Куропаткину, генерал-губернатору Туркестана и попросил разрешения на въезд в Русский Туркестан, в котором ему было отказано, и он получил возможность для поездки только после русской революции, когда Куропаткин был свергнут.

Он не был согласен с революционной политикой Ленина, как он и объяснил это большевистскому лидеру в нескольких личных беседах; Ленин нацелился на «Диктатуру пролетариата» и исчезновение высших сословий. Махендра Пратап считал, что система, при которой высшее сословие эгоистично работает только для своего обеспечения собственного преимущества и использует пролетариат для своих собственных целей, было неправильным. Но у вас должна быть интеллектуальная элита, и она должна работать на пользу пролетариату, а не только для себя. Я сказал, что это звучит для меня идеалистически, и трудно осуществимо на практике, хотя много людей из высших слоев общества во многих странах фактически рождают и распространяют такие или подобные идеи. Он сказал, что это может быть так, но это происходит медленно и еще много предстоит сделать. Эмир Бухары отказался встретиться с ним, сославшись на болезнь. И теперь Махендра Пратап намеревался вернуться в Афганистан, где он ожидал вскоре начала новой войны с британцами. В случае такой войны он намеревался попытаться заставить индуистов и мусульман Индии поднять вместе восстание в поддержку афганской армии, чтобы вызвать внутренние трудности в Индии. Если он не увидит возможностей это осуществить, то намеревался отправиться в Китай, чтобы изучить Буддизм и конфуцианство. По словам Махендры Пратапа, он не мог вернуться на родину. Я спросил его о британском правлении в Индии. Действительно ли оно было плохим? Он ответил, что оно не было очень плохим, и большинство отдельных британских чиновников, среди которых у него было много друзей, были честными людьми. В целом более честными, чем индийцы. «Если вы возьмете десять британских чиновников, то вы обнаружите только двух или трех, берущих взятки, но среди десяти индийцев таких будет пять или шесть. Это целиком обусловлено их более низким уровнем «культуры»».

«Одна вещь удивляет меня, раджа Пратап, — сказал я, — во время войны мы были близки к тому, чтобы разбить англичан. Они были очень близки к поражению. Если бы миллионы людей в

Индии поднялись на борьбу, они, конечно, могли бы склонить чашу весов в другую сторону, и мы не проиграли бы войну. Как объяснить, что это огромное угнетаемое население ничего такого не сделало? Напротив, я слышал, что индийские войска фактически сражались за Англию». Напомню, что, хотя он не спрашивал, а я не уточнял никаких деталей, он думал, что я был австрийцем, который сражался только на Восточном Фронте. У Махендры Пратапа, встретившего меня там, где я сейчас находился, не могло быть никаких подозрений в отношении меня. Он был так же, как я думаю, впечатлен портретами Карла Маркса, Ленина и других революционеров, развешанных на стенах моей комнаты, покинутой незадолго до этого предыдущим постояльцем, агентом ЧК.

«Это вопрос, — сказал Махендра, — который меня всегда просят объяснить, а объяснение очень простое. Я задам вам вопрос «Кто были вашими союзниками во время войны?»» «Немцы, болгары и турки», — ответил я. «Это и есть объяснение.

Задача управления Индией самая трудная. Хотя я и ненавижу английское господство, и любое иностранное, я думаю, что английское лучше, чем могло бы быть ваше немецкое. Я не думаю, что немецкое было очень успешным в их африканских колониях. Более того, вы практичные люди, и если бы вы победили, вы бы не справились с управлением Индией. Вы бы, вследствие вашего союза с Турцией, ведущим независимым мусульманским государством, просто заменили английское правление мусульманским — турецким, афганским или северо-индийским, и положение двухсот двадцати миллионов индусов стало бы гораздо худшим, чем сейчас».

«Это вопрос, который меня никогда не интересовал», — ответил я «таким образом, можно предположить, что индийские войска, воевавшие за англичан, были полностью индуистскими». «Это в значительной степени именно так», — ответил он. «Но, конечно, были и мусульмане из приграничных малокультурных племен, поддавшихся на британскую пропаганду».

Такое описание безмерного вклада, внесенного лояльным мусульманским населением, особенно Пенджаба, было трудно «проглотить» без протеста. Но поскольку нельзя было ожидать, что австриец (или албанец) что-то знает о подобного рода вещах, я соглашался со всем, что говорил Махендра Пратап, как с непреложной истиной.

Имена всех постояльцев гостиницы были написаны на листках бумаги, приколотых к дверям их комнат. Имя Махендры Пратапа было единственным, написанным латинскими буквами, наше и всех других было написано русскими буквами. Когда я

уходил из гостиницы, я взял бумажку с двери Махендры Пратапа в качестве сувенира.

Спустя несколько лет, в 1924 году, я был политическим чиновником в Сиккиме, занимавшимся нашими отношениями с Тибетом. Однажды в полученной мною почте оказалось маленькое, малозначимое письмо, отправленное в городе Пешаваре, без печати, адресованное Его Превосходительству Представителю Тибета в Дели.

Оно было отправлено мне неоткрытым Министерством иностранных дел из Дели.

Не зная, кому оно могло быть предназначено, я открыл его и был удивлен, обнаружив письмо от Махендры Пратапа из Кабула, в котором он писал, что хотел бы посетить Тибет. Подпись в нем совпадала с подписью на сувенире, снятым мною с двери гостиницы в Кагане четырьмя годами ранее.

Г лава XIX
В Бухару

Мой план действий в Бухаре был таким у меня были секретные письма от Ноева двум людям в Бухаре, один из них был русским по фамилии Тысячников, другое было адресовано богатому сарту Ариф Ходже. Мне хотелось, чтобы только один человек знал, кто я был на самом деле, и если бы это сохранилось в секрете, я бы мог продолжать сотрудничать с контрразведчиками и чекистами в Кагане. Я хотел установить контакт с Тысячниковым или Ариф Ходжой и думал, что один из них поможет мне встретиться с Эмиром. Эмир говорил по-французски, так как учился в Пажеском корпусе[88] при царском дворе. Мне говорили, что попасть на аудиенцию к эмиру невозможно, но я подумал, что, если бы мне все-таки удалось это устроить, то слово, сказанное эмиру на французском языке, не понятном остальным присутствующим, могло бы привести к более приватной беседе с ним. Я рассчитывал начать с Тысячникова, а к Ариф Ходже обратиться только в случае, если бы Тысячникова в Бухаре не оказалось, или он не мог бы помочь мне по какой-то причине. Существенным во всем этом было то, что только один человек должен был знать обо мне. Кроме непосредственной опасности для меня, узнай большевики, кем я был на самом деле, под вопросом была безопасность Ноева, который дал мне эти столь опасные рекомендательные письма.

Сам Мандич ничего о них не знал. Для их сохранности я спрятал маленькие записки в спичечном коробке и под крышкой моих часов. Они были написаны левой рукой. Одну из них я сохранил. Она была такого содержания «Уважаемому Ариф Ходже — Доверьтесь этому человеку и сделайте все возможное для него. Это просьба хорошо вам известного Ивана Козимы». Иван Козима был вымышленным человеком. На обороте документ был подписан невидимыми чернилами обычной подписью Ноева.

Но этому плану суждено было потерпеть прискорбную неудачу.

Утром 19 октября Мандич и я наняли тарантас и проехали на нем десять миль до города Бухары. Госпожа Мандич оставалась в Кагане, но мы намеревались вернуться за ней позже в этот же или на следующий день. Когда мы подъехали к городским воротам, нас остановила вооруженная охрана. Вышел чиновник и спросил, кто мы такие. Я отдал ему разрешение, полученное от бухарского консула в Кагане. Чиновник сказал, что в нем говорится только

лично обо мне, и, таким образом, он не может впустить нас вдвоем.

Я сказал, что Мандич хорошо знает Бухару, так как он бывал там прежде как большевистский агент. Поэтому мы договорились, что он пойдет и найдет Тысячникова и скажет ему, что я жду снаружи за воротами, но у меня есть письмо к нему. Если он не сможет найти Тысячникова, то он попытается найти Ариф Ходжу. Пока же я ожидал его за воротами больше часа в состоянии некоторого беспокойства. В итоге Мандич вернулся с плохими новостями. Он нашел Тысячникова, который весьма сильно перепугался и отказался иметь со мной какие бы то ни было дела. После этого я снова поговорил с чиновником в воротах. Я объяснил бухарскому чиновнику, что у меня имеется секретное письмо к Ариф Ходже и показал его, достав записку из-под крышки моих часов. Это убедило чиновника, и в конце концов он позволил нам войти в город вдвоем, но велел оставить наши вещи и послал с нами человека. Мы направились в пассаж Назарова, своего рода фондовую биржу, где обычно встречались по делам. Не доходя до него, мы встретили на улице Тысячникова. Я сказал ему, кто дал мне рекомендательное письмо.

«Покажите мне письмо», — сказал он. Я протянул ему чистый листок бумаги и сказал, что письмо написано невидимыми чернилами, а проявитель у меня в кармане. «Проявите его здесь», — ответил он. «Я не могу делать это прямо на улице. Вы должны позволить мне зайти в какую-нибудь комнату, но прежде всего никто ничего не должен об этом знать», — попросил его я. Настояв на том, чтобы Мандич остался во внутреннем дворе, Тысячников очень неохотно завел меня в очень большой зал, где находилось еще три человека — два еврея и русский. Последнего я буду называть Адамович. Я сказал Тысячникову, что мое дело очень секретное, и я хочу, чтобы о нем не знал никто, кроме него лично, и что я не могу проявлять письмо в этом большом зале, в котором было еще три посторонних человека.

Но бедняга был так напуган, что наотрез отказался что-либо смотреть без своего друга Адамовича. Я вынужден был подчиниться, сел и проявил письмо. Они были весьма поражены, когда на листке бумаги проявилось письмо с подписью, которую они узнали. Оказалось, что Тысячников знал Мандича как большевистского агента, и это было в значительной степени причиной его страха и подозрений. Он спросил меня, как получилось, что я стал путешествовать с большевистским агентом, если я действительно был британским офицером. Я ответил, что знаком с Мандичем более года, и что он является моим агентом. Но в конце концов Тысячников отказался иметь

дело со мной. Тогда я сказал ему «Если это определенно так, то я хотел бы видеть Ариф Ходжу, к которому у меня тоже есть письмо». Тогда Тысячников вышел и привел Ариф Ходжу, при этом два еврея, которые слонялись невдалеке, подошли к нам. Я сказал им, что я не могу доверить свое дело такому количеству народа. Но они мне ответили, что если кто и может помочь мне, то именно эти люди, и они довольно «безопасны». В этот момент прибыл еще один человек. Это был бухарский чиновник Карши Бек, в чьи обязанности входило опрашивать всех незнакомцев, появившихся в Бухаре, и подавать рапорт о них. Все вышеописанные события длились не один час, и все это время Мандич ждал меня во внутреннем дворе. В какой-то момент я вышел к нему рассказать о том, что произошло, поскольку я понимал, что он беспокоится, и вернулся в комнату. Внезапно из комнаты я услышал, как кто-то громко ругается во внутреннем дворе и кричит Мандичу, чтобы он возвращался в Каган. Я поспешно выбежал и увидел маленького татарина Хайдера Ходжу Мирбадалева. Когда я подошел, он кричал Мандичу:

«Вы храбрый человек, но теперь вы не вернетесь назад».

Я сказал «Он пришел со мной и у меня дело к Тысячникову». Хайдер Ходжа был в бешенстве, он сказал, что немедленно велит арестовать Мандича, и побежал звонить по телефону. Я поторопился назад в комнату и попросил Тысячникова остановить его звонок. Если Мандич будет арестован, это может осложнить положение. Тысячников выбежал и привел Хайдер Ходжу в комнату, отвел в сторону и объяснил, что случилось. Тогда Хайдер Ходжа успокоился, подошел и стал изучать письма. Обстановка разрядилась, но мой секрет стал известен семерым. Дело было в том, что при виде Мандича, известного большевистского агента, все эти люди страшно пугались. Тысячников показал мне пистолет и сказал, что большую часть времени он держал меня под прицелом! Что же мы, два невооруженных человека, могли им сделать, я не представляю. Мы же были полностью в их руках. Здесь я могу добавить, что Хайдер Ходжа позже сильно извинялся за потерю самообладания и гнев, случившиеся тогда. Я сказал ему, что это было совершенно естественно и ожидаемо при таких обстоятельствах. С того момента мы оставались добрыми друзьями, до его смерти в Персии в 1938 году.

Они расспрашивали меня о Тредуэле и обо мне самом, спрашивали, где я жил все это время. Меня спросили, знаю ли я полковника Юсупова. Я сказал, что знаю. Где и когда я с ним встречался? Я сказал — в Юсупхане в январе. Тогда мне сказали, что Юсупов находится здесь, в городе. Тут я сказал «Почему же вы

не свели нас, когда он мог бы сразу же признать меня и поручиться за меня, и мой секрет не стал бы всем известен»? Этому не было никакого объяснения, кроме очевидного факта, что все эти люди потеряли голову от страха при появлении двух свирепых большевиков. Наконец любопытство всех было более или менее удовлетворено, и я мог отправиться за своими вещами, оставленными в чайхане у городских ворот.

Эта нервозность со стороны Тысячникова и его друзей свела к нулю все наши шансы сохранить наш секрет в тайне. И, таким образом, нам пришлось отказаться от плана занятия Мандичем должности начальника большевистской контрразведки в Кагане, в то время как я бы оставался его агентом в Бухаре, а также отказаться от намерения присоединиться к армии в Транскаспии, пока наше положение было достаточно безопасным и определенным.

Теперь мы были вынуждены как можно скорее забрать Мандича и его жену в Бухару, до того как наш секрет, известный семерым людям, просочится в Каган. Бухарские власти не дали немедленного разрешения Мандичу вернуться в Бухару со своей женой, а сказали, что он должен попасть на прием к бухарскому генералу, которому якобы уже позвонили относительно него, и который как раз находится на границе Кагана и Бухары, задержавшись по делам возле Кагана.

Я отправился с Мандичем к городским воротам, отослал его в Каган и, забрав свой багаж, поехал в город в женскую больницу, комплекс современных зданий, находящихся во внутреннем дворе, обнесенном стеной. Здесь я встретился со своим знакомым полковником Юсуповым, мусульманином, с которым я до этого познакомился в январе и который меня сразу узнал. Я остановился в комнате с ним и двумя евреями, которых звали Шир и Гальперин. Пообедал я с Мирбадалевым и его семьей.

На следующее утро я отправился, как мы договаривались, к городским воротам, чтобы встретить Мандича с женой. Они не появлялись, и мое сильное беспокойство спало только после их появления днем. Оказалось, что когда он вернулся на бухарский пограничный пост, генерал уже уехал, никто ему не позвонил, и Мандичу пришлось долго ждать встречи с генералом. Этот пост находился всего в паре сотен ярдов от гостиницы, и Мандич опасался, что, если большевики увидят, как он с женой собирает все свои вещи, они могут заподозрить его в намерении дезертировать, арестовать их и затем вернуть назад. Однако, как у человека, которого собираются назначить начальником контрразведки, у Мандича было совершенно безопасное положение, и после значительной задержки ему все же удалось

уйти из Кагана вместе со своими вещами и со своею женой, и присоединиться ко мне вечером в Бухаре в больнице.

Семья Мирбадалева состояла из самого Хайдер Ходжи, его жены, сына Искандера двадцати пяти лет, получившего образование в Германии, двух дочерей возраста приблизительно пятнадцати и десяти лет и сына восьми или девяти лет.

Самому Хайдер Ходже было где-то между пятьюдесятью и шестьюдесятью. До революции он был своего рода помощником политического чиновника царского правительства в Бухаре.

После революции он пошел на службу к эмиру Бухары, и это он подписывал перемирие с Колесовым 25 марта 1918 года от имени правительства Бухары. Это происходило, как он всегда мне говорил, на станции Кызыл Тепе в железнодорожном вагоне № 82482! Он был начитанным и хорошо образованным человеком, привыкшим посещать каждую зиму Ривьеру или Крым. Он говорил только по-русски, турецки и немного по-персидски. Его важная работа позволяла ему хорошо зарабатывать на жизнь, а также обеспечивала ему российские награды и уважение со стороны Турции, Персии и Бухары. Это он в 1888 году показывал лорду Керзону город Бухару.

С его сыном Искандером случилась любопытная история. Он учился в школе в Мекленбурге и собирался уезжать домой, когда вспыхнула война. Сначала он был интернирован как подозрительный субъект, но когда немцы поняли, что он мусульманин, его освободили и послали в военное училище, а позже в Турцию, где он попал в турецкую армию. Фактически он так и не воевал, но был среди солдат, находившихся на Галиопольском полуострове в 1918 году. После войны он оказался в Константинополе, где он собрал группу из шестидесяти девяти мусульман из Туркестана, которые задержались на своем пути в Мекку и были не в состоянии двинуться дальше в течение всей войны. Там были люди из Бухары, Самарканда, Ташкента и других частей русского Туркестана, и также несколько человек из Кашгара и других мест Китайского Туркестана. Искандер пошел в британскую миссию в Константинополе и объяснил сложившуюся ситуацию, и в британской миссии пообещали всех этих людей отправить назад домой. Позже его проинструктировали, куда привести всю группу, где будут сделаны приготовления, чтобы их всех отправить в Туркестан. Он так все и сделал, и вся группа прибыла в условное место за час до указанного времени. Они были терпеливыми людьми, и готовились к долгому ожиданию, тем более, что не было никаких видимых признаков каких-то приготовлений к их отправке. За несколько минут до указанного времени пришел

британский чиновник со списком всех людей, и каждому человеку пунктуально в срок было предоставлено место.

То же самое произошло, когда они садились на пароход на Каспийском море — фактически на всем их пути до Красноводска на восточном берегу. Всей группе были оплачены расходы за проезд от Константинополя до Красноводска. Искандер был очень благодарен за все, что было сделано, и восхищен прекрасной организацией. Он сказал мне, что на документах для этой поездки стояла подпись «Райан», но он даже не знал, кто был этот человек. «С такой способностью к организации», — сказал он «Я не удивлен, что вы выиграли войну».

От Красноводска их группа паломников должна была добираться дальше полностью самостоятельно, и этот молодой проводник повел группу через пустыню к северу от железной дороги, так как они не могли воспользоваться железной дорогой. Железной дорогой управляли большевики, и эти религиозные паломники рассматривались ими как контрреволюционеры. Наконец их группа достигла Бухары, откуда они и разошлись дальше по своим домам.

Спустя пару дней после моего появления Хайдер Ходжа сказал мне «Вы знаете человека по имени Авал Нур?»

Какое-то мгновение я не мог вспомнить кто это, а затем сказал «Это имя одного из сержантов, которых я оставил в Кашгаре больше года тому назад».

Хайдер Ходжа сказал «Этот человек здесь». Я с трудом мог в это поверить. Как это случилось, что этот человек оказался в Бухаре? Позже от имени властей Бухары приехал Карши Бек, чтобы расспросить меня об этом более подробно. Карши Бек был одним из тех семерых, с кем мне пришлось встретиться, когда я прибыл впервые в Бухару, и когда у меня была такая трудная беседа с Тысячниковым и другими людьми. Карши Бек теперь попросил меня изложить детали моих встреч с Авал Нуром. Я объяснил, как я впервые встретил его с ним в составе маленького отряда сипаев и проводников в Сринагаре в Кашмире в апреле 1918 года. Рассказал, как мы путешествовали до Гилгита, через перевал Минтака и по Памиру в Кашгар, и как я, оставив этот отряд в Кашгаре, отправился в Ташкент. Было немного странно рассказывать заново правдивую историю, и оказалось, что рассказанная мною история в точности соответствовала истории, рассказанной Авал Нуром, когда расспрашивали его о деталях знакомства со мною. Свои показания я подписал.

Карши Бек тогда передал мне письмо для меня от Авал Нура и сказал, что он и его товарищ гостят во дворце эмира Ситара-и-Махи-Хаса и вскоре придут повидаться со мной. Позже вечером,

когда я сидел за столом, беседуя с Хайдер Ходжой и его семьей за самоваром, в комнату вошли двое мужчин, одетых в роскошную бухарскую одежду. Они щелкнули своими каблуками и отдали мне воинскую честь. Я встал и обменялся с ними крепким рукопожатием. Это был волнующий момент, так как это была первая за долгое время встреча со своими людьми. Я услышал, как Хайдер Ходжа сказал «Не может быть ничего неправильного в британском правлении в Индии». Я даже не знаю, кто был больше рад этой встрече эти два наших солдата или я.

Авал Нур был хавилдаром (сержантом) в пехоте, был дважды ранен во Франции и один раз в Восточной Африке. Второй был кавалерист по имени Кербели (Калби) Мохаммад. Он был замечательным человеком, хазарейцем из Западного Афганистана. Его семья переехала в Мешхед, когда он был еще ребенком, и он воспитывался в этом городе. Позже этот факт оказался очень полезным для нас. Он три раза был с паломничеством в святых местах Кербелы, отсюда и его титул Калби. Его родным языком был персидский. Он был в Мешхеде в 1912 году, когда русские там вели боевые действия и попали артиллерийским снарядом в золотой купол самой святой мечети Имама Резы. Он ненавидел за это русских и полагал, что революция была им наказанием за этот грех. В то время он даже самостоятельно боролся против них.

Эти два наших солдата были в великолепных шелковых бухарских халатах. У каждого из них на груди висела большая звезда бухарского ордена в серебряной и синей эмали. А я был все еще в своей русской одежде, фактически это все, что у меня было в то время. У меня тоже была звезда, красная пятиконечная звездочка большевистской армии — но я снял ее со своей фуражки, когда я прибыл в Бухару. Я также носил бороду, но, должно быть, имел жалкий вид по сравнению с их великолепием. Они рассказали мне, что присоединились к Блеккеру при его возвращении из Ташкента и сопровождали его затем в Яркенд, а затем назад в Индию. Затем они отправились с ним, чтобы присоединиться к нашей армии в Северо-Восточной Персии. Из Бахрам Али,[89] на Транскаспийской железной дороге, их послали со специальным заданием с грузом припасов на ста верблюдах в Бухару. Они вынуждены были ехать очень быстро и очень осторожно, поскольку им сообщили, что большевики пытались перехватить их караван. Путешествуя через пустыню, их караван в конечном счете достиг реки Оксус[90] у Кавакли. Оставив своих верблюдов и остальных людей на правом берегу,[91] сами эти два солдата переправились, чтобы провести разведку. Этой же ночью туда прибыло трое русских солдат из Петро-Александровска,

места на Оксусе около Хивы, с письмами к большевистским силам, стоящими перед Бахрам Али. Эти люди видели Авал Нура и его товарища, а также, несомненно, и их караван, и они могли сообщить об этом большевикам. Поэтому было важно остановить их — но как это можно было сделать? Наши солдаты решили направить письмо бухарским чиновникам, находившимся на дороге, по которой двигались эти трое русских посыльных, с просьбой арестовать их. Эти чиновники так и сделали и вернули этих трех русских к Авал Нуру, который предложил бухарцам забрать их с собой в Бухару для порядка. Но тут бухарские чиновники сильно испугались и сказали ему, что, поскольку Авал Нур распорядился об их аресте, то и он должен отвечать за это. На что Авал Нур охотно согласился и сказал, что берется все объяснить, когда он прибудет в Бухару. После чего бухарцы ушли с этими тремя задержанными. А позже Авал Нур узнал, что для того, чтобы избежать любых вопросов и трудных объяснений по поводу задержания этих трех русских солдат, бухарцы просто расстреляли ночью этих людей.

Думаю, Авал Нур никоим образом не был ответственен за такую печальную развязку и, как мне представляется, действовал вполне правильно в сложившейся трудной ситуации. В любом случае он доставил свой груз в Бухару, что было его главной обязанностью. По требованию эмира, Авал Нур и Калби Мохаммад остались в Бухаре.

Было очевидно, что именно присутствие этих двух людей, вызвало появление слухов о британских офицерах в Бухаре, разобраться с которыми и был послан я большевистским отделением контрразведки в Ташкенте. Если бы этих двух людей тут не было, и их присутствие не вызвало бы волны слухов, то мне, вероятно, было бы намного сложнее попасть на службу к большевикам, и мое собеседование с Дунковым, возможно, не прошло бы так гладко. Авал Нур сказал мне, что его и его товарища непрерывно расспрашивали об условиях в Индии. Действительно ли британское правительство закрыло все мечети и запретило мусульманам молиться? Правда ли, что все индийцы на железных дорогах были обязаны путешествовать в открытых вагонах, в то время как пассажирские вагоны были предназначены для британцев? Они давали правдивые и делающие им честь ответы.

День или два спустя после нашего прибытия, мы отослали письмо от имени Мандича в отделение Военного контроля в Кагане с сообщением о том, что мы занялись очень опасной работой, уже получили очень важную информацию, не сможем выходить на связь около недели или даже более и срочно

нуждаемся в деньгах. Мы спрашивали, не могли бы наши начальники нам сразу выслать около сорока тысяч рублей. Мы получили ответ, из которого следовало, что до сих пор советским контрразведчикам в Кагане не пришло в голову нас подозревать, но деньги они нам все же не послали! И, таким образом, мы не были до конца уверены в том, что они все про нас не узнали и не ввязались в двойную игру против нас!

Позже, в Лондоне, я рассказал это адмиралу сэру Реджинальду Холлу, главе нашей службы военно-морской разведки в прошедшей войне. Он сказал, что наше письмо руководству в Кагане было настолько типичным для такого рода отчетов, поставляемых тайными агентами, что наше руководство должно было быть совершенно убеждено в правдивости его содержания!

Глава XX
Бухара

Бухара Шериф[92] (то есть «Благородная Бухара») была величайшим центром мусульманской религии и образования. Муллы в мечетях Бухары выбирались людьми точно таким же образом, как в Шотландии проводились выбор министров на основе конкурса проповедей. Было вполне обычной вещью видеть мулл, обычно молодых людей, проповедующих монотонно нараспев своим сторонникам в нескольких шагах от мечети, чтобы продемонстрировать свое мастерство проповедника. Однажды я видел двух конкурентов, сидящих на некотором расстоянии друг от друга в окружении толпы своих поклонников, и состязающихся между собой в мастерстве своих проповедей.

Жизнь под навесами базаров Бухары продолжалась, как и прежде. Торговля казалась оживленной. На одном перекрестке под навесом сидели менялы с грудой монет и банкнот различных валют. Советские деньги не принимались к оплате, но менялись по курсу девять к одному от своего номинала по отношению к царским (Николаевским) или Керенским деньгам. Мне предложили двести Николаевских рублей за десятирупиевую банкноту и тысячу шестьсот рублей за стофранковый золотой червонец. Я купил фунт чая «Липтон» за сто двадцать рублей. Дешевые сигареты «Сизаре» стоили десять рублей за пачку из десяти штук.

Покупатель в Бухаре должен был быть весьма осторожным, впрочем, так же как и везде. Я купил довольно хороший нож с красивым украшением — серебристо-золотой насечкой, нанесенной на лезвии. Искандер сразу протер мягкой тканью лезвие, и тут же все украшение стерлось. Оказалось, оно было нанесено луковым соком. Выяснилось, что это была старая известная уловка, на которую я не попадался больше. Таким образом, я переплатил в несколько раз от реальной стоимости купленного мною ножа.

Таблетка хинина в пять гран стоила девять рублей. Другой порошок, ложно продаваемый как хинин, как я обнаружил, мог быть куплен за меньшую стоимость. Столь серьезной была нехватка хинина, необходимого для борьбы с малярией в Туркестане вообще и в Бухаре, в частности, что, когда я, наконец, добрался до Мешхеда, меня попросили оказать содействие плану покупки в Индии самолета и направления его в Туркестан с грузом хинина. Как ожидалось, прибыль от одного полета покроет

стоимость и самолета, и самого полета, и всего остального.

Язык в Бухаре был тюркский, но связь с Персией была такая близкая, что при счете денег обычно использовался персидский язык.

У нас возникло весьма любопытное ощущение — скорее даже мы испытали что-то вроде шока — когда мы снова стали жить в буржуазной стране. Жить за счет разницы цен, согласно коммунистическим идеям, было высотой позора и величайшим преступлением. И денежные менялы на бухарском базаре, которых мы видели сидящими на корточках в своих лавках перед грудой банкнот, в Ташкенте бы имели непродолжительный разговор с палачом.

По ночам я, бывало, слышал странные равномерные постукивания, которые становились громче, как будто кто-то приближался, а потом они затихали на расстоянии как будто кто-то уходил. Хайдер Ходжа объяснил мне, что это делают полицейские, постукивающие двумя палками друг по другу, когда патрулируют улицы, чтобы спугнуть воров и преступников, и таким образом предотвратить преступления. Доктор Моррисон в книге «Австралиец в Китае», описывая город Чунцин,[93] пишет «По ночам улицы пустынны и мертвы, тишину нарушают только далекие ночные сторожа, грохочущие своими бамбуковыми трещотками, чтобы не дать спать себе и предупредить грабителей о своем подходе».

В Бухаре были двадцать пять индийских торговцев из Шикарпура[94] в Синде. Я разговаривал с некоторыми из них по-русски. Конечно, они понятия не имели, кем был я. Я спрашивал, было ли британское притеснение в Индии таким ужасным. Они отвечали, что никакого притеснения нет вообще! Это было полезно для Мандича, который и на самом деле начинал верить ужасным историям о британских притеснениях в Индии, распространяемым в русском Туркестане.

В Бухаре проживало также некоторое количество евреев,[95] некоторые из которых были очень богаты. Мусульмане в Бухаре носили яркую цветную одежду, называемую халат. Его подпоясывали вокруг талии поясом из ткани. И индусам, и евреям запрещалось носить такой пояс. Вместо него они подпоясывались единственной веревкой или кусочком шнура, обвитого вокруг талии, чтобы удерживать полы халата. Мне рассказывали, что это был удобный инструмент для того, чтобы можно было задушить им его владельца в случае, если это будет сочтено желательным! Мне сказали, что в Бухаре это не так. Никакой еврей или индус не имел право носить оружие. Мусульмане обычно закрепляли нож или пистолет за поясом. За

шнуром это сделать было нельзя.

Евреям не разрешалось ездить как верхом, так и в автомобилях по улицам города. Ариф Ходжа, очень богатый еврей, пользовался конным экипажем и легковым автомобилем только вне городских ворот, к которым он должен был идти пешком. Его одежда была из лучшего шелка, а шнур на его талии был сделан из белого шелка. Евреи носили высокие шапки, сделанные из каракуля. У них была любопытная мода. Считалось красивым, если завитки в овчине выстраивались в линию, а не закручивались бы случайным образом, как думаю, предпочитаем мы. Чем более многочисленными и длинными были эти линии, тем дороже была шапка. Эти прямые линии всегда становились центром на ее лицевой стороне. Три или четыре линии размером с палец ребенка в центре шапки делали ее чрезвычайно дорогой. У мусульман не было такой странной причуды, но у Хайдер Ходжи была маленькая коричневая каракулевая шапка (в ней он изображен был на фотографии; он называл ее золотой), за которую перед войной он заплатил восемьсот рублей (80 фунтов).

Европейцы в Бухаре, включая Мандича и самого меня, просто набрасывали халат свободно поверх своей обычной одежды, когда шли по улице. Жена Хайдера Ходжи и дочери, носившие европейское платье в пределах стен внутреннего двора больницы, обязаны были быть закрыты покрывалом или вуалью, когда они выходили на улицу.

Одной из интереснейших особенностей Бухары были бани. Они находятся в том же ряду, что и турецкие бани. Вас кладут на каменную полку и массажируют, мнут, бьют и выламывают каждый сустав. Последнее, что делают — поднимают вашу голову и сгибают ее вп еред насколько возможно. В какой-то момент вы ложитесь лицом вниз, а банщик становится на вашу спину и медленно скользит ногами по ней назад, чтобы сделать массаж вашей спины! Я частенько посещал бани в Бухаре!

Однажды, вернувшись из бани, я сидел в лучах октябрьского заката на пороге нашего дома, когда пришел полковник Юсупов. «Федор Федорович», — спросил он «Так вы не ходили сегодня в баню?». «Нет, ходил», — ответил я «Я только что вернулся оттуда». На что он сказал мне «Очень опасно находиться на открытом воздухе сейчас после бани!» В России после бани, посещаемой реже, но являющейся более основательной процедурой, чем у нас, вы торопитесь домой и сидите, укутавшись, в течение сорока восьми часов, если это возможно!

Полковник Юсупов рассказал мне, как после нашей последней встречи в Юсупхане зимой, он пробрался через горы в Фергану. Это было как раз то, что я сам собирался сделать. Он

сказал мне, что мне это почти невозможно было бы сделать. Он сам был мусульманином, и тюркский язык был для него родным, но даже у него были значительные трудности. Оттуда, из Ферганы он проложил свой путь через горы вниз по реке Зеравшан на территорию Бухары.

Жили мы просто, но очень хорошо, по сравнению с ташкентскими стандартами. За столом у нас было несколько специфических татарских блюд. Однажды у нас было немного конины, которая считалась большим деликатесом. Как говорили, это было мясо молодой лошади, специально откормленной для стола; после преодоления естественного отвращения к вещам такого рода, надо признать, что оно было действительно очень неплохим. Еще у нас был каймак,[96] своего рода Девонширский крем, который был восхитительным. Люди в Туркестане позволяют себе множество молочных продуктов. В Ташкенте были кафе-молочные — палатки на улицах, где продавались различные виды кислого молока, сливок, творога, и т. д. До революции люди в России имели обыкновение лечиться такими молочными диетами. Обычно они жили у киргизов в их юртах и во время этого лечения ели и пили только молоко и молочные продукты.

Восхитительнейшая еда в Бухаре — это шашлык. И Мандич, и я, бывало, частенько шли, и брали в городе несколько «шампуров». Шашлык — это что-то вроде индийского кабаба. Полдюжины кусочков мяса, жира и лука нанизаны на плоском вертеле — шампуре. Сотни их подготовлены, быстро и аккуратно сложены в форме большого высокого цилиндра на задворках чайханы. Перед чайханой стоит мангал — жестяное корыто приблизительно шести футов длиной, шестью дюймами шириной и такой же глубиной. Оно наполовину заполнено раскаленным древесным углем, который постоянно поддерживается горящим с помощью некоего подобия веера в руках повара. Вы заказываете свою порцию шашлыка, обычно это пять шампуров, повар берет их сзади из цилиндрического штабеля, кладет их сверху поперек мангала, при этом он все время помахивает веером в своей левой руке. Как только одна сторона приготовилась, все пять шампуров переворачивают. Наконец, когда обе стороны таким образом приготовлены, повар снимает их, посыпает небольшим количеством перца и соли, и вручает их вам. Вы садитесь и разламываете на части огромную плоскую хлебную лепешку, и едите шашлык пальцами, вымыв их предварительно слабым чаем. У повара-шашлычника идет бойкая торговля, и он работает непрерывно в течение нескольких часов — доставая новые порции сзади — переворачивая те, что готовы наполовину — вручая готовые порции — и все время раздувая и добавляя древесный

уголь по мере необходимости. Иногда готовится так много порций, что вам приходится ждать своей очереди, пока не начнут готовить для вас.

Главу правительства Бухары звали Куш Беги. Вторым по значимости человеком в правительстве был Казначей или министр финансов. Куш Беги жил в Арке — крепости, расположенной в центре города. Над воротами Арка были установлены весьма примечательные часы. Они были сделаны много лет назад в обмен на жизнь итальянца, попавшего в руки бухарцев. В те дни фанатики Бухары убили всех «неверных». Так были казнены в 1842 году два британских офицера Стоддарт[97] и Конолли,[98] после испытанных ими страданий в подземной тюрьме.

Казначей жил с эмиром в его дворце Ситара-и-Махи-Хаса, расположенном на расстоянии около трех миль от центра. По этой причине Казначей на самом деле был более влиятельным, чем даже Куш Беги, поскольку мог неформально влиять на эмира. Другим очень влиятельным чиновником был Кази Калан или председатель Верховного суда. Несколько раз я видел его, проезжавшим по улице, в сопровождении великолепно одетого эскорта. Он держал маленький, красиво инкрустированный топорик, как признак своей власти. Когда я встречал на улице чиновников столь высокого ранга, я останавливался в стороне, снимал свою шляпу и кланялся, как требовал обычай.

Я надеялся получить личную аудиенцию у эмира или по крайней мере, у какого-то высокопоставленного лица. Два сержанта индийской армии жили во дворце эмира, где они постоянно лично общались с Казначеем. Они сказали мне, что за мной собираются послать через день-два, и что для меня приготовлена квартира, но ничего не происходило. Поэтому я написал письмо Казначею, сообщая, что я направлялся из Ташкента в Персию, но с некоторым риском и неудобством для себя поменял свои планы в Бухаре, так как хотел увидеть эмира, прежде чем присоединюсь к британцам в Персии. Если власти Бухары не желают меня видеть, я направлюсь в Хиву, а затем в Персию. Это письмо Авал Нур лично передал Казначею, который заметил, что Куш Беги представил дело в ложном свете, и он поговорит с эмиром. В то же время он спросил, нуждаюсь ли я в деньгах. Я попросил передать свой ответ устно, что я не нищий-попрошайка, а только прошу как-то помочь, если это правильно трактовать. Днем или двумя позже сержанты сказали мне, что между эмиром и Казначеем произошла ссора, и что последнему не давали аудиенции! Мне приходилось видеть таких безответственных деспотов, когда они склонны были становиться

чем-то вроде досадной и неприятной помехи в каком-нибудь важном деле. В Тибете в Лхасе ничего нельзя было сделать без распоряжения Далай Ламы, а иногда он становился совершенно недоступным для дел в течение нескольких дней. Я сказал сержантам, что постараюсь уехать из Бухары с ними без дальнейших попыток связаться с властями Бухары. Это было передано. Конечно, у эмира были свои трудности. Он знал слабость своих сил по сравнению с силами большевиков. Дело заключалось в том, что он привык иметь под рукой русского резидента, к которому он мог обратиться в случае трудностей, и теперь, лишенный такой поддержки, он не знал что делать. Британцы были далеко, а большевики у городских ворот.

В этот момент из Ташкента прибыла торговая миссия. Эмир их кормил и развлекал, но на самом деле эмир был сильно напуган ими, и особенно он боялся, как бы они не услышали, что он разрешил мне остаться в городе!

Советское правительство чрезвычайно нуждалось во многих вещах, и среди них было хлопковое масло, поставляемое Бухарой. Бухарские торговцы отказались принимать советские деньги. Они требовали либо царские, «николаевские» деньги, либо «керенские». Кроме банкнот большого номинала, должным образом пронумерованных, правительство Керенского выпускало банкноты меньшего номинала (в двадцать и сорок рублей) на больших листах. На них не стояли номера, и они выпускались бесконтрольно. Вы отрывали от листа нужное количество купонов, как мы поступаем с почтовыми марками. В конце концов было достигнуто соглашение, что оплата за масло и другие товары будет произведена Керенскими деньгами. Цена вопроса составляла двадцать пять миллионов рублей, и, конечно, предполагалось, что оплата будет произведена крупными тысячерублевыми купюрами, имеющими соответствующую нумерацию, и поэтому строго контролируемыми. Вообразите возникшее беспокойство, когда деньги привезли в нескольких сотнях тысяч рулонов неконтролируемых банкнот меньшего номинала совершенно новеньких, только что из-под печатного станка! На улицах можно было видеть торговцев с рулонами так называемых денег под мышками. Результатом появления этих «рулонов» было то, что никто на базаре не принимал эти деньги. Все требовали только царские, николаевские.

Из Ташкента для встречи с Хайдер Ходжой и Гальпериным прибыло два высокопоставленных человека Аксельрод[99] (позже советский посол в Бухаре) и Михайлевский. Они сказали, что прибыли из Москвы, где центральное правительство обнаружило, что Туркестанское правительство не понимает принципов

коммунизма, и что всех членов правительства нужно судить и наказать. И они бы хотели, чтобы такие образованные, культурные и опытные люди, как Хайдер Ходжа и Гальперин помогли советскому правительству. Тут Гальперин показал им свежую московскую газету, описывающую концентрационный лагерь, где были интернированы буржуи. Аксельрод сказал в ответ, что интернируют только «ненадежных» людей. На что Гальперин с некоторой горячностью ответил, что он предпочитает оставаться свободным там, где он находится, и не вернется, пока всех «бандитов» не расстреляют или не повесят!

Прибытие этих посланцев центрального правительства имело некоторый временный эффект небольшого смягчения режима в Туркестане. Чиновник из Кагана — Виткевич в своей речи, как мне передавали, сказал «Мы вначале воровали немного, но затем мы перестали понимать, как же управлять дальше!»

В Бухаре я встретил муллу из мечети в Шей-Хан-Тауре[100] в Ташкенте. Большевики посадили его в тюрьму, а во время «Январских событий» он освободился и потом сбежал в Бухару. Он рассказал мне с некоторыми подтверждающими подробностями, что он получил письмо для меня от британцев в Мешхеде. Он сказал, что было две копии этого письма. Одно было у человека, которого неожиданно в пустыне застал врасплох большевистский патруль, и он убежал без пальто. Письмо было зашито в пальто, и мулла не знал, нашли его большевики или нет. Другое попало к нему, и он отдал его какой-то даме, которая сказала, что знает меня. Я никогда в жизни не слышал ее имени, и сообщение так и не попало ко мне. Фактически я не получил ни одного сообщения из Мешхеда за весь год, пока находился в Ташкенте.

Все это время Мандич и я надеялись, что мы сохраняем уверенность у наших вышестоящих начальников в Военном контроле в том, что мы являемся их агентами, работающими на них.

Мы послали один или два новых отчета, а затем мы сообщили, что Мандич заболел. Нашим непосредственным начальником в Кагане был некий Бугаев. Мы получили от него сообщение с просьбой встретиться по очень важному делу. Мандич ответил, что он слишком болен, и я мог бы встретиться с ним в ближайшей чайхане справа у выхода из Каганских ворот города. В случае необходимости я мог бы привести Бугаева повидаться с Мандичем после наступления темноты. Мы знали, что Бугаев не отважится принять это приглашение, так как люди из Военного контроля в Кагане боялись появляться в Бухаре, где, как я уже писал, они потеряли так много своих секретных

агентов. Однако мы приготовили место, где Мандич мог бы находиться, изображая больного в постели, если бы у Бугаева все же хватило храбрости прийти.

Ближайшая чайхана справа от городских ворот была выбрана по определенным соображениям. В Бухаре так много людей знало обо мне, что всегда была опасность, что большевики тоже знают об этом, и эта встреча могла быть просто уловкой, чтобы захватить меня. В воротах же стояла охрана из бухарских солдат. Я все устроил так, чтобы сын Хайдер Ходжи — Искандер ждал с охранниками все время, пока я был за воротами. Он должен был убедиться, что винтовки у охранников заряжены, и предпринять энергичные меры в том случае, если будет предпринята какая-то попытка моего похищения. Также у меня был пистолет, и я прикинул, что легко смогу преодолеть десять ярдов, чтобы оказаться в безопасности в городе в случае необходимости. Но на самом деле в начале встречи Искандера не было, и эта часть плана по обеспечению моей безопасности не была выполнена.

После того как я просидел полчаса в чайхане, из городских ворот выехало два извозчика.

Один из извозчиков что-то спросил меня по-русски. Я подумал, что он собирается меня подобрать как пассажира за плату до Кагана, и я сказал, что ехать не собираюсь. Больше я об этом не думал, но минуту спустя извозчик вернулся пешком. Я бы не узнал в нем извозчика, если бы не кнут, который он держал в руках. В любом случае, поскольку он выехал из города, я никак не мог предполагать, что это был замаскированный Бугаев или посыльный, появление которого я ожидал с противоположного направления. Он мне сказал «Вы ожидаете встречи с человеком из Кагана?»

«Да», — ответил я.

«Ну, так он не приедет».

«Кто этот человек, и кто послал вас?»

«Я не скажу его имени, поскольку я не уверен, что вы — тот человек, с которым я собирался встретиться».

«Назовите мне первую букву его имени, чтобы я мог убедить вас, что я — тот человек, с которым вы должны встретиться».

«Я не умею ни читать, ни писать».

«Как она звучит?»

«Бу, на самом деле меня послал Бугаевский».

Он произнес имя не совсем правильно. Затем он достал письмо из своего кармана, адресованное Мандичу, и отдал его мне. Все это время я был настороже, готовый стрелять и бежать к городским воротам, в случае необходимости. Затем этот человек сказал:

«Вы живете у Мирбадалева?»

Нам казалось, что было очень важным, чтобы никто не знал, где мы жили, и этот вопрос убедил меня в том, что люди в Кагане знали, кем мы на самом деле были, и только наше отсутствие не позволяло им схватить нас.

Я ответил:

«Нет».

«Вы знаете его?»

«Нет».

«В таком случае вы не тот человек. Верните мне письмо».

Я ответил:

«Я не тот человек. Человек, которому адресовано это письмо, болен, и он послал меня, чтобы я получил его, и я сразу отдам ему его».

В этот момент как раз появился Искандер и, проезжая мимо, увидел, что я разговариваю с извозчиком. Он благоразумно, как я думал, не показывал вида, что знает меня. Кучер сказал, показывая кнутом на него:

«Вы знаете того человека?»

«Нет», — ответил я.

В этот момент Искандер остановил свой экипаж, вышел и направился к нам. Я поспешно вскочил, сказал извозчику, что должен идти, не обращая внимания на его требования вернуть письмо. Как только Искандер подошел, я быстро произнес, проходя мимо него:

«Не говорите ничего».

Он повернул назад, но не знал, что произошло; тот человек догнал его и сказал:

«Вы знаете того человека?» — показывая на меня, только входящего в ворота.

«Да», — ответил Искандр. — «Он — австрийский военнопленный, работающий у моего отца».

К тому моменту я вернулся в город, и Искандер догнал меня в своем экипаже, и мы вместе поехали домой.

У меня все еще оставалось письмо, полученное мною и датированное 9-м ноября. Его содержание было таким:

> «Меня отзывают в Ташкент. Необходимо, чтобы вы немедленно вышли на связь со мной или вернулись в Каган. Во вторник я буду в указанном вами месте.
>
> Ваш
>
> *Буг…»*

Все это было очень запутанным. Исходя из того факта, что

посыльный знал, что я жил у Мирбадалева, известного противника большевиков, я был уверен, что люди в Кагане знали обо мне все, и что это было просто ловушкой, чтобы поймать и Мандича, и меня самого. Большевики в Кагане, должно быть, были взбешены, когда узнали, кем на самом деле были их агенты, не говоря уже о Дункове и остальных начальниках в штабе в Ташкенте.

Г лава XXI
Планы отъезда

Вскоре после своего прибытия в Бухару, я послал в Ташкент сообщение с предложением моему пенджабскому слуге Хайдеру присоединиться ко мне. Я послал ему бухарский паспорт и детальные инструкции относительно поездки. И еще попросил его, если это будет возможно, привести мою собаку Зипа; но предупредил, что, поскольку Зип был объектом пристального внимания в ЧК, которая установила слежку за ним в течение первых трех месяцев после моего исчезновения, он должен был отправить его с другим человеком и подобрать его, только тогда, когда он покинет поезд. Они прибыли без происшествий. Они очень благоразумно не доехали до Кагана, а вышли на станции Кызыл Тепе, откуда потом добрались до Бухары, избежав, таким образом, назойливого внимания Каганских большевиков. Они привезли мне некоторые важные письма, но ими Хайдер обернул какие-то кастрюли и послал их с бухарским агентом, который взял у него его инструкции и паспорт. Этот человек привез их прямо к Куш Беги, который просидел над ними три или четыре дня, прежде чем переслать их мне! В поезде с Хайдером находился перс по имени Хасан. Это был шпион, который специально следил за мной в Ташкенте, и мы подумали, что, возможно, его и в Бухару послали с таким же поручением.

Во время нашего пребывания в Бухаре туда прибыло приблизительно двести пятьдесят румынских военнопленных. Австрийские военнопленные-румыны почти все категорически отказались присоединиться к большевикам. Я рассказывал до этого, что венгры, напротив, в больших количествах пошли служить в Красную армию. Эти румыны переживали ужасные времена. Они отправились в Коканд, где им помог Мадамин Бек — преемник Иргаша. Оттуда они все отправились в Бухару, боясь быть схваченными большевиками и быть принужденными служить в армии или где-то еще. На самом деле одна группа этих военнопленных была захвачена и отправлена в Шахризябс, где их заставили работать на оружейной фабрике. Скитания этих людей продолжались три месяца, и они надеялись найти в Бухаре мир и свободу. Среди них было два сержанта. Один из них рассказал мне, что дома у него была семья, от которой он не имел вестей уже шесть лет. Фактически он был в Туркестане уже пять лет. Многие из этих бедных румын были больны, все они были бедны, и голод заставлял многих из них побираться на улицах. Я срочно

попросил через Хайдер Ходжу бухарские власти помочь им. Я предполагал, что власти могли бы дать им работу и заплатить им немного, чтобы они могли бы купить себе еды, но ничего сделано не было. Некоторые из этих людей в отчаянии отправились к большевикам в Каган. Я предупредил бухарцев, что, если всех этих людей заставят присоединиться к большевикам после всего того, через что они прошли, то в случае возникновения каких-либо проблем, они все будут заклятыми врагами Бухары. В конце концов большинство из них было нанято на работу жителями Бухары. Около дюжины из них были совсем больны и не могли работать. Я нанял врача, чтобы он осмотрел их, и дал им достаточно денег, чтобы они могли сносно продержаться в течение шести месяцев. Один из них сказал мне, что был настройщиком фортепияно по профессии. Было ли в Бухаре фортепияно, которое он мог бы настроить? Я узнал, что годом раньше одно фортепияно было у эмира, но оно ему надоело, и он его выкинул! После мирного договора эти австрийцы стали румынскими подданными. Я составил список этих людей и позже передал его королю Румынии Каролю.

Среди этих румынских военнопленных был старый серб. Он сказал мне, что ему было шестьдесят семь лет, и он был мобилизован в австрийскую армию, несмотря на свой возраст, поскольку австрийцы хотели удалить по возможности побольше австрийских сербов из страха перед восстанием. Ему пришлось бросить преуспевающую ферму, на которой у него было десять лошадей, и он не получал новостей из дома уже много лет.

Бухарская армия меня не впечатлила, хотя и была щедро украшена медалями и орденами. У генералов были специальные люди, ехавшие перед ними, держа белые палки. Они много пели, когда шли маршем. Одна песня называлась «Эмир наш отец». У другой, которую они любили петь в Кагане, были слова «Наш генерал — храбрец и не боится большевиков», что очень веселило солдат Красной армии в Кагане, которые наблюдали за ними через границу.

Однажды утром мне сказали, что со мной пришел повидаться какой-то сарт. Я пригласил его к себе в комнату и спросил, говорит ли он по-русски. Нет, ответил он, только по-таджикски (язык родственный персидскому), и он начал меня расспрашивать. У нас не очень хорошо получался разговор на этом языке, и я сказал, что не смогу ответить ни на один из его вопросов, если он не скажет мне, кто он. Тогда он на превосходном русском языке сказал мне, что он пришел от имени бухарского правительства. Оказалось, что он был личным секретарем и переводчиком у Куш Беги. Я подумал, что очень

глупо со стороны бухарских властей вести себя таким образом. Мирбадалев был их доверенным человеком и знал обо мне все. Переводчик хотел знать, правда ли, что я купил шесть лошадей, что означало, что я собираюсь забрать с собой двух «гостей эмира», то есть двух индийских сержантов; не нуждаюсь ли я в деньгах? и т. д. и т. д. Я сказал, что все мои приготовления проходят хорошо, в рабочем порядке, но я ждал ответа на письмо, посланное в Мешхед и еще на одно, посланное эмиру.

Позже я узнал причину этого визита. Казначей хотел поговорить с эмиром обо мне, но, не зная, как начать этот разговор (будь они прокляты эти недосягаемые диктаторы!), сказал ему, что два «его гостя», Авал Нур и Калби Мохаммад, уезжают, и что я приказал им купить шесть лошадей. Затем он передал эмиру мое письмо, которое тот прочитал и положил в карман. Эмир приказал Куш Беги узнать, когда я уезжаю. Отсюда таинственный визит ко мне его переводчика.

Однажды Мандич и я пошли прогуляться вдоль городской стены и сделали несколько фотографий. Фотографировать в Бухаре было запрещено. Подъехали три солдата и спросили, что мы делаем? Я сумел спрятать фотокамеру в отверстии в стене и сказал, что мы гуляем. Они забрали нас с собой для разбирательства, но по пути мы встретили Искандера Мирбадалева, которого они знали и который поручился за нас. Было бы печально, если бы в результате этого происшествия возник бы какой-нибудь ненужный инцидент. Мы на следующий день вернулись и забрали свою фотокамеру. Во время этого происшествия я спугнул фазана из его гнезда в камышовых зарослях, находящихся в пределах городской стены. Любопытно, что в городе Бухаре нет воробьев, хотя их полно в окружающих пригородах.

Я послал два, несомненно, безопасных сообщения в метеорологический отдел в Ташкенте, сообщая, что, согласно их запросу, я выяснил — ртуть доступна в Бухаре, и сообщал цены. Они были переданы Петрову, который затем передал их мисс Хьюстон, которая знала, как поступить с ними.

В результате Хайдер привез письма от мисс Хьюстон и других моих друзей из Ташкента. В них сообщались интересные новости. После пяти месяцев пребывания в тюрьме французский офицер Капдевиль был освобожден, но был очень болен. Его освобождения добился персидский консул из Ашхабада, у которого была жена француженка. В Ташкент прибыл китайский консул.

Были освобождены три индийских военнопленных из 28-го Кавалерийского полка. В Ташкент с Баркатуллой приехало еще

больше индийских революционеров. Хайдер даже был в кино вместе с этими людьми. Они предложили ему четыре тысячи рублей в месяц, если он согласится работать с ними. Я попросил Хайдера узнать всю возможную информацию об этих людях, включая их уровень образования. Последнее описывалось как «Среднее — неудача» — что в Индии означало, что вы описываете себя, как потерпевшего неудачу при попытке получить степень, следующую за степенью, соответствующей только что пройденному вами курсу!

Несколько дней спустя ко мне прибыл другой посыльный, который мне привез мою более крупную фотокамеру и некоторые семена, собранные мною в горах и во время моего пребывания на пасеке, и во время моей поездки в горы в июле. Всех этих курьеров сначала забирали к Куш Беги, который держал мои вещи у себя в течение нескольких дней прежде, чем позволял их забрать мне.

Спустя три дня после моего прибытия в Бухару я послал собщение в британскую миссию в Мешхеде с предложением остаться в Бухаре в качестве посредника с Ташкентом. Я узнал, что одна копия сообщения была уничтожена посыльным, которого арестовали на железной дороге, но я надеялся, что другая копия дошла до адресата. Однако я не получил никакого ответа на него и поэтому решил, что должен в любом случае сначала попасть в сам Мешхед.

Я предполагал, что наш отряд будет небольшим. Малочисленность позволяла быстро добыть нужное количество воды из глубоких колодцев в пустыне. Он должен был состоять из двух моих индийских солдат, моего слуги, Мандича, его жены и меня самого. Позже четыре русских офицера, услышавших о моих приготовлениях, спросили, нельзя ли им присоединиться ко мне. Я согласился с некоторыми колебаниями. Они были мужчинами, с оружием, что было немаловажно в случае какой-нибудь стычки, хотя, набирая такой большой отряд, я противоречил совету, полученному мною относительно путешествия по пустыне. Один из этих четверых был капитан Искандер[101] — сын Великого князя Николая Константиновича.[102] Другой — мусульманин, русский офицер — Азизов. Он был туркменом из Хивы, награжденный Георгиевским крестом, за храбрость на войне. Он был адъютантом генерала Корнилова, и находился в комнате вместе с генералом, когда того убило снарядом. Он родился и рос в пустыне, также был вооружен, и я надеялся, будет нам полезен.

Позже я услышал, что наряду с другими беженцами он по прибытию в Индию был интернирован в Белгаоне. Позже он уехал в Сибирь, и человек с таким именем стал главарем банды в

Монголии, совершавшей набеги в Китай, не знаю, то ли как грабители, мятежники или патриоты, но при этом я не уверен, что это был мой товарищ по путешествию.

Я сказал всем этим людям готовиться к отъезду, сохраняя все в максимальной тайне, и что предупрежу их о времени выступления только за час до начала выхода. Двум индийским сержантам я сказал, чтобы они попросили Куш Беги помочь мне приобрести хороших лошадей и амуницию и еще попросили его дать нам пять винтовок, по одной для каждого из нас, подчеркнув, что покупка их мною будет незаконной. Также мы хотели найти хорошего проводника. Ответ на послание был несколько обескураживающим. Эмир привязался к этим двум солдатам и отказался отпускать их. Он заявил, что индийская армия настолько многочисленная, что эти два человека не будут большой потерей для нее! Небольшая твердость, вкупе с продемонстрированным небольшим гневом преодолели это препятствие.

В конце концов я купил нужных животных. Покупка лошадей в Бухаре, а, по сути, во всей Средней Азии является занимательной церемонией. В специальные дни проводятся конские базары. Потенциальные покупатели проверяют животных под наблюдением многочисленной толпы зрителей. Две заинтересованные стороны затем садятся и, держа руки под длинными рукавами своих халатов, знаками делают и отвергают предложения. Слишком низкое предложение иногда выявляется криком муки продавца. Когда все согласовано, толпа наблюдавших за лицами этих двух актеров приветствует сделку криками и знаками восхищения… лошадь продана!

Учитывая обстоятельства, при которых эти два индийских сержанта прибыли в Бухару, я не думаю, что правительство Бухары действовало очень великодушно как в вопросе получения винтовок, так и относительно приобретения лошадей. Реальная цена покупки лошади не являлась проблемой, но сама по себе новость об этой покупке становилась известной всем. Вполне вероятно, что в Бухаре было множество людей, готовых за совсем небольшие деньги собирать такого рода информацию для передачи ее большевикам в Кагане, которые таким образом узнают, что я купил лошадей, а значит, собрался уезжать, и большевики будут (и на самом деле сделали это) подстерегать меня по дороге. Поскольку это было так, и я ничего здесь изменить не мог, то единственная вещь, которую я мог сделать — это держать в тайне свой маршрут и точную дату, и время своего отъезда. Наконец, после того, как бухарское правительство любезно дало мне необходимое разрешение, я купил

необходимых животных по средней стоимости четыре тысячи рублей.

Также Куш Беги прислал три винтовки, не пять, как я просил.

Мы теперь должны были сделать и другого рода приготовления для долгого путешествия по пустыне. Были куплены седла, подпруга, ремни и прочая амуниция, и все тщательно проверено и подогнано. Бухарцы и русские прекрасно понимают, что требуется для поездки в пустыне, и моим большим плюсом было то, что я мог воспользоваться советом и опытом четырех российских офицеров, которые должны были ехать с нами. Мы подготовили большое количество сухарей. Это были очень жесткие сухари. Все, что могло разрушиться, во время долгого путешествия могло превратиться в порошок. Хлеб запекался особым образом. Он нарезался на кубики размером приблизительно два или три дюйма и снова запекался. В результате получался очень твердый сухарь, почти не крошащийся при долгой перевозке на лошади, но также и довольно несъедобный, пока он не размачивался в воде или чае. Мы также взяли чай, сахар и соль, но ничего больше, за исключением взятой мной тяжелой корзины замечательного изюма, купленного мною в Самарканде. Кроме того, у каждого из нас на седле был закреплен кожаный мешок с водой. В качестве постельных принадлежностей я купил два больших отрезка войлока. Один мы клали на землю, а другой использовали как накидку, под которой спали мы вшестером — господин и госпожа Мандич, два индийских сержанта, мой слуга Хайдер и я сам.

В Ташкенте я купил несколько прекрасных больших бухарских ковров и две маленькие, предназначенные для перевозки на верблюдах переметные сумки, сделанные из ковров туркменской работы, а также пару бухарских вышивок и две кашмирские шали. Большие ковры пришлось оставить в Ташкенте, но остальные вещи я захватил с собой, используя их в качестве постельных принадлежностей.

Во время нашего путешествия по пустыне я использовал эти вышивки в качестве одеял. Кашмирские шали были свернуты и сшиты в маленькую связку, чтобы получилась подушка, верблюжьи переметные сумки были подложены под седла. Все эти вещи благополучно добрались вместе со мной, хотя, конечно, они несколько поистрепались в результате такого с ними обращения. Я всегда спал на одном из крайних мест нашего большого куска войлока и пришел к выводу, что вышивки оказались весьма кстати при том сильном холоде, который мы испытывали.

Бухара — величайший рынок каракуля, где ведется его оптовая продажа. Я купил несколько каракулевых шкур, но в

конце концов продал их снова, понимая, что перегруженная лошадь может стоить седоку жизни, и важно везти на ней только еду. Нам посоветовали носить туркменскую одежду. Это не было маскировкой в полном смысле, и мы носили нашу обычную одежду под серым шерстяным туркменским халатом, то есть верхней одеждой, и большую черную туркменскую шапку из овчины. Смысл этого заключался в том, что в пустыне издалека мы будем приняты за отряд туркмен. Сам я носил драгоценные вельветовые бриджи для верховой езды, так благородно сохраненные для меня мисс Хьюстон более чем за год до этого. Это делало мою поездку чрезвычайно комфортной.

Прежде чем покинуть Бухару, я купил несколько простых лекарств и, когда я это делал, в аптеку вошли два молодых человека, говоривших на языке панджаби, диалекте языка хиндустани, который я мог понять. Они, очевидно, были индийскими революционерами, хотя я не говорил с ними и не слышал ничего об их занятиях.

Наш план состоял в том, чтобы добраться до Бурдалыка[103] на Оксусе (Амударье) только на лошадях, перевезя заранее фураж на верблюдах и оставив его в определенных местах. В Бурдалыке мы намеревались купить верблюдов. Они замедлили бы скорость нашего передвижения, но, как нам сказали, это был единственный способ преодоления полосы пустыни и степей между реками Амударьей и Мургабом. Мне сказали, что колодцы там настолько глубокие, что веревка, необходимая, чтобы достать в них воды, весила двести фунтов, что невозможно было перевозить на лошади. По одной этой причине нам требовался верблюд. Полоса страны вдоль Мургаба контролировалась большевиками, и мы не могли рассчитывать получить там еду или какую-либо помощь для последующего перехода по пустыне на запад в направлении персидской границы.

Наконец мой маленький отряд из шестерых человек, включая госпожу Мандич, был полностью готов, за исключением нехватки винтовок, которых из необходимых пяти, вследствие подлости властей Бухары, у нас было только три. Кроме того, у меня было еще четыре российских офицера, каждый с винтовкой, которые самостоятельно запасались едой, лошадьми и т. д. Мы стремились отправиться в дорогу как можно скорее, прежде чем новости о наших приготовлениях и намерениях могли достигнуть большевиков. Перехватить группу в пустыне ничего не стоило. Большевикам достаточно было узнать наш маршрут, а потом послать небольшую группу, чтобы захватить колодец. Измученный жаждой отряд должен был получить воду для своих лошадей или умереть, и это был очень простой способ

уничтожить или захватить нас.

За день или два до нашего выхода я испытал шок. Большой группе русских, но не только, также дали разрешение пойти в то же самое время и тем же самым маршрутом. Мне это вообще не понравилось. Мой отряд был малочисленным и компактным. Передвижение большого отряда было более затруднительным и занимало большое время, так как требовалось больше времени для добывания воды из колодцев. Однако я не мог этого избежать, и я не знал особенностей этого отряда до тех пор, пока мы не вышли в дорогу. Только тогда я узнал, что их было семеро, и все они без оружия.

Моим последним приготовлением было написание письма в Министерство иностранных дел, которое должно было быть послано в случае моей поимки, и устройства дел для помощи бедным румынским военнопленным. Я оставил деньги Гальперину, чтобы он их выдавал временами понемногу больным.

Глава XXII
В пустыне

17 декабря мы покинули нашу квартиру в женской больнице, где я так долго был гостем у Хайдер Ходжи Мирбадалева, и собрались вместе с моими двумя индийскими солдатами и русскими на даче в домике, в котором жил туркмен офицер Азизов. Здесь наша группа окончательно подготовилась к поездке.

Авал Нур, старший из двух индийских сержантов, сказал мне, что при прощании с Казначеем, на попечении которого он и Калби Мохаммад находились, он им подарил каждому по десять тысяч рублей, и что полмиллиона он передал мне через руководителя группы, присоединившейся к нам так неожиданно.

На следующий день, 18 декабря, фактически в день нашего отъезда, я послал Авал Нура к Казначею, чтобы поблагодарить за нагрудные патронташи, которые он прислал, и в то же время возвратить двадцать тысяч рублей со словами, что нашим солдатам хорошо платит наше правительство, и они не принимают деньги подобным образом. Я также передал, что, если сумма в полмиллиона действительно предназначается мне, то отказываюсь от нее по той же причине. Бухарские власти обошлись со мной очень плохо, и я не мог позволить им рассчитаться со мной путем такого денежного платежа. Вернувшись, Авал Нур сказал, что Казначей пришел в ярость и грозился отдать приказ задержать всю нашу экспедицию. Однако больше мы ничего об этом не слышали.

После моего прибытия в Мешхед я узнал, что Куш Беги не говорил о моем отъезде в течение восьми дней, и он был рассержен на Казначея за то, что он позволил мне уехать.

У моих двух сержантов в Бухаре завелось много друзей, и они были завалены подаренными халатами. Им пришлось их оставить. Кажется, здесь, в Бухаре, был такой обычай дарить эти халаты, сшитые из яркого бухарского шелка. Мне тоже подарили несколько, и я сумел выбрать один, который и носил поверх своей обычной одежды.

Теперь вся наша группа была в сборе. Всего нас было семнадцать всадников мужчин, одна женщина и три запасных лошади. Весь день накануне нашего отъезда лил дождь, и было очень неприятно, но в сумерках дождь прекратился. В тот момент, когда мы уже собрались выезжать, обнаружилось, что наш проводник забыл получить пароль. Мы тронулись в путь в восемь вечера, по грязной дороге, окликаемые по пути несколько раз

часовыми. При выезде из города наша дорога пролегала вдоль подножья городской стены. Здесь, к несчастью, у нас потерялась запасная лошадь, загруженная провизией, что вызвало задержку на десять минут. В этот момент мы оказались прямо у стены Афганского консульства, поэтому необходимо было соблюдать строжайшую осторожность и тишину. Вскоре мы нашли и вернули пропавшую лошадь и продолжили наше путешествие, и через несколько миль подъехали к железной дороге, как раз в тот момент, когда проходил поезд на Ашхабад. Он замечательно смотрелся в темноте, когда всего в нескольких ярдах от нас промчался паровоз, пылающий искрами горящих в топке дров. К половине второго ночи, проехав восемнадцать верст, мы остановились на ночевку в кишлаке Хумун. Здесь мы немного поели и выпили чая, и провели свою первую ночь на открытом воздухе на войлочной подстилке и под войлочным тентом.

На следующее утро мы собрались в дорогу вскоре после восьми, и тогда впервые некоторые члены нашего отряда увидели друг друга при свете. Как я уже говорил, все мы были одеты как туркмены. Когда я объезжал наш отряд, меня на немецком языке приветствовал человек, которого я сразу не узнал под его туркменской шапкой. Я подъехал к нему и увидел, что это один из румынских сержантов, которого я несколько раз видел в Бухаре. Он был очень удивлен, узнав, кем я был на самом деле. Он и еще другой человек помогали русской группе с лошадьми.

Больше часа мы ехали среди полей и поселков, и вдруг неожиданно мы оказались в степи. Сделав в полдень привал, мы путешествовали до темноты, пока не начался дождь. К сожалению, вода в колодце около места нашего привала оказалась сильно соленой и была непригодной для питья. Тропа, по которой мы двигались, во время дождя в темноте была едва различима, и в конце концов мы ее потеряли. Это расстраивало наши планы, так как несколькими днями ранее мы завезли к колодцу на нашем пути корм для лошадей и еду для себя самих, и эти запасы играли важную роль в осуществлении плана нашей поездки. Когда стало совсем темно, вдалеке показался огонь, и я предположил, что это костер у колодца, у которого сложены наши припасы, и мы должны двигаться к нему. Мне казалось, он совсем близко — едва ли на расстоянии больше одной мили. Наш опытный проводник посмеялся надо мной и сказал, что костер находится за много верст от нас, и что у нас будут большие трудности при поездке в темноте. Я этому не поверил и пошел по направлению к огню, но, пройдя почти милю, ничуть не приблизился к нему, и я вернулся. Оказалось, как мы узнали следующим утром, он находился приблизительно в пяти милях от

нас.

Проведя ужасно холодную и дождливую ночь на открытом воздухе, мы были рады спозаранку отправиться в путь лишь только чуть рассвело и стало видно тропу, которую мы обнаружили всего в нескольких ярдах от нас. Я понял, что поступил мудро, отдав команду остановиться, как только мы потеряли тропу, и мы не искали ее в темноте, а теперь нам не надо было напрасно тратить время и полдня искать потерянную тропу.

Менее чем через час мы подъехали к колодцу у Кушаба. Это название переводится как «сладкая вода», и оно было весьма верным. Мы отдыхали, ели и сушились на теплом солнышке. Вода в следующем колодце на нашем пути, как нас предупредили проводники, была слишком соленой для питья, поэтому мы здесь наполнили наши кожаные фляги водой. Соленость воды в этих колодцах время от времени меняется, и, исходя из моего ограниченного опыта, всегда в худшую сторону. Хотя говорят, соли, содержащиеся в воде, имеют лекарственный эффект. В этот день мы проехали приблизительно сорок верст или двадцать шесть миль. Мы ожидали найти посланный из Бухары заранее вперед по дороге фураж, но этого не произошло.

21 декабря мы вышли и, проехав шесть верст, добрались до колодца, у которого и был обнаружен наш фураж, доставленный туда по ошибке. Здесь мы остановились на отдых и покормили животных, а затем наш путь проходил по участку ровной пустынной местности, на котором водилось множество песчаных шотландских куропаток (рябок), носящих местное название болкурук. Ближе к сумеркам мы снова оказались среди возделываемых полей и оросительных каналов и вскоре прибыли в Бурдалык, где нас гостеприимно встретил и развлекал бухарский губернатор или по местному — бек. Он для нас приготовил целого барана. Огромная глиняная печь была заполнена дровами, когда они все выгорели, баран был целиком подвешен в печи.

Бек был очень симпатичным и любезным во всем по отношению к нам, но мы узнали, что было бы весьма неблагоразумно нарушить здесь закон. Среди прочих достопримечательностей города он показал мне местную «тюрьму», где заключенные сидели в ряд с надетой на одну ногу колодкой и с цепью на шее.

Бек увлекался соколиной охотой, и мне очень захотелось побывать на соколиной охоте с ним. Я сам держал соколов в Индии, и купил несколько птиц в Персии, и мне было бы интересно узнать, есть ли какие-нибудь отличия в методике

охоты. Однако в последний момент я обнаружил, что все мои товарищи по путешествию также намеревались поехать со мной на эту охоту, и таким образом собиралась огромная толпа. Я же хотел избежать ненужной публичности. Если бы подобная история стала известна большевикам, то они могли бы подумать, что мы представляем собой очень важных персон, и предпринять какие-то специальные действия для нашего перехвата. Поэтому я призвал всех вернуться назад, а сокольники поехали одни и вернулись с парой фазанов.

Мы планировали дальше путешествовать на верблюдах, но бек сказал нам, что мы сможем проехать и на лошадях. Это было быстрее и проще и уменьшало риск перехвата. Поэтому я ухватился за эту мысль, и в развитие этой идеи купил еще несколько лошадей.

Теперь наша группа состояла из тридцати лошадей, девять из них были запасными и везли еду. Мы также взяли еще четырех проводников, доведя общую численность отряда до двадцати одного человека. Нам посоветовали взять еще несколько проводников по следующим причинам один человек может сбиться с дороги, а потом потерять голову, растеряться, двое или трое могут посовещаться и поступить в такой ситуации правильным образом. Кроме того, проводникам надо будет возвращаться, а одному путешествовать по пустыне или степи быть небезопасно.

Мы выехали из Бурдалыка 24 декабря и несколько миль ехали среди возделанных полей, среди которых попадались поселки и сельские дома. Все они были обнесены укреплениями, но башен, как на северо-западной границе Индии, здесь не было. Было похоже на то, что туркмены долины Оксуса находились в стадии перехода от кочевого к оседлому образу жизни. В поселках было множество юрт и хижин, построенных из камыша и глины, которые были точными копиями юрт, в которых эти люди родились, и в течение нескольких поколений рожали своих детей.

Бек считал нас своими гостями и принимал нас с величайшим гостеприимством; однако, когда мы уезжали, нам выставили небольшой счет в размере пяти тысяч рублей за наше развлечение! Тем не менее мы получили существенную помощь, необходимых проводников и еду для нашего дальнейшего путешествия, за все это я вполне готов был заплатить. Мне также хотелось подарить беку какой-нибудь личный подарок за все то, что он сделал для нас — без его реальной и существенной помощи мы никогда бы не смогли продолжить наше путешествие.

Единственная вещь, которая была у меня про запас, это карманный барометр-анероид, на котором были выгравированы

мои инициалы. Вероятно, этот барометр-анероид в конечном итоге нашел дорогу на Кабульский базар и породил слух, дошедший до меня со страницы лондонской газеты 16 февраля 1920 года:

> «Несколько месяцев назад в Индию из Кабула просочились обстоятельства одной истории. История заключается в том, что какой-то человек, прибывший из Ташкента, на базаре в Кабуле в разговорах распространялся о том, что это именно он помог Бейли бежать от большевиков, но позже в ссоре, возникшей между ними, он убил его и ограбил, завладев его имуществом, в том числе и часами с его инициалами F.M.B. на крышке. Эти часы, как утверждалось, продавались на базаре».

После падения Бухары бек Бурдалыка был убит, а его собственность, как можно предположить, была разграблена, и этот барометр-анероид нашел свою дорогу в Кабул, где решили, что это часы с моими инициалами.

За пару миль до Оксуса возделанные поля закончились, и мы ехали по заросшей камышом равнине, на которой гнездились дикие гуси и утки. Мы достигли берега Оксуса в послеобеденное время, что было слишком поздно, чтобы мы могли всей группой переправиться до наступления темноты. Новости о нашем прибытии не могли попасть на другой берег реки, пока мы оставались на этом берегу и контролировали все лодки, и я подумал, что будет лучше переправиться на следующий день.

Я надеялся, что слухи о нашем передвижении не успеют достичь ушей наших врагов. Спали мы на открытом воздухе, и пришли к мнению, что на берегу реки было очень холодно и ветрено.

Рождественским утром 1919 года нам потребовались три часа и сорок минут, чтобы переправиться всей компанией на большом пароме, сделав три ходки. Но тут у нас возникли трудности с новыми лошадьми, которые отказывались нести груз, и за час нашего путешествия по прибрежной речной равнине, заросшей высокой травой, мы проехали меньше мили. В Туркестане жеребцов не кастрируют, и они могут создать проблему — пронзительно ржать, и драться, если их оставить свободными на ночь. Поэтому их приходится на ночь крепко привязывать к кустам саксаула или к длинным колышкам, крепко вбитым в землю. В конце концов нам пришлось выбросить кое-что из багажа — что-то вроде чемодана или дорожной сумки, принадлежащей госпоже Мандич, которую мы до сих пор

перевозили с некоторыми трудностями. Эта сумка была слишком велика и неуклюжа для этих полуобъезженных животных.

К этому моменту у нас уже был некоторый опыт путешествия по этим безводным степям, и я решил, что мы слишком много времени тратим впустую, располагаясь лагерем у колодцев. Например, мы могли добраться до какого-то колодца в три часа дня, но зато потом могли не успеть достичь следующего до наступления темноты, и таким образом терялось несколько драгоценных дневных часов светлого времени. Поэтому с этого момента мы стали игнорировать колодцы в качестве места привала, а рассматривали их только лишь как место водопоя. Когда мы подъезжали к колодцу, мы поили лошадей, а затем продолжали свой путь до наступления темноты и разбивали бивак в любом месте, где мы оказывались в тот момент. Иногда, конечно, если везло, то и у колодца. После Оксуса у нас было несколько дней путешествия без особых происшествий.

Мандич говорил на немецком, русском и сербском языках, но не знал английского. Предполагая, что ему придется долго путешествовать через Индию и морем, он решил, что было бы полезно изучить и английский язык, поэтому я давал ему уроки английского. Мы подошли к будущему времени «Я буду», «Вы будете», «Он, она, оно будет», «Мы будем», «Они будут». В русском и большинстве других языков указание на будущее время — аналог английского «will» — меняется с человеком и даже в некоторых случаях вместе с полом субъекта. Мандич запротестовал «Вы сказали I will, но вы также сказали «you will» и «he will»! Нет ли здесь какой-то ошибки?». Я сказал «Нет. Язык именно так прост». «Я могу выучить такой язык в несколько дней», — ответил он. И он это сделал! Я думаю, что люди, чей родной язык является малораспространенным языком, обычно воспитываются в двуязычной атмосфере, заставляющей их изучать еще и один из главных мировых языков. Такие люди сравнительно легко овладевают третьим или четвертым языком.

Поверхность пустыни, по которой мы путешествовали, была неровной, скорее напоминавшей застывшие волны штормового моря. Большой частью она была покрыта маленьким кустарником, по-русски называемым саксаул, который являлся превосходным топливом, в котором у нас никогда не было недостатка. В некоторых местах дождевая вода собиралась каптажем[104] в маленький ручеек, который у жителей этих мест носил название как. Вода в таких местах была глинистая, но без вкуса соли, и мы всегда были рады набрать немного такой глинистой воды в этих местах. Одним из доводов, убедивших меня отказаться от первоначального плана медленного путешествия на верблюдах и

рискнуть поехать на лошадях, были сказанные нам слова, что у колодцев мы встретим людей, которые продадут нам немного еды для нас и корм для лошадей. До сих пор мы не встретили абсолютно никого, и бывало так, что у наших бедных лошадей, от которых, в конечном счете, зависела наша жизнь, не было никакой травы для корма вообще в течение четырех дней, и только очень немного зерна и соленой воды. Погода стояла сухой, холодной, ветреной и пыльной. Вода в колодцах на нашем пути была чрезвычайно соленой, и иногда даже наши лошади отказывались ее пить, хотя они, надо полагать, испытывали ужасную жажду.

Эти длинные, безводные переходы тяжело отражались на Зипе. В моих путешествиях в Арабистане и по Памиру в Туркестане он выучился, когда уставал, впрыгивать с земли на мое колено, когда я сидел на лошади. Это беспокоило лошадь, но потом она привыкла к этому. Бегущий рядом с моей лошадью Зип, просящий взять его на лошадь, доставлял немало развлечений моим товарищам по путешествию, ни у одного из которых не было большого опыта собаководства.

В степи было множество тушканчиков — крыс с длинными задними ногами и длинными хвостами. Было также множество панцирей черепах, лежащих повсюду, но сами эти животные зимовали, и мы не видели ни одной живой особи. Эта пустыня практически непроходима летом из-за высокой температуры и нехватки воды. Мне также сказали, что она кишит ядовитыми скорпионами, которые могут ужалить человека, спящего прямо на земле, как были вынуждены поступать и мы.

У туркменов есть любопытный, и, с нашей точки зрения, вредный и бессмысленный обычай, для возникновения которого должна быть, конечно, какая-то причина. После того как они попоят лошадь в пустыне, они заставляют, хлеща ее, скакать галопом по кругу с максимально возможной скоростью в течение нескольких минут. Они говорят, что, если они так не сделают, вода повредит лошади. Я не проделывал ничего такого со своей лошадью и не нанес ей никакого вреда. В некотором отношении и туркмены, и тибетцы, и другие народы, зависящие от лошадей больше чем мы теперь, обращаются со своими лошадьми так, как мы бы не одобрили. Однажды я показал одному бахтиярцу с гор в юго-западной Персии фотографию годовалового жеребенка, проданного за десять тысяч гиней. Цена ошеломила его, и он спросил меня, что этот конь мог делать. Я сказал, что он мог пройти короткое расстояние, скажем несколько миль, быстрее, чем большинство других лошадей, несущих легкий вес. Он будет зарабатывать деньги в стойле, будет использоваться как

племенной жеребец. Все это показалось ему довольно бесполезным. У него была своя собственная лошадь, которая несла его сто семьдесят миль два дня с большим количеством веса. Именно такая лошадь ему была нужна.

Когда мы путешествовали по степи, нам рассказали о туркмене, разыскиваемом за убийство, который, как полагали, находился где-то в этих местах. Я сказал, что должно быть совсем не трудно его поймать, достаточно было устроить засаду у колодца, куда он должен был приехать за водой. Ничуть не бывало он приучил свою лошадь есть бараний жир! В таком случае животное могло обходиться без воды в течение нескольких недель!

Где-то в полдень 28 декабря Мандич сломался. Он несколько дней страдал от болей в спине, но не говорил об этом. Теперь он сказал, что он не может ехать дальше. Я подсчитал, что мы находимся на расстоянии в сто шестьдесят верст от Оксуса и сто двадцать от Мургаба. Трудно было найти худшее место в пустыне на нашем пути для такого несчастного случая, впрочем, и долина Мургаба, контролируемая большевиками, вряд ли могла являться местом нашего приюта и отдыха. Я сказал, что он должен ехать, а мы попробуем ехать помедленнее и сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь ему. Он в ответ заявил, чтобы мы ехали, а он останется и умрет здесь один. Тогда его жена начала рыдать. Некоторые члены нашей группы стали мне говорить «Оставьте его, мы должны ехать, у нас нет ни еды, ни воды, и мы все умрем, если задержимся». Я сказал, что этого не будет. Но тут одному из наших проводников в голову пришла замечательная идея. Одна из наших запасных лошадей была иноходцем[105] и могла двигаться более спокойным для всадника ходом. Мы разгрузили эту лошадь, положили на нее седло Мандича, и Мандич затем сел на нее. Он вздохнул с облегчением и сказал, что это совсем другое дело, и на такой лошади он готов всегда ездить!

Вскоре после этого мы подъехали к каким-то брошенным хижинам. Стены их были сделаны из веток саксаула, и к нашей радости щели в стенах от ветра были заткнуты пучками травы. Мы повыдергивали ее и дали нашим лошадям, умирающим от голода. Каждой лошади досталось немного, но съели они ее с жадностью. Если у нас случались задержки в пути, как например, во время водопоя у колодцев или как в случае задержки с Мандичем, мы обычно компенсировали их, проезжая еще несколько миль после захода солнца, если могли разобрать дорогу. В этот день в сумерках мы потеряли дорогу и вынуждены были остановиться.

На следующее утро наши проводники признались, что они

совсем потеряли дорогу. Я подсчитал, что мы были приблизительно в восьмидесяти верстах или пятидесяти милях от реки Мургаб. Долину реки или скорее полосу возделываемой земли вдоль реки контролировали и охраняли большевики; наши проводники знали людей из одного поселка, где они надеялись получить помощь и продовольствие. Было сомнительно, что мы сможем ехать по компасному азимуту, так как лошади не смогли бы проделать такой долгий путь без воды. Они были изнурены нашим долгим путешествием с очень скудным кормом, а последний раз они пили в полдень предыдущего дня. При этом шанс проехать таким образом случайно мимо колодца был настолько призрачным, что он мог быть исключен. Но даже если бы все эти трудности были бы преодолены, большая, уставшая и измученная жаждой группа людей, спешащая к реке, возможно, при этом, безо всякой надлежащей предосторожности, становилась легкой добычей наших большевистских врагов.

Ситуация, конечно, была серьезной. Тогда один из туркмен, бывших с нами, сказал, что он мог бы найти колодец, но в стороне от направления нашего маршрута. Мы согласились, чтобы он повел нас. После трехчасового, скорее безнадежного путешествия, он сказал, что он все еще надеется, но думает, что до колодца должен быть еще часа три езды. В конце этих трех часов он оценил необходимое время для поиска колодца еще в два часа, но он совершенно не был уверен в том, что мы вообще его найдем! В любом случае, как он сказал, если мы не встретим людей у колодца, то не сможем добраться до воды, так как он слишком глубокий. В силу своей неопытности, я не испугался этого. Со всеми веревками и ремнями из упряжи тридцати лошадей мы, так или иначе, добрались бы до этой воды. В глубине моего сознания, однако, таился страх, что, чтобы напоить такую большую группу людей и животных, потребуется так много времени, что первые ее получившие захотят снова пить до того, как успеют напиться последние.

Сразу после того, как нам пообещали еще два часа дальнейшего пути, мы внезапно вышли к колодцу с хижиной и стадом овец около него. Мы были спасены, и можете только себе представить наше ликование. Это место называлось Юр Чилик. В самом деле, было удачно, что мы встретили здесь людей, иначе мы бы все умерли от жажды. Как оказалось, колодец был глубиной семьсот пятьдесят футов,[106] что мы измерили шагами по длине веревки, и у нас не было никаких шансов добраться до воды. Сама веревка такой длины была слишком тяжела, чтобы перевозить ее на лошади. Колодец был зацементирован по краям и давал необычное эхо. Вода поднималась в большом кожаном

мешке, веревку, перекинутую через шкив, тянули два верблюда. Каждую порцию воды верблюды вытягивали девять минут. Задача подъема воды в маленьком ведерке руками с целью напоить тридцать лошадей была бы совершенно безнадежной. Вода из этого и нашего следующего глубокого колодца была чудесной, кристально прозрачной и без всякого вкуса соли. До этого нам приходилось все время, начиная с момента отъезда из Бухары, за исключением времени, проведенном в Бурдалыке, пить солоноватую и грязную воду.

Какое же невероятное терпение и непоколебимость должны были проявить люди, копавшие на такой неимоверной глубине колодец в этой пустыне. Какие чувства должен был испытывать человек, спустившийся на глубину более семисот футов и не обнаруживший ни капли воды! Я думаю, что в определенных местах в пустыне обязательно должны были быть колодцы с водой, иначе эта пустыня становилась просто непроходимой, и поэтому, возможно, там копали колодец просто до тех пор, пока не находили воду! Мне рассказывали, что колодцы северо-восточнее Красноводска, восточнее Каспийского моря, были даже значительно глубже, чем этот.

Люди у этого колодца сказали нам, что нам придется еще раз сделать остановку у подобного глубокого колодца, прежде чем мы доберемся до реки Мургаб. Этот колодец был приблизительно в тридцати пяти верстах или двадцати трех милях отсюда. Мы провели здесь весь этот день и следующее утро, кушая, отдыхая и ухаживая за лошадьми, о которых мы мало заботились в течение нескольких последних дней в пустыне. На шомполах наших винтовок мы сделали гигантские шашлыки, как делал Питер Флеминг во время своего путешествия по Китаю. Мы ели этот шашлык с восхитительным горячим хлебом, испеченным для нас туркменами. Этот хлеб скорее походил на индийский чупатти, но толщиной он был в два дюйма и в два фута шириной.

Во время нашей стоянки у колодца мы видели, как один человек ушел со стадом в три тысячи овец. У него было три верблюда, осел и собака. Как предполагалось, он будет отсутствовать двадцать дней, в течение которых и он, и осел, и собака будут пить воду, которую несут на себе верблюды, в то время как овцы и верблюды никакой воды не получат, кроме, возможно, дождевой воды из лужи. Они смогут обходиться без воды в течение двадцати дней. Я задавался вопросом, о чем может думать человек, находящийся в полном одиночестве в течение двадцати дней, как этот пастух! У него нет с собой никаких книг, да он и не умеет читать. Через двадцать дней этот человек должен будет вернуться к колодцу, хорошенько напоить

всех своих животных, и затем снова уйти в пустыню, как и раньше. Овцы были те самые, от которых получают каракуль. Каракуль это не шкуры неродившихся ягнят, а шкуры ягнят, убитых почти сразу после рождения. Я, подумав, решил, что именно нехватка воды и очень трудные условия жизни овец заставляют овечью шерсть завиваться мелкой смушкой, что и придает ей такую ценность! Хайдер Ходжа рассказывал мне, что этих овец завозили на Кавказ и даже в Канаду, но в тех местах ягнята рождались с шерстью без завитков, а потому не представляли никакой ценности.

В целях охраны туркмены держат больших, свирепых собак, подрубая им уши, подобно тому, как тибетцы поступают со своими длинношерстыми мастиффами. Еще туркмены держат своего рода борзых, с которыми они охотятся на газелей. Они могут поймать таким способом газель только в определенное время года, когда животные находятся в плохом состоянии. Охотники, туркмены сказали мне, что, когда газели хорошо упитаны, собаки могут настичь их, но они не могут вонзить в добычу свои зубы! По разным причинам верблюдов здесь кормили насильно шариками из муки, смешанной с другими ингредиентами, заталкивая этот корм прямо им в горло. Мне кажется, что это весьма неприятный и, очевидно, довольно опасный для человека процесс.

Мы покинули наш гостеприимный колодец в час пополудни 30 декабря. В одном месте мы нашли заросли растущей травы и остановились, чтобы нарвать ее для корма нашим лошадям вечером.

Вечером мы добрались до колодца, похожего на Юр Чилик, он назывался Хумли. Он был глубиной шестьсот футов,[107] и верблюдам требовалось семь с половиной минут, чтобы достать кожаный мешок восхитительной воды. По прибытию мы узнали, что четверо русских отбыли сегодня утром в Бурдалык. Мы были почти уверены, что у них должно было быть сообщение для нас из Мешхеда, и поэтому сразу послали им вдогонку человека, чтобы разузнать, кто они, и, если понадобится, вернуть их. Весь следующий день мы их ждали.

Я хотел добыть экземпляр газели (Gazella subgutturosa) в этом редко посещаемом месте. По сведениям, полученным у Юр Чилика, их должно было быть много около этого колодца, и, кроме того, одна из них была больна. Вообще, очень редко можно увидеть больных диких животных. Я пошел на поиски и вскоре увидел, что больное животное погибло. Я взял себе рога, и ныне они находятся в Бомбейском Общественном Музее Естествознания. Я отправился дальше, надеясь подстрелить одну

газель, и вскоре увидел трех газелей, но они были очень дики и пугливы, и мне не удалось их подстрелить. Туркмены называют этих газелей сайгаками или джейранами.

Днем вернулись русские. Оказалось, что это были люди, которых я послал из Бухары 22 октября и 12 ноября и которые привезли письмо от генерала Маллесона, предписывающее мне вернуться в Мешхед. Один из этих посыльных прибыл в Мешхед 16 ноября и сказал мне, что генерал послал мне письмо в Бухару на следующий день, 17 ноября. Как сейчас выяснилось, 8 декабря Казначей спросил Азизова, туркмена из Хивы, путешествовавшего сейчас со мной, умеет ли он читать по-английски, а пару дней спустя с тем же вопросом он обратился к одному из моих русских компаньонов с аналогичным вопросом. Они оба ответили, что не знают английского, но что в Бухаре сейчас находится английский офицер, который мог бы это сделать. Казначей сказал, что не будет этого делать. Я не сомневаюсь, что эти глупые бухарские министры перехватили присланные мне письма, надеясь узнать их содержание. Эта неспособность доверять своим проверенным друзьям, как показали эти случаи с сообщениями и подарками, преподнесенными моим двум индийским солдатам, и неспособность избежать искушения поинтриговать были не менее раздражающими от того, что были ожидаемыми. Впрочем, de mortuis…,[108] эти люди — Казначей, Куш Беги и многие другие несколько месяцев спустя были расстреляны большевиками.

Я услышал от этих четверых русских очень хорошие отзывы о британских силах в Мешхеде, они были восхищены увиденным там обмундированием и рационом питания индийских солдат. Они сами были там одеты и снабжены всем необходимым для этой своей поездки в Бухару, что они рассматривали в качестве очень щедрого жеста.

Той ночью выпал снег, и было очень холодно под нашим войлоком. Новогоднее утро 1920 года выдалось холодным и ветреным, шел снег. Возможность нашего передвижения в создавшихся условиях выглядела настолько бесперспективной, что мы остались здесь на весь день.

В течение следующей ночи погода прояснилась, но все еще было очень холодно, а толщина снега была около пяти дюймов, [109] и мы вышли в дорогу позже обычного.

Глава XXIII
Через Мургаб

На следующее утро, проехав около двадцати миль, на значительном расстоянии от нас мы увидели быстро скачущего одинокого всадника. Это был первый человек, которого мы увидели в степи, за исключением людей, встретившихся нам у последних двух колодцев. Мы не придали этому случаю большого значения и через короткое время забыли о нем. Вскоре после этого в поле нашего зрения оказался колодец, около которого мы увидели людей. Казалось, что они готовились к обороне, поскольку мы заметили в их руках винтовки. Мои русские товарищи по путешествию хотели сразу атаковать их — и ничего хорошего это нам не сулило, было безумием пытаться без прикрытия с нашими семью винтовками выбить из зданий вооруженных мужчин, не имея никакой надежды на нормальный уход для раненных, и имея в качестве альтернативы, если бы нам не удалось силой захватить это место, плен или смерть от жажды.

Я взял с собой одного туркмена и подошел к колодцу на расстояние, достаточное чтобы докричаться до людей там, и передал им, что мы не собираемся причинять им вред, но мы должны получить воду. Затем мы обнаружили старика, который, по-видимому, в окрестностях колодца собирал хворост на топливо, и объяснили положение дел ему, и сказали, что если понадобиться, то мы готовы решить вопрос оружием, но лучше бы этого было не делать. Мы не рассказывали ему, как плохо мы были вооружены, и он должен был быть уверен, что у каждого из нас есть винтовка. Он вернулся к своим товарищам и, как мы могли видеть, стал объяснять создавшуюся ситуацию людям у колодца, которые затем стали сигнализировать нам, чтобы мы подошли. Это мы делали осторожно. У колодца мы обнаружили две комнаты, и были рады этому пристанищу. Компания у колодца состояла из двух отъявленных разбойников, трех или четырех их приятелей и странного, подозрительного субъекта в персидском платье. Все они были достаточно вооружены, чтобы не подпустить нас к воде в случае вооруженного конфликта между нами. Мы договорились с ними, что займем одну комнату, а они другую, и, что в любом случае мы не вмешиваемся в дела друг друга.

Спустя некоторое время, Кал би Мохаммад, наш солдат хазареец, сказал, указывая на перса «Я знаю этого человека, его зовут Саид Мохаммед, но он также известен как Ишан, и он

хорошо известен в Мешхеде своей дурной репутацией». Это было на редкость удивительным совпадением и, как оказалось, очень удачным для нас. Я отозвал в сторону главаря шайки туркменских разбойников и спросил, кто этот человек. Он ответил «Я никогда его не видел прежде. Он появился за несколько минут до вас и сказал нам, что вы собираетесь напасть на колодец. Он перс».

«В таком случае, — сказал я, — я не нарушу своего слова, если я займусь им».

«Нет, конечно, — ответил он, — вы можете делать с ним все, что угодно».

После этого я подошел к этому человеку и сказал, что я намереваюсь его арестовать на эту ночь. Он начал протестовать, но сделать ничего не мог. Мы его обыскали, разоружили и связали. Мы договорились по очереди нести караул, чтобы следить за нашим арестантом и нашими лихими соседями по пристанищу у колодца. Они сделали то же самое, установив наблюдение за нами. Мы бросили жребий и составили график несения караула, и мне выпало время дежурства в самом конце ночи прямо перед рассветом, которое я провел, наблюдая за их часовым, в то время как он наблюдал за мной!

Утром я объяснил персу, что мы должны будем взять его с собой. Когда он понял, что мы говорим серьезно, он не стал возражать. Однако мы все равно связали его ноги под его лошадью, и ее вел один из наших людей. Чего мы боялись, и в чем потом позже мы были почти уверены, это то, что он был шпионом, посланным большевиками, для наблюдения и сообщений о таких группах, как наша, чтобы можно было подготовить нам надлежащий прием у какого-нибудь колодца. Отчаянное положение отряда, подобного нашему, можно было легко понять, если при достижении колодца мы обнаруживали его занятым врагами, подготовившимися к встрече с нами. Мы не могли никак укрыться от их огня, и мы должны были бы сразу получить воду или погибнуть.

Третьего января мы проехали около шестнадцати верст, когда мы оказались достаточно близко к реке Мургаб, чтобы озаботиться принятием специальных мер предосторожности. По пути мы встретили трех туркмен со стадом овец, а также проехали колодец. Колодцы, естественно, были более многочисленными в окрестностях реки. Вскоре мы остановились и послали вперед человека, чтобы подготовить нашу переправу. Я взобрался на пригорок и смог увидеть реку и некоторые здания. Наш человек вернулся с едой для нас и наших лошадей. Покормив лошадей, мы сами что-то поели и около восьми часов

вечера тронулись в дорогу. Мы двигались в темноте и в половине десятого достигли берега реки. Река была шириной приблизительно в двадцать ярдов с крутыми берегами. Мы находились около железной фабричной дымовой трубы. Нашим проводникам-туркменам она была известна как «машина». Они рассказали нам, что это был механизм для подъема воды, и установлен он был одним богатым баем. Мы находились около поселка Сары Язы. Здесь была одна лодка в рабочем состоянии, которая перетягивалась проводным буксиром от одного берега до другого. Лодка была слишком маленькой, чтобы взять на борт лошадь, и лошади переправлялись вплавь по две или три за один раз, удерживаемые и ведомые людьми в лодке. Переправа заняла у нас приблизительно полтора часа. Мы старались не шуметь, как только это было возможно, поскольку опасались большевиков, патрулировавших железнодорожную линию, однако мы произвели достаточный шум, чтобы потревожить фазана, усаживавшегося на насест над нашими головами, который стал громко кричать. Человек, организовавший для нас переправу, превзошел все наши лучшие ожидания, и я поэтому заплатил ему двенадцать тысяч рублей.

Через три версты от реки мы подъехали к железнодорожной ветке Кушка — Мерв. Была яркая лунная ночь, и при свете Луны я смог прочитать цифры на телеграфном столбе у того места, где мы пересекали железнодорожную линию — 167/12/12. Мы путешествовали затем до двух часов ночи, и к этому времени мы снова оказались у колодца в пустыне и остановились здесь на ночной отдых. Перед тем как лечь спать, мы открыли сумки с едой, которую мы купили предыдущим вечером у туркмен, и обнаружили, что еды нам дали очень мало, и оказалось, что у нас осталось только шестнадцать чупатти на двадцать пять человек на четыре дня. Я могу только предположить, что люди, поставлявшие нам еду, воспользовались темнотой и нашей непростительной беспечностью в силу нашей озабоченностью опасностями и прочими проблемами, чтобы обвесить нас. Мы поровну разделили шестнадцать чупатти и легли спать голодными.

На следующее утро мы встали в половине девятого и оказались в очень плотном и холодном тумане. Позже он рассеялся, и мы увидели, к своему страху и разочарованию, что, хотя после пересечения реки мы и проехали достаточно большое расстояние, мы все еще были достаточно близко к реке и могли видеть деревья, растущие вдоль реки. Всегда оставалась возможность, что большевики могли услышать, как мы переправлялись, и послать за нами вдогонку людей. Я был

уверен, что обязанность нашего персидского арестанта в том и состояла, чтобы предупреждать большевиков о подходах таких подозрительных групп.

Мы проехали несколько колодцев, у одного из которых мы остановились и попили чай из растопленного снега, и остро почувствовали нехватку еды. Мы видели несколько газелей и зайца, но не смогли подстрелить их. Попадалось также несколько песчаных куропаток. Снова опустился сильный туман. По своему компасу я мог видеть, что мы уклоняемся от маршрута, но наш проводник сказал нам, что все в порядке, и он знает, куда он нас ведет. Внезапно мы поехали по следам большой группы людей, и мне потребовалось минуту или две, чтобы понять, что мы сделали круг и снова едем по своим собственным следам! Теперь проводник признался, наконец, что мы заблудились, таким образом, мы, двигаясь по нашим следам, приехали к колодцу, где мы пили чай. Мы отъехали от него снова в шесть и на полпути снова заблудились, поэтому снова остановились. Была холодная, морозная ночь. Мы проехали в целом двадцать шесть миль, из которых шесть было потрачено на бесцельные блуждания. Это раздражало, учитывая опасность нахождения невдалеке большевиков, охранявших железную дорогу, и нехватку у нас еды.

На следующее утро мы выехали в восемь и проехали рядом с двумя колодцами, которые проезжали предыдущим днем. Через четырнадцать верст мы подъехали к группе из пяти колодцев, называющихся Кокчу, у подножья бросающегося в глаза холма. Мы не смогли набрать воды, так как колодец был слишком глубокий, поэтому, немного отдохнув, мы отправились в путь дальше и в шесть вечера мы подъехали к колодцу с хижиной около него под названием Гумбузли Теке, где мы нашли человека с одним верблюдом, достававшим воду из колодца, которой и напоили наших лошадей. Этот колодец был глубиной сто тридцать пять футов.[110] К этому времени у нас совсем закончились наши собственные продукты, и мы ели зерно, предназначенное для лошадей, которое мы прожаривали или варили. Человек у колодца сказал, что он из соседнего лагеря, и мы уговорили его дать нам немного еды. Мы послали с ним одного из наших проводников, чтобы он взял эти продукты. Мы ждали его возвращения в течение часа, но он не возвращался, поэтому мы пошли в темноте за ним, и через некоторое время увидели впереди огонь. В этой стране очень опасно неожиданно, врасплох подходить к людям в ночное время. Они склонны сначала начать стрелять, а уж потом смотреть и разбираться, что это было; поэтому мы стали им кричать. В ответ они стали кричать «Убирайтесь или мы будем стрелять». Потом наш

проводник подошел к нам вместе с одним из тех людей, которой объяснил нам, что они были шайкой разбойников; это объясняло, почему они не остановились около колодца, а остановились лагерем в одной версте от него и послали одного человека к колодцу за водой.

Они боялись нас и, конечно, стали бы стрелять, если бы мы подошли еще ближе к ним. Бороться с ними было бесполезно, поэтому мы отошли немного назад, так, чтобы они не могли видеть нас в свете костра, а они пообещали прислать нам немного еды. Вскоре, как только мы немного отошли, они крикнули нам, что у них ничего нет для нас, и нам лучше убираться совсем. Все это было весьма утомительно и печально, так как мы были очень голодными. Зато у нас была отличная вода, которой у нас, возможно, и не было бы, если бы наткнулись на этих весьма мало приятных людей у колодца.

Мы возвратились на тропу, по которой мы двигались в течение часа и приехали к колодцу с хижиной под названием Крест. Здесь мы в темноте потеряли дорогу, так как вся земля была истоптана следами овец. Мы потратили час впустую на поиски тропы, а затем пошли и заночевали в хижине. Мы думали, что у нас совсем закончилась еда, но тут кто-то обнаружил немного муки. Мой слуга Хайдер, было, собрался испечь для нас чупатти, но госпожа Мандич стала настаивать на том, чтобы испечь что-то еще, что повлекло за собой поиски соды, которая у нее где-то была. Это продолжалось так долго, что я лег спать совсем без всякой еды. Голод сказывался на наших характерах. Я помню, что был весьма раздосадован на нее.

Утром, как раз когда мы собрались уже выезжать, прискакал туркмен. Он направлялся из Пендждеха в Саракс и ему пришлось ужинать вместе со вчерашними разбойниками. Они очень нервничали из-за его появления, думая, что он был нашим человеком, засланным, чтобы разузнать численность их шайки и их вооружение. Этот туркмен рассказал нам, что, как только разбойники прогнали нас прошлой ночью, они собрались и быстро уехали, опасаясь, как бы мы не напали на них ночью.

Наш персидский арестант к этому времени вполне освоился со своим положением, хотя мы и не ослабляли своих мер предосторожности. Он знал немного эту местность — во всяком случае лучше, чем наши проводники. Положение с продовольствием было серьезным, и я подумал, что мог бы, если повезет, подстрелить какую-нибудь дичь. План охоты, предложенный русскими, состоял в том, чтобы направиться всей толпой и всем вместе стрелять по цели, которую видно, пока она не скроется из глаз. Наш арестант, оказалось, лучше был знаком с

повадками местной фауны пустыни. Я подумал, что вместе с ним мы сможем преуспеть в охоте настолько хорошо, что взял его с собой, чтобы попытаться добыть немного мяса. Нам встретилось несколько стай песчаных куропаток, которые, вероятно, кормились на участках снега. Я видел несколько лис и около тридцати газелей. Я подобрался к последним на расстояние приблизительно сто пятьдесят ярдов, но мой выстрел оказался неудачным. Я пользовался старой бухарской трехлинейной винтовкой, о которой не очень хорошо заботились в бухарской армии. Это было неутешительно. Но в целом все оказалось хорошо, когда мы позже утром приехали в туркменский лагерь, где мы купили хлеб и баранину, и у нас еще было четыре часа времени, чтобы приготовить еду и поесть.

Вечером мы добрались до колодца, называвшегося Гумбезли, где мы надеялись встретить людей, которые бы помогли нам поднять воду из колодца и дали еды. Однако там никого не оказалось, и у нас возникли трудности и задержка с подъемом воды из шестидесятифутового колодца. У нас ушло три часа на то, чтобы дать каждой из наших тридцати лошадей по одному ведру воды. У нас с собой было одно ведро. Второе ведро сократило бы это время, поскольку можно было бы его опускать в колодец в то время, пока лошадь пьет из другого ведра. Я даже поссорился с одним из русских из-за того, что он хотел дать своей лошади два ведра воды. Если бы мы все так поступили, мы никогда не закончили бы поить своих лошадей. Если бы мы встретили хороших туркмен с одним или двумя верблюдами, мы могли бы заполнить корыто водой всего за несколько минут. И еще я подумал, находясь в этом месте, что в пустыне было так мало хороших мест, которым можно было дать название, что казалось странным и ненужным двум близко расположенным местам давать почти одинаковые названия — Гумбузли Теке и Гумбезли.

Глава XXIV
Приграничный Скирмиш

Мы были теперь у персидской границы. Колодцы и местные жители здесь встречались сравнительно часто. Мы покинули колодец Гумбезли приблизительно в девять вечера и ехали вдоль прямой и хорошо различимой тропы, ведущей к Сараксу, городу на персидской границе. Мы не могли ехать прямо туда. На этом правом берегу реки, по которой и проходила здесь граница, находился русский город Саракс с большевистским гарнизоном. Поэтому, проехав какое-то расстояние по этой тропе, мы свернули с нее и поехали дальше, ориентируясь в своем движении на Запад по звездам. Однажды мы проехали стойбище пастухов и, поприветствовав людей, попросили у них немного зерна для наших лошадей. Они были напуганы нами и сказали, что у них ничего нет, и что в получасе езды в нашем направлении есть колодец, и что если мы немедленно не уедем, они будут стрелять. Мы так никогда и не нашли этот колодец, и я сомневаюсь, что он вообще существовал. Положение было серьезным, и мы начинали впадать в отчаяние, так как мы отдали нашим лошадям все последнее зерно, надеясь его купить в этом сравнительно густонаселенном районе. Вскоре после этого мы пересекли полосу настоящей пустыни шириной двадцать верст, в которой не росло вообще ничего. Местные жители называли это Керк, но было ли это название данного специфического вида земли или название местности, я так и не выяснил. Мы не могли здесь остановиться, так как здесь не было никакого топлива, и было ужасно холодно. Вскоре после полуночи взошла Луна. При ее свете мы увидели, что пересекаем хорошо протоптанную тропу, идущую прямо поперек нашего направления. Наши проводники знали ее и сказали, что она ведет прямо в Саракс. В два сорок ночи мы снова въехали в заросли саксаула, остановились, разожгли огонь, согрелись и легли спать. Русские потратили еще немало времени, чтобы приготовить чай, которое, как мне кажется, лучше было потратить на сон. Мы проехали в этот день шестьдесят четыре версты — приблизительно сорок две мили.

Когда забрезжил рассвет, мы увидели перед собой на западе ряд заснеженных гор. Между нами и горами находился конусообразный холм регулярной формы. Горы были уже в Персии.

Трудно описать чувство, испытанное всеми нами при виде свободной земли, пусть даже и на расстоянии.

Мы проехали еще пятнадцать верст в этом направлении, когда въехали в маленькую впадину в степи. С гребня отсюда мы могли видеть внизу, на расстоянии менее мили реку, которая являлась персидской границей. Мы все, возможно, даже несколько неосторожно, въехали на этот гребень. Фактически мы не знали, что находимся так близко к границе. Мы поспешно съехали в лощину, а я продвинулся вперед и, залегши в кустах саксаула, стал рассматривать в свой полевой бинокль все, что мог увидеть.

На другой стороне реки находилось что-то, на таком расстоянии походившее на кладбище, но на самом деле это была персидская деревня Наурозабад с регулярным рядом домов странной формы. Невозможно было на расстоянии определить ширину реки, но я мог видеть очень широкую полосу зеленого камыша вдоль берега с этой стороны реки и более узкую с персидской стороны. Что беспокоило меня больше всего, так это то, что на расстоянии мили от нас, на холме, возвышающемся над рекой, находились какие-то люди, которые встали и ушли. Кто они? Видели ли они нас?

Моим первым порывом было ехать сразу к реке, прежде чем любой возможный враг мог бы подготовиться, но наши проводники не могли сказать о том, какая это река и можно ли было перейти ее вброд. Мы могли видеть что-то вроде брода, но не видели никакого моста.

Не учитывать риск нападения на такой отряд с нашим никчемным вооружением во время поисков брода или попыток пересечь реку неизвестной ширины, казалось просто идти навстречу катастрофе. Я знал, что река была широкой и непроходимой вброд в нескольких милях вниз по течению в сторону Саракса. Поэтому я решил, что необходимо произвести рекогносцировку переправы. Затем наш отряд укрылся в лощине, и двое русских, спрятавшихся в кустах саксаула, залегли там в качестве часовых, наблюдая за всеми передвижениями людей в долине реки, и особенно за тем, чтобы нас не застали врасплох. Предполагая, что люди, которых я видел, были большевистскими часовыми, у которых где-то была поддержка, они легко могли сокрушить нас. Так же было вполне возможно, что кто-то из многих людей, которых мы видели в последние несколько дней, разнес новости о подходе нашего отряда. Все было неопределенно и требовало предосторожностей. В то же самое время я сказал моим двум индийским солдатам, которым я мог доверять, и которые были обучены вещам такого рода, поехать налево от холма конической формы, спуститься к реке и вернуться с другой его стороны. Они должны были сообщить, прежде всего,

относительно того, как можно было переправиться через реку. Я вернулся к отдыхающему в лощине отряду, мы ослабили подпруги на лошадях и сделали все, что могли, для наших уставших и голодных животных. Где-то через час я был удивлен появлением неожиданно подъехавших к нам Авал Нуром и Калби Мохаммадом. Один из наших русских часовых должен был, конечно, заметить их появление и предупредить нас об их появлении, но, как оказалось, он вернулся, чтобы поболтать с друзьями. Я был очень рассержен на него за такое несение караула. Как оказалось, последствия такого разгильдяйского поведения оказались очень серьезными. Посланные на разведку мною двое солдат сообщили, что они никого не видели по дороге, и что река, по-видимому, проходима вброд только в одном месте, где явно просматривался брод, находящийся прямо перед нами справа от конусообразного холма. Нам понадобилось несколько минут, чтобы подтянуть подпруги и выехать. Но эти драгоценные минуты не были бы потрачены впустую, не покинь наш часовой свой пост. Мы все оседлали лошадей и тронулись в путь, чтобы проскакать наши последние мили по советской территории. Все были взволнованы и хотели галопом скакать к подножью холма, чтобы попасть на территорию свободы. Однако я сдержал этот порыв. Часть людей нашего отряда были очень плохими наездниками, и я легко мог вообразить неразбериху и трудности при подобных маневрах. «Нет, — сказал я, — мы пойдем нашей обычной рысцой или иноходью».

В качестве меры предосторожности я послал Калби Мохаммада впереди ярдах в двухстах как разведчика. Он поскакал галопом, а мы следом тут же рысцой стали спускаться в долину.

Полоса камыша у реки, должно быть, была шириной ярдов четыреста или пятьсот с этой, русской стороны реки, и когда он достиг ее, Калби Мохаммад что-то выкрикнул и вскинул руку, но продолжал спускаться в долину к реке. Я не мог понять, что он имел в виду, поэтому, крикнув остальным, чтобы они продолжали держаться вместе, поскакал галопом, чтобы догнать его.

Я сумел догнать его уже на берегу реки, и наши две уставшие и измученные жаждой лошади погрузились в воду до подпруг, чтобы насладиться столь долгожданным напитком. Река была здесь шириной приблизительно восемь ярдов[111] и глубиной четыре фута.[112] Калби Мохаммад сказал мне, что когда он спускался к реке, он видел несколько человек, укрывшихся в камышах по его правую руку. В этот момент раздался выстрел, и вслед за ним еще выстрелы. Калби Мохаммад и я фактически находились в реке в этот момент, а остальная часть отряда была в

двухстах или трехстах ярдах[113] позади, рысью направляясь к нам. В этот момент я в глубине души больше всего боялся, что персы из деревни Наурозабад, находившейся приблизительно в тысяче ярдов[114] от реки, могут подумать, что мы напали на них, и окажут нам сопротивление. Поэтому я забрал у Калби Мохаммада его винтовку и приказал ему скакать как можно быстрее в персидскую деревню, чтобы предотвратить их возможное вмешательство. Я же стоял и поджидал весь наш отряд, мчавшийся уже к тому моменту вскачь во весь опор на соединение со мной. Затем я увидел, что госпожа Мандич, которая была очень слабой наездницей, осталась одна, отстав от всех ярдов на двадцать, с головы у нее упала шапка, и волосы свалились вниз. Она совершенно не управляла своей лошадью, которой вдруг взбрело в голову остановиться в воде среди камышей, чтобы попить! Я предполагал, что меньше чем через минуту весь отряд спрыгнет в воду с обрывистого берега реки, не давая своим измученным жаждой лошадям возможности остановиться, чтобы попить, и выберется по пологому берегу реки на персидской стороне к длинной стене в нескольких ярдах от реки, за которой можно было бы укрыться. Когда они мчались мимо меня, седельные сумки Авал Нура свалились в реку. Он спрыгнул с лошади, чтобы спасти их, и я помог ему опять уложить их на лошадь. Это заняло всего несколько секунд, но когда я снова взглянул назад, то увидел, что лошадь госпожи Мандич спрыгнула с берега реки в воду без наездницы, сама госпожа Мандич лежит на земле, в то время как капитан Искандер — сын Великого князя, скачет назад к ней. Все это время звучали выстрелы, направленные в нашу сторону. Сын Великого князя подъехал к госпоже Мандич и о чем-то говорил с ней. Я боялся, что она могла быть серьезно ранена. Я намеревался узнать, могу ли я ей чем-то помочь, когда пуля, ударившаяся о землю, подняла фонтанчик земли всего в нескольких футах от нее; после этого она вскочила и попыталась взобраться на лошадь позади своего спасителя, но она не смогла это сделать, поэтому она побежала к тому месту, где стоял в реке я, держась за стремя лошади офицера. Когда они добрались до крутого берега реки, в паре ярдов от того места, где стоял я, капитан Искандер поставил свою лошадь внизу под обрывистым берегом, и дама смогла легко усесться на лошадь, и она переправилась через реку и присоединилась ко всем остальным.

Все это выглядело очень театрально, все были в туркменских одеждах, и напомнило мне некоторые сцены из кинофильмов. Огонь с обеих сторон велся все это время. Этот мужественный поступок Искандера при других обстоятельствах был бы,

безусловно, отмечен какой-нибудь наградой за храбрость.

Два других русских офицера, как только они пересекли реку и выбрались на пологий берег на персидской стороне, стали стрелять, сидя прямо верхом на лошадях. Их лошади все время вертелись на месте и пытались присоединиться к остальным, которые были уже позади стены, и, конечно, у стреляющих таким образом не было никаких шансов попасть в цель.

Большевики были ничем не лучше; они прятались в высокой траве приблизительно в ярдах четырехстах от нас, вскакивали, чтобы поспешно выстрелить, а потом опять сразу прятались, в глаза бросались их приметные туркменские шапки. Единственный человек, который вел себя как хорошо обученный солдат, был Авал Нур, он лежал на земле и вел точный прицельный огонь. Я оставался в реке, готовый вернуться и прийти на помощь сыну Великого князя и госпоже Мандич в случае необходимости, но они переправились благополучно без всякого вреда, и как только они пересекли реку, я повернул свою лошадь и спешился, и попросил Авал Нура подержать ее, а сам произвел несколько выстрелов в одного человека, который выскочил из камышей и бежал по открытому пространству. Мои выстрелы заставили его передумать, и он убежал назад. Как только весь наш отряд переправился, и мы, и большевики решили прекратить стрельбу, чтобы не нарушать персидский нейтралитет! Они вышли из камышей, а два русских офицера, Авал Нур и я присоединились к остальным нашим товарищам позади стены.

Все были сильно возбуждены, а госпожа Мандич была просто несчастна, поскольку она потеряла свои седельные сумки, в которых были безделушки (мои kleinigkeiten,[115] как она их называла). Позже я узнал, что произошло позади бешено скачущих галопом лошадей и облака пыли, поднятого ими, когда они мчались к реке. Госпожа Мандич в конце концов убедила свою лошадь, что не время пить, и надо быстро скакать, чтобы догнать остальных. Тут она свалилась с лошади, и в то же самое время ее седельные сумки свалились с лошади в нескольких ярдах от нее. Она отказывалась уходить без своих седельных сумок, и сын Великого князя спорил с ней и что-то ей доказывал в связи с этим, когда большевистская пуля, одна из многих, пролетевших где-то недалеко от каждого из нас в тот день, попала в землю буквально рядом с ней. Это убедило ее, наконец, бросить свои драгоценные сумки, и она попыталась, как я мог видеть, сесть на лошадь позади капитана Искандера.

Я был, естественно, раздосадован на мадам Мандич, из-за того, что она подвергала и свою, и чужие жизни смертельной опасности из-за каких-то своих безделушек. Тут она мне сказала,

что в сумках были не kleinigkeiten, а драгоценности. На это я ответил, что весьма глупо класть небольшие по размеру ценности в седельные сумки. Такие вещи человек должен перевозить на себе. Тут вся правда и открылась. В течение нашего двухмесячного пребывания в Бухаре мадам Мадич занималась тем, что покупала себе платья из великолепного бухарского шелка. Результатом ее трудов оказалось семь прекрасных платьев, находившихся в пропавших сумках! Это привело меня в еще большее негодование, поскольку я говорил, что мы не должны перегружать своих лошадей бесполезными вещами, и брать мы должны были только еду и абсолютно необходимые вещи. Лошади должны были везти нас около шестисот миль с очень малом запасом еды и воды, от которых зависела наша жизнь.

Мы покинули наше убежище и направились к персидской деревне. Оттуда выбежали люди с винтовками в руках, твердо полагая, что это на них напали большевики. Было очень удачно, что Калби Мохаммад сумел их в этом разубедить. Но они все еще были очень возбуждены, и один вооруженный человек подбежал ко мне и сказал «Вы знаете, что это — Персия?»

«Да, — сказал я, — славная земля, в которую я стремился попасть так долго. Я британский офицер и направляюсь в Мешхед». Тогда он стал гораздо более дружелюбным. Нас всех пустили в деревню, пришел персидский сержант и спросил, кто я и что это все значит! Он сказал, что хана и офицера, командующего воинским подразделением здесь, обоих нет. Я вкратце объяснил положение дел, а затем, чувствуя себя очень виноватым перед госпожой Мандич за ее потерю, спросил его, не может ли он что-нибудь предпринять, чтобы вернуть ее сумки. Мы поднялись на крышу дома, и в свой полевой бинокль я увидел на расстоянии около тысячи ярдов группу большевиков человек двадцать, очевидно, изучавших содержимое седельных сумок. Я попросил персидского сержанта послать туда к ним человека, чтобы объяснить, что в сумке находится только багаж одной дамы, и в ней нет ничего важного, и что мы хотим получить их назад и что мы могли бы им заплатить в пределах разумного за них. В полевой бинокль я мог наблюдать, как посыльный спустился вниз, переправился через речку и подъехал к большевикам. Было слишком далеко, чтобы увидеть детали происходящего, но через несколько секунд он повернулся и галопом поскакал назад. Когда на обратном пути он уже был на середине реки, со стороны большевиков раздался выстрел, который эхом разнесся по деревне; также раздался ответный выстрел, сделанный каким-то персом. На этом все кончилось. Вернувшийся посланник сказал, что большевики не собираются

возвращать седельные сумки, и что они были очень злы, так как один из них был ранен в локоть, а другой, их начальник, в бедро. Это было хорошим результатом стрельбы, учитывая, что было сделано очень мало хороших прицельных выстрелов с нашей стороны.

Позже приехали хан, Али Наги Хан, и командир, бывший его родственником, и угостили нас каким-то алкогольным напитком, и пригласили нас пообедать, и хорошо накормили, в чем мы действительно сильно нуждались.

Мы узнали, что Саракс был на расстоянии тридцати пяти верст отсюда. Когда раздались первые выстрелы нашей перестрелки, персы послали верхового нарочного туда, чтобы он скакал как можно быстрее и сообщил, что большевики напали на Наурозабад. Персидский губернатор Саракса действовал очень оперативно и немедленно выслал небольшой отряд из двенадцати кавалеристов с тремя офицерами и отдал приказ пехотинцам выступать на подмогу как можно быстрее. После того как я дал краткое разъяснение персидскому офицеру в Наурозабаде, он послал другого нарочного, чтобы точно объяснить, что произошло, а я также отправил несколько телеграмм, отосланных из почтового отделения Саракса, из них несколько родственникам австро-венгерских военнопленных в их новые страны — Польшу, Югославию и Чехословакию.

Я узнал, что нас обстрелял отряд из служивших за деньги большевикам шестнадцати белуджей, под предводительством разбойника Абдул Керим Хана. Они были вооружены старыми российскими винтовками — берданками. У нас у самих было семь винтовок лучшего типа, но стреляли только четверо из нас, и только двое стреляло прицельно. Отряд со стороны большевиков имел преимущество внезапности и возможность укрываться в длинной траве.

Позднее я услышал, что большевики в Ташкенте, когда они узнали о случившемся, объявили, что я был убит, но поскольку они на самом деле не испытывали ко мне какой-то настоящей неприязни, то они похоронили меня с воинскими почестями как российского офицера! Эти детали создавали впечатление правдивости. Я полагаю, что все это было сделано для того, чтобы огорчить моих друзей в Ташкенте.

Ночью выпал снег, и мы отправились следующим утром в дорогу, сопровождаемые эскортом кавалеристов, прибывших по тревоге из Саракса. Наша дорога проходила большей частью по берегу реки Теджен. В воде мы видели стаи уток и гусей. В некоторых местах дорога была пробита на склоне холма, это были удобные места для того, чтобы нас всех перестрелять из засады,

укрывшейся на российской стороне, если бы этого захотели люди, с которыми у нас была стычка за день до этого. Я должен сказать, что опасался этого, но персы были довольно беззаботны и ни о чем таком не думали, и оказалось, что они были правы. У нас была тяжелая дорога по грязи, главным образом из-за идущего снега. Мы проехали две деревни и днем до обеда 8 января благополучно добрались до Саракса.

Глава XXV
Спасение в Мешхеде

Мы обнаружили, что персидский Саракс был маленьким городком, окруженным разрушенной стеной, он соединялся мостом, переброшенным через реку, с русским городком с таким же названием.

Я сразу же был приглашен к губернатору, и мне предоставили комнату в его доме, а позднее часть людей из нашего отряда также пригласили присоединиться ко мне. Это были Мандич с женой, а после некоторых трудностей и трое русских офицеров. Моего слугу Хайдера и двух моих индийских солдат также принимали в доме губернатора. Азизов, туркменский офицер, нашел здесь друзей, а другие были отосланы еще куда-то и приходили ко мне жаловаться на плохое с ними обращение. Я тогда узнал о глубокой ненависти к русским в этой части Персии.

Я обнаружил, что губернатор хотел, чтобы генерал-губернатор в Мешхеде первым узнал о нашем прибытии, а поэтому задержал мои телеграммы, посланные за день до этого, под предлогом того, что они не могли понять их. Я отослал телеграммы снова уже непосредственно сам. Мы обнаружили, что российские деньги здесь очень мало стояли. Банкнота в тысячу рублей Керенских денег стояла здесь всего три тумана.

Следующим утром 9 января мы проснулись, чувствуя себя плохо, с ужасными головными болями. Это случилось из-за того, что при топке печи древесным углем были закрыты все окна и двери и даже дымоход, чтобы не улетучивалось тепло. Русские всегда так делали, но в этот раз явно переусердствовали, и была допущена какая-то ошибка. Меня посетило несколько персидских офицеров, некоторые из которых говорили по-французски. Они были ошеломляюще дружественными и стремились сделать все, что только в их силах, для меня и для Мандича и его жены, как только они узнавали, что они не были русскими.

Только после моих настойчивых заявлений, что три русских офицера были моими друзьями, и что, если им не разрешат остаться со мной, я покину этот дом и останусь с ними, им позволили остаться со мной в доме губернатора. Один персидский офицер чуть ли ни со слезами на глазах сказал «Когда русские были в Мешхеде, они всегда ходили пьяными по улицам и приставали к жителям; я не могу этого забыть. А еще они обстреляли из орудия священную гробницу имама Резы. Это страшный грех, за который они теперь и расплачиваются. И они

также убили много людей, которых уже не вернешь к жизни, и по которым их родственники до сих пор носят траур, и я никогда не смогу им этого простить».

Я хотел отправиться в Мешхед на следующий день, но поскольку губернатор не получил приказа из Мешхеда в ответ на свое сообщение о нашем прибытии, мы отправиться не могли. Дом губернатора, в котором мы остановились, посетило шесть русских из большевистского Саракса. Я подумал, что, вероятно, они прибыли в связи со стычкой, произошедшей у нас с их патрулем на границе в Наурозабаде, но оказалось, что единственным вопросом было использование воды для ирригации. Я полагаю, что это был только повод, а истинной причиной было желание увидеть нас и разузнать о нас побольше.

Днем я получил телеграмму от генерала Маллесона, в которой сообщалось, что о нашем прибытии уже доложено в Лондон, Индию и в Тегеран, и что по телеграфу отправлен приказ, чтобы мне и русским, прибывшим с нами, оказывали всяческую помощь. Поэтому на следующее утро, 10 января, мы выехали в дорогу, поблагодарив нашего доброго персидского хозяина за его гостеприимство. Наша дорога шла через несколько персидских деревень и участок пустыни. Ночь мы провели на стойбище пастухов в Шуроке, где мы размещались в одной из их черных палаток, где также находились несколько больных овец и коз. Палатки были в точности похожи на палатки кочевых пастухов Тибета.

Следующую ночь мы провели в деревне Исмаилабад. Деревни в этой части Персии были укреплены от туркменских набегов. Здания все были в точности похожими. Недостаток леса вынуждает строить куполообразные крыши из глины, и это привело меня в начале к мысли, что деревня Наурозабад, где мы пересекли границу, была кладбищем.

В Исмаилабаде нам не удалось достать зерна для наших лошадей, поэтому следующим утром мы остановились в деревне Гечидар, где люди оказались чрезвычайно добры и гостеприимны, снабдив нас всем необходимым, и предоставили нам теплую комнату с очагом и самовар для чая.

Для нас в Лангараке были приготовлено все для того, чтобы там остановиться на ночлег, но я побоялся, что могут возникнуть трудности с размещением моей большой группы русских, если мы приедем в Мешхед к вечеру, и я решил еще проехать десять верст до Кара Булака, и таким образом обеспечить раннее прибытие в Мешхед. Той ночью мы встретили персидского таможенника, говорившего по-французски, который был очень полезен нам, так как он помогал нам различным образом и делился информацией

из внешнего мира.

14 числа мы прибыли в Мешхед. В одиннадцать утра мы впервые увидели золотой купол мечети имама Резы и достигли предместий города как раз, когда они выстрелом из пушки сигнализировали о наступлении полудня.

Все мои трудности и опасности были позади. Приятно было видеть развевающийся над казармами государственный флаг Соединенного Королевства после такого долгого времени жизни под флагами других цветов. Я подъехал к воротам штаб-квартиры и спросил генерала Маллесона. Индийский часовой остановил меня и сказал, что любым русским вход запрещен. После пересечения границы с Персией я снял свою туркменскую одежду и был одет в единственную одежду, которая у меня была. Это была русская одежда, сшитая в Ташкенте, причем специфического полувоенного советского покроя! Я объяснил, кто я, и меня пригласили в столовую для персонала пообедать. Как хорошо было снова оказаться среди своих. Я отметил одну странность и вначале подумал, что это, возможно, особенность послевоенной эволюции. Никто из офицеров не носил медалей. Но это, как я узнал, было особенностью генеральского стиля!

Мой обед мне показался банкетом. Это правда, что всю последнюю неделю у меня было много хорошей персидской еды, но я еще не пришел в себя от диеты из сухарей и зерна для лошадей, промытого раствором горькой соли. В результате мы все сильно потеряли в весе. После прибытия в Мешхед я взвесился и обнаружил, что вешу девять стоунов[116] и два фунта, почти на два с половиной стоуна[117] меньше своего нормального веса.

Я сделал все что мог, чтобы помочь русским, шедшим со мной из Бухары. Это было нелегко; они участвовали в борьбе за безнадежное дело, и генерал в Мешхеде понимал это и не был склонен стараться для этих беженцев, которых, в конечном счете, отправили к последним остаткам антибольшевистских сил, все еще удерживающихся в Транскаспии. Я попытался помочь им продать своих лошадей. Эти лошади только что прошли шестьсот миль за двадцать восемь дней, часто проходя в день более сорока миль, неся тяжелые грузы, с очень малым количеством еды и прежде всего с малым количеством воды. Это были маленькие, выносливые животные, совершенно неподходящие для использования на войне для кавалеристов, но идеальны для того, чтобы перевозить пехотинцев и их грузы быстро от одного пункта до другого. Это казалось удивительно странным, но наши начальники, отвечавшие за пополнение убыли лошадей в кавалерии, заявили, что все они были дефектны. Без сомнения, у них был технические дефекты, но факты доказали, что эти

дефекты не затрагивали их полноценность.

В Мешхеде я встретил несколько австрийских военнопленных, сбежавших из Ташкента уже после того, как это сделал я. От одного из них я узнал, что власти быстро догадались, что Мандич сбежал от них; но тогда они еще понятия не имели, кто был его компаньон.

За время моего долгого отсутствия я получил только три письма. В октябре и декабре 1918 года. Эти последние были посланы из Индии через Кашгар в октябре 1918 года. Однажды моя почта была перехвачена большевиками и, по-видимому, была ими прочитана; в другой раз она была сожжена непрочитанной моими друзьями, когда возникла опасность обыска ЧК.

Хотя в Мешхеде находилась британская миссия, я не получил ни одного сообщения от них. Я слышал об одной попытке послать мне сообщение, как уже писал в главе семнадцать этой книги.

Иногда я сильно ощущал свою изолированность, но всегда чувствовал, что делалось все возможное, чтобы установить связь со мной. Хотя мой адрес не был известен всем, до июня 1919 года я находился в контакте с консулом Соединенных Штатов, и даже после его отъезда сообщения, направленные по его адресу, всегда попадали ко мне. Конечно, я знал по своему собственному опыту, как трудно и ненадежно иметь дело с посыльными, но я всегда чувствовал, что возможно прилагались большие усилия, чтобы послать мне совет, инструкцию (и даже, возможно, поддержку).

В Мешхеде я остановился у покойного сэра Тренчарда Фоула, нашего генерального консула, который был моим старым другом. В Мешхеде как раз только что открылся «отель», и в него я договорился устроить Мандича с женой. Я подумал, что они, должно быть, чувствуют себя одинокими и даже, возможно, не способными объясняться с окружающими, поэтому после обеда я направился в гостиницу их навестить. Здесь моему взору представилась маленькая пустая комната с очень простой новой мебелью. Но никаких ковров или других элементов обстановки, придающих уют, там не было. За столом рядом с Мандичем и его женой сидел странный человек с большими жесткими черными усами и по-настоящему красивая молодая женщина с ребенком. Они были представлены мне как Балчиш и его жена.

У нас была первоначальная договоренность с Мандичем о том, что этот серб Балчиш, бывший другом Мандича, должен был уйти с нами в Персию. Но он попытался самостоятельно уйти из Ашхабада, был пойман большевиками, и последнее, что я о нем слышал, он стрелял из револьвера в потолок своей комнаты и кричал, что он был не коммунистом, а анархистом! Я был рад тому, что он, наконец, выбрался оттуда, и что мы вместе,

собравшись у самовара, пьем.

Беседа велась главным образом по-сербски, но часто и по-русски для моего удобства. Беседа эта меня озадачила. Со стороны казалось, что Балчиш был не сильно благодарен британцам за то, что они приняли его с семьей и заботились о них, кормя их и оплачивая их проживание в гостинице и другие их расходы. По мере нашей беседы критика становилась все более открытой и бросающейся в глаза британцы — дураки и идиоты, и, по его расчетам, скоро уступят большевистскому давлению. Если бы я понимал все сказанное там правильно, я, может быть, что-нибудь и ответил им. В конце, когда я вышел вместе с Мандичем, я его спросил, что это все значит.

Объяснение было экстравагантным. После своего ареста и возвращения в Ашхабад Балчиш заключил мир с большевиками и продолжил свою работу в качестве начальника бюро контрразведки. Он теперь спланировал смелую схему — ни много, ни мало, как лично прибыть в Мешхед и выяснить на месте, что британцы собираются делать, и какими силами они располагают.

Таким образом, он «убежал» снова, но на этот раз с одобрения большевиков и прибыл в Мешхед в качестве беженца, и находился теперь здесь как гость британского правительства. Балчиш знал Мандича как агента секретной службы большевиков, а меня не знал вовсе. Встретив Мандича в Мешхеде, он сразу пришел вполне естественно к выводу, что Мандич и я шпионили за британцами таким же образом! Отсюда его презрительные высказывания о британцах, которые по своей глупости принимали с распростертыми объятиями здесь целые группы секретных агентов большевистских спецслужб. А что же британские секретные службы? Ситуация была довольно своеобразная. Я сказал Мандичу, что сообщу о произошедшем немедленно. Он испугался, что Балчиша могут расстрелять. Я сказал, что Балчиш этого и заслуживает. Через четверть часа после моего ухода из гостиницы Балчиш был благополучно арестован.

Балчиш планировал собранную им информацию передать назад в Ташкент следующим образом.

Всех российских беженцев посылали в Индию, и они должны были преодолеть пешком долгий и утомительный путь по пустыне длиной свыше пятисот миль о железной дороги в Дуздабе, на что уходило недели. Благодаря наличию грудного ребенка возрастом всего несколько месяцев, Балчиш получил специальное разрешение поехать в Баку, откуда он как бы намеревался отправиться в Сербию, но на самом деле собирался вернуться в Ташкент с собранной информацией. Этот план

подтверждался тем фактом, что еще до нашего прибытия, он на самом деле получил разрешение от британских военных властей ехать в Баку, вместо того чтобы быть отправленным в Индию.

Я вернулся со своего курьезного чаепития в Генеральное консульство. Тут я был чрезвычайно рад распрощаться со своей советской одеждой, когда Фоул снабдил меня форменной британской одеждой. Позже, вечером, мне сказали, что меня хочет видеть какая-то дама. Я подумал, что не знаю ни одной дамы в Мешхеде. Ей показали меня, и оказалось, что это была, находящаяся в ярости, госпожа Балчиш с ребенком. Увидев меня в британской военной форме, она была поражена, но достаточно быстро взяла себя в руки, чтобы высказаться в мой адрес потоком довольно крепкой брани. Я ей сказал, что поскольку я с ней не ссорился, то сделаю все возможное, чтобы помочь ей. Нужны ли ей деньги или, возможно, лекарства для ребенка? «Я ничего у вас не возьму», — закричала она и возмущенная выбежала из комнаты.

На следующее утро она пришла снова, но на этот раз более спокойная. «Я ненавижу вас за то, что вы сделали», — сказала она «Но мне нужны деньги, чтобы на что-то жить». Я дал ей немного. Она спросила о своем муже. Я сказал, что ничего не могу сказать о нем; это надо было выяснять не у меня. Я не мог сдержаться и добавил, что, по-видимому, русская секретная служба была не самая эффективная в мире.

Балчиша не расстреляли, чего он, безусловно, заслуживал, и я услышал, что впоследствии он служил в Дунайском пароходстве, где у него, вне всякого сомнения, были блестящие возможности служить связующим звеном между Веной и русскими портами на Черном море. Возможно, он перешел к более нормальному образу жизни. Я никогда не интересовался его настоящим именем, но знаю, что имя Балчиш было фальшивым.

С Мандичами я покинул Мешхед на машине 27 января. Проехав через Турбат-и-Хайдри и Бирджант, я прибыл в Шуш вечером 31 — го. Здесь я встретил старого друга сэра Бэзила Голда, нашего консула в Систане. Вместе с ним я отправился в Систан и провел там несколько часов, а потом вернулся на главную дорогу. Путешествовать через пустыню в январе очень холодно, во многих местах лежал снег. 3 февраля мы прибыли в Дуздаб — индийский пограничный городок и железнодорожная станция, и сели в поезд до Кветты и Сиби. 9 февраля 1920 года я прибыл в Дели.

Моя жизнь в Советском Туркестане завершилась. Я не видел причин, по которым нельзя было бы забыть любые обиды,

особенно по прошествии стольких лет. У меня появилось много друзей в Ташкенте, некоторые из которых понятия не имели, кто я был на самом деле, другие делали все и помогали мне, несмотря на огромный риск, которому они себя подвергали. Самые важные из них, из тех, кто оставался в Ташкенте, сейчас уже умерли.

Через десять лет после описываемых здесь событий я оказался в Пекине, где я встретил хорошо известного белого русского, генерала Хорвата,[118] который в июле 1918 года короткое время был президентом республики в Сибири. Он что-то слышал о моих делах в Туркестане, и я спросил его в связи с обстоятельствами одного важного дела, требовавшего моего срочного присутствия в Англии, мог бы я по прошествии стольких лет проехать через Россию. Он сказал, что, по его мнению, мне дадут визу, но я никогда не попаду домой!

Спустя несколько лет я встретился с русским послом в Лондоне М. Майским.[119] Я рассказал ему, что сказал генерал Хорват и спросил его мнение на этот счет. «Если вы хотите вернуться в Советскую Россию, то я должен буду взглянуть на ваше досье», — ответил он. Я заверил его, что это был просто вопрос, и он был чисто академический!

Приложение 1
Послесловие от автора

Господин и госпожа Мандичи были отправлены домой в Сараево. Я получил несколько писем от них с настоятельными приглашениями посетить их.

Многим из моих друзей в Ташкенте, в конечном счете, удалось убежать из страны, и я смог помочь некоторым из них.

Мой большой друг Тредуэл, Генеральный консул Соединенных Штатов, занимал затем в разное время различные должности, одна из которых называлась Инспектирующий Генеральный консул по Азии и Африке. В ходе своей работы, спустя несколько лет после того, как мы расстались с ним в сумерках на ташкентской улице, он навестил меня в Сиккиме на индийско-тибетской границе. Я снова встретился с ним в Гонконге, был на его свадьбе в Токио, и последний раз я виделся с ним в Нью-Йорке в 1943 году.

Андреев, чей дом был, возможно, моим основным убежищем в Ташкенте, сбежал в Багдад, где в течение небольшого времени работал инженером. Позже он переехал в Индию, где получил небольшую должность на железной дороге, на которой он прослужил в течение приблизительно десяти лет, получая неплохое продвижение по службе. Он навестил меня в нашем доме в Сиккиме вместе с австрийским лейтенантом, бывшим военнопленным, который помогал мне в Ташкенте, и который женился на его сестре, после нескольких лет занятия фермерством во Франции. Сейчас он живет в Англии. Петров некоторое время работал в Бомбее, а затем решил вернуться в Туркестан, но был проинформирован советским консулом в Вене, что инженеры, обучавшиеся в империалистических традициях, а особенно «закаленные» длительным пребыванием в капиталистических странах, в СССР не нужны! Тогда он поехал в Чили, и несколько лет я вел с ним постоянную переписку. Я был в Сантьяго в 1943 году и приложил максимум усилий, чтобы разыскать его. Единственный адрес, бывший у меня, был номер его почтового ящика. Этого оказалось недостаточно, и все его следы потерялись.

Мисс Хьюстон, в конечном счете, удалось замечательным образом, требовавшим немалого мужества, выбраться тоже из страны. Поскольку частное обучение было запрещено, она была вынуждена пойти преподавать в советское военное училище. Таким образом, она стала советской служащей и смогла получить

перевод в учебное отделение в Ашхабаде, на советско-персидской границе. Это было только первым шагом, так как еще необходимо было получить различные бумаги, столь любимые большевистским бюрократическим аппаратом, прежде чем можно было получить последний документ — железнодорожный билет или мандат на поезд. В конце концов, даже его она получила. Затем она должна была ждать десять дней поезда. В нашей стране железнодорожная поездка очень простое дело, и это — одно из благ относительной свободы от бюрократии, которым мы наслаждаемся.

Мисс Хьюстон намеревалась сбежать из Ашхабада в Персию. К счастью, она была предупреждена другом, что большевистские власти знают о ее намерении и отдали приказ снять ее с поезда, когда он будет проезжать Самарканд. Ей удалось сорвать намерения властей с помощью друзей, работавших на железной дороге, которые посадили ее на идущий на несколько дней раньше специальный поезд, на котором группа инженеров ехала в Ашхабад. По прибытию туда она сразу же спряталась и связалась с одним персом, который за большую сумму в двести сорок тысяч рублей согласился переправить ее с проводниками через горы в Персию. Со своим проводником верхом на маленькой лошади без седла она пробиралась по горам с вечера пятницы до ночи понедельника. Две ночи она ночевала на открытом воздухе, а через три дня своего путешествия они добрались до пещеры контрабандистов среди утесов высоко в горах. Здесь проводник, которому была заплачена баснословная сумма за его работу, бросил ее, забрав с собой лошадь и рюкзак с ее немногим имуществом, которое она смогла захватить с собой, выбираясь из Туркестана. Казалось, положение ее было ужасным — она была брошена одна в самом сердце гор.

Однако удача не изменила ей, и появившаяся группа из пятнадцати энергичных контрабандистов, в конце концов, согласилась провести ее в Персию, предварительно проверив ее умение в верховой езде. Дорога была ужасно плохой, и их путь не улучшила разыгравшаяся снежная буря. В полдень они остановились разжечь костер, чтобы согреться, и ее угостили грязным куском хлеба, который один из ее новых малокультурных друзей вытащил из узелка, спрятанного за не слишком чистым поясным платком. Этот кусок хлеба и ледяная сосулька, которую она пососала, чтобы утолить жажду, и составили весь ее обед.

Сами контрабандисты есть не могли, так как они держали мусульманский пост. Наконец уже в сумерках в понедельник они вдалеке увидели огни персидского таможенного поста

Джиристан. «Вам туда, — сказали они, — там конец вашего путешествия». Она сказала, что одному из них надо пойти с ней, чтобы она могла отдать ему обещанную награду. Положение было по меньшей мере трудным и щекотливым, поскольку во всех странах контрабандисты и таможенники — враги! Однако она пообещала одному из них гарантию безопасности, и он поверил ее словам и, поддавшись ее обаянию, пошел с ней. Ее приветствовал франкоговорящий персидский таможенный офицер, однако и он и его сотрудники были напуганы, увидев, что ее сопровождает известный контрабандист, которого они пытались поймать в течение многих лет. Она сумела разрядить атмосферу страха и недоверия, и, в конце концов, ее друг-контрабандист присоединился к их трапезе, получил обещанную награду и отбыл назад целым и невредимым. Война между контрабандистами и таможней была прервана, благодаря ей, на время тех нескольких часов, чтобы на следующее утро возобновиться снова.

Из Джиристана мисс Хьюстон смогла связаться с британской миссией в Мешхеде, куда она, в конечном счете, и прибыла.

Было множество людей, с которыми я был связан каким-то любопытным образом, но с которыми я так никогда и не встретился. Я часто задаюсь вопросом, что произошло с ними.

Попал ли Чука, чей паспорт я использовал в течение какого-то времени, благополучно назад в Румынию? Где сейчас Кекеши, венгерский повар, чьи документы я использовал довольно долгое время? Что случилось с Лазарем — румынским извозчиком?

Любопытное продолжение событий, изложенных выше, появилось в 1934 году в романе Бруно Ясенского[120] на русском языке под названием «Человек меняет кожу». Его автор поляк, бывший когда-то редактором коммунистической газеты во Львове. Он занимался коммунистической деятельностью во Франции, был выслан, и, не получив убежище в Бельгии и Германии, приехал в Россию. Он посетил Туркестан в 1930 году, где он собирал материалы для своего романа.

В романе рассказывалась история американского инженера Мюррея, который работал в Туркестане на советское правительство. Обнаружилось, что он был «империалистическим» агентом и на самом деле мешал работе и занимался обструкцией, вместо того чтобы помогать. Фактически он был типичным «империалистическим саботажником». Комната Мюррея была обыскана в его отсутствие, и в фальшивом днище его дорожного сундука была обнаружена старая карта Ташкента с нанесенными в определенных местах крестами на Самаркандской и Московских улицах. Выяснилось, что это соответствует расположениям отеля

«Регина» и дома Гелодо — дом 44 по Московской улице, в которых останавливался полковник Бейли.

Автор потом начинает расследовать деятельность полковника Бейли и майора Блекера. Он приводит цитаты из книги полковника Этертона «В сердце Азии». Случайно он обнаруживает, что когда мы уезжали в Ташкент из Кашгара, служащий Кашгарского отделения Русско-азиатского банка написал письмо большевистскому правительству с предостережением относительно нас. Мы знали, что этот человек сигнализировал в Ташкент о некоторых русских в Кашгаре, но это был первый случай, когда мы узнали, что он был советским агентом, сообщавшим и другие новости из Кашгара.

Автор удивлен «наглостью» моего требования разрешить послать шифрованную телеграмму в то время, когда наши войска оккупировали Архангельск и Мурманск и вели боевые действия в Транскаспии! Этот запрос, как он сообщает, был поддержан комиссаром по иностранным делам. Левые эсеры обвиняются в желании сотрудничать с агентами «английского империализма», а позже эти же силы обвиняются в освобождении меня из-под ареста, что таким образом и позволило мне скрыться. Так у моего друга Дамагацкош (левого эсера) появились серьезные проблемы во взаимоотношениях со своими большевистскими начальниками из-за сравнительной мягкости во взаимоотношениях со мной.

Автор, очевидно, имел доступ к документам различных правительственных ведомств того времени и вплел несколько фактов из ташкентских правительственных архивов в свою повесть. Вернемся к его рассказу, он утверждает, что фотография Бейли, найденная среди документов отчетов, во многих отношениях похожа на Мюррея. Более того, Бейли был левша, факт, который он скрывал, но он выдал себя в этом отношении, когда брился! Еще, агент, который часто следил за Бейли на улице, вспоминает, что Бейли, когда он прогуливался с дамой, не шел, «как все мужчины», слева от дамы, а всегда на противоположной стороне тротуара.

Обнаружилось, что у Мюррея были точно такие же особенности. Казалось вполне естественным для британской секретной службы послать опять в страну человека, знавшего страну, чтобы организовать там аварии и саботаж. Этот роман сопровождался открытым письмом «полковнику Ф.М. Бейли» цинично-развязного характера.

Конец Бухары был печален. Партия Младобухарцев[121] попыталась захватить власть в первые годы революции, но они выступили слишком поспешно. Они насчитывали в своих рядах только триста человек.

Весной 1918 года Колесов, с которым я общался в качестве главы Туркестанской республики, возглавил армию, направившуюся в Бухару, чтобы помочь партии Младобухарцев.[122] 1 марта он послал ультимативное требование принять в течение двадцати четырех часов программные требования Младобухарцев и предоставить конституцию под руководством этой партии. В ответ эмир выпустил двусмысленный манифест, и Колесов послал в Бухару комиссию, чтобы настоять на полном принятии требований. Затем в Кагане вспыхнули вооруженные столкновения, быстро распространившиеся на город Бухару, где все посланцы Колесова и почти все сторонники Младобухарцев были убиты.

Во время беспорядков, случившихся тогда, европейские русские, которые жили на территории Бухарского ханства, главным образом связанные с железной дорогой и жившие около нее, были вырезаны жесточайшим образом. Большевистский лидер получил неверные сведения об истинной силе и влиянии партии Младобухарцев,[123] и ему, в конечном счете пришлось отступить и подписать мирное соглашение в марте 1918 года. Тогда большевики оставили Бухару в покое на несколько лет.

Правительство Бухары, как я мог лично наблюдать, было безнадежно старомодным, и большевики легко могли вести там свою работу с помощью, как сейчас говорят, «пятой колонны». В конце концов большевики пошли на насильственное свержение власти эмира. При поддержке самолетов, бронеавтомобилей и бронепоездов город был захвачен вооруженными силами большевиков под командованием товарища Фрунзе в сентябре 1920 года. Три груженных золотом и драгоценными камнями вагона было вывезено из бухарского Казначейства.

Вся западная Бухара, включая Бурдалык, где я переправлялся через Оксус, в это время была захвачена, но сам эмир продолжал еще в течение нескольких месяцев вести неравную борьбу в восточных районах своей страны.

После потери города Бухары эмир перебрался в город Гиждуван в сорока верстах на северо-восток от Бухары; затем он перемещался в окрестностях Карши и Гузара, где он был разбит при столкновении с большевиками, после чего продолжил свое бегство в направлении Байсана и Гиссара. Из Гиссара эмир направил письма Вице-королю Индии, но эти письма так к нему и не пришли. Там положение у него было очень опасным, и поэтому он отправился на юг в Курган-Тюбе. В Кала-и-Вамар на Оксусе все еще был бухарский губернатор. Эмир хотел добраться до этого места, а затем направить свой путь в Гилгит и Индию, но большевики послали силы с Памира в Хорог (к югу от Кала-и-

Вамара), чтобы отрезать ему дорогу. Помимо большевистских сил ему препятствовал глубокий снег, который был почти непроходимым.

Когда он понял, что дорога на Гилгит ему перерезана, то он должен был направиться в Ханабад в Афганистане, переправившись через Оксус выше расположения парома Сераи. В феврале 1921 года эмир оставил Ханабад ради Кабула, куда он прибыл в мае. Афганцы обращались с ним, как с заключенным, и подвергали цензуре все его письма, но позволяли ему ежемесячно тратить определенную сумму денег на текущие расходы. Однако вооруженную борьбу с большевиками продолжили басмачи, к которым присоединились остатки сил эмира.

В эту сложившуюся ситуацию вмешался Энвер Паша со своими пантюркистскими идеями. Турки первоначально пришли из Центральной Азии, и тюркские языки, на которых говорят по всей Центральной Азии, очень похожи на турецкий язык самой Турции. Но турецкий язык сам воспринял ряд слов из персидского, арабского и других языков, и пантюркисты заменили их чисто турецкими словами. Это было сделано в расчете на связи, столь надолго прерванные, между турками в Малой Азии и их двоюродными братьями в Средней Азии. Эта связь усиливалась тем фактом, что султан Турции обычно воспринимался как халиф и глава мусульманской религии. Энвер женился на племяннице султана, но скорее в политических целях, и представлялся зятем халифа. Целью Энвер Паши было создание турецкой империи в Средней Азии, которая позже бы воссоединилась с Турецкой империей в Анатолии и Европе. Победа басмачей над большевиками казалось, могла дать им шанс и создать предпосылки для воплощения его идей в жизнь.

Это движение неизбежно становилось панисламским, что приводило к разногласиям и ослаблению его в некотором отношении. Можно предположить, что Персия и Афганистан объединились для противодействия пантюркизму.

Проблема состояла в том, что на самом деле никому Энвер Паша в тот момент был не нужен. Все мечтали сесть и любыми способами прекратить войну. Как российское правительство в Москве, так и турецкое правительство дали ему понять, что не хотят иметь с ним ничего общего. Он надеялся получить более теплый прием в Афганистане, но на пути туда со своими семьюдесятью сторонниками он был захвачен бухарцами, только что захватившими город Душанбе. Этот город теперь столица Таджикистана и его название было изменено на Сталинабад.[124]

Он был задержан, но пользовался значительной локальной свободой и помог бухарской армии советами относительно

стратегии борьбы против большевиков; бухарцы, однако, не доверяли ему полностью.

Энвер задержался в Средней Азии всего лишь на год, когда 4 августа 1922 года он был убит около селения Бальджуан в Восточной Бухаре. Его мантия упала на плечи Сами Бея, но мечта о создании огромной турецкой империи в Средней Азии растаяла с его смертью, а сам Сами Бей сложил оружие в июле 1923 года и ушел в Афганистан.

Бухарская армия, номинально состоявшая из пятидесяти тысяч человек, наполовину состояла из нукеров — своего рода ополченцев, которые были вооружены, но жили в собственных домах и могли быть призваны в любое время по мере необходимости. Другая половина была регулярными солдатами, жившими в казармах и всегда находившимися на военной службе. Наиболее лучше экипированными и подготовленными подразделениями бухарской армии были части, численностью около двадцати тысяч, кавалеристов и пехотинцев, которыми командовали турецкие офицеры, сбежавшие из российских лагерей для военнопленных в Сибири и Туркестане. Часть рядового состава этих подразделений также были бывшими турецкими военнопленными. Они очень храбро сражались, но были разнесены в пух и прах в сражениях с большевиками в 1920 году.

После того как эмир Бухары сбежал, большевики заключили соглашение с новым бухарским правительством, гарантируя независимость. Они также подписали договор с Афганистаном 28 февраля 1921 года, в статье VIII которого, они гарантировали независимость Бухары и Хивы. Несмотря на это, они в 1923 году выслали назад афганского министра из Бухары, упраздняя таким образом последний клочок независимости, и Бухара становилось частью Советской России.

В 1917 году, во время революции Керенского, эмир забрал сто пятьдесят миллионов рублей (приблизительно пятнадцать миллионов фунтов стерлингов) и разослал их в различные банки в Лондоне и Париже. Я полагаю, что ценные бумаги, связанные с этой крупной суммой, попадали в руки большевиков.

У эмира в Европе и Америке была также большая партия каракулевых шкур общей стоимостью приблизительно сто двадцать тысяч фунтов, но возникли трудности с установлением собственника. Его агент обманул его, и стал утверждать, что эти шкуры являются собственностью правительства Бухары, и что его долг заботиться о них или вырученных за них деньгах до тех пор, пока не станет ясно, что в Бухаре у власти находится постоянное правительство. В конце концов было вынесено половинчатое

судебное решение, по которому эмир получил половину затребованной им суммы — человек, который обманул его, получил другую половину. Позже корреспондент написал мне, что этот человек боялся возвращаться в свой дом в Бухаре и поехал в Мекку, чтобы «замаливать свои грехи».

В 1922 году, когда я был политическим чиновником в Сиккиме, эмир Бухары послал моего старого друга и гостеприимного хозяина, Хайдер Ходжу, навестить меня. Его компаньоном был Хаджи Бурхан, типичный ограниченный бухарский чиновник. Население Сиккима является полностью индуистским или буддистским, и этот фанатичный ортодоксальный мусульманин не мог скрыть своего отвращения при виде такого огромного количества «идолопоклонников». Я уверен, что все увиденное им — капающий бамбуковый лес, каждое дерево, украшенное папоротником, орхидеей или побегом, вызывало у него отвращение — все, столь отличающееся от пустынь и оазисов его потерянной Бухары. Он выглядел очень неуместно в своей красивой бухарской одежде в этом чуждом окружении. Хайдер Ходжа жил долго в Европе, носил европейскую одежду и выглядел более либеральным.

В августе 1920 года Хайдер Ходжа и его сын Искандер вынуждены были улететь из Бухары в Афганистан. Они путешествовали с группой беженцев, включавшей немецких и австрийских военнопленных, и, в конце концов, прибыли в Пешавар. Когда их группа прибыла в Кибер, Хайдер Ходжа предъявил секретное письмо, оставленное ему когда-то мною на всякий случай, нашему политическому агенту полковнику (теперь уже сэру Френсису) Хэмфри, который принял его и помог ему на его пути.

Хотя Хайдер Ходжа оказался без гроша в кармане, он заявил о наличии у него прав на треть партии каракуля, продаваемого в Европе. Он рассказал мне о судьбе двух других владельцев этой партии каракуля, один из них был расстрелян большевиками во время «Январских событий 1919 года» в Ташкенте, другой «исчез», и, как можно было предположить, также погиб. У самого Хайдер Ходжы Мирбадалева не было никаких доказательств, кроме голословных утверждений, что он имеет права на треть этой партии каракуля. Эти шкуры, являющиеся скоропортящимся товаром, были проданы по решению судов в Лондоне и принесли доход приблизительно около двенадцати тысяч фунтов. Я постарался, чтобы Хайдер Ходжа попал в Лондон, чтобы он мог здесь предъявить права на свою долю. Но у него ничего не получилось.

В Лондоне Хайдер Ходжа сводил меня в интересное место в

городе. Здесь я нашел кусочек Бухары, где торговцы каракулем, одетые в свою национальную одежду, занимаются своим бизнесом!

Одно из дел, в котором Хайдер Ходжа действительно разбирался, было каракуль, и ему удалось открыть очень выгодное дело в Пешаваре по покупке каракулевых шкур из Бухары и продаже их в Европе и Америке. Однако это дело провалилось, и он умер несколько лет назад при стесненных обстоятельствах в Мешхеде.

От него я узнал, что моих знакомых по Бухаре — Тысячникова, Адамовича и Гальперина большевики забрали в Ташкент и расстреляли.

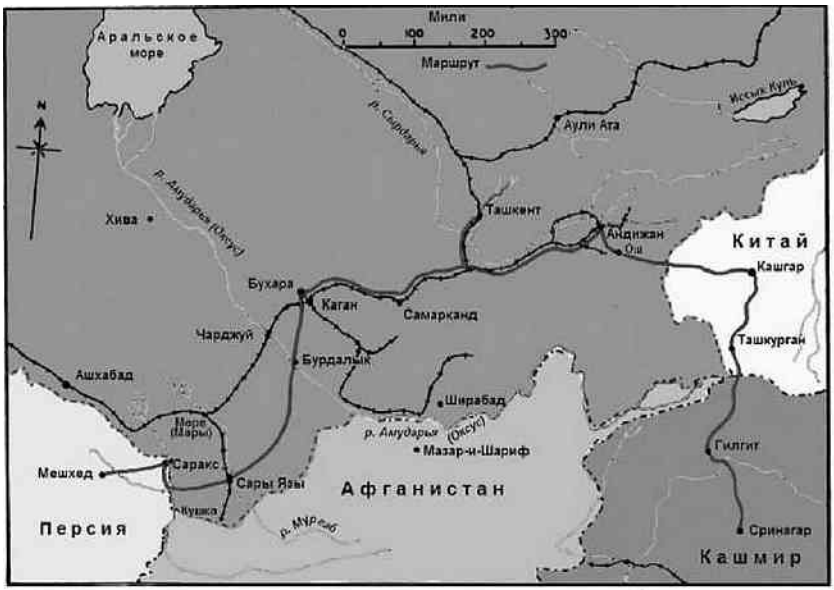
Во всех моих поездках по Ташкенту и за его пределами я никогда не носил с собой бумаг, могущих идентифицировать меня. Я оставлял такие вещи у людей, бывших вне подозрения, и просил подержать их у себя до тех пор, когда я смогу снова прийти за ними. Таким образом, я потерял несколько интересных отчетов. В частности, записи, на основе которых была написана эта книга, уничтожались несколько раз. Сначала, когда я оставил их у друзей в Ташкенте при моем отъезде из Ташкента в октябре 1918 года. Снова, когда я оставил их у Эдвардса в Юсупхане в январе 1919 года, потом, в третий раз, когда я сам все уничтожил, покидая дом Ивана в Троицком в январе 1919 года, и по крайней мере еще один раз позже. Каждый раз, когда я знал, что мои бумаги уничтожены, я восстанавливал свои заметки по памяти. Без сомнения, иногда мои друзья были излишне осторожны, но в те ужасные времена выжили только те, кто проявлял «излишнюю предосторожность». Обыскивая дом, первую вещь, которую делала ЧК, это был осмотр печи. Наличие следов недавно сожженной бумаги было достаточным основанием для вынесения смертного приговора, поэтому держать компрометирующие бумаги было смертельно опасно в случае обыска или его неизбежной угрозы.

Однако, покидая Бухару, я все свои вещи нес в маленьком рюкзаке. Все имена были тщательно зашифрованы, но все же сохранялась вероятность, что эти бумаги могли дать информацию большевикам, в случае их обнаружения. Мой план состоял в том, что, если нам придется в пустыне вступить в вооруженное столкновение, я мог бы их спрятать где-нибудь в нескольких ярдах от этого места так, чтобы, если я буду убит, был бы шанс, что они не будут найдены. При пересечении рек я набивал рюкзак камнями на случай разного рода непредвиденных происшествий.

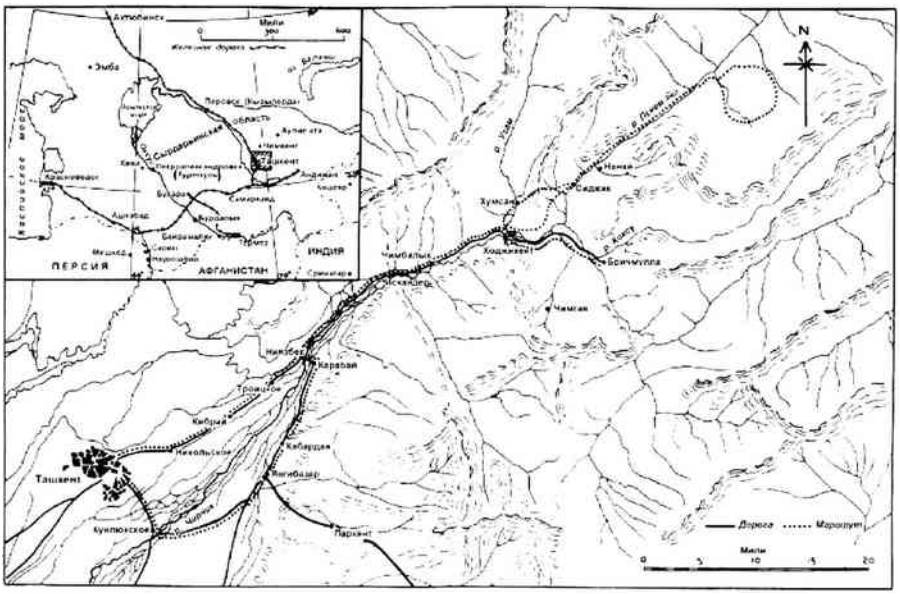
Имена всех людей, помогавших мне, зашифрованы. Это было желанием большинства тех, кого я мог об этом спросить. Эти имена взяты наугад из Библии.

Приложение 2
Карты маршрутов автора

Отчет Кашгарской миссии, 1918-1920



Карта с указанием маршрута автора по Туркестану от Сринагара до Мешхеда



Дата 19 мая 1920 года (для служебного пользования).

От — полковника Ф.М. Бейли, кавалера ордена Индийской империи (С.I.E.), выполнявшего специальное задание с Кашгарской миссией, Заместителю секретаря иностранного и политического отдела Правительства Индии, Симла.

Имею честь представить вам этот отчет о работе, проделанной Кашгарской миссией в течение 1918—1920-х годов. Я настоятельно прошу, чтобы материалы этого отчета были строго секретны, так как они содержат имена людей в Туркестане, которые могут пострадать, если когда-либо большевики узнают, что я имел контакты с ними. Кроме этого отчета я собрал некоторую информацию о маршрутах, которую я посылаю отдельно.

Могу ли я оставить две напечатанные копии отчета для моего личного использования?

Для служебного пользования

ОТЧЕТ КАШГАРСКОЙ МИССИИ, 1918-1920

1. Кашгарская миссия, состоящая из лейтенанта-полковника Бейли, майоров Этертона и Блэкера с шахзода Абдур Рахим Беком Кокандским (чья семья была вынуждена эмигрировать в Индию, когда русские аннексировали ханство), с некоторыми индийскими военнослужащими сержантского состава, бывшими проводниками, путешествовала через Кашмир, Гилгит, Тагдумбашский Памир[125] и достигла Кашгара 7 июня 1918 года. Здесь мы оставались до 24 июля 1918 года. Уезжая из Кашгара, мы оставили там майора Этертона, так как он заменил на посту Генерального консула в Кашгаре сэра Джорджа Макартни. Тот факт, что шахзода Абдур Рахим Бек является членом семьи последнего кокандского хана, стал известен в Кашгаре, поэтому мы сочли целесообразным оставить его в Кашгаре, чтобы русские не подумали, что мы намереваемся создать им какие-то трудности в Коканде. В качестве переводчика мы взяли Хан Сахиб Ифтекар Ахмада старшего служащего Генерального консульства в Кашгаре. С целью ускоренного обмена сообщениями между Кашгаром и Индией мы взяли с собой почтовых голубей, но этот простой способ связи ушел на корм многочисленным стаям ястребов по дороге, поэтому от этого способа связи пришлось отказаться.

2. В компании с М. Стефановичем, переводчиком русского консульства мы выехали из Кашгара 24 июля и пересекли границу русского Туркестана у Иркештама 31 июля. Мы нашли, что все

русские таможенные служащие настроены антибольшевистски, и позднее они все вынуждены были перебраться в Кашгар. Мы прибыли в Андижан 9 августа, и здесь впервые мы столкнулись с большевистскими чиновниками, которые всегда были одеты в гимнастерку с револьвером за поясом или на столе. После пары дней задержки мы получили разрешение продолжить наше путешествие на поезде. Майор Блэкер, Хан Сахиб Ифтекхар Ахмед и я прибыли в Ташкент 14 августа 1918 года. Мы сразу же нанесли визит мистеру Тредуэлу — консулу Соединенных Штатов, и далее на всем протяжении я работал в тесной кооперации и дружбе с ним. Мы не встречались с Дамагацким, комиссаром по иностранным делам, до 19 августа. Он сразу пожелал видеть наши документы и ожидал получить от нас официальный документ из Лондона. Наши документы были подписаны всего лишь Генеральным консулом Великобритании в Кашгаре. Очень неудачно было то, что британские войска начали в это время боевые действия против большевиков, и об их появлении в Транскаспии стало известно в Ташкенте примерно 5 августа. Мы, конечно, ничего не знали об этом. Последние телеграммы из Индии были посланы нам в начале июля, но срочное сообщение могло быть доставлено нам до того, как мы достигли Андижана, если оно было только отправлено вплоть до 2 августа, когда мы покинули Иркештам, от которого была телеграфная линия до Кашгара. Сэр Джордж Макартни должен был покинуть Иркештам около 15 августа, но он также не принес нам никаких известий. Я сказал Дамагацкому, что есть три тесно связанных вопроса, интересующих наше Правительство, по которым мы надеемся найти дружеское взаимопонимание — (1) Мы хотим, чтобы хлопок из Туркестана перестал поставляться в Германию — (2) мы хотим предотвратить возвращение немецких и австрийских военнопленных и их участие в войне против нас; и (3) мы хотим предотвратить как среди военнопленных, так и других групп ведение англофобской пропаганды, особенно в Афганистане и Персии. Он уклонился от обсуждения всех этих вопросов и практически сказал, что он не намерен нам помогать.

3. 23 августа прибыл сэр Джордж Макартни и поддержал наши требования, но безрезультатно. 14 сентября сэр Джордж Макартни и майор Блэкер вернулись в Индию. Первый хотел попасть в Англию наикратчайшей дорогой и надеялся, что он сможет проехать через Россию, либо через Финляндию, либо через Владивосток, и заодно собрать по пути полезную информацию. Он обнаружил, что проект невыполним, и вернулся в Индию. У майора Блэкера все время были проблемы со здоровьем, и он уже давно хотел вернуться в свой полк. Х. С.

Ифтекхар Ахмед и я остались в Ташкенте. Я обдумывал, не стоит ли нам тоже вернуться, и обсуждал этот вопрос с сэром Джорджем Макартни. Я думаю, что весьма сомнительно, что большевики позволили бы нам вернуться всем вместе. В данном случае Миссия оставалась, а возвращался назад один больной офицер и Генеральный консул, приехавший совсем с другой целью. Как я думал, я мог бы поставлять важную информацию для наших сил в Транскаспии, которые, как мне казалось, движутся в направлении Ташкента, и надеялся, что я смогу укрыться, когда они начнут серьезно продвигаться, и сделал соответствующие приготовления. Если наши силы не продвинутся сюда, я надеялся в большей или в меньшей степени на помощь мистера Трэдуэлла, или воспользоваться иными способами.

4. Вскоре после моего прибытия я вступил в контакт с теми, кого я определяю, как лидеров некоторых антибольшевистских организаций. Существовала большая разница между контрреволюционерами и антибольшевиками, хотя большевики всех, кто был против них, называли «контрреволюционерами». Однажды я использовал это выражение со ссылкой на человека, с которым я разговаривал, и он сразу рассвирепел и объяснил, что он далеко не контрреволюционер, а он был революционером, который ссылался в Сибирь царским правительством за свои убеждения. Однако он был в высшей степени антибольшевиком. Очень малое число людей, с которыми я встречался, желали возвращения монархического строя в России; они все хотели республики по принципу Франции или Америки, которую большевики называли «буржуазная республика». Большинство реальных антибольшевистских организаций возглавлялось генералом Кондратовичем, но основным организатором был М. Назаров. Они сказали мне, что их реальная сила составляет около 3 000 русских, и в их организации находится Эргаш с 15 000 местными жителями. Трудно оценить реальную силу этих людей, так как их организация была построена по следующему принципу. Сам генерал знал только пять членов организации, и каждый из этих шестерых знал еще шестерых, а каждый из них в свою очередь шестерых и так далее. Причиной такого построения было то, что в случае провала человека, он мог выдать только человека, знавшего его и остальных пятерых из его группы и, возможно, еще людей, знавших его. Не было никаких способов определить, как далеко распространяется эта сеть организации, и, следовательно, совершенно неизвестна ее численность, и оценка генерала в 3000 человек могла быть чистейшей воды догадкой. Эта организация усиленно просила меня снабдить их деньгами, утверждая, что полковник Пайк и мистер Макдонелл, британский консул на

Кавказе, пытались получить деньги для них, но у них возникли большие трудности, и один курьер с 200 000 рублей был только что схвачен и расстрелян. Если было правдой, что эта организация финансировалась с такими трудностями с Кавказа, было очевидно, что мне необходимо платить им в Ташкенте, что я мог легко сделать, но в то же время мне была ясна опасность поддержки организации, которая в столь сильной мере полагается на помощь мусульман, и я отказался помогать им до тех пор, пока не получу ясный приказ из Индии на этот счет. Я считал важным выяснить, какими силами точно располагает Эргаш, и насколько эффективны были его силы, и какую конечную цель он преследовал. Поэтому я попросил генерала Кондратовича послать кого-то или поехать самому за этими данными. Он согласился это сделать, но у него не было денег на то, чтобы немедленно оплатить эту поездку. Поэтому я дал ему денег на эти цели. Большевики узнали, что он покупает лошадей для своего путешествия, и таким образом обнаружили существование этой организации. М. Назаров был арестован, а генерал Кондратович чудом избежал ареста.

5. В сентябре и октябре 1918 года появились резкие англофобские статьи в газетах, когда обнаружилось, что в Москве британцы организовывали контрреволюционный заговор. По секрету мне сообщили, что в Ташкент пришла телеграмма, приказывающая арестовывать всех официальных представителей стран Антанты вместе с их служащими и «уничтожать» их, если они не будут безопасно содержаться, «как это было сделано в остальных частях России». Ташкентское правительство телеграфировало в ответ, предлагая некоторые другие меры, и после ответа, полученного из Москвы, действия были предприняты. Это сделало и положение мистера Тредуэла, и мое весьма сомнительным. Мы, однако, решили подождать дальнейшего развития событий и подготовиться к ответу, ожидаемому из Москвы, который будет нам показан, как только он будет получен. Все это время мы везде находились под постоянным наблюдением шпиков. Несколько последних дней, когда приказ о нашем аресте ожидался из Москвы с минуты на минуту, на самом деле за мистером Тредуэл ом, Х.С. Ифтекхаром и мною ходило по шесть человек. Некоторые из этих шпиков были посланы «Чрезвычайной следственной комиссией», а некоторые отделом контрразведки. Очень смешная вещь произошла, когда люди из контрразведки арестовали людей из Чрезвычайной следственной комиссии, подозревая, что они иностранные агенты. Вскоре после моего прибытия я вошел в контакт с начальником контрразведывательной службы, и в обмен на

некоторую сумму денег он согласился пересылать мне ежедневные отчеты моих шпионов, и я мог редактировать их и вычеркивать из них то, что я не желал, чтобы было известно. Я не доверял абсолютно этому человеку, и всегда была вероятность, что он берет мои деньги, а отсылает Отредактированные мною отчеты, но на самом деле выяснилось, что он был настоящий антибольшевик, и был убит во время Январских беспорядков. Он также предупреждал меня обо всех намерениях арестовать или американского консула, или меня самого.

6. Приблизительно 1 октября мне по секрету сообщили, что получено телеграфное сообщение, посланное из Индии, в котором запрашивалось разрешение Туркестанского правительства на мое возвращение, хотя это сообщение так ко мне и не поступило. Я не мог сказать, что я знаю об этом сообщении, не ввергнув моих информаторов в крупные неприятности, но приблизительно в это время из Кашгара прибыл курьер (принесший мне личные письма, но к моему разочарованию никакой шифрованной информации и никаких новостей из Индии), и я, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, сказал комиссару иностранных дел, что я получил приказ вернуться, и 14 октября я лично передал ему официальное письмо с просьбой подготовить мои бумаги. Дамагацкий обещал выполнить мою просьбу через день или два, а на следующий день я был арестован вместе с Тредуэлом, Х.С. Ифтикхар Ахмедом и некоторыми другими иностранцами. Нас предупредили, что мы будем арестованы, но в то же время мы знали, что ответ из Москвы относительно нас еще не пришел, поэтому мы решили посмотреть, как будут развиваться события. Мы были арестованы Следственной комиссией по борьбе с котрреволюцией, Комиссией, которая была уполномочена действовать независимо от правительства, и даже имела полномочия назначать наказание в виде смертной казни.

7. Как только ответственные комиссары услышали об аресте мистера Тредуэла, они немедленно его освободили, и Колесов — председательствующий комиссар и Дамагацкий — комиссар иностранных дел, приехали на его квартиру и лично извинились перед ним за произошедшее. Меня самого комиссия допросила на следующий день (16 октября) и отпустила главным образом, я полагаю, благодаря письму, написанному секретарю иностранных дел Индии, которое было найдено в моих бумагах и которое я и писал с этой целью. Я увиделся с Дамагацким 18-го и потребовал от него ответ на мое письмо от 14-го, в котором я просил разрешения вернуться в Индию. Он сказал, что не может дать мне разрешение, и я должен просить об этом Колесова. Я сказал, что

мое задержание будет рассматриваться очень серьезным образом британским правительством и попросил его позвонить Колесову с просьбой немедленно меня принять. Он ответил, что сможет увидеться со мной только на следующий день. 19-го я направился на встречу в Белый дом, бывший дворец Генерал-губернатора, где жил Колесов. Я встретил его у автомобиля, собиравшегося уезжать, и он попытался уйти от беседы. Однако я остановил его на улице и потребовал ответ по поводу моего возвращения. Он определенно не дал мне разрешения на отъезд, но сказал, что увидится со мной через три или четыре дня. Я знал, что он просто ждет ответа из Москвы на свою телеграмму.

8. Я обсудил ситуацию с мистером Тредуэлом и решил исчезнуть, если окончательный ответ из Москвы будет неблагоприятным. Мистер Тредуэл, с другой стороны, решил остаться. Кроме того факта, что Индийское правительство телеграфировало относительно моего возвращения, я подумал, что принесу меньше неприятностей правительству, если буду свободен, и я не хотел ставить правительство в положение торга относительно моего освобождения. Мое положение сильно отличалось от положения мистера Тредуэла, поскольку он был послан из Петрограда с правильными официальными документами, и в течение нахождения нескольких месяцев в Ташкенте в различных ситуациях воспринимался как официальное лицо, а я нет. Появление британских солдат в Транскаспии настроило большевиков против нас, и даже если я не был бы расстрелян по приказу правительства, была вероятность, что солдаты, возвращавшиеся с фронта, могли бы это сделать по своей собственной инициативе; особенно эта вероятность возрастала, если я был бы под арестом или в тюрьме. Эта опасность была особенно велика в тот момент, когда один хорошо известный бесчинствующий полк возвращался в Ташкент с фронта, и некоторые комиссары сами предпочитали спрятаться, пока этот полк не покинет город. 20 октября мы получили известие, что ответ из Москвы получен, и мы находимся в большой опасности ареста, и особенно именно я. Сообщение из Москвы, которое, я думаю, и было этим самым ответом, было опубликовано 1 ноября. Оно приказывало интернировать всех граждан стран Союзников (Антанты) в возрасте от 17 до 48 лет и в конце сообщалось «Что по поводу полковника Бейли? Все предыдущие соображения и предупредительность сейчас вредна.

Он должен быть арестован немедленно». В соответствии с моими приготовлениями к исчезновению, я уничтожил свои бумаги и спрятал свои наиболее ценные и транспортабельные вещи. Я был вынужден оставить нетронутыми большинство своих

вещей, так как во время моего ареста был сделан список принадлежащих мне вещей, и я ожидал, что дома моих друзей будут обыскивать, и обнаружение моих вещей у них может привести их к беде. К несчастью, часть вещей, которые я спрятал, были найдены при обысках в январе, и я потерял практически все.

9. Я намеревался связаться с генералом Кондратовичем, который также укрывался, и вместе с ним уйти в Фергану, увидеться с Эргашем, и затем проложить себе путь в Мешхед или Кашгар. Через несколько дней после моего ухода в мой дом принесли письмо от Солкина — председателя ТуркЦИК (Туркестанский центральный исполнительный комитет) с приглашением встретиться с ним на следующий день. Эта было очевидной попыткой заманить меня в ловушку, и я не никак не отреагировал на него, а на следующий день телеграмма из Москвы, процитированная выше, была опубликована.

10. Прячась, я вначале связался с генералом Кондратовичем, и намеревался присоединиться к нему в домике в горах, но мы решили, что будет безопаснее не путешествовать вместе, а лучше всего мне некоторое время оставаться в Ташкенте, неделю или две, пока не утихнут страсти по поводу моего розыска. Следовательно, я остался в Ташкенте до 5 ноября, переодетый в австрийскую форму, и присоединился к генералу Кондратовичу 8-го. Я сказал ему, что хочу уйти в Фергану сразу, и на следующий день (9 ноября) мы послали двух человек проверить дорогу и узнать, можно ли уйти, и примет ли Эргаш нас хорошо. Я был очень удивлен, что генерал Кондратович выражает сомнение по этому поводу, так как господин М. Назаров всегда говорил, что Эргаш состоит в их организации. Фактически М. Назаров значительно преувеличивал свои силы в надежде получить финансовую поддержку. Двое разведчиков вернулись 21-го, сообщив, что путь закрыт и на каждой дороге патрули. Мы поверили этому и решили послать человека в Фергану по железной дороге, чтобы попросить Корнилова (брата известного генерала и русского офицера), находящегося у Эргаша, помочь нам присоединиться к ним.

11 Я надеялся поддерживать постоянный контакт с мистером Тредуэлом, но наши посыльные возвращались, будучи не совсем надежными; поэтому я решил вернуться в Ташкент и спрятаться в таком месте, откуда я смогу посылать сообщения и принимать новости более легко и смогу подготовиться лучше к уходу в Фергану. Однако я не мог вернуться в Ташкент пока не вернется посыльный, который должен был вернуться 18 ноября, но который не вернулся до 1 декабря (утверждая, что он был остановлен и ограблен красногвардейцами по дороге).

12. Все это время я с нетерпением ожидал ответа из Индии на послания, отправленные в августе, сентябре и октябре, но ничего не приходило до 13 декабря 1918 года, когда вернулся человек, посланный мною в Кашгар, но вместо получения подробного шифрованного письма, ожидаемого мною, он принес очень короткое сообщение, написанное обычным текстом, от 17 ноября, не содержащее почти никаких новостей. Это было вообще последнее сообщение, полученное мною, вплоть до того момента, когда я встретил посыльного из Мешхеда 31 декабря 1919 года, когда оставалось несколько дней марша до Персидской границы. К сожалению, 9 декабря произошел несчастный случай с моим коленом, который на целый месяц лишил меня возможности передвигаться. Даже потом меня несли пять часов по снегу, так как я с трудом передвигался, но была опасность застрять в снегах там до февраля, если я сразу не уеду оттуда. 19 января 1919 года я находился на пути в Ташкент, и мы успели проехать только 10 миль, когда нас вернули назад новости о том, что в городе идут бои. Я не знал о существовании плана немедленного выступления против большевиков. В последний раз я видел генерала Кондратовича за неделю до этого, и он тоже ничего не знал об их существовании. Это было плохо организованное и окончившееся неудачей выступление, результатом которого явилось уничтожение людей, принадлежащих к высшем классам общества в Ташкенте, которые были жесточайшим образом расстреляны в количестве около 4 000 человек. Общее русское население Ташкента составляло 90 000 человек, и число людей, относящихся к высшему классу общества легко подсчитывается; фактом является то, что пропорция убитых людей, относящихся к возрасту, пригодному для несения военной службы, была чудовищно огромной. Людей забирали в железнодорожные мастерские, раздевали там догола, так как их одежда была нужна, выставляли группами и расстреливали. Стоял ужасный холод. Многие красногвардейцы были пьяны и, стреляя, промахивались или желали помучить свою жертву, поэтому многим приходилось дожидаться, когда их кто-нибудь добьет, чаще всего штыками. Один мужчина сошел с ума и стал бегать по комнате, пока его не застрелили, и несколько человек, находившихся в комнате вместе с ним, были убиты пулями от выстрелов, стрелявших в него. Многие из палачей были мадьярами. Было расстреляно также несколько женщин и много мальчиков в возрасте от 15 до 16 лет. Один человек Толкачев хвастался, что он лично расстрелял 758 человек, и с тех пор он стал служить палачом в тюрьме, расстреливая мужчин и женщин, так как он наслаждался этим процессом. Среди этих расстрелянных был и Клеберг, глава

шведской миссии Красного креста. Главным «судьей», который был ответственным за эту бойню, был некий Леппа, который был впоследствии признан виновным в присвоении награбленного золота во время этих беспорядков, за что он был наказан поражением в гражданских правах на три месяца.

13. Мне невозможно было попасть в Ташкент до 14 февраля, так как во время и сразу после контрреволюционного переворота большевики поставили на всех въездах в город вооруженную охрану, которая допрашивала и обыскивала всех проезжающих. Я пытался через третьих лиц получить пропуск от комитета села Троицкого, где я жил частным образом под видом венгерского военнопленного, но комитет отказался давать мне что-нибудь, так как они сказали, что не знают ничего обо мне, а я, может быть, укрывающийся контрреволюционер.

14. Это восстание сорвало планы генерала Кондратовича. Он хотел дождаться, пока я получу ответ из Кашгара или от наших солдат из Транскаспия, и подготовить выступление в Ташкенте в связке с продвижением, ожидавшимся из Транскаспия, или, если продвижения не последовало бы, в координации с действиями Иргаша в Фергане и казаками Дутова, находившимися на железной дороге между Оренбургом и Ташкентом. Совершенно не было никакой координации между различными силами, ведущими борьбу против большевиков. Самой Туркестанской республике приходилось вести вооруженную борьбу на четырех фронтах Оренбургской железной дороге, Семиреченском, Ферганском и Транскаспийском, помимо опасности мятежа в самом Ташкенте. Если бы все эти четыре фронта действовали согласовано, и в то же самое время было организовано выступление в Ташкенте, были бы очень велики шансы на успех. Эта координация не могла осуществляться из Ташкента, так как невозможно было установить связь с различными силами, однако это можно было бы осуществить из-за границ республики.

15. В марте на короткое время открылась железная дорога на Москву, и в Москву был отправлен поезд с мистером Тредуэлом, консулом Соединенных Штатов, капитаном Брюном, датским офицером, представлявшим интересы австро-венгерских военнопленных, миссией шведского Красного креста, которая наполовину занималась делами немецких военнопленных, румынскими офицерами и некоторыми другими иностранцами. Я, в частности, очень расстроился потерей мистера Тредуэла, так как помимо прочих причин, я рассчитывал на его помощь в случае моей поимки. Он содержался под арестом с октября на своей собственной квартире, и в январе вместе с капитаном Брюном был отправлен в тюрьму, где мог быть расстрелян, если

бы не был быстро оттуда освобожден Цирулем, одним из комиссаров.

16. Большевики в Москве были обеспокоены развитием событий в Ташкенте. Принципы коммунизма не соблюдались, и имя частенько служило в качестве оправдания грабежа; массовые убийства в январе без проведения следствия также их пугали тем, что создают плохую репутацию большевистскому правительству за рубежом. Они понимали, что управлять невозможно без помощи образованного класса, а в Туркестанском правительстве практически не было образованных людей. В марте, когда на короткое время восстановилось сообщение с Москвой, в Ташкент из центра было послано несколько видных большевиков. В том числе Кобозев, который был послан как «Чрезвычайный комиссар», Бравин, бывший консулом в Персии, Апин, Воскин, Вейнберг и т. д. Последний сказал мисс Хьюстон, ирландской гувернантке, что он секретный британский агент, и просит ее помочь в отправке сообщений генералу Маллесону, но она почти сразу догадалась, что эта провокация, и отказалась принимать участие в такого рода делах. Также приблизительно в это время Баркатулла, заявлявший, что он является германским подданным из восточной Африки, и капитан турецкой армии Мухаммед Казим Бек появились в Ташкенте и занялись злостной англофобской пропагандой. Они заявили, что являются официальными представителями Германии и Турции в Афганистане. Эти и другие люди находились в постоянном контакте с Бравиным, который был главным организатором этой пропаганды, и в марте они послали 15 человек с большой суммой денег и 500 винтовок, чтобы попытаться перетянуть туркмен в Транскаспии на сторону большевиков. Я посчитал чрезвычайно важным передать эту новость в Индию и организовал передачу шифрованного сообщения по ташкентской радиостанции, но это сообщение не было принято. Бравин намеревался поддерживать и использовать панисламское движение в определенных целях, и надеялся, что беспорядки, вызванные ими в Индии, вызовут революцию, которая обязательно разовьется в направлении социальной революции большевистского типа. С этой целью в газетных статьях, памфлетах и пропагандистских выступлениях распространялись слухи о британской тирании в Индии наряду с обычной большевистской пропагандой. Эти выступления были больше обычного глупы, но, возможно, достаточны для невежественных людей, которым они предназначались. Утверждалось, что Афганская война возникла из-за закрытия мечетей и индуистских храмов в Индии. В прокламациях Баркатуллы и Казим Бека заявлялось, что следующие страны

угнетаются Англией Индия, Египет, Тунис, Марокко, Аравия и Ирландия. Настоящие британцы были порабощены англичанами в 1066 году и ждут своего освобождения. В какой-то речи Казим Бек заявлял о «400 миллионах порабощенных мусульман». Он говорил, что была война между Северной и Южной Америками, так как обе Америки требовали освободить рабов. Север победил и заставил освободить всех рабов. Было понятно, что президент Вильсон был президентом Соединенных Штатов Северной Америки. Эти люди, занимавшиеся такой пропагандой, пытались представить себя официальными представителями Германии и Турции, с которыми в тот момент мы были в состоянии мира. Также часто появлялись англофобские статьи в прессе, особенно на предмет управления Индией. Редакторами были Свешников и Галач (армянин), это были невежественные люди, не знавшие ни истории, ни географии, которые почерпнули несколько фактов из устаревших книг или справочников, отвергая все, что не подходило для их аргументации, искажая факты и добавляя запас риторических выражений. Этого было вполне достаточно для низкого интеллектуального уровня большинства их читателей.

17. Индийские агитаторы в прессе также давали волю выражению своих чувств. Обычно выражались жалобы на британское правление. Британцам устанавливались высокие зарплаты, в то время как люди гибли от эпидемий и голода, вызванных сверхвысокими налогами. В соответствии с официальной статистикой 19 миллионов умерло от голода за последние десять лет. Тысячи были повешены, брошены в тюрьмы и изгнаны из страны без суда за выражение любви к своей родине. В тюрьмах они умирали от болезней. Судебные разбирательства проводились на английском языке, который люди не понимали. Мужчин наказывают за ношение перочинных ножей длиной более шести дюймов. Индусы и мусульмане не могут собираться в своих храмах и мечетях на молитвы. Часть земли Индии остается необрабатываемой, так как получаемая прибыль не может покрыть налоги. Англичане не развивают образование, не строят заводы в Индии и Египте. В газетах не разрешают печатать правду, но пресса в Англии критикует правительство. Мужчин силой заставляют работать более чем по 12 часов в день в жаркую погоду за оплату от 3 до 6 пенсов в день, а во многих случаях при системе принудительного труда и вообще бесплатно. Их также посылают работать в британские колонии вопреки их воле. Пораженных голодом людей заманивают служить в армию, заставляя убивать своих собственных братьев, и многие батальоны восстали. Армия, называемая местными жителями «армией убийц», специально

набирается из диких приграничных племен, главным образом афганских, чтобы подавлять людей. Индию силой заставляют платить огромные суммы денег на войну. Во время войны вспыхивали волнения во всех частях Индии. Цитировались речи в Совете по законодательству и из доклада Роулетта, чтобы показать опасное положение страны. Одна газета зашла так далеко, заявив, что верит в то, «что мощь Англии осталась только в горах». Ужасный счет беспорядков в Индии в апреле 1919 года, когда «сотни подростков и детей оросили землю своей кровью». Между «англичанами и египтянами» должна разразиться война. И из египетских источников сообщается, что должна возобновиться война с Германией. «Все население Индии» погрузилось в траур, когда Ганди был арестован. В Амритсаре люди сожгли «библиотеку за распространение христианства» и другие здания. Утверждая, что сэр Рабиндранат Тагор — «Толстой Индии» заключен в тюрьму, говорилось, что такого бескультурья, дикости, аморальных действий не было даже в России при царе. Англия сорвала фиговый лист, которым она прикрывала свое лицо (!). Крики обычных индийских агитаторов были разукрашены для использования большевистскими читателями ссылками на эксплуатацию Индии и Египта и порабощение населения английским капиталом. В Египте «англичане бьют рабочих бамбуковыми палками и извлекают невозможно большую прибыль». Подобные ссылки делались и на Персию, но русское царское правительство заслуживало такого же порицания, как и британское правительство. Угнетенные крестьяне Персии рассматривались как благодатная почва для развития социалистических и коммунистических идей.

18. Коммунистическая пропаганда среди местного населения организовывалась Туркестанским мусульманским бюро Российской коммунистической партии. Она всегда была заметно англофобской, и сильные ругательства также были направлены против Соединенных Штатов. Мистер Ллойд Джорж и доктор Вильсон часто описывались как лидеры мировой буржуазии, борющиеся всю свою жизнь против мирового пролетариата. Всех мусульман Востока призывали объединиться с Советской Россией. Позднее на этом союзе большевики все более и более настаивали. Большевики, потерявшие надежду на совершение мировой революции на Западе, вынуждены были обратиться к Востоку. Они планировали вызвать революции в Афганистане, Персии, Индии и Китае, после чего армии с Востока разнесут эти идеи по всему миру. Следующая цитата показывает, как они выражали эту идею.

3 мая 1919 года было выпущено воззвание к мусульманам Ферганы, которые поддерживали Иргаша и Мадамин Бека, боровшихся против большевиков, следующего содержания «В данный момент представители Индийского, Турецкого, Персидского и Афганского пролетариата просят вас помочь в борьбе против английских империалистов, и будет стыдно, если вы откажитесь. Если вы будете продолжать борьбу среди своих, вы не сможете помочь пролетариату Востока. Сейчас решающий момент для Востока и Запада свергнуть капиталистическое и империалистическое ярмо». На пленуме комитета коммунистической партии 17 сентября 1919 года в Ташкенте Кобозев, президент сказал, что удары на Востоке отрежут капиталистов от источников сырья и определят исход борьбы между капитализмом и трудом. Пленумом, который был чрезвычайно влиятельным и мог сменить правительство, была принята следующая резолюция:

(1) Сила Лиги Наций увеличилась в результате «Черного» Парижского интернационала (Мирная конференция) и «Желтого» Второго Бернского интернационала (?).

(2) Невозможно добиться победы только с помощью республик ныне существующих на территории бывшей Российской империи. Мы должны организовать по всему миру железный легион пролетариата, организовать массы, организовать удары, и революционную армию по всему Востоку, где у них до сих пор не было времени довести до конца революции против империализма. Мы должны организовать пролетариат всех государств, в которых он еще не поднялся против империалистов, в одну единую коммунистическую партию.

(3) Национальное и социальное пробуждение мусульман Востока является фундаментальным вопросом, который все решит, и этому пробуждению будет способствовать легион (мирового) пролетариата. Поэтому в Ташкенте мы должны уничтожить русский национализм, поскольку он мешает организации Востока и угнетает мусульман.

(4) Все коммунисты, не поддерживающие восточную политику Третьего интернационала, должны быть исключены из партии.

(5) Мусульманские коммунисты Востока должны делать все, что в их силах, чтобы привести свои страны к большевистской форме правления и удержать его таким.

Абсолютно необходимо поднять и организовать всему пролетариату Востока поддержку масс и поднять экономическую и национальную силу Востока. У нас должны быть не только

слова, которые разрушат экономическую мощь, поддерживаемую лишь меньшинством. Основы марксизма говорят, что сущность государственного устройства лежит в экономической мощи. Лучшая политика теснейшим образом связана с экономикой.

(6) Мусульмане Туркестана обязаны поддержать Афганистан против Англии всеми своими силами, не обращая внимания на свои внутренние проблемы, свои государственные устройства или эмира. В настоящее время достаточно ждать, пока пролетариат и крестьяне Афганистана сами придут к пониманию необходимости Советского правления. Но мы можем использовать афганский парламент и конституцию как средство для защиты всемирного большевизма и коммунизма.

(7) Те же руководящие принципы должны быть положены в основу наших отношений с Хивой и Бухарой. Мы будем поддерживать революционное движение партий «Младохивинцев» и «Младобухарцев» и организовывать там наших революционных единомышленников, но мы не стремимся к насильственной революции. Мы должны ждать момента, когда революция сама естественно возникнет среди населения Хивы и Бухары; но мы не должны позволить им стать поддержкой английских милитаристских устремлений, и таким образом стать угрозой существования нашей Советской Республики.

(8) Абсолютно необходимо приложить все усилия, чтобы немедленно организовать теснейший союз с Южным Китаем и Северной Индией, в которых в течение уже долгого времени разгорается огонь социальной революции.

(9) Персидский вопрос не стоит в программе этого четвертого коммунистического пленума.

19. Газетные статьи также продолжали отстаивать союз мусульман против Англии. «Туркестан, Бухара, Персия, Афганистан и Индия должны объединиться». Народ Индии, Китая, Персии и Афганистана ждут помощи от Туркестана. Муллы в селениях и городах призывали народ подняться против Англии. В июле пришли новости о захвате Ашхабада и уходе британских солдат. Это было следствие Афганской войны и волнений в Индии, и это придало большое воодушевление большевикам. Нам было сказано, что мы давали пустые обещания и предали наших друзей и союзников. Мусульманская секция Российской коммунистической партии выпустила воззвание, в котором утверждалось, что баи и представители властей, всегда угнетавшие народ, призывают в помощь Англию, всегдашнего врага рабочего класса, и особенно мусульман. «Англичане, несмотря на свои обещания, возвращаются в Индию. В

присутствии англичан могут жить только богачи, бедняки будут избиваться и с ними будут обращаться как с животными. Англия сосет кровь 300 миллионов индийцев и отвергает наличие у них общечеловеческих прав. Она поработила Египет, оккупировала священные мусульманские города Мекку, Медину и Константинополь и расчленила Турцию. Турки возобновили войну с Англией, а Афганистан занял Пешавар, и скоро Индия будет свободна от мерзких лап английского капитала».

20. 10 октября было опубликовано воззвание из Москвы к рабочим Бухары и Хивы, в котором утверждалось, что Персия, которая на самом деле была нейтральной во время войны, в настоящее время является английской колонией. Бухара и Хива должны выбирать между подобной судьбой или союзом с рабочими и крестьянами России.

21. Будучи в Кагане в октябре 1919 года, я разговаривал с Махендрой Пратапом, который думал, что я австрийский офицер. Он сказал, что единственной целью его жизни является союз индуистов и мусульман Индии против Британии. Я спросил его, как так могло получиться, что в течение 4 лет войны 300 миллионов угнетенных и недовольных людей Индии не подняли восстания и не помогли нам (то есть Австрии и Германии), когда мы заставили Британию послать всех солдат, которых они могли найти, в Европу; и наоборот, они смогли послать огромное количество первоклассных солдат на все театры военных действий. Он ответил, что победа центральных государств и Турции означала бы мусульманское иго в Индии, а это для 220 миллионов индусов было хуже нынешнего британского правления. Насрулла Хан был его другом, и когда Китай вступил в войну, он предупредил его, когда он как раз собирался пересечь границу Китая. Генерал Куропаткин, генерал-губернатор Туркестана, не дал ему разрешения проехать по территории России, поэтому он смог добраться в Германию из Афганистана только после революции. Он поспешил из Германии, когда услышал о начале Афганской войны, пересек российскую границу на самолете, предоставленным ему немецким правительством уже после подписания мира, но прибыл слишком поздно. Эмир Бухары отказался встретиться с ним. Он отбыл в Кабул вместе с Суритцом в конце октября.

22. Одно из первоочередных дел, выполненных прибывшими из Москвы в апреле 1919 года официальными лицами, была организация «Специального отдела». Это была организация

шпионов; сотни из них были служащими, многие были школьниками. Эта организация развесила на улицах объявления с просьбой всем рабочим сообщать обо всех безобразиях, совершенных буржуями, спекулянтами, саботажниками и хулиганами. «Одно слово, один маленький факт часто являются ключом к раскрытию заговора. При желании ваше обращение останется в тайне». В таких условиях жизнь в Ташкенте была не из приятных; каждый опасался своего соседа. В конце июня, когда положение большевиков на полях сражений было плохим, было произведено много арестов среди оставшейся буржуазии, и газеты делали все, чтобы возбудить чувства людей против них. Утверждалось, что 70 000 рабочих было расстреляно в Финляндии и 4 500 в Риге; что бандиты Колчака расстреляли всех заключенных и десятки тысяч рабочих и крестьян. «Меч Красного террора, вложенный в ножны после Осиповских событий (то есть восстания в Ташкенте в январе 1919 года), теперь снова обнажен туркестанским пролетариатом».

23. Другим подразделением секретной службы было Отделение Военного контроля, имевшее дело с иностранными шпионами, и само посылавшее шпионов в соседние страны, но оно не занималось охотой за русскими контрреволюционерами в Туркестане. Эти два отделения были объединены под началом Буднова в ноябре 1919 года, и были отданы под управление Генерального штаба Туркестанского фронта как военная организация.

24. С февраля 1919 года, когда я вернулся в Ташкент, и до весны было почти невозможно уехать из города из-за поисков людей, принимавших участие в январском восстании. За всеми дорогами пристально следили, и было схвачено множество людей. Все это время я надеялся получить новости из Кашгара или Мешхеда, но ничего не получил. В августе я услышал, что в марте мне было послано сообщение из Мешхеда, но оно так никогда и не попало ко мне. Я думал, что британские силы из Транскаспия будут продвигаться, и в этом случае будет более полезно и безопасно для меня оставаться в Ташкенте до их прибытия. Я также надеялся отправить сообщения, что было бы полезно, вплоть до моего прибытия в Мешхед, где я узнал, что сообщения, посланные мною, были бесполезны, так как у генерала Маллесона были лучшие и более быстрые способы получения информации. Будь у меня информация об этом, я мог бы, взвесив все риски, предпринять все усилия, чтобы выбраться оттуда весной, но я оставался абсолютно без какой-либо

информации с ноября 1918 года вплоть до четырехдневного марша от персидской границы в январе 1920 года.

25. Я думал, что отступление наших солдат из Транскаспия было вызвано Афганской войной. Я ожидал нового наступления, когда война закончилась, но поскольку я скрывался, было очень сложно послать сообщение, и я ничего не получал, то решил покинуть Ташкент как можно быстрее. Путь на Кашгар был невозможен без разрешения большевиков, и М. Капдевиль, французский офицер, попытавшийся воспользоваться этим путем в июне с фальшивым разрешением, был пойман. Путешествие в Мешхед через пустыню в летние месяцы было невозможно из-за жары и недостатка воды. Единственным способом покинуть страну было получение какой-нибудь работы у большевиков. Это мне было сделать чрезвычайно трудно, ведь любая тщательная беседа сразу откроет, что я не являюсь румынским военнопленным, как это указано в моих документах. А так как я несколько раз едва спасся от того, чтобы не быть схваченным, то мне пришлось несколько раз менять имя и получать новые документы. И только в августе мне удалось это сделать, когда я установил контакт с австро-сербским военнопленным лейтенантом Мандичем, который помог мне еще в октябре 1918 года и предупредил меня о моем намечавшемся аресте в это время.

Благодаря ему мне удалось получить место шпиона в отделе Военного контроля. По легенде я стал албанцем, который присоединился к подразделению, сформированному из австросербских военнопленных в Одессе в 1915 году. Мы выбрали эту национальность потому, что никто в Туркестане не знал албанского языка. В это время существовал план посылки отряда солдат на границу с Кашгаром в Памирский гарнизон, и я ожидал приказа присоединиться к ним. От этих планов пришлось отказаться, так как дорога туда удерживалась разбойниками и врагами большевиков, и я получил приказ отправиться в Каган (Новую Бухару), чтобы там, в Бухаре, получить информацию о находящихся там предположительно английских офицерах. Лейтенант Мандич в то же самое время получил назначение на пост главы отдела Военного контроля в Кагане. С его помощью я надеялся получить назначение в какие-нибудь места на Персидской границе, откуда я мог бы убежать, в случае неудачи я надеялся добраться из Бухары до Персии через пустыню. Все было тщательно спланировано, и никто в Бухаре не должен был знать, кем я являюсь на самом деле, за исключением одного хорошо известного контрреволюционера, к которому я вез секретное

письмо из Ташкента. Я прибыл в город Бухару 19 октября, но мой план полностью потерпел неудачу, так как этот человек от страха потерял голову, когда я представился ему, потому что я был большевистским шпионом, и заставил меня рассказать мою историю в присутствии шестерых других людей. Теперь нечего было надеяться на сохранение секретности, и так как лейтенант Мандич мог бы быть тут же расстрелян, если бы об этом стало известно в Кагане, откуда он был послан в Бухару, то он сам присоединился ко мне на следующий день. Я послал сообщение в Мешхед 22 октября и с нетерпением ожидал ответа на это и предыдущие свои письма, но ничего так и не получил.

Где-то в начале декабря власти Бухары спросили двух моих друзей, могут ли они читать по-английски. Они ответили, что не могут, но что британский офицер, укрывающийся в городе, может. Как я узнал впоследствии, генерал Маллесон послал ко мне людей в середине ноября, и я уверен, что эти сообщения прибыли и никогда так и не были доставлены мне, и что эмир хотел прочитать их первым. У меня не было возможности посылать сообщения из Ташкента, но в Бухаре я был на постоянной связи с Ташкентом и мог всегда послать курьеров в Мешхед через пустыню и иногда мог использовать для передачи сообщений железную дорогу на Ашхабад. Я был вполне готов оставаться в Бухаре, и я уверен, что мог бы достаточно регулярно получать новости из Ташкента и пересылать их в Мешхед. Единственное, требовалась некоторая помощь со стороны властей Бухары, особенно, что касалось безопасности и неприметности квартиры, в которой я жил. Если бы только большевики услышали про то, что я нахожусь в Бухаре, они бы нашли способ давления на эмира с целью выдать меня, поставив его в очень неудобное положение. К сожалению, я был лишен какой-либо помощи со стороны властей Бухары, хотя меня очень любезно принимал мой хозяин — Хайдер Ходжа Мирбадалев, человек, прослуживший около сорока лет в русской резиденции в Кагане (Новая Бухара). Впоследствии выяснилось, что большевики в Кагане так никогда и не узнали, что я был в Бухаре, и когда я был в Персии, я встретил австрийского военнопленного, сбежавшего из Туркестана в декабре, который сказал мне, что было известно, что лейтенант Мандич сбежал из Ташкента, но никто не догадывался, что я был его компаньоном. В Бухаре я жил в женской больнице, опасном и публичном месте, доступном любому, и для большевиков не составляло большого труда послать туда людей, чтобы узнать, кто был я, если бы появились хоть какие-то подозрения. Если бы я остался, то надо было убедить эмира лучше меня охранять. Так как я не получил ответа

на свое письмо, посланное в Мешхед 22 октября, в котором я послал свои предложения остаться в Бухаре, я решил не задерживаться более и уехать. Я нашел в Бухаре двух сержантов из числа проводников, направлявшихся со мной в Кашгар, которые сейчас были посланы из Мешхеда с винтовками для эмира. Эти люди оказались чрезвычайно полезными для меня и могли узнать меня и подтвердить, что я на самом деле являюсь британским офицером, в чем бухарские власти, несмотря на предупреждение генерала Маллесона, что он ждет меня, сомневались. Я решил забрать этих людей с собой и приказал им попросить Казначея (Министра финансов), который постоянно общался с ними, обеспечить их лошадьми для путешествия. К моему удивлению и негодованию он послал их к Куш Беги, который отказался дать им лошадей. Это поставило меня в трудное положение, так как я не имел достаточно денег, чтобы купить лошадей на всю нашу группу, и раздумывал, как мне поступить, при этом мне не хотелось принимать подачки от бухарских властей. Мне удалось занять нужную сумму у одного русского, чтобы купить нужных мне лошадей. Фактом является то, что власти Бухары отказались помогать этим двум людям, рисковавшими своими жизнями при выполнении для них службы, о которой обычно люди не забывают. Я также просил их дать в долг мне для путешествия винтовки, подчеркивая, что я не мог сам легально их купить в Бухаре. Мне кое-как дали только три. Наконец я подготовился к отъезду вместе с четырьмя русскими офицерами и еще некоторыми людьми вдобавок к лейтенанту Мандичу и его жене, двум индийским сержантам и моему индийскому слуге, который приехал из Ташкента вскоре после меня. Я согласился взять этих русских офицеров, так как подумал, что они будут полезны в случае столкновения с большевистскими солдатами, но последующие события показали, что я ошибся в своей оценке их личностей. Как раз, когда мы отправлялись, еще несколько русских — представители антибольшевистских сил в Транскаспии, попросились ехать с нами, так как об их присутствии в Бухаре стало известно большевикам, которые стали поднимать об этом вопрос перед эмиром. Это делало нашу группу значительно больше, чем я рассчитывал, и так как эти люди не были офицерами, и у них было несколько слуг, в последующем они могли стать обузой в случае трудностей. Однако я не знал, как я могу отказаться разрешить им ехать вместе с нами.

26. Мы покинули Бухару после заката вечером 18 декабря 1919 года и, переехав основную железнодорожную линию, сделали остановку в селении Куман на краю степи. Затем мы

ехали два дня по степи и пустыне до Бурдалыка на Оксусе (Амударье). В первый день мы проехали тридцать миль, прежде чем добрались до первого источника воды. Темнота застала нас в пути до того, как мы достигли воды, мы потеряли тропу, и были вынуждены остановиться на ночлег без воды прямо в пустыне в том месте, где находились, но прошедший сильный ливень, промочивший до нитки людей и животных, спас нас от жажды. В Бурдалыке, еще на бухарской территории, мы оставались в достаточной безопасности. Здесь мы задержались на два дня, готовясь к более чем 220-мильному путешествию по пустыне до реки Мургаб и железнодорожной линии на Кушку. Переправа находилась в десяти милях к югу от Бурдалыка, и река имела здесь ширину около 200 ярдов. На реке имелась всего одна лодка, и нам пришлось сделать три ходки, что заняло у нас 4 часа. Пустыня, по которой мы путешествовали от Оксуса (Амударьи) до Мургаба, представляла собой невысокие валообразные песчаные холмы, покрытые кустарником. Вид напоминал штормовой день на море с волнами высотой от 20 до 30 футов, в то время как дальний горизонт кажется почти плоским. Мы путешествовали от колодца к колодцу, но часто не останавливались на ночлег у колодцев, так как это затрудняло нам совершение больших переходов, мы решили, что лучше устраивать водопой, когда мы проезжали колодец, а затем продолжали движение до наступления темноты. У каждого мужчины к седлу была привязана небольшая кожаная фляга. Лошадей мы поили у колодца, а затем они двигались до следующего колодца. Лошади в этом краю были замечательные, в дороге они могли обходиться без воды. В жаркую погоду они могли идти 48 часов без воды, а в прохладную погоду даже больше. В колодцах глубиной до ста метров была постоянно соленая вода, но однажды в очень глубоком колодце оказалась прекрасная свежая вода. На четвертый день нашего путешествия от Оксуса (Амударьи) наши проводники, к сожалению, потерялись. Я подсчитал, что мы должны были быть на расстоянии 60 миль по прямой от реки Мургаб, единственной нашей надежды найти воду, если мы не сможем найти колодцы. Так как у нас последний водопой был в полдень за день до этого, было сомнительно, что животные смогут дойти до воды, но даже если бы нам удалось это сделать, группа, страдающая от жажды, вынуждена будет спешить к воде без соблюдения необходимых предосторожностей и может легко нарваться на большевистских солдат, охраняющих реку и железнодорожную ветку. Положение выглядело очень неприятным, пока мы не вышли на едва заметную тропу в пустыне, и один из наших проводников сказал, что он мог бы

вывести нас к колодцу, но что дороги дальше оттуда он не знает. К вечеру мы добрались до колодца, около которого, к нашему огромному счастью, были люди с большими стадами овец. Я говорю к счастью, так как колодец был глубиной более 750 футов, и не встреть мы здесь пастухов, у нас не было бы никаких способов добраться до воды. Воду вытаскивали два верблюда, которые десять минут вытягивали один кожаный мешок с водой. Мы остановились на расстоянии около пяти миль от реки Мургаб днем 3 января 1920 года и в темноте пошли к реке, которая была шириной около 20 ярдов. Здесь мы переправились через реку по висячему мосту с помощью туркменского крестьянина, отблагодаренного за эту помощь крупной суммой денег. Мы приобрели здесь еду для людей и животных из расчета необходимости добраться с ней до первой персидской деревни. К сожалению, во время получения продуктов в темноте случилась некоторая неразбериха, у нас не было времени проверить количество полученной еды, так как все время была опасность, что большевистская охрана железной дороги услышит нас, если мы задержимся на территории, контролируемой ими. После пересечения реки мы продолжили свой путь и пересекли железную дорогу Мерв (Мары) — Кушка, затем двигались до 2 часов ночи и остановились на стоянку в пустыне. Здесь мы обнаружили, к своему ужасу, что у нас недостаточно еды -16 чупатти (лепешек) на оставшиеся четыре дня на 25 человек. Невозможно было вернуться назад за дополнительными продуктами, поэтому мы поделили то, что было, и после того, как они закончились, мы были вынуждены питаться зерном, которое мы везли в качестве корма для лошадей; его мы либо поджаривали, либо варили. В пустыне было множество банд скитающихся туркменских разбойников, и однажды мы чуть не были обстреляны людьми, которые приняли нас за одну из таких банд. Однажды вечером мы подъехали к одной стоянке и попытались попросить еды. Они пообещали нам прислать еду, если мы отъедем и дождемся, пока они ее пришлют. Мы так и сделали, после чего они стали нам кричать, что если мы сразу не уберемся, то они откроют по нам огонь, поэтому мы пообещали оставить их в покое и остались с нашим рационом из жаренного и вареного зерна. В конце концов, мы добрались до большого лагеря туркмен, которые продали нам барана и муки, и мы все сели готовить и хорошо поели. Однако они не могли дать нам продуктов с собой, так как у самих еды было недостаточно, но они сказали, что у колодца, к которому мы приедем вечером, мы сможем купить все, что нам нужно. Некоторые люди у этого колодца видели нас, подъезжающими к туркменскому лагерю, и

думали, что мы банда грабителей, отъехавшая от колодца, и спряталась на некотором расстоянии в пустыне, поэтому мы были вынуждены опять вернуться к нашей зерновой диете.

27. Ночью 6 января мы потеряли все следы и продолжали движение на запад по звездам до 3 часов ночи, когда по нашим подсчетам мы решили, что мы должны находится около реки С араке и персидской границы. На следующее утро мы, подъезжая к границе, к нашему несчастью, столкнулись с оплачиваемой большевиками охраной из балучей, которые открыли огонь по нашему отряду. Мы благополучно пересекли реку, и ответным огнем ранили двух врагов. Леди, находившаяся в нашем отряде, свалилась с лошади в самый критический момент и осталась без лошади на русской стороне реки. За одним исключением русские спаслись бегством на безопасном берегу, даже не попытавшись открыть ответный огонь, не считая нескольких беспорядочных выстрелов, сделанных с седла. В конце концов, леди была переправлена на другой берег. Два сержанта из индийских проводников показали хороший пример русским офицерам. Все нерусские члены нашей группы были очень хорошо встречены в Персии, но, как я обнаружил, как со стороны офицеров, так и со стороны простых крестьян было очень искренне плохое отношение к русским за их деспотичное поведение во время оккупации Северной Персии, а особенно за их обстрел священной мечети имама Резы в Мешхеде. Из Наурозабада, около которого мы пересекли персидскую границу, мы отправились в С араке, где я был гостем губернатора. Оттуда за четыре дня мы добрались до Мешхеда, и на этом все наши трудности закончились.

Замечания по внешним сношениям Туркестанской республики

Афганистан

1. Об убийстве эмира Хабибуллы Хана в газетах было сообщено 23 марта. Утверждалось, что это было сделано его англофильским сыном Инатуллой Ханом, и что между ним и Насруллой шла борьба. Больше про Афганистан ничего не было слышно до 15 мая, когда была опубликована пришедшая из Беловостока телеграмма, в которой сообщалось о начале войны между Великобританией и Афганистаном.

Новости о войне публиковались с нечастыми интервалами, а затем только об успехах афганцев. 31 мая было сообщено о британской оккупации Дакки и о продвижении афганцев на 30

миль вглубь пустыни Пешавара, где британцы потерпели поражение с потерей трех самолетов. 11 июня были опубликованы Афганские официальные коммюнике от 16 и 17 мая. В первом утверждалось, что «Мистер Хаджи Сахиб Турангзайский» занял английский город Шабкадар и захватил три поста охраны. Во втором сообщалось, что в великой битве «Афганцы полностью разгромили английскую армию». 17 июня афганское коммюнике сообщило, что Пешавар окружен мусульманской армией и близок к падению, и что отношения с Индией дружественные. 26 июня сообщалось, что Афганистан оккупировал Тхал. 9 июля было опубликовано британское коммюнике, в котором не сообщалось о серьезных боях, а только о воздушных налетах на Джалалабад и Кабул, и в тот же день было напечатано сообщение о поездке Казакова, Верховного комиссара, в котором описывалась его встреча в Кушке с представителем афганских приграничных властей Мохаммад Яром, который информировал его «о взятии Пешавара и двух других городов» 24 мая и о том, что на территории Афганистана нет британских войск. Афганский эмир выступил с обращением, в котором призывал народ оказывать сопротивление английским разбойникам, сказав, что англичане убили много мирных жителей бомбами с самолетов.

«Не убивайте индусов или русских — они наши братья» «Индия подымается на помощь нам» «Все люди Востока сплачиваются вокруг Афганистана против Англии». 25 июля в афганском коммюнике без указания даты сообщалось о «захвате всей провинции Вазиристан и города Тонк» и о поражении главной английской армии около Чамана. Афганцам оказали помощь 70 000 нерегулярное войско, и Балуджистан попросился в союз с Афганистаном. «Один полк индийской армии вслед за другим дезертировал и перешел на сторону афганцев и вместе с ними выступил против англичан». 29 июля сообщалось о другом дезертирстве, включающем 400 человек под Кандагаром. Утверждалось, что Афганистан захватил британскую территорию, равную одной пятой территории Афганистана. 30 июля Бравин, который был направлен в Афганистан в качестве большевистского посла, сообщал об афганских успехах в Чамане, который был окружен, и также о захвате 14 железнодорожных станций. 4 августа утверждалось, что британцы арестовали афганского консула в Мешхеде, и в качестве ответной меры афганцы арестовали Таре а Якуб Хана — британского консула в Герате. 31 августа сообщалось, что дезертировали 1500 сипаев, «горя желанием сражаться против англичан». Все вышеизложенное это все новости, появившиеся в ташкентских газетах. Поэтому

некоторое удивление вызвало телеграфное сообщение, сообщавшее об освобождении Афганистаном британских солдат. Эта телеграмма никогда не публиковалась, но некоторые ссылки на нее делались в прессе 6 сентября. Центральное правительство телеграфировало Туркестанскому правительству, прося их подтвердить эти новости. Туркестанское правительство спросило афганского генерального консула в Ташкенте, который дал следующий ответ; «Между Англией и Афганистаном установлено перемирие. Предмет этого перемирия, согласно информации правительства Кабула, это выигрыш времени для сбора урожая и пополнение и перегруппировка нашей армии и укрепление наших усилий по удержанию вражеской территории, оккупированной нами. Английское правительство предлагает выплатить 5 миллионов рупий в год, и в ответ на это кабульское правительство предлагает заключить мир, если англичане предоставят полную свободу Индии, Балуджистану, Персии и Афганистану и вернут Афганистану территории, отторгнутые у него в предыдущие войны. Министр иностранных дел был послан (в Индию) с приказом добиваться этих целей и получил дальнейшие указания от эмира придерживаться на переговорах только этой линии и не соглашаться ни на какие уступки; если англичане не согласятся на сформулированные условия, то министр должен немедленно вернуться. Генеральный консул также получил воззвание эмира к афганскому народу, в котором он в целом подтверждает вышеизложенное объяснение, оно вскоре будет переведено и опубликовано. Генеральный консул также заявил от имени своего правительства, что даже если англичане согласятся на предложенные условия, и будет заключен мир (который не очень желателен), афганское правительство твердо уверено, что мир не продлится долго, потому что англичане при первом удобном случае попытаются вернуть потерянное. Это не значит, что мы намериваемся разрушить дружеские отношения с Советским правительством, а наоборот, усилия будут направлены на укрепление и развитие этих отношений, так как это единственный возможный способ нашего охранения в будущем от хищных аппетитов Англии».

2. 21 мая было опубликовано письмо эмира Амануллы, адресованное Ленину, от 7 апреля 1919 года, в котором говорилось, что он взошел на престол 21 февраля и приветствует его от имени свободной и независимой афганской нации. 14 июня был опубликован ответ Ленина от 27 мая, в котором он приветствовал независимый афганский народ, героически отстаивающий свою свободу от иностранных угнетателей, и

просил афганцев принять представителя России и прислать своего представителя в Москву. Бравин, прибывший из Москвы в марте, поехал встречать афганскую миссию и вернулся с нею в Ташкент 4 июня. Миссия задержалась на несколько дней в Бухаре, где они оставили афганского консула Абдулл Шукура. Интервью с главой миссии в Ташкенте, генералом Мохаммед Вали Ханом появилось в прессе 6 июня. Он утверждал, что индийское правительство приняло «Закон Роулетта», запрещающий мусульманам и индуистам посещать свои мечети и храмы для молитв. Индийская пресса призвала Афганистан на помощь против этих бесчеловечного закона. Из-за беспорядков в Индии Афганистан усилил свои пограничные посты, и в это время разведывательный отряд численностью в 100 человек без предупреждения был подвергнут бомбардировке восьмью британскими самолетами, пять из которых, как он полагал, были сбиты. Афганистан, всегда желавший мира, тогда был вынужден объявить войну. Генерал объяснил, что целью его путешествия было посещение мирной конференции и получение от ее участников признания независимости Афганистана. Он сказал, что покинул Кабул до начала враждебных действий. Он пытался доказать, что Афганистан не несет ответственности за войну, но без особого успеха. Он не упоминал о правах наследования Инатуллой. Полный перевод его интервью будет дан ниже. После небольшой остановки в Ташкенте миссия попыталась продолжить свое путешествие, но вернулась, так как дорога через Каспийское море была закрыта. Миссия попросила туркестанское правительство поставить Афганистану вооружение, особенно артиллерию отказ от этих поставок привел к взаимным обвинениям между Казаковым и Кобозевым, двумя большевистскими лидерами, первый из упомянутых, ответственный за отказ, сказал, что он не может доверять вооруженным афганцам. На самом деле у республики просто не было лишнего вооружения. Миссия учредила Генеральное консульство в Ташкенте, которое сразу же стало центром буйной жизни и бесстыдного поведения, а также и англофобской пропаганды. Генеральный консул сам лично объявил, что собирается произнести речь 28 июля в мечети, в которой заявил, что «кто-либо, симпатизирующий Англии, является врагом ислама», и 14 ноября 1919 года он появился с той же платформой как индийский революционер, желая блестящего успеха «Обществу за освобождение Востока». Я лично ознакомился с пропагандой, ведущейся этим консульством, когда однажды в сентябре посетил Афганское консульство в Ташкенте и имел беседу на жаргонном английском через переводчика с индийским

революционером, которого переводчик представил мне как «главного муллу Индии». Сам он представлялся как Мухаммад Миан, а также, я считаю, как Моулви Хамал. Он думал, что я австрийский военнопленный офицер. 13 июня 1919 года Бравин отправился из Ташкента в Кабул, где он был назначен большевистским послом. Его группа была обстреляна около Керки, когда они плыли вверх по Оксусу (Аму Дарье) на барже, и была вынуждена вернуться назад. Затем они отправились через Мерв (Мары) и Кушку. Их хорошо встретили в Герате, но не позволили свободно передвигаться. Они прибыли в Кабул 21 августа, и Бравин сообщил в Комиссариат по иностранным делам, что встречали его «с помпой, но без сердечности» и что аудиенция с эмиром 26-го прошла «без интереса». Его и его компаньонов заставили дать честное слово не вести пропаганду в Афганистане. Он утверждал, что эмир колебался между Великобританией и Россией, но его постепенно убедили встать на сторону Великобритании, поскольку он не имел опыта, и Али Ахмад — англофильский министр внутренних дел, имел большое влияние. Он сообщал, что британцы пытались послать солдат в Кушку через Афганистан. 7 октября Бравин сообщил, что получил ноту афганского правительства с требованием вернуть Афганистану Пендждех, и он рекомендовал принять это требование. В сентябре Туркестанское правительство сообщило в Москву, что Бравин фактически был под арестом. В конце октября Суритц, бывший большевистским представителем в Копенгагене до своего возвращения в январе 1919 года, был послан в Афганистан в качестве посла. Интервью с ним было опубликовано в ташкентских Известиях 18 ноября, в котором говорилось, что стремлением социалистов был союз с Востоком и свобода его от европейского доминирования. Не имело значения, под каким лозунгом будет проходить это объединение, это вполне может быть панисламизм, но Советская Россия была их естественным союзником против капитала. «Восточные страны знают, что им не надо бояться большевизма. В течение многих лет ни один русский не мог попасть в Афганистан, сейчас они туда приглашены, таким образом, все, за что старая имперская Россия боролась с помощью своих шпионов и политических интриг 200 лет, было достигнуто большевиками мирным путем всего за несколько месяцев». Афганцы озабочены получением помощи русских инженеров на различных работах в Кабуле, включая производство боеприпасов.

3. Между большевиками и афганским правительством никогда не существовало длительного взаимопонимания, и большевики, как только могли, утаивали свои хищнические

идеалы от афганцев в Ташкенте. Афганцы, естественно, во время своей войны обращались за помощью к кому угодно, но принципы советского правительства, должно быть, всегда были противны автократическому правительству Афганистана. Несколько цитат из большевистских речей и анализ их действий и намерений, будучи опубликованными в Афганистане, могут сильно изменить, я думаю, нынешние отношения между Кабулом и Ташкентом. Главный акцент мог бы быть сделан на том факте, что все большевики атеисты. Большевистских лидеров, будь это христиане или мусульмане, умерших в Ташкенте, хоронят в сквере в городе, и религиозные обряды не совершаются. Бракосочетание или развод совершаются путем произнесения нескольких слов перед юристом, и недостатки такого подхода можно легко вообразить. Люди, находящиеся на службе у большевиков, боятся совершать бракосочетание в церкви, так как это может вызвать подозрение, что они не настоящие большевики. В январе 1919 года было убито несколько священников и несколько мулл из Шейхантаура, глава мечети в Ташкенте вынужден был бежать в Бухару для безопасности. В Саратове и других городах было опубликовано обращение некоторых экстремистов, требовавших национализации женщин. Буржуи, благодаря своим богатствам, всегда могут жениться на самых красивых женщинах. Это нельзя допускать. Все женщины должны быть общей собственностью всех, и дети должны воспитываться государством. (Справедливости ради, стоит сказать, что власти в Туркестане никогда не пытались проводить эти идеи в жизнь.) Эти и другие факты, будучи преданными огласке, могут весьма существенно подорвать все усилия большевиков среди афганцев и других мусульман, и общественное мнение может заставить афганское правительство изменить свою тактику. Я также думаю, что было бы очень хорошо опровергнуть фальшивые утверждения большевиков относительно Индии. Одна газета утверждала, что 19 миллионов умерло в результате эпидемии чумы и голода в Индии за последние десять лет. Может быть, распространена правдивая статистика относительно этого и других мероприятий, предпринятых правительством Индии для борьбы с этими бедствиями, с утверждениями относительно благоприятных возможностей для индийцев занимать посты в правительственных структурах. Могли бы быть обнародованы настоящие пункты Закона Роулетта, которые искажаются большевиками, доказывающими, что индуистам и мусульманам запрещается совершать религиозные обряды. Я не думаю, что с помощью памфлетов можно добиться многого, если люди не будут им верить. Много можно было бы добиться с помощью получаемых

индийскими бизнесменами писем, написанных их друзьями в Бухаре и Туркестане.

4. Афганцы используют большевиков в своих собственных целях как поддержку против нас. Большевики в то же время используют их в своих собственных целях. Они сказали, что должны сохранять мир и дружбу с Афганистаном, пока они подготовят людей к революции. Если бы афганское правительство понимало это, оно не относилось бы спокойно к присутствию большевиков в Кабуле. Кто получит большую выгоду от этого союза, еще надо посмотреть, но кто бы не получил, другой будет в проигрыше. Афганский народ желает союза с чувством недоверия, и у меня нет сомнения, что, если нынешняя ситуация сохранится, афганское правительство в конце концов будет обязано попросить нашего содействия, чтобы помочь им избавиться от опасности, с которой они заигрывают.

Бухара

До революции русское правительство держало в Бухаре политического агента, который имел большое влияние, но не вмешивался во внутренние дела, за исключением случаев, когда плохое управление приводило к беспорядкам, и русские поддерживали эмира своими войсками. Они ограничивали численность армии 12 000 человек, которая находилась в неэффективном состоянии, имела очень слабое вооружение, не имела современной артиллерии и никогда не была сильной. В настоящее время армия состоит из 30 000 тысяч солдат и 25 000 нукеров, последние плохо обучены и плохо вооружены. Когда вспыхнула революция в марте 1917 года, эмир выпустил манифест, дарующий некоторые привилегии, но ничего значительного не случилось. После захвата власти большевиками в октябре 1917 года ничего сделано не было, но позднее «партия Младобухарцев» (революционеров) позвала большевиков из Ташкента на помощь, и в феврале 1918 года Колесов, тогда верховный комиссар, а также и комиссар по иностранным делам, прибыл в Каган (Новая Бухара) с вооруженными отрядами, и 1 марта послал ультиматум эмиру, требуя, чтобы в течение 24 часов были удовлетворены все требования партии Младобухарцев и была дарована конституция с передачей им власти. Эмир ответил выпуском двусмысленного манифеста, в ответ на который Колесов послал делегатов в Старую Бухару, чтобы утвердить полное принятие своих требований. В этот момент

близ Кагана произошел вооруженный конфликт между его солдатами и жителями Бухары. Тотчас поднялись жители Бухары и вырезали всех русских, находящихся в старом городе, включая членов делегации Колесова, а позднее и убили всех русских на бухарской территории, большая часть которых жила вдоль линии железной дороги. В этот момент около тысячи русских, включая солдат некоторых маленьких пограничных гарнизонов, расстались со своими жизнями, и была разрушена железнодорожная линия. Колесов, который выдвинулся к городским стенам Бухары, затем отступил на 18 верст к Куя Мазару, так как не имел достаточного вооружения, чтобы атаковать город. Все члены партии Младобухарцев, за исключением тех, кто успел убежать на русскую территорию, также были убиты. Дело заключается в том, что большевики были введены в заблуждение относительно значимости и силы партии Младобухарцев, которые были (и являются) весьма малозначимыми. Все население, хотя и недовольное существующим плохим управлением, монархисты. После этого, с подписанием соглашения 25 марта в Кызыл Тепе, большевики признали полную независимость Бухары. Теперь в Ташкенте есть бухарский представитель, а большевистский агент в Кагане имеет доступ к эмиру или Куш Беги (премьер министр) в любое время, когда пожелает. Также в Бухаре имеется афганское консульство и представитель хана Хивы, а также представители Бухары в Кабуле и Хиве. Бухарское правительство, привыкшее всегда обращаться к помощи русского политического агента по сложным вопросам, теперь, потеряв эту поддержку, чувствует себя в полной растерянности. Они пытаются создать армию, но боятся брать на службу русских или других инструкторов из-за боязни раздразнить большевиков. В какой-то момент они ожидали помощи от солдат из Транскаспия и они разрешили туркменам войти на бухарскую территорию и атаковать большевиков у Керки, но в этот момент большевики добились каких-то успехов и продвинулись в Транскаспии, и Бухара была вынуждена искать лучший выход из сложившегося положения. Бухара всегда неофициально помогала белогвардейцам, уходившим с русской территории, и предоставляла им укрытие и оказывала помощь, но все белогвардейцы, которых я видел, были очень возмущены обращением с ними на территории Бухары. Бухара всегда будет антибольшевистской и присоединится к любой сильной партии, которая будет бороться против них, но боится действовать в одиночку, так как существует реальная возможность, что большевики смогут захватить Бухару в любой момент, как только они этого захотят. Вопрос воды является для Бухары

стратегическим. Бухарский оазис (то есть полоса густонаселенной области, лежащей к северу от главной железнодорожной линии) зависит от воды, поступающей из реки Зерафшан, которая протекает через Самарканд, и подача этой воды может быть в любой момент прекращена, в этом случае Бухара может быть силой принуждена к принятию любых предложенных условий. По этой причине в период с апреля по август включительно Бухара может бороться со своими соседями вверх по течению только при условии, если сразу сможет захватить воду.

Это не относится к юго-восточным частям Бухары, которые явно больше и являются более богатыми частями страны; но судьба правительства будет решена при захвате оазиса, в котором находится город.

Хива

Номинально главной Хивы является хан, узбек по национальности; но хан Джунаид Ямуда и Чаудура — туркмен, является значительно более сильным, так как поддерживается своим воинственным племенем. Говорят, что хан Хивы настроен прорусски, но, конечно, антибольшевистски. Хан Джунаид панисламист и был настроен антирусски во время войны, когда он имел связи с Афганистаном. Он мог бы присоединиться к нам всем сердцем против большевиков, если бы были предприняты активные усилия. До войны русские держали 1 500 солдат и политического чиновника в Петро-Александровске под прямым управлением Генерал-губернатора Туркестана. Большевики никогда не добивались никаких успехов в Хиве, и безуспешно пытались прислать своего представителя, и он даже не получил разрешения попасть в Хиву. Он был вынужден оставаться в Петро-Алексанровске, а их последний представитель Христофоров был убит. Его заменил татарин по фамилии Хасанов. Население Хивы едино в своей ненависти ко всем русским, но доброжелательно принимает австрийских военнопленных.

Персия

Большевики всегда надеялись установить официальные отношения со своими соседями, и к концу 1918 года послали в Персию миссию во главе с Бабушкиным. Члены этой миссии были арестованы и держались как заложники для обеспечения безопасности мистера Тредуэла, меня и других иностранцев в

Туркестане. Персидский консул из Ашхабада посетил официально Ташкент в ноябре 1919 года, и пока он там находился, сделал все возможное, чтобы помочь иностранцам покинуть страну. Но, в конце концов, он был вынужден опубликовать в газете письмо, в котором говорилось, что он приехал не с этой целью, и что он не будет проставлять персидскую визу в паспорт, если вначале не будет получена санкция большевиков на это. Большевики попытались вести свою пропаганду в Персии, но безуспешно. Воззвание к рабочим и крестьянам Персии, выпущенное в августе 1919 года, утверждало, что в течение 100 лет Россия и Англия ссорились из-за Персии и угнетали ее и заключили соглашение о разделе страны. Меджлис был закрыт персидскими принцами и капиталистами и, наконец, был ликвидирован по требованию англичан. Советская Россия отказывается от всех соглашений с Англией относительно Персии и аннулирует все долги к России, и никогда не будет вредить персидским финансам. Весной 1918 года англичане оккупировали всю Персию и силой навязали стране договор, который Советская Россия не признает. Каспий должен быть очищен от английских пиратских кораблей и быть свободным для персидского судоходства.

Китай

Большевики также пытались установить официальные отношения с Китаем. Комиссар по иностранным делам в секретном рапорте в сентябре 1919 года утверждал, что они знают, что их дипломатический представитель не был принят в Китае, поэтому они пытаются послать людей под видом коммерческих представителей. С этой целью Улусов был послан в Кульджу, а Шустер в Кашгар. Эти люди не были приняты и вернулись на границу. Шустер, однако, сообщил, что ему удалось послать своего секретаря в Кашгар, где он провел секретные переговоры с Тао Яном, который сказал ему, что он бессилен помочь ему, так как подчиняется приказам из Пекина, где британские и русские представители имеют большое влияние, используемое против советского правительства. Я не могу ручаться за правдивость отчета Шустера. В июле 1919 года в Ташкент прибыла торговая миссия кашгарских сартов, про которую большевики сказали, что это официальная миссия. Эти люди попытались вернуться в сентябре, и Шустер присоединился к ним, но эта группа была задержана в Фергане беспорядками.

Британские подданные

В течение времени моего пребывания в Ташкете там были только следующие европейские британские подданные (1) Мистер Эдвардс и его жена — учителя. Они спрятались, когда пришел приказ арестовать всех граждан стран-союзников, и уехали в Семиречье и Сибирь в сентябре 1919 года. Я оказал им финансовую поддержку для этой поездки. (2) Мистер Смайле, также учитель, человек, вышедший из военнообязанного возраста, который жил в Туркестане 14 лет, и у которого была русская жена. Его допрашивали относительно меня после моего исчезновения, но он сказал правду, что ничего не знает про меня, после чего им не интересовались. Я видел его в октябре 1919 года, когда появился приказ, запрещающий обучение английскому языку, и его работе мешали, и дал ему немного денег. (3) Мисс Хьюстон, гувернантка, которая очень помогала мне, когда я скрывался. Ей несколько раз устраивали перекрестные допросы, спрашивая про меня, но всякий раз она очень умно заставляла большевиков поверить, что я уехал из страны. Сейчас она успешно добралась в Персию. (4) Был еще трамвайщик по имени Дэвис, которого я никогда не видел и который уехал в Москву в марте с американским консулом и другими иностранцами.

Несколько индусов из Шикаиура просили меня в Андижане помочь им, так как они хотели покинуть страну, что было трудно сделать, так как дорога в Кашгар была небезопасна, и большевики не разрешали им забрать свои деньги с собой. Я также видел азиатских британских подданных в Ташкенте, чья собственность была конфискована большевиками. Этот вопрос рассматривался комиссаром иностранных дел, но я ничего не мог сделать, так как большевики не признавали меня официально. Также было двое французов, с которыми я имел дело. Один был господин Кастанье, археолог, которого заставили спрятаться вскоре после моего приезда. Он очень успешно занимался пересылкой военнопленных из Эльзаса во Францию. Я дал ему денег, когда он был вынужден скрываться. Сейчас он свободен и занимает пост в департаменте снабжения при большевистском правительстве. Другой француз был лейтенант Капдевиль, который спрятался, когда появился приказ арестовать всех граждан стран-союзников. Он попытался попасть в Кашгар в июне 1919 года, но был схвачен и посажен в тюрьму, где с ним очень плохо обращались; никому не разрешали видеться с ним, пока одна гувернантка-француженка не сказала властям, что она его жена. Под таким предлогом ей позволили увидеться с ним в тюрьме, но только через решетку и при криках других заключенных и их родственников. Его освободили в ноябре, и он благополучно

добрался в Мешхед.

Приложение 3
Интервью, данное афганским генералом Мохаммадом Вали Ханом ташкентским «Известиям»

(опубликовано 6 июня 1919)

Посол. — Эмир Хабибулла был убит в Джелалабаде, и эмиром был провозглашен его брат Насрулла, находившийся там в тот момент. Жители Кабула, подозревавшие, что Насрулла имеет какое-то отношение к убийце, отказались признавать его и провозгласили эмиром Аманулу. Насрулла и Инатулла были приглашены в Кабул, где они и все члены семьи эмира признали Аманулу в качестве эмира. Эмир был коронован в Кабуле, и первые слова его речи были такие «Армия и народ Афганистана! Я заявляю вам, что с этого момента Афганистан является свободным и независимым королевством, не признающим над собой какой бы то ни было власти, и не признает никакое королевство, как способное отдавать нам приказы. Если вы согласны с этим, я оставлю корону на своей голове; если нет, я ее сниму». Народ и армия заявили в один голос, что они согласны быть независимыми. В данный момент возникла переписка с англо-индийским правительством. Вы должны знать, что в данный момент индийское правительство издало закон, называемый «Рул билль» (то есть Билль Роулетта), запрещающий людям собираться вместе и даже запрещающий мусульманам собираться в мечетях для молитвы, а индуистам с той же целью собираться в своих храмах. Полиция могла арестовывать без суда и допрашивать любого подозреваемого. Этот негуманный закон вызвал всеобщую вспышку возмущения и беспорядки по всей Индии. Народ Индии, не имея другой возможности спасения, кроме как в лице Афганистана, обратился к афганскому правительству через свои газеты, призывая его помочь, говоря, что они безоружны и не имеют навыков борьбы и находятся в опасности, будучи истребляемыми англичанами. Афганское правительство, узнав, что этот закон противоречит всем правилам гуманизма, выразило свой официальный протест.

Между тем беспорядки в Индии ширились и приводили к большим жертвам. Афганское правительство предприняло шаги для защиты своих приграничных постов и направило солдат для

их усиления. В то же самое время был послан патруль численностью в 100 человек для рекогносцировки местности между Даккой и Кафиркотом. Затем без всякого предупреждения появилось 8 английских самолетов, которые разбомбили патруль, убив и ранив несколько солдат. Появление самолетов вызвало энергичный огонь с нашей стороны, и сообщается, что мы сбили 5 из них. Я специально подчеркиваю, что стремлением и желанием афганского правительства всегда было никогда не начинать войну. Англичане не обратили внимания на усилие Афганистана (к миру) и вторглись к нам; нам ничего не оставалось, как официально объявить войну. Таким образом, вы видите, что первым броском англичане преуспели в захвате Дакки, как раз на афганской границе, и вызвали в ответ силовой удар от афганской армии и народа. Этот удар был таким сильным, что наша армия продвинулась в направлении Шабкадара. Я — официальный чрезвычайный и полномочный посол Афганистана, прошу все народы мира использовать свое влияние против этих беззаконных атак англичан, которые беспричинно вторглись к нам. Я утверждаю, что между афганским и другими народами мира нет разницы, потому что мы такие же люди, как они, и поэтому мы надеемся, что все цивилизованные государства помогут нам, ничего другого кроме моральной поддержки и заявления, что они к нам благосклонны. Мы не вмешиваемся во внутренние дела Индии, и не желали, и не искали войны. Мы только желаем быть независимыми, на что имеем право.

Роста[126] — Каким образом Афганистан ранее зависел от Англии?

Посол. — Зависимость от Англии состояла исключительно в том, что Афганистан не имел права иметь дела с иностранными государствами, и это вытекало просто из договора между Афганистаном и Англией, а не из какой-то (внутренней) необходимости.

Роста — Я предполагаю, Англия не имеет влияния на внутренние дела Афганистана?

Посол. — Нет. Ни одного английского гражданина или подданного нет в Кабуле за редким исключением инженеров или других специалистов, приглашенных туда.

Роста — Могу я объяснить причину ваших коллизий с англичанами тем фактом, что вы тесно связаны с народом Индии, который угнетается англичанами?

Посол. — Мы проинформировали их (индийское правительство) о нашей официальной точке зрения, что принятие Рул билля противоречит фундаментальным правам человека, и по этой причине мы направили нашу армию в приграничные

провинции. Англичане вторглись к нам без предупреждения.

Роста — Как вы объясните смерть бывшего эмира? Кто совершил убийство?

Посол. — Дело было чрезвычайно запутанным и сложным, и в настоящее время допросы производятся со всех сторон. Чрезвычайно трудно сейчас утверждать определенно, в чем была причина, и кто был реальным убийцей. Подозрение упало на одного человека, который в настоящее время уже казнен. Возможно, что убийство было политическим, и что оно было спровоцировано англичанами.

Роста — Было ли убийство совершено человеком, занимавшим положение в Афганистане, или членом какой-то партии?

Посол. — Убийца не принадлежал к членам какой-либо партии; он был чрезвычайно беспощадным, настолько, что никто не ожидал такой вещи от такого простого человека.

Роста — Теперь, генерал, пожалуйста, объясните цель вашего путешествия к нам в Россию?

Посол. — Когда явно была провозглашена афганская независимость, афганское правительство сочло полезным послать своего представителя на мирную конференцию, чтобы информировать делегации на конференции о своих требованиях, которые мы смогли сформулировать, и о своем желании получить от конференции признание нашей независимости и свободы от опекунства Англии. Мы, естественно, желали бы, чтобы конференция официально признала факт нашей независимости и полной свободы. Афганский народ настроен дружески по отношению ко всем народам, за исключением одного — Англии, которая порабощала нас, притесняет нашего соседа — Индию, и которая принимает закон в Индии, полностью противоречащий всем правам человека. Вы можете убедиться, что у нас нет желания попытаться получить это (признание) путем войны. Мы хотим прояснить дело до мирной конференции. Я покинул Кабул до начала военных действий, но прежде чем я достиг Бухары, я узнал, что военные действия между нами и Англией начались. Таким образом мы вынуждены ехать в Россию — единственную дорогу, открытую для нас на мирную конференцию.

Роста — Следовательно, если я вас правильно понимаю, поездка в Россию для вас только этап вашей поездки на мирную конференцию?

Посол. — Вы должны извинить меня, но я не могу вдаваться в этот вопрос в качестве темы для новостей. Это официальный вопрос.

Роста — Кроме специальных целей, с которыми вы были

посланы, возможно ли объяснить ваше появление здесь среди нас в России, как выражение желания афганского народа братского союза с Советской Россией?

Посол. — Это возможно.

Роста — Вы понимаете взаимоотношения различных сил в нашей стране, то есть, как было достигнуто могущество рабочего класса и как управляется Советская Россия?

Посол. — У нас недостаточно информации; все, что мы знаем, почерпнуто из английских средств массовой информации, которые жестко цензурируются.

Роста — Я понимаю так, что вы намериваетесь посетить сначала центральное правительство в Москве. Есть ли у вас полномочия повторить все, сказанное вашим эмиром в своем письме, главе нашего правительства Ленину?

Посол. — Конечно, это так.

Роста — Позвольте мне поприветствовать вас как главу дружеской миссии и поблагодарить вас за это интервью.

Приложение 4
Заметки по управлению Туркестанской Республикой

Кардинальной чертой управления Туркестаном является то, что никому кроме большевиков не разрешено участвовать в выборах, членам партии левых социалистов-революционеров и определенного вида людям — «беспартийным» было запрещено участвовать в выборах указом в августе 1919 года. Аргумент в пользу такого несправедливого участия в выборах был такой, что раньше богатые через зависящих от них материально людей имели непомерно высокие возможности влиять на выборы — это была, по сути, диктатура буржуазии, а сейчас объявлена диктатура пролетариата.

Каждое поселение имело номинально выборный комитет («Исполком»), однако выборы в него среди местного населения являлись чистейшей фикцией, так как люди не понимают и не хотят иметь хлопоты с выборами. На самом деле «аксакал», или глава поселка называет себя «товарищ председатель исполкома», и на каком-нибудь доме в поселке имеется табличка «Исполком», но на самом деле, конечно, там никакого исполкома, и жизнь продолжает идти своим чередом, как и шла до этого. Главный эффект большевистской революции в отношении местного сельского населения проявился в том, что все стало гораздо более дорогим, и они стали уязвимы для грабежей со стороны красногвардейцев или их имущество конфискуется. Они не платят налогов, так как правительство их не собирает.

В русских поселках выборы проводятся. Русское сельское население не настроено пробольшевистски, так как оно, естественно, было против национализации земли. Они были готовы поддержать Осиповское восстание в январе 1919 года, но, с другой стороны, колебались, так как им сказали, что победа восстания будет означать возвращение старого режима, которого они боялись так же сильно, как и большевизм. Оно плохо образовано и в целом безразлично к политике и будет следовать за любым убедительным оратором. Я лично убедился в этом, когда жил среди крестьян как австрийский военнопленный (рядовой) в селе Троицком в январе и феврале 1919 года. Когда началось январское контрреволюционное брожение в Ташкенте, большевики послали солдат из Ташкента разоружить левых социалистов-революционеров, которые предположительно были

против большевиков. Большинство оружия в селе было спрятано в ожидании обыска. Жители села не знали ничего о политике или о разнице между партиями. Кто-нибудь приходил и говорил «Вы все левые социалисты-революционеры. Не так ли?» Они отвечали «Да». С другой стороны села приходил кто-то и говорил «Вы все большевики. Не так ли?» И они точно таким же образом молча соглашались. Вечером после этого обыска левые социалисты-революционеры устроили митинг, на котором было употреблено много спиртного, и они решили убить всех большевиков, большинство из которых жило на другом конце села. Большевики, естественно, прослышали про это и сбежали в киргизское село, расположенное в пяти милях от Троицкого. Пьяные социалисты-революционеры вернулись домой и на следующее утро решили послать человека в Ташкент, чтобы узнать, что происходит там, прежде чем совершать намеченное убийство. Человек вернулся с сообщением, что больше нет таких понятий, как большевик или левый социалистический революционер, а обе партии объединились как коммунисты против белогвардейцев, представлявших старый режим, который все ненавидели одинаково. Возможные убийцы и их намеченные жертвы после этого расцеловались и объединились, достали свое спрятанное оружие, и выступили все как один против Осипова и контрреволюционеров, которые отступили в горы. В начале Осиповскош восстания он заявил, что хочет «учредительное собрание». Это было то, что хотели все антибольшевики, и они говорили только о монархии, когда они поверили в то, что полностью победили большевиков, и таким образом повернув против себя большинство своих сторонников. Я спрашивал селян, что такое «учредительное собрание» (я сам не знал, что эти русские слова означают), они сказали, что сами точно не знают, но это что-то их старых жупелов «старый режим». В целом случившееся служило уроком того, что можно ожидать от дарования политической власти людям, которые слишком невежественны, чтобы пользоваться ею благоразумно.

В каждом крупном городе и районе («уезде») был Совет, который выбирал исполнительный комитет. Этот районный Совет избирался поселковым Советом', но эти районные Советы были распущены в июле 1919 года. Теперь поселковые и городские Советы прямо выбирают районные Советы, представители которых встречаются в Ташкенте раз в каждые три месяца для избрания Центрального Исполнительного комитета (ТурЦИК) республики, который состоит из 75 членов. Связь с центральным правительством в Москве очень слабая, и ТурЦИК часто отказывается подчиняться приказам из Москвы.

Это положение сейчас изменилось после того, как установилось железнодорожное сообщение с центром, и политики из центра прямо руководят делами Туркестана.

Вплоть до октября 1919 года ТурЦИК выбирал одиннадцать комиссаров, которые назывались «Совком» и которые формировали кабинет и сами были главами различных департаментов. В октябре 1919 года эта система изменилась и ТурЦИК избирает «президиум», состоящий из семи членов, включая министров обороны, культуры и экономики. Этот орган обладает исполнительной властью, в то время как ТурЦИК только законодательный орган, имеющий право наложения вето на их действия. Политическая ситуация в большой степени контролируется Туркестанским комитетом Коммунистической партии (Крайкомом), который может сместить правительство в любой момент.

Правительство постоянно находится на грани финансового кризиса. Его глава был источником дохода, когда отрезанный от центра управлял печатным станком. Деньги печатались в ненормальных количествах без всякого контроля и финансового покрытия. На целой пачке банкнот был нанесен один и тот же номер. Естественно, ни у кого не было никакого доверия к этим деньгам и постепенно они обесценивались по сравнению с Николаевскими и Керенскими деньгами, до декабря 1919 года они стояли их десятую часть. Результатом этого было то, что зарплаты, выплачиваемой в туркестанских деньгах, не хватало на жизнь, и правительство вынуждено было поднимать все зарплаты. Это просто означало печатание большего количества денег. Это предполагало, что такой маневр будет вскоре повторен. В Мешхеде в январе 1920 года одна тысяча рублей местной туркестанской валюты стоили около двух кран или одной рупии. Республика также зарабатывала деньги контрибуциями. Это были деньги, отнятые у богатых людей под страхом смерти. Трое людей были однажды расстреляны за отказ платить, после чего это требование было выполнено. Экономическое положение в Туркестанской республике было ужасным, но положение, без сомнения, улучшилось с того момента, как открылась железная дорога на Москву и к Каспийскому морю.

Край практически был лишен импортных товаров, хотя, что касается еды, он в большей степени обеспечивал себя сам. Возможно товар, в котором он нуждался в первую очередь, была нефть, так как все железнодорожные дороги и заводы работали на ней. Большинство железнодорожных машин было теперь переделано на использование дров, которые имелись, но только в ограниченном количестве, доступном железной дороге. Также

интенсивно использовалась на железной дороге в качестве топлива сушеная рыба. Ташкент был хорошо озелененным городом, но деревья на улицах, парках и в частных садах были вырублены этой зимой на топливо. Конечно, теперь нет настоящих частных садов, так как все частные дома в городе за исключением совсем уж малорентабельных были национализированы. Уполномоченные люди даже приходили в частные дома весной 1919 года, чтобы регистрировать фруктовые деревья, и говорили их жителям, что фрукты национализированы, и что они обязаны их сдать, когда они созреют.

В Ташкенте осенью 1919 года некоторые цены были такими:

Один аршин (2 фута) хлопчатобумажной ткани…300 рублей.

Коробок спичек… 30 рублей.

Фунт чая (0,9 английского фунта)…1 200 рублей.

Пуд (36 фунтов) хорошей муки…1 000 рублей.

Можно представить покупательную способность однокопеечной банкноты (1 /100 рубля); 3 000 которых, были ценой одной коробки спичек.

Большевики были очень увлечены образованием и тем, что они называли культура. Это было строго революционным по манере. Один человек предложил при обучении истории убрать любые упоминания о королях. На улицах были развешены плакаты «Занимайтесь самообразованием», «Культура спасет нашу революцию» и т. д., было огромное количество школ в Ташкенте, где детей, как местных, так и русских, обучали пению Марсельезы и других революционных песен на русском и тюркском языках.

Большевики не могут сидеть спокойно. Они должны продвигать свои идеи или погибнуть. Их целью всегда была мировая революция. Они ожидали помощи от социалистов Европы и Америки, но они были обмануты (по их словам) западным пролетариатом. Их единственная теперь надежда была на Востоке. Они рассматривали Северную Индию и Южный Китай как достаточно продвинутые для восприятия их идей, в то время как угнетенные крестьяне Персии, как они полагают, будут готовы принять их принципы, когда они смогут их им объяснить. В Афганистане, Персии и Туркестане надо вызвать беспорядки на основе какой-нибудь идеи, которая поднимет людей (это сделает Панисламизм) и с началом этих беспорядков можно будет поднять революцию. Пропаганда должна распространяться с помощью создаваемых политических групп, которые будут агитировать законно без излишнего привлечения внимания правительства этих стран. Когда на Востоке и, особенно на мусульманском Востоке, будет принята советская форма

правления, весь мир вынужден будет принять эту форму правления под воздействием военной силы на пару с прекращением поставок сырья и других поставок, которые империалистические страны должны получать с Востока. В настоящее время большевистское дело было усилено приверженностью к нему хорошо известных офицеров старого режима. Представляется невозможным, что эти люди могут быть действительно согласны с программой большевиков, и представляется вполне определенно, что они или присоединяются с пониманием того, что большевистская программа должна быть изменена, или что они смогут сами внести изменения, вступая в партию. Антибольшевики были разбиты на полях сражений, и сейчас вероятно, что без изменения названия партии программа смягчится так, что будет принята какая-то форма управления, которая будет приемлема в целом всему народу. Они уже отказались от национализации земли среди туркмен, так как крестьяне отказались засеивать землю, и они столкнулись с голодом. Я думаю, мы увидим еще много такого рода отказов от их догматов.

Мы можем ожидать интенсивную пропаганду в Северной Персии и Индии, так как поддержка революционеров в Индии и Персии обыденное дело для них, не могущее нанести им вред и стоящее немного денег. Также вполне возможно, что они могут оказать им поддержку с помощью ограниченных военных действий в Северной Персии.

Большевики чрезвычайно самонадеянны. Речь мистера Черчилля, в которой он сказал, что 14 государств объединятся против большевиков, была предметом саркастических статей в советской прессе. В них утверждалось, что уже не раз была доказана невозможность любого союза среди многочисленных врагов большевиков, и что несколько воззваний, распространенных среди вражеских солдат, неизменно возымеет эффект, который заставит врагов большевиков ретироваться во избежание худших опасностей.

Заметки об организации разведывательной службы в Туркестанской республике

До ноября 1919 года было три организации: 1. Военный контроль — это был отдел Генерального штаба. Он делился на 2 части.

(1) Разведка, которая имела дело со сбором информации в иностранных государствах. Это часть имела 4 отделения.

(1) Сырдарьинской области со штаб-квартирой в Ташкенте, который имел дело с Семиречьем и китайской территорией около Кульджи.

(2) Ферганский, со штаб квартирой в Андижане, который имеет дело с Кашгарией.

(3) Бухарский, со штаб квартирой в Кагане, и имеющий дело с Бухарой, Хивой и Афганистаном, за исключением Герата.

(4) Закаспийский, со штаб квартирой в Ашхабаде, имеющий дело с Персией и афганской территорией около Герата.

Они держат постоянных агентов во всех главных городах этих стран, являющихся объектом шпионажа. Агенты также посылаются из штаб-квартир упомянутых выше 4 отделений, а также из центрального офиса в Ташкенте. Например, агенты могут быть посланы в С араке постоянным агентом в Мешхеде, Ашхабадским отделением офиса, и центральным офисом в Ташкенте, и один агент может ничего не знать про другого. Все агенты лично связаны с официальными представителями службы, таким образом, этот агент будет лично известен только одному человеку, который связан с ним, и никакому другому человеку службы, например, я был лично связан с лейтенантом Мандичем и не имел дел с другими членами организации.

6.

7. (2) Контрразведка делится на секции с теми же 4 офисами и имеет дело с иностранными шпионами в Туркестане. За всеми иностранцами следят шпионы в первые одну-две недели их пребывания в стране, и если ничего подозрительного за ними не выявлено, шпионы снимаются. Никаких исключений не делается для предполагаемых дружеских миссий, и за афганцами в Ташкенте продолжают следить.

В ноябре 1919 года отдел Военного контроля был объединен со Специальным отделом (см. ниже), но организация, возможно, осталась неизменной.

2. Следственная комиссия — эта организация, которая имеет дело с (1) контрреволюционерами, (2) спекулянтами и укрывателями, (3) контрразведкой.

У этой комиссии есть криминальный суд, обладающий правом присуждать к смерти. Все люди, арестованные Военным контролем, для дальнейшей разработки передавались в Следственную комиссию.

3. Специальный отдел — эта организация была официально открыта в мае 1919 года по приказу из Москвы. Они имеют дело с контрреволюционерами и спекулянтами в дополнение к Следственной комиссии и разведкой и контрразведкой в дополнение к Военному контролю.

Существует множество пересечений в работе этих трех организаций, а также и постоянное отсутствие взаимопонимания, трения и ревность.

В ноябре 1919 года были предприняты следующие меры.

Военный контроль был упразднен и слит со Специальным отделом, который был подчинен Революционному Военному Совету и нацелен на борьбу с контрреволюционерами и спекулянтами в армии и на фронте, на разведку за границей и на контрразведку. Большинство его сотрудников были евреи.

Следственная комиссия, которая подчинялась Центральному исполнительному комитету Республики, прямо занималась контрреволюционерами и спекулянтами среди гражданского населения.

Комиссариат Иностранных дел также посылал шпионов за границу, и его разведывательное отделение для Персии было организовано из Афганистана.

Приложение 5
Указатель имен и терминов

Абдул Гани, 175
Абдул Рахим Бек, 14, 86
Авал нур, 238, 239, 240, 241, 249, 256, 263, 285, 286, 287
Агапов, 110
Агенты провокаторы, 51, 58, 64, 67, 79
Адамович, 235, 307
Азизов, 258, 263, 275, 291
Аксельрод, 250
Актюбинский фронт, 49, 53, 183
Алайские горы, 28
Александр великий, 151
Александров, 181, 182, 183, 184, 200, 202, 219
Александровск, 176
Александровский парк, 203
Аманулла, король, 176, 333, 341
Амударья, 261, 329, См. также Оксус Андижан, 30, 31, 32, 42, 47, 59, 62, 63, 194, 312, 340, 349
Андреев, 135, 136, 138, 154, 161, 164, 180, 189, 196, 212, 213, 219, 299
Апин, 54, 143, 320
Аральское море, 45, 53, 161, 202
Арба, 6
Ариф Ходжа, 233, 234, 235, 245
Архангельск, 56
Арысь, станция, 150
Астрахань, 44, 81
Аулие-Ата, 99
Афанасьев, 68, 196, 197
Афганистан, 17, 18, 19, 43, 45, 47, 145, 148, 162, 169, 170, 176, 191, 195, 201, 205, 206, 210, 211, 214, 226, 227, 230, 231, 239, 304, 305, 306, 307, 313, 320, 322, 323, 324, 325, 331, 333, 335, 341, 348, 350 Афганская война, 170, 191, 201, 226, 320, 324
Афганское консульство, 204, 334, 338
Ашхабад, 5, 8, 56, 64, 93, 183, 189, 217, 218, 257, 264, 295, 300, 324, 327, 339, 349
Ашхабадский фронт, 44, 50, 52, 53, 57, 65, 66, 166, 194
Бабочки, 7, 9, 20, 22, 28, 29, 62, 63, 183, 184, 185, 219
Бабушкин, 68, 93, 196, 197, 339
Бадмаев, доктор, 55

Баку, 8, 50, 66, 81, 144, 296
Балчиш, 217, 218, 295, 296, 297
Бани, 246
Баркатулла, 144, 145, 147, 148, 225, 257, 320
Басмачи, 49, 103, 304, 305
Бахрам али, 199, 240
Беш калча, 184
Билль Роулетта, 170, 334, 336, 341
Бирджант, 297
Блэкер, майор, 27, 28, 311, 313
Бобров, 198, 199
Болтерно, капитан, 92, 159
Бравин, 143, 144, 148, 152, 167, 175, 176, 178, 210, 320, 332, 333, 334, 335
Бричмулла, 97, 98, 101, 109, 111, 112, 115, 127, 172, 181, 186
Брюн, капитан, 42, 43, 44, 48, 75, 95, 158, 159, 167, 319, 320
Бугаев, 251, 252
Буковский, 158
Бурдалык, 261, 265, 266, 267, 272, 274, 304, 329
Бутан, 9
Бутченко, 65, 66
Бухара, 8, 32, 167, 169, 176, 204, 205, 206, 211, 214, 216, 217, 218, 220, 224, 226, 227, 228, 229, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 243, 244, 245, 246, 247, 257, 306, 324, 336, 337, 338
Валюта, 152, 249, 250
Ван бар, 143
Вассмусс, 45
Виден ский, 167
Викар-ул-Мулк, 13
Вилгорский, 20
Военнопленные, 8, 9, 30, 33, 41, 42, 43, 44, 45, 53, 57, 58, 62, 64, 84, 87, 88, 89, 92, 95, 97, 106, 113, 121, 122, 124, 126, 130, 132, 136, 139, 149, 150, 151, 158, 159, 160, 164, 171, 178, 179, 181, 182, 184, 186, 190, 191, 193, 200, 211, 216, 218, 219, 253, 254, 255, 257, 262, 290, 294, 299, 306, 307, 312, 319, 326, 327, 328, 334, 339, 341, 345
Военный контроль, 211, 349, 350 Воскин, 143, 163, 178, 179, 180, 197, 320
Временное правительство, 36, 145, 225
Газель, 28, 274, 279, 281
Гальперин, 237, 250, 262, 307
Гарибальди, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 111, 112, 114, 122, 129, 131
Гатч (скульптор), 190

Геголошвили, 60, 61, 62, 67, 73, 74, 75, 77, 122, 124
Гелодо, 62, 75, 78, 87, 175, 302
Германия, 8, 27, 43, 58, 73, 76, 106, 145, 225, 226, 230, 237, 302, 312, 320, 321, 322, 325
Гилгит, 15, 16, 17, 18, 27, 56, 239, 304, 311
Голд, сэр Бэзил, 297
Гонгкар, 15
Гонконг, 299
Горный козел, 17, 29, 104, 185
Грант, сэр Гамильтон, 72
Гузар, 304
Далай Лама, 55, 249
Дамагацкий, 39, 40, 41, 44, 45, 47, 56, 57, 59, 62, 63, 64, 66, 68, 70, 71, 73, 75, 77, 80, 87, 92, 93, 120, 140, 157, 167, 171, 175, 302, 312, 315, 316
Данилова, 160, 161, 162, 163, 171, 174, 219
Данстервилль, 144
Джизак, 37
Джиристан, 301
Доктор, 29, 55, 108, 115, 119, 134, 139, 140, 244, 255
Доржиев, 55
Драпсзинский, 186, 218
Дуздаб, 296, 297
Дукович, 30
Дунков, 211, 212, 214, 215, 216, 217, 220, 241, 253
Дутов, генерал, 45, 49, 61, 143, 183, 319
Епископ Ташкента, 164
Железные дороги, 8, 14, 15, 27, 32, 37, 44, 45, 46, 49, 50, 53, 56, 59, 61, 68, 91, 103, 119, 120, 121, 123, 131, 143, 147, 150, 158, 166, 167, 169, 183, 205, 213, 214, 219, 220, 221, 223, 224, 238, 240, 241, 257, 264, 278, 279, 296, 297, 299, 300, 303, 317, 319, 327, 329, 330, 332, 337, 338, 346, 347
Жилищная комиссия, 134, 195
Жлобинский полк, 53, 54, 92
Зарплаты, 153, 346
Зарудный, 63
Зип, 163, 254, 269
Зипсер, 64 зубной врач, 27, 139
Иван, 95, 96, 98, 99, 102, 103, 105, 106, 107, 108, 110, 115, 116, 117, 119, 126, 127, 128, 129, 181, 308
Иванов, полковник, 120, 140, 160, 171, 172, 200 Индусы, 31, 244
Иргаш, 49, 52, 53, 73, 76, 78, 79, 86, 94, 102, 103, 105, 106, 109, 254, 322

Иркештам, 29, 45, 312
Искандер, капитан, 258, 286, 287, 288
Искандер, княгиня, 151
Искандер, Мирбадалев, 237, 238, 243, 251, 253, 256, 307
Искандер, село, 96, 115, 119, 126, 130, 181, 182
Искандер, титул, 182
Ишан, 97, 98, 99, 101, 102, 104, 108, 111, 112, 115, 129, 277
Кабан, 99, 102, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 114, 129
Кабардан, 188
Кабул, 267, 335
Каган, 167, 169, 211, 214, 216, 217, 218, 224, 226, 228, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 241, 242, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 259, 303, 325, 327, 328, 337, 349
Казаков, 209, 334
Казим Бек, 145, 147, 148, 320, 321
Казначей, 247, 248, 249, 256, 263, 275, 328
Кала-и-Вамар, 304
Калашников, 68, 196
Калби Мохаммад, 239, 241, 256, 263, 277, 285, 286, 288
Капдевиль, 92, 189, 190, 257, 326, 341
Карабай, 187
Каракуль, 245, 260, 273, 306, 307
Карахан, 71, 72, 84, 91, 93
Карши, 304
Карши Бек, 235, 239
Каспийское море, 8, 238, 273, 334, 339, 347
Кастанье, 90, 103, 340
Кауфман, генерал, 35, 155
Кашгар, 13, 14, 16, 18, 19, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 55, 57, 59, 62, 66, 70, 71, 77, 80, 86, 87, 94, 109, 120, 140, 141, 149, 152, 171, 172, 173, 174, 189, 194, 230, 238, 239, 294, 302, 311, 312, 315, 317, 318, 319, 326, 328, 340, 341, 349
Кашмир, 9, 56, 239
Квартирная комиссия, 136
Кватц, мадам, 35
Кекеши, 92, 130, 132, 138, 301
Кеклик, 20, 22, 183, 185
Керенский, 36, 103, 122, 152, 213, 243, 249, 291, 306, 346
Керки, 169, 176, 334, 338
Кинотеатры, 47, 63, 202
Киргизы, 20, 21, 28, 34, 54, 117, 154, 187, 188, 204, 247, 345
Клеберг, 42, 43, 113, 122, 124, 159, 319
Кобозев, 208, 209, 320, 323, 334
Коканд, 14, 38, 49, 70, 103, 197, 200, 254, 312

Коксу, 97, 106, 107, 112, 129, 185
Колесов, 38, 56, 57, 73, 75, 79, 80, 83, 92, 121, 157, 237, 303, 315, 316, 337
Колузаев, 121
Колчак, 52, 53, 180, 202, 209, 325 Корнилов, 103, 172, 173, 174, 180, 189, 258, 317
Крайком, 197, 208, 346
Красная армия, 5, 30, 36, 40, 41, 43, 44, 53, 54, 57, 61, 65, 69, 81, 103, 110, 117, 121, 122, 149, 150, 179, 198, 203, 219, 254, 255
Краснов, 137, 198, 199
Красноводск, 8, 81, 238, 273
Крист, Густав, 42, 43
Куйлюк, 188
Кумыс, 28, 102, 108
Курага, 159
Курган-Тюбе, 304
Курьеры, 70, 71, 77, 120, 140, 141, 160, 171, 172, 200, 257, 314, 315, 327
Куш Беги, 247, 248, 249, 254, 256, 257, 258, 259, 263, 275, 328, 338
Куш-курган, 187
Кызыл Дэван, 28
Кызыл тепе, 237, 254, 337
Кызылкент, 187
Кызыл су, 183
Лазарь, 139, 140, 199, 301 Лалла рук, 50
Ленин, 44, 57, 61, 63, 103, 155, 156, 190, 225, 226, 230, 231, 333, 344
Лепешка, 6
Линия, мера длины, 98
Липский, 96, 98, 99, 102, 104, 111, 112, 113, 129, 130
Лобов, 75, 76, 77, 78
Лукашов, 109, 110, 111, 132, 141, 172
Лхаса, 6, 10
Матитай, 24, 29
Мадамин Бек, 49, 254, 322
Майор Блэкер, 312
Макартни, сэр Джордж, 14, 19, 22, 23, 27, 34, 55, 56, 61, 70, 92, 312, 313
Маллесон, сэр Уилфред, 67, 274, 292, 293, 320, 326, 327, 328
Мандич, 58, 60, 66, 67, 72, 90, 180, 193, 197, 200, 201, 204, 205, 206, 211, 212, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 230, 233, 234, 235, 236, 237, 241, 245, 247, 251, 252, 253, 256, 257, 260, 261, 268, 270, 271, 280, 286, 287, 288,

289, 291, 294, 295, 296, 297, 299, 326, 327, 328, 349
Маннергейм, 52
Манчестер, 64
Марков, 94, 95, 96, 101, 103, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 129, 130
Матвеев, 89, 92, 116, 131, 172, 180, 196, 200, 201
Махендра Пратап, 145, 225, 226, 229, 230, 231, 232
Медведь, 29
Меньшевики, 68, 81, 196
Мерв, 94
Мерц, 113, 114, 126, 181, 182, 184, 186, 187,219
Мешхед, 40, 56, 67, 68, 93, 144, 147, 149, 151, 169, 196, 198, 218, 227, 239, 244, 251, 256, 257, 263, 274, 275, 277, 288, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 301, 307, 317, 318, 326, 327, 328, 331, 332, 341, 346, 349
Мещерский, князь, 34
Милиция, 48, 54, 106, 173, 202
Минтака, перевал, 17, 18, 19, 239
Мир Баба, 214, 215, 228
Мирбадалев, Хайдер Ходжа, 235, 237, 250, 252, 253, 256, 263, 306, 307, 328
Мисгар, 16
Москва, 38, 39, 45, 50, 52, 54, 57, 72, 77, 80, 81, 82, 83, 93, 111, 143, 157, 158, 163, 174, 175, 176, 178, 192, 197, 208, 209, 210, 250, 305, 314, 315, 316, 317, 319, 320, 324, 325, 333, 335, 340, 344, 346, 347, 350
Мохаммад вали Хан, генерал, 169, 224, 334, 341
Мулла Бай, 187, 188, 189
Мургаб, река, 261, 270, 271, 273, 276, 277, 329, 330
Мэйларт, мадмуазель, 46, 47
Нагар, 17
Нанай, 184, 185
Население, 7, 21, 34, 36, 37, 38, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 81, 92, 96, 122, 143, 150, 164, 185, 192, 208, 231, 232, 306, 318, 322, 324, 337, 339, 344, 345, 350
Наурозабад, 284, 286, 289, 292, 331
Национализация, 61, 63, 151, 152, 154, 158, 195, 336, 345, 347, 348
Нейдермеер, 145
Непал, 9
Нефть, 8, 50, 53, 81, 347
Николай Константинович, великий князь, 151, 182, 258
Никольское, 85, 94, 95, 108, 109, 111, 131
Никольское шоссе, 85

Ноев, 35, 44, 83, 84, 85, 87, 91, 132, 161, 162, 163, 171, 178, 179, 189, 196, 197, 219, 233, 234
Норфолк, 9 Нью-Йорк, 9
Обмен заложниками, 68, 197, 247, 339
Образование, 6, 15, 143, 146, 147, 178, 203, 207, 211, 237, 243, 250, 257, 320, 321, 345, 347
Оксус, река, 176, 240, 261, 266, 267, 268, 270, 304, 329, 334, то же, что и Амударья
Оренбург, 45, 220, 319
Осипов, 120, 121, 122, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 137, 140, 156, 160, 175, 186, 187, 227, 345
Осиповский мятеж, 113, 121, 124, 127, 180, 193, 325, 345, См. также Январские события
Ош, 30, 63, 64, 189
Павловы, 137, 141, 175, 180, 196, 198, 199, 200, 219
Пазу, ледник, 17
Памир, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 30, 198, 206, 227, 239, 269, 304, 311
Пасха, 164, 165
Паттар кессар, 227
Пашко, 60, 121
Перовск, 202
Петро-Александровск, 240
Петров, 82, 84, 88, 181, 182, 184, 185, 186, 187, 218, 219, 257, 299 Петроград, 316
Плов, 100, 101, 153, 181, 185, 228
Повозки, 28, 38, 75, 82, 94, 95, 96, 97, 131, 188
Пресса, 57, 68, 71, 81, 169, 170, 180, 191, 202, 209, 210, 321, 333, 334, 348
Продуктовые карточки, 34, 120, 153
Пропаганда, 7, 47, 53, 54, 61, 96, 145, 147, 148, 164, 175, 178, 194, 201, 203, 207, 228, 232, 313, 320, 321, 322, 334, 335, 339, 348
Пскем, 129, 184, 185
Птицы, 7, 20, 21, 22, 25, 63, 152, 168, 169, 266
Ракмилевич, 60, 64
Румыния, 160, 161, 255, 301
Саксаул, 53, 268, 269, 271, 283, 284
Салар, река, 84, 85, 117, 131
Самарканд, 8, 32, 91, 139, 141, 204, 205, 221, 223, 238, 260, 300, 338
Сами Бей, 305
Сантонин, 182
Саракс, 218, 281, 283, 284, 289, 290, 291, 292, 331, 349
Сафи-курган, 30

Семенов, 123, 196, 199, 200, 213, 214, 215, 219
Семиречье, 49, 53, 207, 213, 340, 349
Сескината, 187
Сидоров, 75
Сикким, 9, 232, 299, 306
Систан, 297
Ситара-и-Махи-Хаса, 239, 248
Следственная комиссия, 48, 73, 79, 162, 171, 349, 350, см. также ЧК
Смайлс, мистер, 35, 340
Смитс.а., полковник, 16
Собаки, 9, 10, 104, 105, 129, 163, 171, 254, 269, 273, 274
Солкин, 91, 317
Сринагар, 15, 21, 23, 239
Стефанович, 23, 27, 30, 32, 39, 59, 60, 61, 62, 312
Суритц, 177, 325, 335
Сурки, 22, 185
Сухари, 259, 293
Сызрань, 61
Таджики, 97, 102, 104, 108, 109, 129, 184, 256
Тарбус, 181
Ташкент, 5, 8, 9, 10, 21, 26, 27, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 59, 61, 62, 63, 64, 66, 70, 71, 76, 81, 82, 85, 86, 90, 91, 92, 94, 95, 96, 97, 99, 100, 102, 103, 105, 106, 109, 110, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 120, 122, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 134, 135, 137, 138, 139, 141, 143, 144, 149, 150, 151, 152, 153, 155, 156, 157, 158, 159, 161, 163, 165, 166, 167, 168, 169, 173, 174, 176, 179, 180, 182, 183, 184, 254, 256, 257, 260, 267, 290, 293, 294, 296, 297, 299, 302, 307, 308, 312, 313, 314, 316, 317, 318, 319, 320, 323, 325, 326, 327, 328, 333, 334, 335, 336, 337, 339, 340, 345, 346, 347, 349
Ташкурган, 19, 20, 21
Театры, 31, 33, 63, 170, 202
Терек Даван, перевал, 29
Терек, перевал, 33
Термез, 166
Тибет, 9
Тод, полковник, 199
Толчаков, 124
Торт Даван, перевал, 22
Тредуэлл, 34, 41, 44, 48, 63, 71, 75, 82, 85, 91, 105, 157, 159, 178, 179, 193, 197, 236, 299,
315, 316, 317, 319, 339 Троицкое, 95, 111, 116, 117, 118, 119, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 181, 308, 319, 345

Троцкий, 44, 63, 226
Трэдуэлл, 247
Турангзайский, Хаджи сахиб, 170, 332
Тушканчик, 269
Тысячников, 233, 234, 235, 236, 239, 307
Угам, река, 183, 184, 186
Угрекилидзе, мадам, 34
Уинстон Черчилль, 10, 202, 348
Улары, 17
Улугчат, 29
Фавр, лина, 162
Федермессер, 183
Фергана, 14, 30, 49, 73, 76, 82, 94, 98, 103, 142, 180, 194, 197, 227, 246, 317, 319, 322, 340
Финкельштейн, 227
Финляндия, 38, 52, 180, 313, 325
Флеминг, Питер, 273
фон Гентиг, 45
Фоул, сэр Тренчард, 295, 296
Фрукты, 39, 74, 151, 161, 168, 347
Фрэйзер, капитан, 13
Хаджи Бурхан, 306
Хайдер, 86, 87, 141, 146, 179, 254, 257, 260, 280, 291
Хан Сахиб, И. А., 14, 62, 72, 79, 86, 141, 312
Хирцель, сэр Артур, 159
Хлопок, 28, 29, 38, 39, 45, 46, 47, 57, 153, 312
Хобби (соколиная охота), 266
Ходжикент, 96, 111, 115, 182, 183, 184, 186, 187
Хумли, 274
Хумсан, 172, 183, 184
Хумун, 264
Хунза, 16, 17, 18, 22, 25
Хьюстон, мисс, 35, 80, 90, 91, 132, 137, 142, 144, 159, 161, 162, 171, 172, 178, 179, 180, 186, 189, 216, 219, 257, 260, 300, 301, 320, 340
Цветков, 110, 162, 163
Цветы, 99, 141, 183
Цены, 23, 36, 119, 144, 153, 191, 198, 244, 249, 257, 259, 270, 306, 317, 346, 347
Циммерман, лейтенант, 43, 44, 149, 193
Цирк, 47
Цирюль, 48, 54, 72, 75, 92, 157
Чарвак, 124
Черняево, 32, 70, 220, 221

Чехи, 30, 42, 113, 132, 169, 178, 181, 182, 211, 219
Чехословакия, 290
Чимбалык, 182
Чимган, 182, 187
Чимкент, 99
Чирчик, река, 96, 116, 188
Чичерин, 44
Чичиклик, перевал, 21
ЧК, 9, 48, 157, 158, 160, 162, 194, 196, 197, 204, 211, 217, 219, 220, 223, 225, 227, 231, 254, 294, 308
Чука, Георгий, 132, 137, 138, 139, 178, 301
Шабкадар, 332
Шакбур, сэр Джон, 159
Шашлык, 6, 228, 247, 273
Шварц, 162
Шведы, 42, 43, 58, 122, 124, 158, 159, 319
Шестер, 149
Ширабад, 227 Шоу, мистер, 34
Шпионы, 10, 41, 47, 56, 62, 63, 67, 76, 79, 85, 87, 88, 130, 171, 173, 175, 194, 211, 214, 224, 228, 254, 277, 296, 315, 325, 326, 327, 335, 349, 350
Эдвардс, 34, 72, 73, 79, 81, 92, 113, 114, 115, 142, 181, 182, 207, 308, 340
Экономика, 36, 38, 120, 323, 346, 347
Эмба, 45, 176
Эмир Бухары, 167, 231, 237, 304
Энвер Паша, 226, 305
Этертон, майор, 27, 70, 109, 302, 311
Юр Чилик, 274
Юрта, 6
Юсупов, полковник, 96, 97, 114, 236, 237, 246
Юсупхана, 96, 112, 113, 114, 115, 126, 128, 182, 186, 187, 189, 218, 236, 246, 308
Яковлев, 160, 161, 165, 168, 171, 172, 173, 174, 180, 189
Январские события, 9, 49, 55, 86, 116, 120, 122, 124, 131, 132, 140, 143, 156, 157, 162, 171, 193, 196, 198, 227, 251, 307, 315, 320, 325, 326, 336, 345
Янгибазар, 188
Янги Гиссар, 22, 23
Ясенский, Бруно, 301

Приложение 6
Иллюстрации

Эрик Бейли во время обучения в Школе Веллингтон

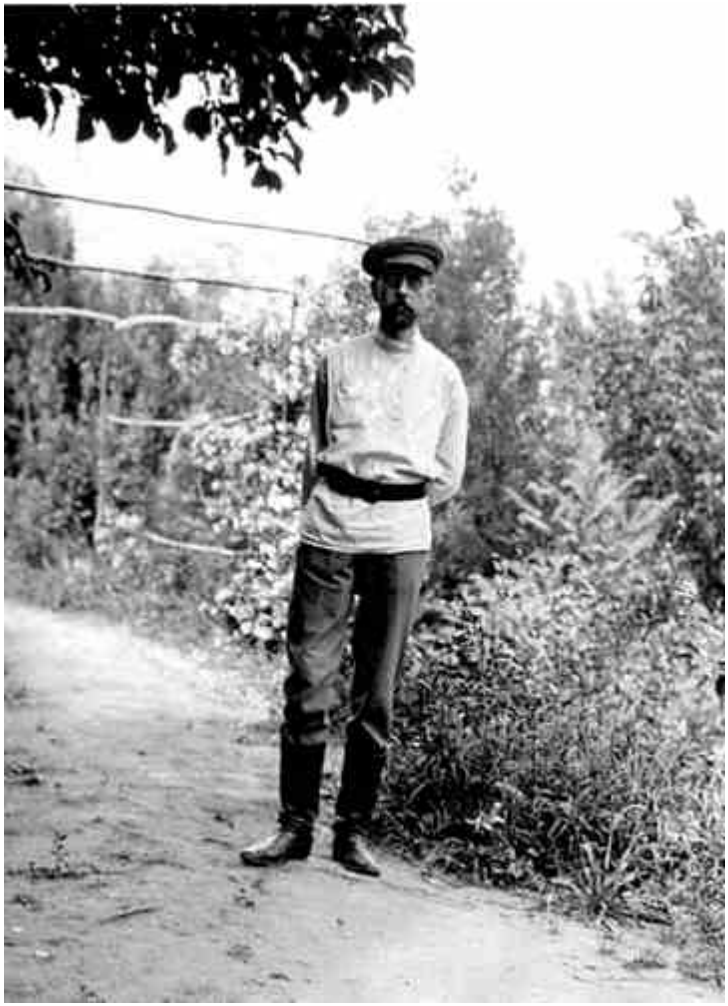
Фредерик Маршман Бейли. 1900 год.

После окончания Сент-Херста перед отправкой в Индию

Ф. М. Бешли. 1914 год

Ф.М. Бешли. 1914 год

Ф.М. Бешли. 1917 год



Ф. М. Бейли в русской одежде. 1918 год. Ташкент

«На следующий день 14 августа мы прибыли в Ташкент в три часа ночи и с вокзала поехали в гостиницу «Регина»».

Ташкент. Вокзал

Ташкент. Киргизские арбы.

«Местная повозка арба представляет собой простую телегу на двух очень больших тяжелых колесах, подходящую для движения по неровной поверхности за городом».

«В Ташкенте было много зеленых насаждении.

Улицы были прямыми с двойными аллеями деревьев — тополей, вязов, чинаров, дубов, тутовника (шелковицы) или акаций. Вдоль улиц бежала в арыках вода, поступавшая в них из ирригационной системы. Струящаяся в тени деревьев вода создавала прохладу и приятное ощущение в жаркий солнечный день, придавая Ташкенту, возможно, только ему присущие черты, отличные от других городов».

Ташкент. Улица Куфманская

«Обычным видом транспорта, однако, был и верблюд, которого можно было увидеть также на улицах Ташкента».

Ташкент. Угол улиц Ирджарской и Кауфманской

Ташкент. Улица Джизакская

Ташкент. Улица в Старом городе.

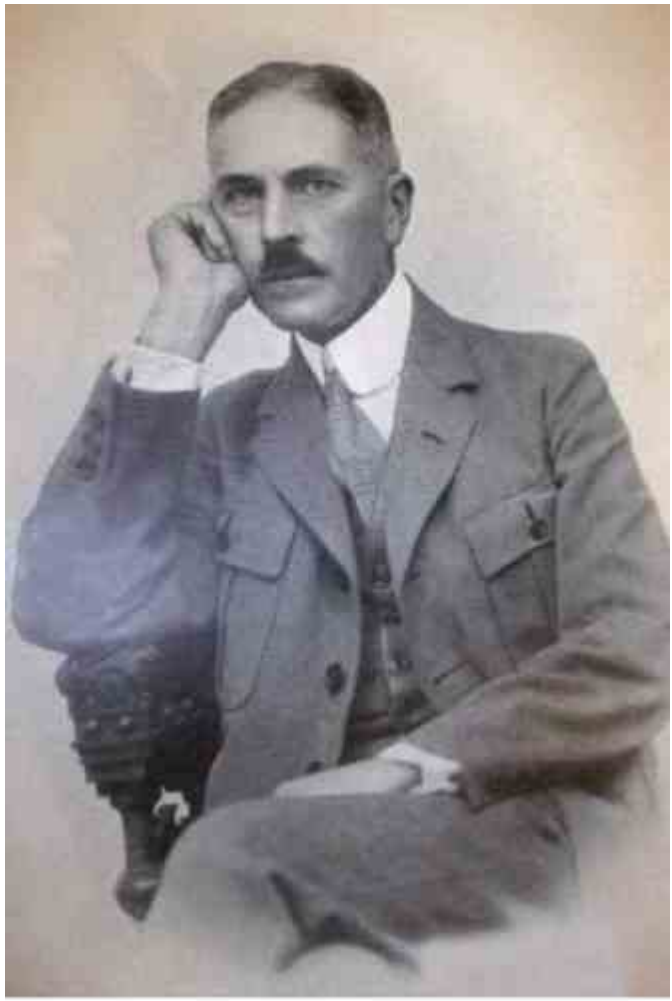
«Столица Русского Туркестана состояла из большого туземного города с населением свыше двухсот тысяч человек и находящегося рядом с ним русского города с населением пятьдесят тысяч человек».

Австрийские офицеры

Австровенгерские военнопленные в Ташкенте.

«Повсюду попадались австрийские военнопленные. Многие продолжали ходить в своей форме с буквами F.

J.I. на своих фуражках».



Альф Брюн

«Капитан А. Г. Брюн из королевской датской артиллерии, будучи в Ташкенте, делал все, что в его силах, чтобы облегчить страдания бедных австрийцев».

«В Туркестане одновременно находилось сто девяносто тысяч военнопленных… Большую часть военнопленных фактически составляли австрийцы, которые были взяты в плен в Приземсле, и другая часть в Галиции в первый период войны; но также было много немцев».

«Ташкентский дворик», 1918 год. Худ. И.С. Казаков

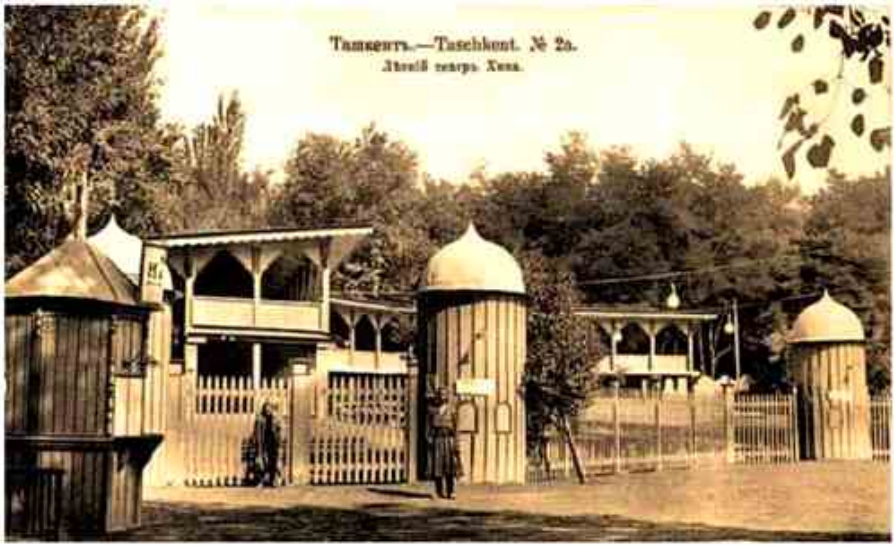
Дом № 1 по ул. Иканской в Ташкенте, в котором находилась резиденция А. Брюна «Капитан Королевской датской Артиллерии Брюн творил чудеса в очень трудных условиях для облегчения невзгод австрийских военнопленных.

Он также был арестован и находился под угрозой смерти. Однажды власти попытались национализировать дом, в котором он жил и над которым был вывешен датский флаг».

«Нас негде было больше держать кроме как в тюрьме, а в тюрьме очень часто происходили несанкционированные расправы с людьми».

Ташкент. Кауфманский проспект, кинотеатр «Хива»

«Жизнь в Туркестане в это время не была неприятной мы жили в отеле «Регина» и питались там в ресторане. В городе было несколько кинотеатров и цирк».



Ташкент. Летний кинотеатр «Хива»

Ташкент. Улица Николаевская, здание филиала Государственного банка.

«Одним из первых поступков Осипова было то, что он направился в банк и изъял все деньги там — около трех или четырех миллионов рублей, значительная часть которых была в золоте».

Воскресенский базар в Ташкенте

Ташкент. Городская управа

«Вот, такая договоренность будьте напротив Министерства Иностранных дел на Вороноцовском на углу, где Городская управа (вы знаете, где поворачивает трамвай). Стойте на углу Романовского и Воронцовского в пять тридцать».

Здание Общественного собрания — «Дом Свободы»

«Он сказал, что знал его хорошо и, выхватив мандат и мой паспорт из руки женщины, сказал «Скажите Чуке, пусть он сам приезжает в Дом Свободы (Штаб правительства) за мандатом и заодно приносит деньги, которые он должен мне».

Туркестанские красноармейцы

«Красноармейцы посетили домик, полностью его ограбили и забрали весь мед».

«Тогда поезд был сцеплен снова и проследовал прямо через Ташкент без остановки к станции Арысь, расположенной к северу от Ташкента. Здесь мужчины были высажены. Семьдесят из них было забрано в Ташкент; двадцать было расстреляно на месте».

«В Ташкенте проживал русский Великий князь Николай Константинович. Он был сослан из Европейской части России за многие годы до этого из-за происшествия, в котором фигурировали царские драгоценности. Он умер незадолго до того, как я попал в Ташкент. Его большой дом, полный красивых картин, мебели и произведений искусства, был национализирован и стал музеем».

Ташкент. Спасо-Преображенскнй военный собор.

«Я пошел вместе с Андреевым в собор. Была огромная толпа народа. Процессия, возглавляемая епископом, шла вокруг собора, неся религиозные эмблемы. Затем они вошли в собор, сопровождаемые разгоряченной толпой. Как только часы пробили полночь, все в церкви поцеловались с рядом стоящими людьми со словами «Христос Воскрес!», говоря в ответ «Воистину Воскрес!».

«Это был мост через реку Салар на границе города».

«На следующий день, 11 июля, я поднялся на гору на высоту приблизительно десять тысяча футов, где я ожидал увидеть долину Коксу и увидеть пасеку, место моего долгого пребывания зимой. Однако я обнаружил, что это был только горный отрог, выступающая в долину Пскема».

«Однажды в июле я увидел вокруг памятника генералу Кауфману строительные леса. Фигуру самого генерала убрали, но оставили двух солдат — горниста и знаменосца. Позже, поняв, что оставшиеся в результате скульптуры представляют собой странный, негармоничный и ужасно скомпонованный памятник, фигуры солдат также убрали с постамента».

Ташкент. Братские могилы в Александровском парке.

«Под звуки очень красивого похоронного марша, мелодия которого была одно время популярным на Западе танго, в большой братской могиле в Парке Федерации (бывшем Александровском парке) хоронили видных большевиков».

Туркмен на лощади

«Нам посоветовали носить туркменскую одежду. Это

не было маскировкой в полном смысле, и мы носили нашу обычную одежду под серым шерстяным туркменским халатом, то есть верхней одеждой, и большую черную туркменскую шапку из овчины».

Туркестан. Форт Перовский. 1873 год. Позднее город Перовск, ныне город Кызыл-Орда (Казахстан)

«Те же, кто вообще нигде не служил и не работал, рассматривались как буржуи и ссылались в Перовск, место в двухстах километрах восточнее Аральского моря, где они должны были заниматься разного рода принудительным трудом».

Бронепоезд № 28. Туркестанский фронт. 1920 год.

«В конце концов, большевики пошли на насильственное свержение власти Эмира. При поддержке самолетов, бронеавтомобилей и бронепоездов город был захвачен вооруженными силами большевиков под командованием товарища Фрунзе в сентябре 1920 года».

Эмир Бухары Саид Алим-хан, 1911 год, фотография С. М. Прокудина-Горского

«Эмир говорил по-французски, так как учился в Пажеском корпусе при царском дворе».

Ташкент. Мечеть «Шейхантаур»

«В январе 1919 года было убито несколько священников и несколько мулл из Шейхантаура, глава мечети в Ташкенте вынужден был бежать в Бухару для безопасности».

Заключенные в бухарской тюрьме. Фотография С. М. Прокудина-Горского

«Бек был очень симпатичным и любезным во всем по отношению к нам, но мы узнали, что было бы весьма неблагоразумно нарушить здесь закон. Среди прочих достопримечательностей города он показал мне местную «тюрьму», где заключенные сидели в ряд с надетой на одну ногу колодкой и с цепью на шее».

Бухара. Площадь Регистан и крепость Арк.

«Куш Беги жил в Арке — крепости, расположенной в центре города.

Над воротами Арка были установлены весьма примечательные часы.

Они были сделаны много лет назад в обмен на жизнь итальянца, попавшего в руки бухарцев».

notes

Примечания

1

Текст этого доклада на русском языке приводится в качестве приложения в данной книге.

2

Джамадар — младший офицер-туземец в англо-индийской армии (Примечание переводчика).

3

Шахзода — принц, наследник престола (Примечание переводчика).

4

Бек — туземный наследный правитель какой-то области ханства в Туркестане (Примечание переводчика).

5

Кули — местные жители-носильщики (Примечание переводчика.)

6

Индийское политическое агентство — институт британской колониальной администрации в Индии (Примечание переводчика.)

7

Каменка — род перелетных певчих птиц из семейства дроздовых, длина ее тела 150–170 мм (Примечание переводчика).

8

Амбан — титул старшего мандарина (чиновника) китайской провинции. Звание амбана было равно чину полковника или генерала, его носили высокопоставленные китайские чиновники (Примечание переводчика).

9

Свыше 4 000 метров.

10

3046 метров.

11

4096 метров.

12

4048 метров.

13

2672 метра.

14

Курд — засушенный творог (Примечание переводчика).

15

3200 метров.

16

16 - 4160 метров.

17

Сипай — наемный солдат британской индийской армии (Примечание переводчика).

F.J.I. — Император Франц Иосиф (Примеч. переводчика).

19

«Типперэри» — широко известная в то время английская солдатская песня-марш на слова Г. Уильямса (Harry J.Williams) и музыку Дж. Джаджа (Jack Judge), написанная в 1912 году и ставшая особенно популярной во время Первой мировой войны; свое название получила по первым словам It's a long way to Tipperary, где Типперэри — город в Ирландии (Примеч. переводчика).

20

Как следует из материалов «Кашгарского отчета», в числе которых находится и 17-страничный секретный рапорт самого Ф.М. Бейли, настоящая фамилия этого человека, адвоката по профессии, Рейсер. Его дом находился в Ташкенте на улице Карла Маркса (Соборной)недалеко от «Белого дома» — бывшего здания резиденции Туркестанского генерал-губернатора (Примечание переводчика).

21

Фактически смычка Турксиба произошла 21 апреля 1930 года (Примечание переводчика).

22

Уайтчепел — бедный район на востоке Лондона. (Примечание переводчика).

23

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР (Примечание переводчика).

24

Автор имеет ввиду вторую мировую войну (1939–1945) (Примеч. переводчика).

25

Лалла Рук — собственное имя (Lalla Rookh), в переводе означающее «Щёчка тюльпана». Индийская принцесса — героиня поэмы «Лалла Рук. Восточный романс» ирландского поэта Томаса Мура (Thomas Moore) (28.05.1779 — 25.02.1852) (Примеч. переводчика).

26

Rebellion! foul, dishonourung word,Whose wrongful blight so oft has stain'dThe holiest cause that tongue or swordOf mortal ever lost or gain'dHow many a spirit, born to bless,Hath sunk beneath that withering name,Whom but a day's, an hour's successHad wafted!

27

Колесов Фёдор Иванович (1891–1940) — советский государственный и партийный деятель. Работал конторщиком на железной дороге в Оренбурге, а с 1916 года — в Ташкенте. С сентября 1917 член Исполкома Ташкентского совета, один из организаторов всеобщей забастовки в Ташкенте в сентябре 1917 года, делегат 2-го Всероссийского съезда Советов в Петрограде в октябре 1917 года, где был избран членом ВЦИК, а также один из организаторов вооруженного восстания против власти представителей временного правительства в Ташкенте в ноябре 1917 года. С ноября 1917 года по ноябрь 1918 года Ф. И. Колесов являлся председателем Совета Народных комиссаров (СНК) Туркестанской АССР, то есть главой Туркестанской республики и членом Туркестанского крайкома ВКПБ (Примечание переводчика).

28

Фильмы «The Prisoner of Zenda» по приключенческому роману английского писателя Энтони Хоупа (Anthony Hope Hawkins), вышедшем в 1894 году, снимались в 1913 и в 1915 годах. (Примечание переводчика).

29

В Ташкенте в это время это учреждение называлось «Главное управление милиции». (Примечание переводчика).

30

Лев Михайлович Карахаи (1889–1937) — революционер, советский дипломат. Родился в семье присяжного поверенного из Кутаисской губернии. Армянин. Окончил реальное училище. В 1910–1915 годах учился на юридическом факультете Петербургского университета, экстерном окончил Томский университет (1916). В 1904 вступил в РСДРП, меньшевик. С марта 1918 года заместитель народного комиссара по иностранным делам РСФСР. С сентября 1923 года по август 1926 года посол в Китае. В 1926–1934 годах заместитель народного комиссара иностранных дел СССР. В 1934 году полпред СССР в Турции. В мае 1937 года был отозван в Москву и арестован. В сентябре 1937 года Военной коллегией Верховного Суда был приговорен к смертной казни и расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1956 году (Примечание переводчика).

31

В настоящее время территория села Никольского входит в административную границу Ташкента. В советское время эта территория называлась «Центр Луначарского», так как село Никольское было переименовано и получило название «поселок Луначарского», а шоссе было переименовано из Никольского шоссе в Луначарское шоссе. В настоящее время это шоссе носит название «Буюк Ипак Июли», в переводе означающее «Великий шелковый путь». (Примечание переводчика).

32

Тридцать девять ступеней (The Thirty-Nine Steps) приключенческий авантюрный роман шотландского писателя Джона Бьюкена (John Buchan), написанный в 1915 году, главный герой которого выдуманный секретный агент — Ричард Ханни (Richard Hannay). (Примечание переводчика).

33

Жозеф-Антуан Кастанье (Иосиф Антонович Кастанье) (1875–1958) — известный российский археолог и историк-востоковед, преподаватель французского языка в России, французский политический историк, специализирующийся по Средней Азии. (Примечание переводчика).

34

Репрессалия — ответные меры против врагов в военное время (Примечание переводчика).

35

Как следует из секретного доклада Бейли, этим человеком былгенерал-лейтенант Лука Лукич Кондратович (1866 —?) — с июля 1914 года командир Ташкентского пехотного училища, позднее один из руководителей Туркестанской военной организации. (Примечание переводчика).

То есть Первой мировой войны. (Примечание переводчика).

37

Линия — старинная русская мера длины, применяемая в оружейном деле. Одна линия соответствовала 2,54 мм. (Примечание переводчика.)

38

Аулие-Ата — город в Казахстане на границе с Киргизией на реке Талас (Тараз). В настоящее время носит название Тараз. Прежде назывался до 1997 года — Жамбыл, до 1993 года — Джамбул, до 1938 года — Мирзоян, до 1936 года — Аулие-Ата. (Примечание переводчика).

39

Курдюк — хвост у особого вида баранов. (Примечание переводчика).

Shan-Hai-Kwan.

41

То есть ниже минус 17° по Цельсию (Примечание переводчика.)

42

Минус 9° по Цельсию (Примечание переводчика.)

43

Константин Павлович Осипов (1896–1919) — военный министрТуркестанской республики, возглавивший антисоветский мятеж в Ташкенте в январе 1919 года. (Примечание переводчика).

44

Главные железнодорожные мастерские в Ташкенте были основаны в 1900 году. В 1918 году были переименованы в Красновосточные, а в 1930 году в Красновосточный паровозовагоноремонтный завод. Сейчас Ташкентский тепловозоремонтный завод. (Примечание переводчика).

45

Георгий Александрович Колузаев (1882–1938) — в 1917 годубыл фельдфебелем 1-го Сибирского стрелкового запасного полка, левым эсером. Был в 1917 году командиром отряда рабочих Ташкентских железнодорожных мастерских, а затем в 1918 году командиром Первого Ташкентского революционного боевого отряда. (Примечаниепереводчика).

46

Среди фамилий комиссаров Туркестанской республики, расстрелянных Осиповым во время антисоветского мятежа в Ташкенте в январе 1919 года (Четырнадцать туркестанских комиссаров), нет фамилии Пашко. Можно предполагать, что под данным псевдонимом автор имеет в виду Доната Перфильевича Фоменко, бывшего в тот момент председателем Туркестанского ЧК. (Примечание переводчика).

47

Апин Иван Андреевич (1877–1938) — с сентября 1919 года по январь 1920 года председатель Центрального Исполнительного Комитета Туркестанской Советской Федеративной республики (Примечание переводчика).

48

Вейнберг Гавриил Давыдович (псевдоним Владимир) — в октябре 1917 член Петроградского ВРК; делегат 2-го съезда Советов, затем на ответственной партийной и профсоюзной работе (Примечание переводчика).

49

Бравин Николай Захарьевич — уполномоченный Наркоминдела РСФСР в Туркестане, первый советский посланник в Кабуле, бывший вице-консул в г. Хое (Персия), единственный царский чиновник — российский дипломат в Персии, признавший советскую власть (Примечание переводчика).

Язык хиндустани объединяет базовую лексику языков хинди и урду (Примечание переводчика).

51

Индийский мятеж (Indian Mutiny), известное в русских источниках как Индийское народное восстание 1857–1858 или Восстание сипаев (Sepoy Mutiny) — восстание индийских войск в 1857–1859 годах, которое привело к передаче правления в Индии от Британской Ост-Индской компания (East India Company) непосредственно к Британской Короне. (Примечание переводчика).

52

Сипаи — наемные солдаты в Индии в XVIII–XX веках, рекрутировавшиеся европейцами, в основном английскими управляющими Британской Ост-Индской компании из среды местного населения. Первоначально этот термин использовался в Британской индийской армии и ранее в армии Британской Ост-Индской компании для рядовых пехотинцев и до сих пор используется в армиях Индии, Пакистана и Бангладеш для обозначения рядового состава. (Примечание переводчика).

53

Константин Петрович Кауфман (Константин Петрович фон Кауфман) (1818–1882) — русский военный деятель, инженер-генерал (1874). С июля 1867 года командующий войсками Туркестанского военного округа и Туркестанский генерал-губернатор. Кроме многократных поражений, нанесенных бухарцам, хивинцам и кокандцам, его деятельность ознаменовалась взятием Самарканда (1868), покорением Хивы (1873) и покорением Кокандского ханства (1875), из которого была образована Ферганская область. (Примечание переводчика).

54

Здесь у автора фактическая ошибка. Ташкент был захвачен 28 июня 1865 года после штурма его русскими войсками, которыми командовал генерал Михаил Григорьевич Черняев. (Примечание переводчика).

55

17 ноября 1910 года в центре перекрещивания Кауфманского и Московского проспектов Ташкента было произведено освящение места и сделана закладка памятника К. П. Кауфману, в присутствии всех высших властей, войск, учащихся и многочисленных жителей города Ташкента. Деньги на памятник собирали по подписке. Было собрано более 80 тыс. рублей. Академия Художеств объявила конкурс на проект памятника «Генералу Кауфману и войскам, покорившим Среднюю Азию». Открытие памятника по проекту И. Г. Шлейфера в центре Сквера на пересечении Московского и Кауфманского проспектов состоялось 4 мая 1913 года. Постамент украшали фигура орла о двух, глядящих в разные стороны, головах на двух шеях и бронзовые доски, надпись на главной из которых гласила «Константину Петровичу фон Кауфману и войскам, покорившим Среднюю Азию». Сквер получил название Кауфманский сквер. (Примечание переводчика).

56

Этот дом в Ташкенте по улице Иканской, 1 принадлежал в тот момент вдове ташкентского адвоката Буковского — Елене Казимировне Буковской. Позднее он был национализирован, и в нем располагался в советское время МИД Узбекистана и Дом дружбы с зарубежными странами. (Примечание переводчика).

57

Курага (англ. Curragh) место в графстве Килдэр (графство на востоке Ирландии), где исторически располагались военные лагеря.

Первые постоянные военные структуры там были размещены правительством Великобритании в 1855 году для подготовки войск для Крымской войны. В настоящее время там находится один из учебных центров Ирландской армии. (Примечание переводчика).

58

Арминий Вамбери или Герман Бамбергер (венг. Armin Vämbery, нем. Hermann Bamberger) (1832–1913) — венгерский востоковед, путешественник, полиглот. В 1861–1863 годах под видом странствующего дервиша (нищенствующего проповедника) совершил путешествие по странам Средней Азии, посетив Хивинское ханство и Бухарское ханство, а затем Герат и Тегеран. Вероятно, он был одним из первых подобных европейских путешественников. В 1864 году он издал книгу о своем путешествии. (Примечание переводчика).

Pas y alter (Фр.) — Не ходи туда. (Примечание переводчика).

60

Закон Роулетта или Билль Роулетта (Rowlatt act или Rowlatt Bill) — закон, принятый британцами в колониальной Индии в марте 1919 года, неопределенно расширявший «чрезвычайные меры», принятые во время Первой мировой войны с целью подавления общественных волнений и борьбы с заговорами. Был подготовлен комиссией Роулетта, названной по имени ее президента, британского судьи сэра Сидни Роулетта. (Примечание переводчика).

61

Моманд — группа афганских и пуштунских племен Афганистана и Пакистана. (Примечание переводчика).

62

Шабкадар (Shabkadar) — ныне город около Пешавара в Северо-Западной приграничной провинции Пакистана. (Примечание переводчика).

63

Оксус — название реки Амударьи в греческих, латинских и средневековых западноевропейских источниках от латинского «Oxus». (Примечание переводчика).

64

Яков Суриц (1882–1952) — советский дипломат, учился в Берлинском университете, с 1903 года член РСДРП — большевик. С 1918 года на дипломатической работе. В 1918–1919 годах глава советской миссии в Дании; в 1919–1921 годах — полпред в Афганистане; в 1922–1923 годах — в Норвегии; в 1923–1934 годах — в Турции; в 1934–1937 годах — в Германии; в 1937–1940 годах — во Франции; в 1945–1947 годах — посол в Бразилии. Он подготовил подписание первого полномасштабного договора с Афганистаном (1921 год). Успешно провел переговоры, завершившиеся советско-турецким договором 1925 году. В 1921–1922 годах-член Туркестанской комиссии (Туркомиссии) ВЦИК и СНК и уполномоченный Наркоминдела по Туркестану и Средней Азии. (Примечание переводчика).

65

Сантонин — лекарство, глистогонное средство. Составная частьи активное начало соцветий цитварной полыни (Artemisia cina). В СССР вырабатывалось на Чимкентском химико-фармацевтическом заводе из местной дикорастущей полыни. В настоящее время это вещество искусственно синтезировано. (Примечание переводчика).

66

Федермессер Наум Яковлевич (1886–1959) — член РСДРП с 1904 года, большевик, участник восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» и «Очаков» в 1905 году. В 1914–1917 служил в армии. В 1917 году был избран председателем солдатского комитета дивизии. После Октябрьской революции — начком дивизии. В 1918 году член горсовета Ташкента и ТуркЦИК. С июля 1918 года член Военнореволюционного штаба. С 15 апреля по 22 ноября 1919 года — военный комиссар Туркестанской Республики и член Реввоенсовета войск Туркестанской советской республики. С 22 ноября 1919-го по 25 марта 1920 года — военный комиссар Туркестанского военного округа, затем начком и военком Отдельной пограничной дивизии. В 1934 году — начальник треста «Памирстрой». В 1937–1946 годах — в заключении как «враг народа». После освобождения — слесарь, ст. механик МТС, мастер по ремонту оборудования. С 1952 слесарь в Таджикском геолошуправлении. В 1954 году реабилитирован и жил как пенсионер в г. Самарканде. (Примечание переводчика).

67

Аксакал — у тюркских народов при первобытнообщинном строе — это глава рода, старейшина; с развитием феодализма — это представитель патриархально-феодальной знати. (Примечание переводчика).

В настоящее время это город Кызыл-Орда в Казахстане (Примечание переводчика).

69

«Уитакер» или «Альманах Уитакера» («Whitaker's Almanack») — ежегодный справочник общей информации, содержащий сведения о зарубежных странах. Издается с 1868 года. Получил свое название по имени своего первого издателя Дж. Уитакера (Joseph Whitaker). (Примечание переводчика.)

70

Свен Андерс Гедйн (швед. Sven Anders Hedin) (1865–1952) — шведский путешественник, географ, журналист, писатель, график, общественный деятель. Гедин, будучи консерватором, связанным с пангерманистским движением, стоял на германофильских позициях в Первую мировую войну. (Примечания переводчика).

71

Официально годом открытия Кабульского университета современного типа считается 1931 год. По-видимому, в данном случае под термином университет подразумевается какое-то медресе в Кабуле. (Примечание переводчика).

В настоящее время это город Алма-Ата (каз. Алматы) до 1921 года — Верный. (Примечание переводчика).

73

Пётр Алексеевич Кобозев (1878–1941) — государственный и партийный деятель. Член РСДРП(б) с 1898. В 1917 году комиссар Оренбургско-ташкенсткой железной дороги. В ноябре 1917 — феврале 1918 годов чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК РСФСР по Средней Азии и Западной Сибири. В марте — апреле 1918-го чрезвычайный комиссар СНК РСФСР в Средней Азии, в мае — июне нарком путей сообщения РСФСР. В июне — сентябре 1918 года член РВС Восточного фронта. В сентябре 1918 — феврале 1919 годов член РВСР. С февраля 1919 года член Особой временной комиссии ЦК РКП(б) и СНК РСФСР по делам Туркестана (Туркомиссия). В июле — сентябре 1919 года член крайкома КП Туркестана и председатель ТуркЦИК. В ноябре 1919 — октябре 1922 член колегии Наркомата РКП РСФСР. С 1923 года на научно-преподавательской работе. Был профессором и ректором Московского Межевого института, где организовал кафедру аэросъемки, в связи с чем институт в 1936 году стал называться Московским институтом инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. (Примечание переводчика).

74

Аристарх Андреевич Казаков (1879–1963) — участник гражданской войны в Туркестане и один из руководителей ТАСР. В январе 1919 года один из руководителей подавления «осиповского» мятежа в Ташкенте — был избран председателем Временного военнореволюционного совета. С марта 1919 года — председатель ТуркЦИК. В апреле — июне 1919 года был одновременно председателем Реввоенсовета Туркестанской республики. (Примечание переводчика).

То есть председатель ТуркЦИК — Туркестанского Центрального исполнительного комитета. (Примечание переводчика).

76

Тамерлан (Тимур, Temürf) (1336–1405) — выдающийся среднеазиатский полководец, всемирно известный завоеватель, основатель империи и династии тимуридов, со столицей в Самарканде. (Примечание переводчика).

77

Мирза (позже Султан) Мухаммед ибн Шахрух ибн Тимур Улугбек Гураган (1394–1449) — правитель державы Тимуридов, сын Шахру-ха, внук Тамерлана. Известен как выдающийся астроном и астролог. (Примечание переводчика).

78

Регистан (буквально — место, покрытое песком) — название главных площадей в городах Среднего Востока. Наиболее известна площадь Регистан в центре Самарканда благодаря расположенному на ней знаменитому архитектурному ансамблю XV–XVII веков, центром которого являются медресе Улугбека (1417–1420), медресе Шердор (1619–1636) и медресе Тилля-Кари (1646–1660). В 2001 году этот ансамбль наряду с другими древними постройками Самарканда был включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. (Примечание переводчика).

79

Медресе — на Востоке это образовательное учреждение, являвшееся аналогом колледжа или университета. Во времена Улугбека, в медресе преподавали богословие, но так же и математику, геометрию, логику, музыку, естественные науки, астрономию (включая астрологию). (Примечание переводчика).

Уже в XIX веке правый передний минарет медресе Улугбека стал наклоняться и находился под угрозой падения. В 1927 году надземная часть цоколя минарета была заключена в железобетонную обойму. Под руководством инженера М. Ф. Мауэра был разработан уникальный проект по выпрямлению. Для этого под центр тяжести минарета была подведена поворотная конструкция, а сам поворот производился при помощи винтового устройства. В 1932 году проект был осуществлен. Минарет был повернут в исходное строго вертикальное положение за 20 минут. (Примечание переводчика).

81

Биби Ханум (что означает «старшая принцесса») (раннее название — Масжиди джами) — архитектурный памятник, построенный в 1399–1404 годах в Самарканде — грандиозная соборная мечеть, богато украшенная изразцами, резным мрамором и росписями, которая была воздвигнута по приказу Тамерлана (Тимура) после его победоносного похода в Индию. Согласно легенде, получила свое название в честь любимой жены Тамерлана. Однако также известно, что Руи Гонсалес де Клавихо — камергер короля Кастилии и Леона Генриха III, возглавлявший посольство ко двору Тимура, в своем дневнике записал, что мечеть построена по приказу самого Тимура в честь матери его старшей жены Сарай Мульк Ханум. Интересно, что архитектурный памятник начал разрушаться уже сразу после окончания строительства еще при жизни Тимура, в том числе тогда же треснул и купол мечети. Значительные разрушения сооружениям архитектурного ансамбля были причинены во время сильного землетрясения 1897 года. В результате к моменту осмотра этого архитектурного ансамбля автором книги от него оставались лишь грандиозные развалины. В 80-х годах XX века были начаты масштабные реставрационные работы, и архитектурный памятник был восстановлен из руин в конце XX века. (Примечание переводчика).

82

Шахизинда (означающее в переводе «Живой царь») — комплекс мавзолеев. По преданию, здесь был похоронен Кусам, сын Аббаса, двоюродного брата пророка Мухаммада. (Примечание переводчика).

83

«Заговор шелкового письма» (Tehrek-e-Reshmi Rumal) (англ. The Silk Letter Conspiracy) — тайный заговор лидеров города Дева-банд (англ Deobandi) в штате Уттар-Прадеш в Индии, ставивший целью поднять панисламское восстание в британской Индии во время Первой мировой войны. Заговорщики искали поддержку со стороны Турецкой Оттоманской империи, Германии и Афганистана. Заговор был раскрыт уголовным розыском Пенджаба после захвата писем от одного из заговорщиков — Убайдаллы Синдха, находящегося тогда в Афганистане, к другому заговорщику — Махмуду аль Хасану, находившемуся в тот момент в Персии. Письма были написаны на шелковой ткани, отсюда пошло и название заговора. (Примечание переводчика).

84

Теобальд фон Бетман-Гольвег (нем. Theobald von Bethmann-Hollweg) (1856–1921) — германский политический деятель, рейхсканцлер Германской империи. (Примечание переводчика).

Далее текст телеграммы был зашифрован

86

Вульф Наумович Финкельштёйн (1885–1919) в 1919 году был з ам. пре д с е дате ля Ташкентского совета. Погиб во время антисоветского «Осиповского мятежа» в январе 1919 года. (Примечание переводчика).

87

Бей — тюркский титул и звание, военное и административное, идущее первоначально от общетюркского титула Бэк — вождь. (Примечание переводчика).

88

Пажеский Его Императорского Величества корпус — самое элитное военно-учебное заведение Императорской России. Как военноучебное заведение существовал с 1802 года. (Примечание переводчика).

89

Так у автора (Примечание переводчика).

Оксус — другое название реки Амударьи, которым пользуетсяавтор. (Примечание переводчика).

91

У автора написано на «правом берегу». Здесь, по-видимому, у автора вкралась неточность, так как следуя логике происходящего, а также географии, они должны были находиться на левом берегу Амударьи и переправляться на правый берег реки. (Примечание переводчика).

92

Бухара Шериф — то есть в переводе означающее «Благородная Бухара», так ее называли местные жители Средней Азии. (Примечание переводчика).

93

Чунцин (англ. Chungking) — город центрального подчинения в центральной части Китая (Примечание переводчика).

94

Шикарпур (англ. Shikarpur) — город в Пакистане, центр одноименного округа в провинции Синд. (Примечание переводчика).

95

В Бухаре проживала большая этническая группа бухарских евреев, которые имели ряд отличий от европейских евреев. По-видимому, в данном случае у автора речь идет именно о бухарских евреях. (Примечание переводчика).

В соответствии с толковыми словарями считается, что каймак — это сливки, снятые с топленого молока. В некоторых регионах Россиипод этим понятием подразумевают обыкновенную сметану, снятую вручную с простокваши через 2–3 дня. В Узбекистане различают сметану и каймак, подразумевая, что каймак — это сметана повышенного качества (вязкости) и вкуса. (Примечание переводчика).

97

Чарльз Стоддарт (англ. Charles Stoddart) (1806–1842), британский дипломат и разведчик, полковник. Стоддарт был командирован в Бухару в 1838 году, чтобы убедить эмира в том, что он может не опасаться британского нападения на него, и попытаться уговорить его освободить русских рабов, чтобы избежать любого повода для атаки на него со стороны Санкт-Петербурга. Стоддарту также было дано право разработать вариант договора о дружбе между Британией и Бухарой. В конце августа 1839 года английский гарнизон в Кабуле получил донесения разведки, что полковник Чарльз Стоддарт был арестован и брошен в тюрьму. Он был казнен в Бухаре в июне 1842 года по приказу эмира Бухары Насруллы Хана за шпионаж в пользу Британской империи. (Примечание переводчика).

98

Артур Конолли (англ. Arthur Conolly) (1807–1842) британский разведчик, путешественник, писатель. Автор термина «Большая Игра». Капитан сикхской бенгальской легкой кавалерии, служивший в Британской Ост-Индской компании. В октябре 1841 года Артур Конолли был захвачен в плен в Бухаре, куда прибыл, чтобы помочь освободиться другому британскому разведчику — полковнику Чарльзу Стоддарту, вместе с которым он и был казнен по приказу эмира Бухары за шпионаж. (Примечание переводчика).

99

Аксельрод Александр Ефремович (1879–1954) — участник революционного движения, член РСДРП с 1901 года. Через Аксельрода в 1904–1905 шла переписка Ленина с Одесским комитетом РСДРП. За активную революционную деятельность в 1907 году Аксельрод был выслан в Вологду, где находился до 1909 года. Он был членом Вологодской группы РСДРП, одним из организаторов и пропагандистов социал-демократического кружка в Вологодских ж. — д. мастерских, позднее работал в Петербурге. В 1917 году во время Октябрьского восстания был одним из организаторов Красной гвардии, обеспечивал охрану Ленина. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомата финансов. В советское время находился на военно-политической, дипломатической, и хозяйственной работе. (Примечание переводчика).

100

Шейхантаур — район Ташкента, находившийся в Старом городе, который получил название по находившемуся здесь мавзолейному комплексу шейха Ховенди ат-Тахура (Шейхантаура), построенному в XIV столетии и являвшимся одним из важнейших архитектурных и религиозных памятников Ташкента. (Примечание переводчика).

101

Александр Николаевич Искандер (1887, Ташкент — 1957, Грасс, Франция) — князь, младший сын от морганатического брака Великого князя Николая Константиновича и Надежды Александровны Дрейер. (Примечание переводчика).

102

Великий князь Николай Константинович Романов (1850, Санкт-Петербург — 1918, Ташкент) — первый ребенок великого князя Константина Николаевича, младшего брата будущего российского императора Александра II, внук Николая I. (Примечание переводчика).

103

Бурдалык — в описываемое время город, расположенный к югу от Бухары недалеко от реки, на правом берегу Амударьи, столица Бурдалыкского бекства Бухарского эмирата, в 127 верстах от Карши и в 145 верстах от Бухары. Ныне поселок в Лебапском велаяте (бывшая Чарджоуская область) Туркменистана. (Примечание переводчика).

Каптаж — водосборная галерея или иное сооружение для перехвата подземных вод и вывода их на поверхность. (Примечание переводчика).

105

Иноходец — лошадь, у которой основным, естественным аллюром, то есть видом ее движения, является иноходь. Иноходцы проявляют меньшую тяговую силу, чем на рыси, поэтому мало пригодны для работы в упряжи с большим грузом и используются для езды в легких экипажах. Иноходцы очень ценятся при езде верхом на большие расстояния, так как иноходь удобна для всадника. (Примечание переводчика).

750 футов составляет 228,6 метра (Примечание переводчика).

107

600 футов = 182,88 метра (Примечание переводчика).

108

Начало латинского выражения De mortuis aut bene aut nihil — О мертвых или хорошо, или ничего. (Примечание переводчика).

5 дюймов = 12,7 см (Примечание перводчика).

135 футов = 41,15 метра (Примечание переводчика).

8 ярдов = 7,32 метра (Примечание переводчика).

4 фута = 1,22 метра (Примечание переводчика).

113

300 ярдов = 274,32 метра (Примечание переводчика).

114

113 - 1000 ярдов = 914,4 метра (Примечание переводчика).

115

114 - Kleinigkeiten (нем.) — мелочи (Примечание переводчика).

116

Стоун — английская мера веса. При измерении веса человека и крупных животных =14 фунтам = 6,35 кг. (Примечание переводчика);

15,88 кг. (Примечание переводчика).

118

Дмитрий Леонидович Хорват (1858—1937) — генерал-лейтенант, инженер-путеец. После Февральской революции 1917 года — Комиссар Временного правительства на КВЖД (1917). С июля по ноябрь 1918 года — Временный Правитель в полосе отчуждения на КВЖД. Передал свои полномочия Временному Сибирскому правительству. Являлся одним из авторитетных лидеров Белого движения на Дальнем Востоке. (Примечание переводчика).

119

Иван Михайлович Майский (настоящие имя и фамилия ЯнЛяховёцкий; 1884–1975) — советский дипломат, историк и публицист, академик АН СССР. В 1932–1943 годах чрезвычайный и полномочный посол СССР в Великобритании. В 1943–1946 годах заместитель наркома иностранных дел СССР, участвовал в Ялтинской конференции. В феврале 1953 года был арестован и обвинен по ст. 58 УК РСФСР. Был освобожден в 1955 году и восстановлен в партии, в 1960 году реабилитирован. (Примечание переводчика).

120

Бруно Ясёнский (польск. Bruno Jasienski, наст, имя и фамилия Виктор Яковлевич Зйсман, польск. Wiktor Zysman), (1901–1938) — польский и русский советский писатель, поэт, драматург. Писал на русском, польском и французском языках. В 1925 году эмигрировал во Францию, жил в Париже, откуда был выслан за свои публикации и коммунистическую пропаганду. Был членом Французской коммунистической партии. В 1929 году переехал жить в СССР. Член правления Союза писателей СССР (с 1934 года). Жил в Москве. Летом 1937 года был исключен из Союза писателей «за контрреволюционную деятельность». Расстрелян в 1938 году. Реабилитирован посмертно в 1956 году. Дата и причины его смерти в 1950-1980-е годы фальсифицировалась (утверждалось, что он якобы умер в ссылке в 1941 году). (Примечание переводчика).

121

Младобухарцы — участники буржуазно-демократического национального движения, возникшего на территории Бухарского ханства в начале XX века на базе движения джадидов. Позднее организация Младобухарцев распалась в январе 1920 часть Младобухарцев организовала в Ташкенте «Туркестанское центральное бюро младобухарцев-революционеров» во главе с Ф. Ходжаевым. Программа левых Младобухарцев предусматривала свержение власти эмира и установление советской республики в Бухаре. Впоследствии представители левого крыла Младобухарцев влились в коммунистическую партию и вошли в состав правительства Бухарской Народной Советской Республики. Другая часть младобухарцев выступила против советской власти и примкнула к басмаческому движению. (Примечание переводчика).

122

Так называемый «Колесовский поход». (Примечание переводчика).

123

По воспоминаниям русского чиновника С. В. Чиркина, прослужившего двадцать лет в Туркестане, партия Младобухарцев не была многочисленной и вряд ли насчитывала более 200 человек, в среде которых было немало сомнительных элементов — людей без определенных занятий, искавших легких способов существования под покровом политической работы. По воспоминаниям же одного из лидеров движения Файзуллы Ходжаева, напротив, ряды сторонников Младобухарцев было многочисленными и включали в себя широкие слои бухарского общества, недовольные произволом эмира. (Примечание переводчика).

124

Город Душанбе назывался Сталинабадом в период с 1929 по 1961 год. (Примечание переводчика).

125

Taghdumbash Pamir

126

Роста — Российское телеграфное агентство (РОСТА) — центральный информационный орган советского государства (РСФСР, с 1924 СССР) в 1918–1925 годах. (Примечание переводчика).